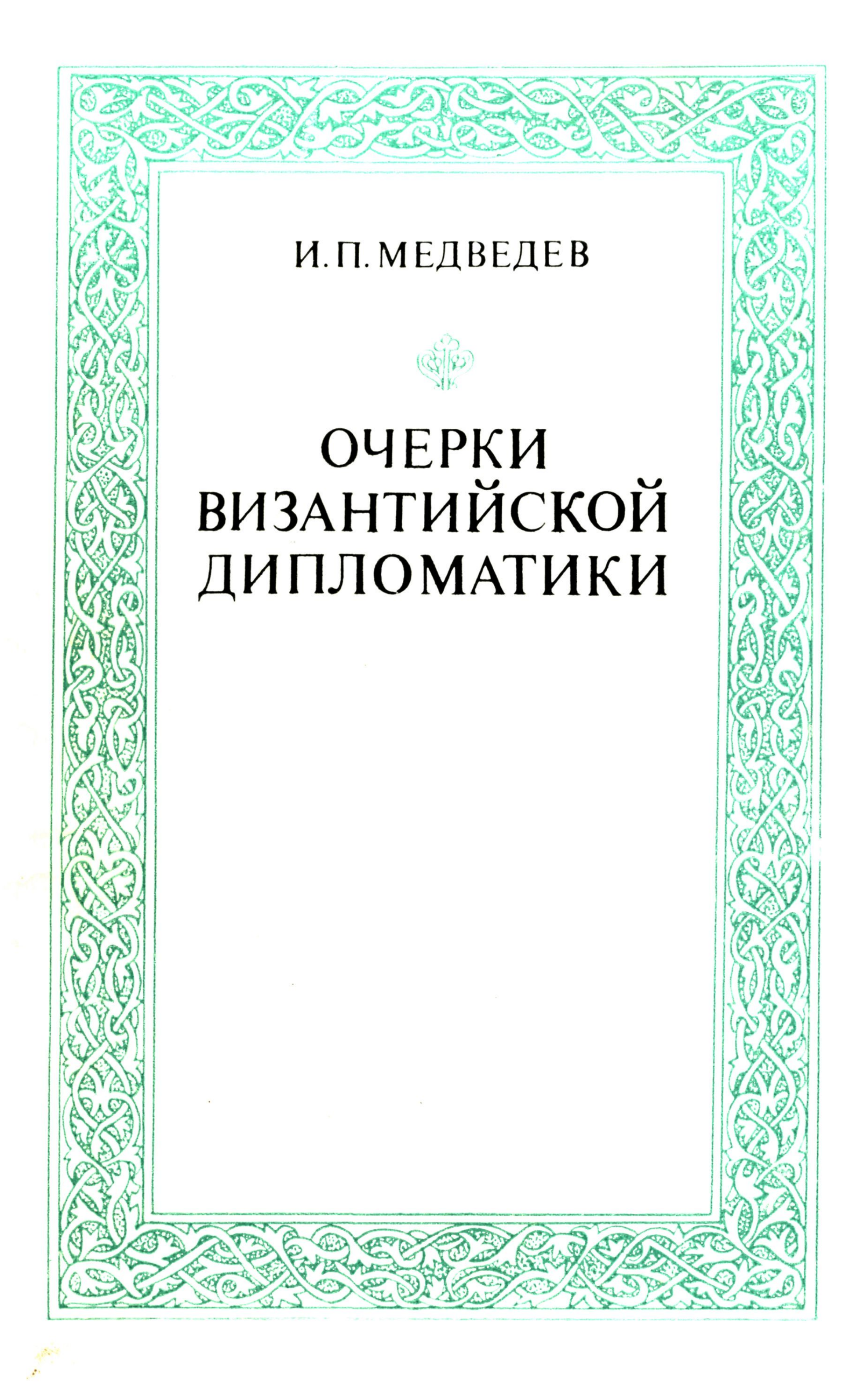

И. П. МЕДВЕДЕВ

ОЧЕРКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

И. П. МЕДВЕДЕВ

ОЧЕРКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

(ЧАСТНОПРАВОВОЙ АКТ)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Книга представляет собой комплексное исследование проблем частноправового византийского акта как с точки зрения дипломатики, так и с точки зрения социально-экономической истории и истории византийского права. На основе сплошного обследования документального наследия Византии X—XV вв. дана характеристика внешних и внутренних признаков частных греческих актов, их дипломатического состава, проанализирована система византийского нотариата, показано функционирование частноправового акта в судебном процессе. Значительное внимание уделено вопросу о сравнительной доказательственной силе документов, а также практике проведения судами процедуры проверки подлинности письменных актов.

Книга рассчитана на историков и специалистов по истории права.

Ответственный редактор

чл.-кор. АН СССР *В. И. РУТЕНБУРГ*

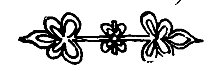
Рецензенты

Л. И. Ивина, Е. Э. Липшиц

М $\frac{0503000000\text{-}763}{042(02)\text{-}88}$ 22-88-*II*

ISBN 5-02-027225-6

ВВЕДЕНИЕ

«Нотариальные акты, составлявшиеся не для истории, но для нужд повседневной жизни, именно по этой причине являются бесспорными свидетельствами подлинной истории, свидетельствами холодными в холодных руках, но трепещущими жизнью в руках опытного специалиста».[1] В этих словах видного итальянского ученого П. Торелли, одного из «отцов» западноевропейской дипломатики, заключено, пожалуй, все то главное, что можно было бы сказать о предмете предлагаемой читателю книги: научная актуальность разработки этого наиболее массового и, я бы сказал, наиболее «демократического» вида исторических источников — средневековых, в данном случае византийских, частноправовых документов; обоснование все возрастающей роли дипломатики как специальной исторической дисциплины, нашедшей, в частности, свое наглядное выражение в активной деятельности Международной комиссии по дипломатике и международных конгрессов дипломатистов;[2] наконец, особая ответственность ученого, обращающегося к изучению, казалось бы, столь легких, а на поверку столь трудных для интерпретации частноправовых актов. Ибо кто может поручиться, что как раз его руки не окажутся «холодными», тем более если в деле изучения византийского частноправового акта, например у автора настоящей работы, не так уж много предшественников, особенно в отечественной историографии. В какой-то степени выручает знакомство с теми приемами исследования, которые сложились в западноевропейской дипломатике при изучении латино-германских документов и в отечественной дипломатике при изучении древнерусского актового материала, ибо, как высказывался по аналогичному поводу Феррари, «различие в языке актов не обязательно предполагает различие в их структуре, так как язык — это только одежда, внешняя форма документа; могут существовать акты, писанные на разных языках,

---

[1] Цит. по: RHDFE. 1976. № 4. P. 602.

[2] См.: *Каштанов С. М.* 1) IV Международный конгресс по дипломатике // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 332—340; 2) Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 26—51; 3) Современные принципы издания латинских грамот // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 37—48; АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 75—87; АЕ за 1985 год. М., 1987. С. 52—67.

а составленные по одному и тому же формуляру и идентичные по существу».[3]

В данном случае есть различие и в структуре, но важно другое: речь идет об однотипных исторических источниках, об источниках одной природы, о письменном частноправовом акте как порождении социальных отношений данного общества и как посреднике этих социальных отношений. Именно поэтому столь ценна помощь, оказанная автору настоящего исследования коллегами, специалистами по изучению западноевропейского латинского и древнерусского частного акта.[4] Но прежде чем непосредственно сформулировать задачи работы, представляется нелишним дать хотя бы суммарное представление о том, как выглядит византийская дипломатика в свете новейших исследований.

Византийская дипломатика, понимаемая как актовое источниковедение, — это еще сравнительно молодая отрасль исторического знания, значительно уступающая уровню развития западноевропейского актового источниковедения в целом. Действительно, если последнее располагает издавна сложившимися прочными традициями, если в его активе значатся такие классические работы, как труды Т. Зиккеля, Ю. Фиккера, А. Жири, А. де Боюара, Г. Бресслау, Н. Штейнакера и др., то все, что было выработано в этом отношении византийским актовым источниковедением, носило до самого последнего времени характер подготовительных работ, частных публикаций и исследований. Так, если просмотреть первый историографический обзор литературы, относимой его автором к области дипломатики,[5] то окажется, что он посвящен главным образом публикациям актового материала, работам по хронологии, администрации, просопографии, географии, ономастике, топонимике, нумизматике, метрологии, сигиллографии и лишь в незначительной степени работам, которые можно отнести к собственно дипломатике. При этом Ж. Руйяр опустила работы русских ученых П. А. Яковенко о грамотах Нового монастыря на о. Хиосе, вторая глава которой «Главнейшие дипломатические признаки византийских императорских грамот XI—XV веков»[6] является по существу первым аналитическим исследованием дипломатического состава византийских актов (его типология и классификация императорских актов, выделение из всей их массы

[3] *Ferrari G.* I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia Meridionale. Leipzig, 1910. P. 1.

[4] Рукопись книги по частям и в целом неоднократно была предметом обсуждений на заседаниях Отдела всеобщей истории ЛОИИ СССР АН СССР. Автор работы выражает признательность всем, принявшим участие в этих обсуждениях и высказавшим свои замечания. Мы не можем также не отметить помощь зарубежных коллег, способствовавших нашей работе своими советами и щедрой присылкой ценных изданий. Это прежде всего Поль Лемерль, Дениз Папахрисанфу, Жильбер Дагрон и Жак Лефор (Париж), Спирос Троянос и Хриса Мальтезу (Афины), Марио Амелотти и Вера фон Фалькенхаузен (Рим), Дитер Зимон (Франкфурт) и др. Всем им автор приносит свою искреннюю благодарность.

[5] *Rouillard G.* La diplomatique byzantine depuis 1905 // Byz. 1938. T. 13. P. 605—629.

[6] *Яковенко П. А.* Исследования в области византийских грамот: Грамоты Нового монастыря на острове Хиосе. Юрьев, 1917. С. 63—118.

двух основных типов — простагм и хрисовулов — явились несомненным достижением византийской дипломатики как науки), и Г. В. Вернадского, впервые обратившегося к изучению византийского частноправового акта.[7]

В последующие (после появившегося в 1938 г. обзора Руийяр) годы исследования в области византийской дипломатики сохраняют свой вспомогательно-подготовительный характер, хотя и на новой, более высокой ступени.[8] Это отразилось прежде всего на самой публикации дипломатических источников — актов. Если публикации авторов XIX в., в частности хорошо известное специалистам многотомное издание церковных и светских дипломов Миклошичем и Мюллером (1860—1890 гг.) или издание актов русского монастыря на Афоне Терновским (1873 г.), были лишены элементарного дипломатического анализа (в них не делалось даже различия между подлинными документами и подложными) и если в изданиях афонских актов серии «Actes de l'Athos», печатавшихся в «Приложениях» к Византийскому временнику с 1903 г., эти задачи решались только в той мере, в какой это было нужно для установления подлинности акта, то начиная с 30-х гг. требования к публикациям необычайно возросли. Современное критическое издание— Editio diplomatica — предполагает всесторонний анализ издаваемых документов, включающий в себя не только выяснение подлинности источников, но и изучение всего комплекса их информационных свойств и дипломатических признаков, а также адекватное воспроизведение текста документов, сопровождаемое их фотографическим воспроизведением (нередко с применением самых совершенных технических средств, позволяющих выявить угасшие или стершиеся тексты). Именно такими являются издания афонских актов в рамках французской серии «Archives de l'Athos» и некоторые самостоятельные публикации (например, актов монастыря св. Иоанна Богослова на Патмосе), авторам которых нередко удается решить задачи, имеющие принципиальное значение для изучения византийской дипломатики. Совершенствуется техника издания документов, проводится большая работа по выявлению и оценке всего сохранившегося актового материала, прежде всего богатейших архивов монастырей Афона, Патмоса, Южной Италии. Научным подвигом я назвал бы деятельность рабочей группы, созданной при Коллеж де Франс Полем Лемерлем для издания афонских актов: уже увидели свет все четыре тома актов Лавры св. Афанасия, изданные П. Лемерлем, А. Гийу, Н. Зороносом, Д. Папахрисанфу; акты монастырей Кутлумушского (П. Лемерль), Ксиропотамского (Ж. Бонпер), Дионисиевского (Н. Икономидис), Эсфигменского (Ж. Лефор), протата (Д. Папахрисанфу), Кастамонитского (Н. Икономидис), Дохиарского (Н. Икономидис), св. Пантелеймона (П. Лемерль, Ж. Дагрон), Ксенофонтова (В. Ло-

[7] *Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII века // Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925. С. 35—44.

[8] *Karayannopulos I. K.* Διπλωματική// Byzantina, 1972, τόμ. 4, σελ. 177—191; *Медведев И. П.* Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований // ВИД. 1970. 3. С. 360—370.

ран, Д. Папахрисанфу), первый том актов Ивирского монастыря (Ж. Лефор, Н. Икономидис, Д. Папахрисанфу, Е. Метревели); готовятся к изданию акты монастырей св. Павла (Ж. Бонпер), Зографского (Ж. Дагрон), Пандократора (В. Лоран), последующих томов Ивирского (те же авторы).

Значительный интерес для дипломатики представляют методы дипломатического и текстологического анализа, применяющиеся исследователями для датировки или атрибуции дошедших во фрагментах или недатированных документов, особенно когда авторы не ограничиваются решением частных задач и переходят к обобщениям. Например, Г. Острогорский, подробно анализируя императорскую простагму из архива Лавры, делает экскурс в область византийской дипломатики, придя к ряду выводов, имеющих принципиальное значение.[9] Он показал, что издание простагм было исключительной прерогативой императора и никогда (вопреки мнению Анастасиевича и Дэльгера) — деспотов. Присоединяясь к развитой Яковенко двухчастной классификации всей совокупности документов, исходящих из императорской канцелярии, Острогорский показал эволюцию этих двух основных типов византийских императорских актов — простагм и хрисовулов: постепенное исчезновение многочисленных видов документов, принадлежащих к группе простагм, промежуточных видов документов между группой простагм и группой хрисовулов, конституирование и стандартизацию дипломатического состава этих актов и стабилизацию терминологии. Он подчеркнул роль XIII в. как «переходной эпохи» в истории византийской дипломатики, после которой было завершено становление основных типов императорских документов.[10]

Изучение преамбул византийских императорских документов привело австрийского ученого Хунгера к весьма интересным выводам.[11] Эти риторические введения своей главной функцией имели функцию пропаганды основ императорской власти, служили для связи публичноправового акта с господствующими идеями имперского правительства и носили, таким образом, ярко выраженный политический и социальный характер. По своей композиции все преамбулы делятся на двух- и трехчастные. Двухчастные состоят или из философского размышления, основанного на цитате из Библии и приспособленного к данному конкретному случаю, по поводу которого издается документ, или из длинной цитаты из Ветхого завета, которой затем противопоставляется соответствующее место из Нового завета, или, наконец, из общего рассуждения о боге и об императорской власти. Трехчастные преамбулы, встречающиеся реже, делятся на две группы. В первой указывается дело, по поводу которого выдается документ, подчеркивается польза, получаемая дестинатором;

---

[9] *Ostrogorsky G.* Autour d'un prostagma de Jean VIII Paléologue // ЗРВИ, 1967. 10. P. 63—87.

[10] Ibid. P. 68—69, 72.

[11] *Hunger H.* Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964; *Browning R.* Notes on Byzantine Prooimia. Wien, 1966.

приводятся относящиеся к этому делу определения. Преамбулы второй группы содержат рассуждение об императорской власти, изложение дела и постановление императора.[12]

Среди не столь уж обильной литературы, посвященной изучению византийских документов с точки зрения собственно дипломатики, главное место занимают труды Ф. Дэльгера, сделавшие эпоху в византийской дипломатике. Его «Регесты» — это критический, аналитический и библиографический каталог всех дошедших до нас изданных, неизданных, а также не дошедших до нас, но упомянутых в нарративных и дипломатических источниках актов императорской канцелярии — дают ясную картину того, чем могут располагать исследователи при изучении византийского публичноправового акта.[13] Правда, работы Дэльгера нельзя назвать «дипломатическими» в собственном смысле слова. Особенностью их являются всестороннее освоение и издание (если он не издан или издан плохо) нового документального материала. При этом среди всего комплекса операций, предназначенных для подготовки источника к использованию в исследовательских целях, знаменитое дэльгеровское Diplomatisches имеет как бы вспомогательно-прикладное значение, а на самом деле содержит важные указания относительно фундаментальных принципов византийской дипломатики. Особенно это относится к изданию афонских актов и публикации факсимильных репродукций императорских дипломов, снабженных богатейшим дипломатическим комментарием.[14] В многочисленных статьях Дэльгера, часть которых была впоследствии собрана в одной книге под весьма условным названием (это признает сам автор в «Предисловии») «Византийская дипломатика»,[15] рассеяно множество ценных сведений о дипломатике публичноправовых документов императорской и деспотских канцелярий, о юридической сущности некоторых разновидностей частных документов, о подлогах документов, о системе знаков, сохранявшихся византийской канцелярией в тайне с целью гарантировать подлинность акта и т. д.

На основе огромного подготовительного материала Дэльгер совместно с Караяннопулосом создали первый обобщающий труд о византийской дипломатике, первую часть которого авторы посвятили

---

[12] *Hunger H.* Prooimion. S. 191, 203, 188—189.

[13] *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München; Berlin, 1924—1965. 5 Teile. Существенные дополнения и исправления см.: *Ferjančić B.* Notes sur la diplomatique byzantine (à propos du cinquième tome des Régestes des diplômes impériaux) // ЗРВИ. 1967. 10. P. 251—296.

[14] *Dölger F.* 1) Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München, 1931; 2) Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948.

[15] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956. Из статей Дэльгера, написанных позднее, отметим следующие: *Dölger F.* 1) Ein Echtheitsmerkmal des byzantinischen Chrysobulls // AAASH. 1962. 10. S. 99—105; 2) Geheimnisse der byzantinischen Kaiserkanzlei // BNJ. 1966. 19. S. 56—61; 3) Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963. 1. P. 83—103.

документам, исходящим из императорской канцелярии.[16] В этой работе в систематизированном виде представлены наши знания о византийской дипломатике (по крайней мере о дипломатике императорских документов) и высказаны теоретические и методологические взгляды авторов на дипломатику как науку. К чему они сводятся? Для авторов работы дипломатика — это вспомогательная историческая дисциплина, *имеющая своей целью критическое* изучение документов по их происхождению и характерным особенностям для установления их подлинности и создания тех предпосылок, которые допускают их использование в качестве средства доказательства.[17] Это определение заимствовано у Редлиха, на которого авторы и ссылаются.[18] Соответственно предметом дипломатики считаются «документы любого рода»: 1) акты в собственном смысле слова, т. е. письменные документы в канцелярской форме с содержанием юридического характера; 2) письма, т. е. письменные уведомления в более или менее определенной форме, не обязательно юридического характера; 3) поручения, указы, полномочия и другие письменные выражения, занимающие промежуточное место между документами в узком смысле и письмами; 4) наконец, все, что служит для издания и обращения документов, т. е. протоколы, соответствующие служебные заметки и т. д.[19]

Таким образом, предмет дипломатики понимается авторами расширительно, впрочем, в точном соответствии с традиционными представлениями западноевропейской историографии. Этот расширительный подход к проблемам дипломатики особенно наглядно обнаруживается из структуры книги Дэльгера и Караяннопулоса, в которой наряду с формулярным анализом различных видов и типов императорских документов исследуются чисто документоведческие вопросы, т. е. постановка делопроизводства в императорской канцелярии, технические и формальные характеристики документов (материал, на котором писались документы, чернила, шрифты, различные служебные пометы, скрепление печатью для удостоверения подлинности документов), состав лиц, ведавших выдачей и оформлением документов, и, наконец, история императорской канцелярии как таковой.

Большое внимание в книге Дэльгера и Караяннопулоса уделено изучению и классификации копий византийских документов. Это оправдано не только тем фактом, что византийские императорские документы дошли до нас по большей части в копиях, но и важной ролью копии в жизни византийцев. Они изготовлялись не только для того, чтобы получатель оригинала мог показывать копию вместо

---

[16] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden. München, 1968. (Работа переведена на греческий язык: *Karayannopulos J. E.* Βυζαντινὴ διπλωματική. Α.: Αὐτοκρατορικὰ ἔγγραφα. Θεσσαλονίκη, 1972).

[17] Ibid. S. 23.

[18] Ср.: *Redlich O.* Allgemeine Einleitung zur Urkundenlehre. München; Berlin, 1907. S. 18.

[19] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 23.

оригинала, скажем, сборщикам налогов, если шла речь о пожаловании налоговых льгот, но и как средство доказательства в случае судебного разбирательства. В ранневизантийское время копии публичных документов согласно закону не могли быть представлены в суд, требовался только оригинал, но с течением времени копии стали признаваться в качестве имеющего законную силу средства доказательства.[20]

Большое внимание, которое Дэльгер и Караяннопулос уделили такой специфической группе византийских документов, как подделки, объясняется их пониманием дипломатики как науки, важнейшей задачей которой являются установление подлинности документов, отличение подлинных актов от подложных. Авторы подчеркивают, что дипломатическая критика не может ограничиваться констатацией факта, подлинный документ или подложный, а должна установить, был ли использован для подделки подлинный оригинал, и если да, то какие из его частей были заимствованы подделывателем.

Центральной темой работы Дэльгера и Караяннопулоса являются, естественно, типология документов, вышедших из императорской канцелярии, и исследование их дипломатического состава. Обращаясь непосредственно к изучению императорских документов, авторы указывают, что корни их следует искать в римских и эллинистических образцах, подчеркивая при этом, что именно римские императорские документы, прежде всего decreta и edicta, были их «непосредственными предшественниками».[21]

Византийские императорские документы подразделяются на следующие типы:

I. Документы законодательного характера — leges или constitutiones (generales), направляемые в сенат, и ediktes — послания к народу, наряду с которыми существовал «закон» (νόμος), «новелла» (νεαρά), реже sacra, причем если до XI в. общие законы имели форму эдикта, то с XI в. они начинают принимать форму специальных законов (leges speciales), издаваясь как χρυσόβουλλοι λόγοι или προστάγματα.[22]

II. Документы по конкретным правовым случаям, возникшие в связи с запросами представителей власти, групп лиц или даже отдельных лиц. Это решения императора в форме epistula (ἐπιστολή, σάκρα) или subscriptio (λύσις, σημείωσις), причем λύσις первоначально была ответом императора на ὑπόμνησις или ὑπομνηστικόν, т. е. запрос чиновника по вопросам администрации и фиска, а σημείωμα — ответом императора на вопросы, касавшиеся гражданскоправовых и церковноправовых дел, но со временем эти оба типа документов стали применяться для пожалования льгот и тем самым утратили право на существование, будучи заменены простагмами, сигиллиями и даже хрисовулами логосами.[23]

[20] Ibid. S. 129—130.
[21] Ibid. S. 24.
[22] Ibid. S. 24, 71—76.
[23] Ibid. S. 24, 80—83.

III. Внешнеполитические акты — договоры, письма к иностранным государям, верительные грамоты послам. Интересно отметить, что договоры, оригиналы которых дошли только с XII в., рассматривались византийцами в соответствии с их политической доктриной как привилегия, как акт милости, оказываемой императором иноземному правителю, и в силу этого имели форму жалованной грамоты — χρυσόβουλλος λόγος, иногда — χρυσόβουλλον σιγίλλιον. Этапом в развитии договорных документов был Нимфейский договор Византии и Генуи (1261 г.), когда договорные акты утрачивают форму жалованной грамоты и называются уже не χρυσόβουλλοι λόγοι, a privilegium sacramentatum, κεφαλαί, tractata, χρυσόβουλλον ὁρκωμοτικόν, treva и т. д.[24]

IV. Документы административного характера, указы императора о пожаловании звания, о назначении на должность. К ним относятся πρόσταγμα и ὁρισμός, заменившие исчезнувшие в конце XII в. λύσις и σημείωσις, а также σιγίλλιον, σάκρα, ὑποτύπωσις, probatoria, codicilli.[25]

V. Жалованные грамоты, которые с конца IX или начала X в. приобретают черты документов особо торжественной формы, снабжавшиеся золотой печатью и называвшиеся поэтому хрисовулами. Хрисовулы по значению пожалованных льгот делились на 3 группы: χρυσόβουλλος λόγος (самая высокая степень пожалования), χρυσόβουλλον σιγίλλιον и χρυσόβουλλος ὁρισμός.[26]

Такая тщательная фиксация каждого вида документов имеет наряду со своими достоинствами и существенные недостатки. В этом разнообразии как бы растворилась четкая двураздельная классификация Яковенко, которую в своих более ранних работах обосновывал и Дэльгер,[27] т. е. выделение из всех императорских документов двух основных типов — простагм и хрисовулов.

В членении формуляра византийских императорских документов на части Дэльгер и Караяннопулос пользуются схемой Зиккеля, различая в каждом документе «собственно документ», т. е. текст, и вводяще-заключающие формулы, т. е. протокол, который в свою очередь делится на собственно протокол и эсхатокол. Протокол включает в себя: 1) invocatio, которая могла быть символической, т. е. знаком креста или христограммой, или буквальной, т. е. призыванием св. Троицы; в некоторых типах документов, например во внешнеполитических актах, invocatio часто вообще опускалась,

---

[24] Ibid. S. 24, 89, 95, 99—100.

[25] Ibid. S. 24, 109.

[26] Ibid. S. 25, 117.

[27] См., например: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 39—43. Что касается χρυσόβουλλον σιγίλλιον, то Дэльгер рассматривал его как промежуточный тип (Zwischenform) между χρυσόβουλλος λόγος и простагмой. (Ibid. S. 44). Правда, позднее в своей работе «Aus den Schatzkammern des heiligen Berges» он ввел трехраздельную классификацию, выделив в особую группу χρυσόβουλλον σιγίλλιον (S. 19 ff.), но в докладе на XII Международном конгрессе в Охриде, как отмечает Острогорский, снова вернулся к двураздельной классификации. См.: *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. S. 83—103. Ср.: *Ostrogorsky G.* Autour d'un prostagma. . . P. 69, n. 27.

как, впрочем, и весь протокол; 2) intitulatio — обозначение лица, от которого исходит документ, т. е. в данном случае императора с присовокуплением титула αὐτοκράτωρ и эпитета πιστὸς ὀρθόδοξος; 3) inscriptio — обозначение адресата, например наименование получателя, которому вменялось в обязанность проведение закона (ставилось в дательном падеже). В хрисовулах логосах inscriptio адресовалась не отдельным лицам, хотя высказанная в документе воля императора относилась к определенному лицу, а вообще ко всем и выражалась постоянной формулой (Pertinentia), составленной из греческих и латинских букв: +Pāsin oĩs tò parȯn ἡmω̃n eὐsebès epideíknυtai sigillion+.

В «тексте» императорских документов различаются: 1) προοίμιον (arenga) — риторическое введение ко всему тексту, при характеристике которого Дэльгер и Караяннопулос пользуются данными работы Хунгера; 2) narratio — изложение существа дела; Яковенко отмечал упоминание в этой части просьбы (δέησις) получателя или третьего лица, по которой хрисовул обычно и жаловался и которую он сравнивал с petitio западноевропейских актов, хотя и не склонен был выделять ее в особую часть документа из-за ее тесной грамматической и логической связи со всем изложением;[28] 3) dispositio — распоряжение, самая существенная часть документа, в которой выражается воля императора и удовлетворяется просьба получателя. Если речь идет о хрисовуле логосе, которым жалуются налоговые льготы, то все виды налогов, от которых освобождался получатель, приводятся в dispositio и указываются все чиновники фиска и администрации, которым запрещается вход во владения получателя. В dispositio повторяются все существенные пункты narratio, начиная с XIV в. добавляется еще третье повторение, которым получателю документа гарантируется, что он и в будущем будет пользоваться пожалованными привилегиями без всякой опасности. Dispositio чаще всего вводится предложением διὸ (ὅθεν) διορίζεται ἡ βασιλεία μου (например, в простагмах), а заканчивается предостережением (sanctio), которое иногда усиливается угрозой покарать штрафом (со стороны божества — sanctio spiritualis или императора — sanctio temporalis) каждого, кто осмелится нарушить предписания документа.[29] Предостережением заключается текст и вводится эсхатокол, содержащий datum и subscriptio — важные конститутивные элементы византийских документов, исходящих из императорской канцелярии. Дата и подпись писались киноварью рукою самого императора и означали окончательное удостоверение документа. Именно различие в способе датировки, как это подчеркнул еще Яковенко, было основным критерием принадлежности императорских документов к тому или иному типу. Главным отличительным признаком всех императорских грамот упрощенного типа, т. е. типа простагм, является сокращенная

[28] *Яковенко П. А.* Исследования в области византийских грамот. С. 85—86.

[29] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 122. Яковенко выделял предостережение в особую, последнюю часть текста льготных хрисовулов, уделив вообще большое внимание этой формуле. См.: *Яковенко П. А.* Исследования в области византийских грамот. С. 88—96.

датировка, которая состояла из обозначения месяца и индикта (минологий или минологима).[30] Такой минологий ставился киноварью собственноручно императором и заменял собою императорскую подпись. Что касается хрисовулов, то в них применялась полная датировка с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира в форме ἀπολυθεὶς (имеется в виду хрисовул логос) κατὰ μῆνα ... τῆς ἐνισταμένης ... ἰνδικτιῶνος τοῦ ... ἔτους, после чего приводились обязательная для хрисовула формула ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημήνατο κράτος и, наконец, собственноручная подпись императора с присовокуплением титулов: ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ ῾Ρωμαίων.[31]

Таким образом, в работе Дэльгера и Караяннопулоса впервые в систематизированном виде представлены наши знания о византийской дипломатике, но вряд ли авторы правы, заявляя, что «все, что может быть сказано о теории византийской дипломатики, в большей своей части уже сказано».[32] Если наши представления о византийских публичноправовых документах, в частности, исходивших из императорской канцелярии, действительно можно считать удовлетворительными, если усилиями Ж. Даррузеса в последние годы значительно продвинулось вперед изучение документов патриаршей канцелярии,[33] если, наконец, наука нашего столетия «с прилежанием, не знающим меры, заботилась об изучении частных греческих актов на папирусах эллинистического и римского времени,[34] то их младшая сестра — исследование средне-и поздневизантийских документов частного характера — рассматривалась ею как падчерица».[35] Эти слова, сказанные самим же Дэльгером почти 40 лет назад, остаются в силе и по сей день. По-прежнему основной в этой области остается цитировавшаяся выше работа Феррари, вышедшая в свет еще в 1910 г. и посвященная главным образом южноитальянским греческим частным актам из архивов Монтекассино и Кавы (в публикациях Тринкеры, Кузы, Спаты и др.), в то время как основная

[30] *Яковенко П. А.* Исследования в области византийских грамот. С. 104.

[31] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 123.

[32] Ibid. S. 19.

[33] *Darrouzès J.* 1) Ekthésis nea: Manuel des pittakia du XIV s. // REB. 1969. 27. P. 5—127; 2) Recherches sur les offikia de l'Eglise byzantine. Paris, 1970; 3) Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIV siècle: Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971; 4) Sur la nomenclature des actes patriarcaux au XIVe siècle // RESEE. 1973. 11. P. 241—250.

[34] Действительно, в настоящее время публикуется огромное количество папирусов, происходящих из различных канцелярий византийского Египта, среди которых подавляющую часть составляют именно частноправовые акты. Но, относясь лишь к первым векам византийской эпохи и представляя собой специфический локальный материал, папирусы стоят как бы в стороне от общей массы византийских актовых источников, а папирология все больше и больше обособляется в отдельную науку со своими специфическими, присущими только этой науке приемами и методами исследования. Тем не менее в той мере, в какой это необходимо для нашего исследования, мы пользуемся данными работ папирологов (к сожалению, нам не удалось использовать недавно вышедшую из печати капитальную монографию И. Ф. Фихмана «Введение в документальную папирологию». М., 1987).

[35] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . S. 283.

масса актового материала, относящегося к собственно византийским областям (Эгейское побережье Малой Азии, Балканский полуостров, Трапезунд), остается еще не исследованной, если не считать двух-трех статей о формуляре византийских купчих грамот, включая уже отмеченную старую статью Г. В. Вернадского.

В настоящей работе ставится задача сплошного обследования сохранившихся византийских документов частного характера как правовых документов, отражающих прежде всего право и позволяющих судить о том, как эти нормы действовавшего в то время права преломлялись в повседневной действительности. Актуальность и настоятельная необходимость такого исследования очевидны прежде всего с точки зрения изучения истории Византии как страны, основанной на праве, где все поземельные и имущественные отношения получали свое юридическое оформление и закрепление в документах — актах. Последние облекались в сложную символическую форму, представляя собой особого рода знаковую систему, без знания и изучения которой невозможно понять специфику социальных отношений в Византии. Поэтому не следует подходить к нашему исследованию как к какому-то учебнику по византийской дипломатике, где бы все было подчинено формальному принципу. Нам хотелось бы отойти от присущего, как правило, работам дипломатистов формализма, когда за формулами и клаузулами, за типами документов, за формуляром терялся человек, исчезала живая история, запечатленная в актах. «Форма актов» — это, конечно же, «существенный объект дипломатики»,[36] дипломатист не может обойтись без изучения формуляра, но это изучение не должно вестись, нам кажется, в отрыве от содержания акта, превращаться в самоцель.[37] Акты составлялись людьми, и поскольку «во все времена существовали писцы, которые исполняли свое ремесло подобно машинам, зачастую воспроизводя устаревшие выражения, смысла которых они уже не понимали. . ., но были и опытные нотарии, понимавшие, что рамки, заданные фор-

---

[36] *Dumas Au.* La diplomatique et la forme des actes // Moyen-Âge. 1932. T. 42. P. 8, 27.

[37] Впрочем, об этом уже достаточно обстоятельно было сказано в докладе Шебанека: *Šebanek J.* Möglichkeiten der Weiterentwicklung der Diplomatik im Rahmen der historischen Mediävistik // XIIème Congrès International des Sciences Historiques: Rapport IV. Wien, 1965. P. 147—153. Стремлением преодолеть консерватизм классической дипломатики объясняются также дискуссии, ведущиеся в советской историографии относительно русской дипломатики. Например, в работах С. М. Каштанова обосновывается роль дипломатики как специальной исторической науки, в задачу которой входит исследование содержания актов через актовый формуляр, отграничение ее от документоведения с его изучением чисто технической стороны делопроизводства и формальных признаков вступительных частей документов, ставятся вопросы о природе акта как договорного документа, о выделении актов из общей массы просительных, процессуальных, указных, законодательных и других документов, о природе жалованной грамоты как документа, занимающего промежуточное положение между «актами» и «неактами», и т. д. См.: *Каштанов С. М.* 1) Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 14—15; 2) Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. 1965. № 1. С. 39—44; 3) Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 134—170; 4) Русская дипломатика. М., 1988.

муляром, не неизменны и что им принадлежит право смягчать их в соответствии с обстоятельствами (один автор формуляра XIV в. даже сравнивает формуляр с восковым носом, который можно моделировать на лице всякого человека)»,[38] то нередко отклонение от правила оказывается более интересным (по крайней мере для нас), чем само правило.

Проблематикой нашего исследования предусмотрено изучение «внешнего вида» византийского частноправового акта, его «внешней истории», его внутренней структуры и формуляра, а также нотариата как института, имевшего самое непосредственное отношение к проблеме частноправового акта, и функционирования последнего в судебном процессе, т. е. в сущности реализации тех основных целей, для которых этот акт и создан. Наиболее важным во всем этом для нас было то, как тот или иной правовой материал, то или иное правоотношение вводится в русло заданной дипломатической формы, облекается этой формой, — задача едва ли не противоположная той, которую ставит перед собой «традиционная дипломатика» — исследовать в конкретных актах не индивидуальное, но типичное— проявление в них правила или обычая.[39]

Нашему читателю придется также считаться с тем фактом, что Византия не знала (и не могла знать!) «бесписьменного» [40] и, следовательно, «безактового» периода (что, впрочем, не означает, что наряду с документальным оформлением юридических сделок здесь не было практики устных соглашений). На греко-эллинистическом Востоке, особенно в эллинистическом Египте, вообще издавна была чрезвычайно сильной традиция документального засвидетельствования правовых действий. Здесь рано зародился институт агораномов, обладавший чертами государственного нотариата, возникли нотариальные конторы (γραφεῖα) и государственные документальные архивы (βιβλιοθῆκαι τῶν ἐγκτήσεων), где хранились документы, сданные в депозит, сложились основные типы частных и публично-нотариальных актов, системы их регистрации и валидации через формуляр, подписи, удостоверительные формулы нотариев.[41] Самой ранней формой письменной фиксации частноправовых сделок была συγγραφὴ ἑξαμάρτυρος, составленная без вмешательства официальных лиц, но в присутствии шести свидетелей. Характерными для нее были объективный стиль изложения (т. е. о заключавших сделку сторонах

---

[38] *Dumas Au.* La diplomatique. . . P. 26.

[39] Ibid. P. 27.

[40] *Labarbe J.* De l'oral à l'écrit dans la Grèce archaïque // Bull. de la Classe des lettres et des Sciences morales et politiques (Académie Royale de Belgique). 5-e série. 1981. T. 67. P. 30—66. О появлении писаного права на греческой почве еще в архаический период, в середине VII в. до н. э., см.: *Gagarin M.* Early greek law. Berkeley; Los Angeles; London, 1986. 167 p.

[41] Литература об эллинистическом документоведении огромна. Не приводя здесь широко известные труды Миттайса, Вилькена, Парча, Прингсхайма и др., сошлемся лишь на капитальное, в значительной мере итоговое исследование Вольфа: *Wolff H. J.* Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaeer und des Prinzipats. Bd II: Organisation und Kontrole des privaten Rechtsverkehrs. München, 1978.

сообщалось в третьем лице) и двукратное воспроизведение текста документа на одном и том же листе пергамена или папируса: верхний текст свертывался в трубку, ошнуровывался, а шнур снаружи опечатывался печатями контрагентов и свидетелей с обозначением имен опечатавших (отсюда и название этой части документа в науке — scriptura inferior, Innenschrift); нижний же текст оставался свободным, неопечатанным и в любое время мог быть доступным для ознакомления (scriptura exterior, Außenschrift).[42] Другим древнейшим, важнейшим и одним из наиболее устойчивых типов частного акта на Востоке был знаменитый χειρόγραφον, к которому, как мы увидим далее, в своих основных чертах и восходит частный византийский акт. В отличие от синграфы, объективно стилизованной и являвшейся фактически конститутивной записью о имевшем место юридическом акте (ἐδάνεισε, ἐμίσθωσε и т. п.), хирограф сугубо субъективен, т. е. автор документа собственноручно, от первого лица (так называемая «Ich-Form») изъявляет свою волю и отдает распоряжение, используя форму прямого диспозитивного глагола (например, ἔσχον, πέπρακα, μεμίσθωμαι и т. д.) или описательно-косвенную, посредством признания (ὁμολογῶ ἐσχηκέναι, πεπρακέναι и т. д.). Часто документу вообще придавали форму частного письма от одного контрагента к другому с характерным для этого жанра инципитом ὁ δεῖνα τῷ δεῖνι χαίρειν (прощальное приветствие ἔρρωσο, правда, отбрасывалось, как, впрочем, иногда опускалось и слово χαίρειν).[43]

Византия, следовательно, получила частноправовой акт фактически «в готовом виде», и, стало быть, для византийской дипломатики, в отличие, скажем, от древнерусской дипломатики,[44] не была столь животрепещущей проблема генезиса частного акта, речь могла идти лишь о его эволюции, о смысле и действительном значении тех форм и формул, в которые он облекался, что также не могло не сказаться на характере нашей работы.

И последнее. Будучи в курсе имевших место ранее и еще сейчас ведущихся дискуссий по общетеоретическим проблемам развития дипломатики как вспомогательной дисциплины, в частности классификации актов, деления их на публичные и частные,[45] мы тем не менее воздерживаемся от прямого участия в них, полагая своей задачей конкретную разработку вышеозначенных проблем византийского частноправового акта. Попытаемся, однако, не претендуя на оригинальность, сформулировать вкратце наше понимание деления актов

---

[42] Ibid. S. 57—64.

[43] Ibid. S. 106—113.

[44] *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.; Л., 1937. С. 285—292; *Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты) // ВИД. 1974. 6. С. 125—141; *Свердлов М. Б.* Древнерусский акт X—XIV вв. // Там же. 1976. 8. С. 50—69; *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // Там же. 1978. 10. С. 55—70; *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. 144 с.

[45] Полезный обзор литературы на эту тему см.: *Кононенко А. М.* Проблема классификации западноевропейского частного акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 109—123.

на публичные и частные, что представляется необходимым во избежание двусмысленности. На наш взгляд, публичные акты (в законодательных источниках обозначаются как instrumenta publica или ὑπομνήματα δημόσια [46]) — это акты, выпускаемые канцелярией того или иного представителя (индивидуального или коллективного) государственной власти, как светской, так и церковной; имеющие или общегосударственное значение, или локальное, т. е. относящееся к отдельным территориям и лицам (тем самым в разряд публичных актов мы зачисляем и жалованные грамоты); самодостаточные с точки зрения их аутентификации и пользующиеся презумпцией подлинности, т. е. не требующие подкрепления свидетелями или специальными нотариальными службами.

И, напротив, частные акты (instrumenta domestica seu privata [47]) — это акты, составленные от имени частных лиц и относящиеся к области частного права, причем этими лицами могут быть и отдельные *граждане, в том числе весьма высокопоставленные по социальной* иерархической лестнице, и целые коллективы (семья, род, монашеская братия, деревенская община, т. е. юридическое лицо); они не имеют презумпции подлинности и получают средства аутентификации вне себя, нуждаясь в подтверждении свидетелями или специальными нотариальными службами (чаще всего и теми, и другими). Таким образом, в разряд частноправовых актов мы включаем и нотариальные (табеллионатные, табуляриатные) акты, не будучи склонными следовать за теми исследователями, которые рассматривают их как некое промежуточное звено между частными и публичными актами.[48] Как совершенно справедливо заметил Ксенофонт Антониадис, от того, составлен ли и заверен ли частный акт нотарием, получая тем самым некоторые свойства официального документа, или писан каким-либо «писцом», не обладавшим квалификацией нотария, сам тип акта — как частного — не меняется.[49] Стóит, впрочем, согласиться с тем, что в рамках более широкого («родового») понятия «частные акты» нотариальные (табеллионатные, табуляриатные) акты занимают свое особое и вполне определенное место.

---

[46] C. 12. 49. 10. 1; cf. C. 4. 20. 15.6=B. 21. 1. 39.

[47] C. 4. 19. 5.

[48] *Troianos S. N.* 1) 'Ο ἔλεγχος τῆς γνησιότητος τῶν ἀποδεικτικῶν ἐγγράφων ἐν τῇ βυζαντινῇ δίκῃ // Ξένιον: Festschrift für Pan. J. Zepos. Athen; Freiburg /Br.; Köln, 1973. Bd 1. S. 711; 2) ''Εγγραφα καὶ πλαστογραφία στὸ Βυζάντιο // 'Αρχαιολογία, 1982. τεῦχ. 5, σελ. 49; *Karayannopulos J. — Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324—1453). Wiesbaden, 1982. I. Halbband. S. 108.

[49] *Antoniades X. A.* Δικαιοπρακτικὰ ἔγγραφα Σκύρου 17ου *αἰῶνα* // EKEIED, 1985, τόμ. 27—28, σελ. 313.

ГЛАВА I

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИИ IX—XV вв.

МИРОВОЙ ФОНД ВИЗАНТИЙСКИХ ЧАСТНЫХ АКТОВ

Мировой фонд частноправовых греческих актов собственно византийского времени (т. е. не выходящих за пределы XV в.) относительно невелик. Произведенный нами весьма приблизительно подсчет сохранившегося и дошедшего до нас актового материала (в оригиналах, копиях, картуляриях), отраженного в ныне существующих изданиях и сводках данных о неизданных документах (учитываются лишь акты частноправового характера, т. е. купчие, дарственные, меновные, завещания, акты раздела имущества и т. д.; жалованные же грамоты, описи и другие документы официально-публичного происхождения в расчет не принимаются) дает картину его временного и географического расклада (во внимание принимался примерный район происхождения акта, а не его конкретное место изготовления, установить которое не всегда возможно), см. след. стр.

Итак, общее очень приблизительное число сохранившихся в оригинале, копиях, картуляриях греческих частноправовых актов византийского времени достигает 1225, достаточно много по сравнению с тем, чем для данного времени (т. е. до XV в. включительно) располагают, скажем, специалисты по древнерусской дипломатике,[1] но ничтожно мало по сравнению с обилием латинских актов Западной Европы, прежде всего Италии, где даже для отдельных местечек счет ведется на тысячи. Что делать, судьбы Византийского государства таковы, что в пору удивляться, что хоть что-то сохранилось. Длительная эпоха «темных веков» (VII—IX вв. — «темные» из-за почти полного отсутствия источников по истории этого времени); два катастрофических в отношении судьбы государственных и частных архивов завоевания Византии — латинского в 1204 г. и турецкого в 1453 г. (вспомним те 120 тыс. томов светских и церковных греческих книг, которые погибли в первые же дни после захвата турками Константинополя,[2] сколько при этом сгорело в кострах документов, не считал никто); массовая гибель документов в «обычных» и частых

---

[1] См., например: *Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 11, 12, 129.

[2] La caduta di Costantinopoli: Le testimonianze dei contemporanei / Testi a cura di A. Pertusi. Bologna, 1976. P. 381, n. 25.

Район	IX/X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Константинополь и Фракия	1	2	—	—	10	3
Афон и Македония	8	41	7	19	110	17
Фессалия, Эпир и Эвбея		2	—	17	3	1
Лемнос и Имврос	—	—	1	7	—	—
Додеканес	—	2	2	3	—	—
Патмос	—	3	4	—	—	—
Пелопоннес	—	—	—	1	1	1
Малая Азия:						
Трапезунд	—	—	—	89	9	44
Смирна	—	—	—	112	—	—
Милет и Эфес	—	—	—	7	—	—
Южная Италия:						
Апулия	5	22	27	12	4	—
Базиликата	—	10	24	2	—	—
Кампания	—	—	27	—	—	—
Калабрия	4	48	215	111	39	—
Сицилия[3]	4	—	98	32	9	—
Итого:	22	130	405	417	185	66

пожарах (отметим пожар 20-х гг. XV в. в монастыре Кастамониту, в результате которого сгорели почти полностью ранние, до XV в., документы архива этого монастыря); то же самое во времена вражеских набегов и запустений, не пощадивших даже относительно хорошо сохранившиеся архивы афонских монастырей (например, еще в 1300 г. императорский ревизор Константин Апельмене жаловался на то, что Ксенофонтов монастырь на Афоне «за много лет до этого стал добычей итальянских пиратов и наряду с прочими ужасами претерпел утрату старинных документов на его владения»,[4] а один патриарший документ 1267 или 1282 г. констатирует, что в результате аналогичного «разбойничего набега» итальянских пиратов пришел в запустение монастырь τῶν Σπονδῶν на о-ве Кос, лишившись не только принадлежавших ему священных предметов и других движимых и недвижимых имуществ, но и владельческих документов —

[3] Вере фон Фалькенхаузен, подсчеты которой греческих актов Сицилии мы здесь воспроизводим, не удалось учесть фонд из 250 пергаменных греческих актов XII—XIV вв., происходящих из архиепископского архива Мессины и архимандритского архива Сан Сальваторе in Lingua phari и хранящихся ныне в Севилье в частном архиве герцога Мединачели. См.: *Falkenhausen V. von—Amelotti M.* Notariato e documento nell' Italia Meridionale greca. Roma, 1982. P. 12, n. 1.

[4] Actes de Xénophon, № 3, p. 82, l. 5—6. По интересному предположению Д. Папахрисанфу, которая считает это обвинение «столь же неясным, сколь и распространенным», под «итальянскими пиратами» имеются в виду «латиняне» — рыцари IV крестового похода, захватившие наряду с Константинополем и другими византийскими территориями также и Афон. (Ibid. P. 18).

χαρτῴων δικαιωμάτων, которые были «отняты и преданы полнейшему уничтожению»);[5] периодические чистки самих монастырских архивов и «списание» на уничтожение тех актовых фондов, которые вышли из употребления, потеряли практическую ценность, стали ἄχρηστα (именно такую судьбу, мне кажется, претерпели те 200 актов Патмосского монастыря, которые, согласно каталогу, составленному на Патмосе в 1200 г., были изъяты из текущего архива монастыря и спрятаны в мешки как «ненужные», следы которых с этого момента теряются); современное, наконец, варварство, приводящее к гибели архивов (например, гибель 30 сентября 1943 г. от фашистских бомб Неаполитанского архива, когда среди наиболее ценных бумаг погибли и документы семьи выдающегося деятеля византийской культуры XIV—XV вв. Георгия Гемиста Плифона [6]), — все это и тому подобное достаточно, чтобы объяснить массовую утрату актовых византийских источников, распыленность и неравномерность сохранившегося. Стоит лишь просмотреть рубрику «упоминаемые акты» в современных изданиях дошедших до нас актов, чтобы убедиться, что сохранившиеся акты представляют лишь незначительную часть того, чем располагали византийские архивы в свои «лучшие времена». Достоин особого внимания тот факт, что почти полным отсутствием актового материала «блещет» столица империи — Константинополь.

И все-таки напрашивается вопрос: если бы всего этого не было, если бы все византийские архивы дошли до нас в целостности и сохранности, то имели бы мы столь же внушительную массу документальных источников, что и в Западной Европе? Думается, вряд ли. И здесь мы наталкиваемся на историческую загадку, которую не так-то просто решить: в стране развитого бюрократического строя, писаных законов, в стране, где письменность испокон веку была широко распространенной, где письменный документ, казалось бы, должен был господствовать во всех сферах общественной жизни, в этой стране, оказывается, отнюдь не склонны были обременять делопроизводство обилием бумаг, — явление, которое уже было отмечено в историографии. Так, замечательный знаток делопроизводства в Константинопольском патриархате Ж. Даррузес констатирует, что если папская канцелярия в Риме с XI по XV в. выпустила более 10 тыс. томов регистров, то патриаршая канцелярия Константинополя предлагает для XIV в. только два тома (правда, он добавляет — «выживших», survivants, но где гарантия, что были другие, «не выжившие»!);[7] если из канцелярии папы Иоанна XXII вышло около 60 тыс. посланий, то из канцелярии патриарха Филофея (одного из наиболее продуктивных в XIV в.) — лишь несколько актов.[8] И это

---

[5] MM, vol. 6, № 91, p. 222; Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου: Α' — Αὐτοκρατορικά / ''Εκδ. ὑπὸ 'Ε. Λ. Βρανούση. 'Αθῆναι, 1980, σελ. 102, 121.

[6] *Filangieri di Candida R.* Rapporto finale sugli Archivi: (Commisione alleata, Apo 394, Sottocommisione per i Monumenti, Belli Arti e Archivi). Roma, 1946. P. 54—56, 76—79.

[7] *Darrouzès J.* Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle: Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. P. 3.

[8] *Darrouzès J.* Observations sur les actes patriarcaux // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 473.

при том, что патриаршая канцелярия считалась образцовой, имела достаточный штат писцов (для 10-летнего периода патриаршества Филофея их зафиксировано 40) [9] и даже как будто приняла на себя некоторые функции императорской канцелярии: в «священном кодексе Великой Церкви» (так именовался регистр, который велся канцелярией патриарха) регистрировались и документы, выдаваемые императорской канцелярией и относящиеся отнюдь не только к церковной и монастырской собственности, благодаря чему как раз и сохранился текст многих императорских хрисовулов, оригиналы которых были утеряны.[10]

Аналогичную картину являют и монастырские картулярии — копийные книги. Так, если полностью сохранившийся дипломатарий малоазийского (близ Смирны) монастыря Лемвиотиссы содержит для XIII в. около 200 документов, если византийский архив Патмосского монастыря насчитывал, по подсчетам Э. Вранусси, свыше 500 документов (из них только 150 дошло до нас),[11] то, скажем, число документов в Клюни от IX—XIII вв. достигает 6000.[12] Для темы нашего исследования эта последняя констатация имеет особое значение: ведь монастырские архивы, в частности монастырские «кодики», — дипломатарии — это один из основных источников частноправового актового материала именно потому, что это архивы — реципиенты документов на право владения имуществами, и никто больше, чем сами монастыри, не был заинтересован в их сохранности. Так что картина сохранности документальных массивов, которую дают наиболее «благополучные» монастырские архивы, является и наиболее объективной с точки зрения византийского документоведения.

Документы же, выданные отдельным частным лицам — «мирянам» на владение приобретенным имуществом, были гораздо больше подвержены всяким случайностям бытия, а утратив через несколько поколений свою практическую ценность в глазах наследников, они вообще имели мало шансов «пережить века» — одна из наиболее веских причин того, что до нас от них дошли лишь единицы. В Византии, правда, были хранилища актов, где частные лица, в том числе и миряне, могли держать свои документы, но и они принадлежали церкви. Так, на основании одной меновной 1117 г. из архива Дохиарского монастыря на Афоне можно заключить, что скевофилакий церкви св. Софии солунской митрополии служил именно таким хранилищем: один из контрагентов — мирянин проэдр Никифор Вурцис — сдал туда на хранение оригиналы своих документов, оставив у себя лишь их заверенные копии и получив своего рода расписку

---

[9] Ibid.

[10] В этом смысле очень показателен пример из XIII в.: император Михаил VIII Палеолог приказал, чтобы выданная Феодору Скутариоту жалованная грамота была внесена в регистр, который вел хартофилак Великой Церкви (ММ, vol. 5, № 3, p. 249; cf.: *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen. // Archiv für Urkundenforschung. 1933. Bd 13. S. 34).

[11] Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου, σελ. 121.

[12] Thésaurus d'histoire médiévale: documents diplomatiques et judiciaires. Paris, 1983. P. VII (впрочем, известно, что и во Франции во время Великой французской революции погибла большая часть старых архивов).

(σημείωμα) за подписью митрополита Феодула.[13] Аналогичную функцию выполнял, судя по всему, и скевофилакий константинопольской св. Софии: из знаменитого типика Петрицонского монастыря (1083 г.) мы узнаем, что здесь хранились личные владельческие документы (хрисовулы и «прочие акты», καὶ λοιπὰ δικαιώματα) небезызвестного в нашей науке Григория Бакуриана, перечень которых (προσείδησις) и расписка (ἀπόδειξις) находились в Петрицонском монастыре среди других владельческих документов Григория Бакуриана, переданных им этому монастырю вместе с самими владениями.[14] Были ли среди «прочих актов» частные акты, сказать трудно. Если речь идет о тех документах, которые также перечислены в типике с указанием, что они «хранятся в константинопольской Великой Церкви Божьей», т. е. в св. Софии,[15] то частные акты в перечне отсутствуют, как, впрочем, и среди тех документов, которые были переданы Петрицонскому монастырю: в типике указаны только писцовые книги (практиконы) и жалованные грамоты (хрисовулы). Может быть, севасту и великому доместику Запада, как титуловался Григорий Бакуриан, и не было нужды самому, в частном порядке, скупать земли и другие владения: они ему жаловались императорами.

Что касается центральных государственных архивов и канцелярий, то они не имеют прямого отношения к проблеме сохранности византийских частноправовых актов именно потому, что, судя по всему, в них не только не хранились документы частных лиц, но и не велись какие-либо протоколы или регистры, фиксирующие частноправовые сделки.[16] Последние оформлялись в нотариальных конторах — στατιῶνες, не являвшихся государственными учреждениями, но и в них вряд ли оставались какие-либо следы сделки, так как чистовой оригинал документа — καθαρογραφή — выдавался адресату-правопреемнику, у которого и хранился.[17] Все заставляет думать, что нотариальные конторы, выдав единственный экземпляр — оригинал документа, становившийся отныне личным достоянием получателя, вообще не имели средств в случае надобности вновь воспроизвести текст документа, т. е. создать неоригинал — копию с подтверждением ее подлинности: никаких регистров или книг имбревиатур, подобных западным, в византийских нотариальных конторах, как кажется, не велось.

В чем тут дело? Не повлияла ли на объем византийских документальных источников широко распространенная и санкционированная законодательством практика устного заключения сделок, сосу-

---

[13] Actes de Docheiariou, № 4, p. 87, l. 95.

[14] См. последнее критическое издание типика: *Gautier P.* Le typikon du sébaste Grégoire Pakourianos // REB. 1984. T. 42. P. 129, l. 1827—1828.

[15] Ibid. P. 125—127, l. 1767—1791. На русском языке см.: Типик Григория Пакуриана / Введ., пер. и комм. В. А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978. С. 118—120 (гл. 35 и 36).

[16] Ср. аналогичный вывод Даррузеса в отношении императорской и патриаршей канцелярии: *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia de l'église byzantine. Paris, 1970. P. 463.

[17] *Zepos P. I.* Ἡ παράδοσις δι' ἐγγράφου ἐν τῷ βυζαντινῷ καὶ τῷ μεταβυζαντινῷ δικαίῳ // Τόμος ἐπὶ τῇ ἑξακοσιετηρίδι τοῦ Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1951, σελ. 229.

ществовавшая с традицией письменного их оформления? Не связано ли это со стремлением собственников (особенно коллективных собственников — монастырей), округливших свои владения, добиваться на них жалованной грамоты — хрисовула, который и хранили как зеницу ока (около 40 % всех сохранившихся византийских документов — жалованные императорские грамоты), в то время как «первичные» документы (купчие, дарственные и т. д.) становились не столь ценными и, возможно, даже уничтожались? В общем-то основания для такого мнения есть. Например, лавриоты, приобретя две деревни — Врестиану и Димилиану — по надлежащей форме (διὰ δικαιώματος, т. е., очевидно, с составлением соответствующих купчих), испросили на них хрисовул — сигиллий императора Андроника II Палеолога (в 1300 или 1315 г.), который и сохранился.[18] А что стало с первичными документами, неизвестно; факт тот, что больше они нигде не фигурируют.

Но, может быть, все это было вызвано более фундаментальными причинами, связанными с застойным и патриархальным характером общественных отношений, затруднявшим активные процессы движения земельной собственности? В одной дарственной 1392 г. из архива Лавры рассказывается, что некий Димитрий Цирингис, подаривший много лет назад Фессалоникскому монастырю Неа Мони монидрий Иоанна Богослова с мастерской и позднее еще три поля, не составил в свое время дарственной ни для первого дара, ни для второго, так как у него с неамонитами было полное взаимодоверие; он числился среди них одним из братьев, и ни у него по отношению к ним, ни у них по отношению к нему не было никаких подозрений, чтобы были нужны еще и грамоты. Ныне же такая необходимость появилась, в связи с чем даритель и составляет настоящую дарственную.[19] Патриархальный характер отношений, делавший необязательным документальное оформление сделок, здесь налицо.

Как бы то ни было, вопрос о скудости византийских частноправовых актов и вообще византийского документального наследия пока что остается для нас загадкой. Запад и Восток в средние века как бы поменялись ролями: в то время как первый, в римскую эпоху вообще не придававший никакого значения письменному оформлению сделок и документу как таковому, погряз в бумажной, вернее, пергаменной, «круговерти», второй, имевший столь длительные и прочные традиции письменной культуры и в деловой сфере, вдруг оказался менее подверженным бюрократическому бумаготворчеству.

Попытаемся, однако, рассмотреть организацию хранения документов в монастырских архивах Византии. Некоторое представление об этом можно составить на основании уникального свидетельства, которое находим в «диатаксисе» Михаила Атталиаты, т. е. в уставе для основанного им в Константинополе небольшого монастыря Христа Всемилостивого (устав датирован мартом 1077 г.). В раз-

---

[18] Actes de Lavra, t. 2, № 92, p. 118—119.
[19] Ibid., t. 3, № 153, p. 126—128.

деле «О документах» [20] читаем: «Акты касательно недвижимых имуществ, которыми владеет мой монастырь и мой приют, как и подлинник хрисовула, должны храниться в шкафах, расположенных или в скевофилакии монастыря, или же в другом надежном помещении. Каждый из шкафов снабжается двумя ключами, один из которых находится в ведении моего преемника, а второй — эконома, если нет игумена. Шкафы должны опечатываться и моим преемником, и монахами, а когда возникает потребность в каком-либо акте, то открывать их и вынимать нужный документ следует всем вместе. Ту же предосторожность следует соблюдать и в отношении всего остального. Затем, когда дело улажено, документ снова кладется туда, откуда его взяли. Три раза в году документы нужно разворачивать и отряхивать, и снова все с той же предосторожностью. Кроме того, все акты должны быть списаны в регистре (ἐν κονταχίῳ), чтобы с одного взгляда было видно, сколько и каких актов имеет каждое владение. Ибо все, слава Богу, что я приобрел, я приобрел с помощью законных и в высшей степени надежных сделок, скрепленных документами, добросовестно, не нанеся вреда фиску, не нарушив закона, — свидетель тому Бог. И разбираясь в любом деле, относящемся к моим владениям, преемники благочестивых домов всегда смогут найти тот акт, который окажет им надежную помощь в отношении искомого».

Аналогичную картину находим и в типике (предположительно датируется 1110 г.) столичного монастыря Богородицы Кехаритомены, основанного императрицей Ириной Дукеной: в разделе об обязанностях монахини, в ведении которой находился архив («скевофилакиссы», которая в то же время (по совместительству) была и «хартофилакисса»), говорится о том, что она «получит вместе с описью (ἀπογραφῇ) все писанные на бумаге акты (τὰ χαρτῷα πάντα δικαιώματα) монастыря и будет хранить их со всей тщательностью, чтобы они не были изъедены молью. Если же возникнет нужда в каком-либо документе, то по указу кафигуменьи она принесет и вручит требуемый документ (τὸ ζητούμενον χαρτίον), сделав помету (προσγραφομένη) — что это за документ и кто его получатель, — а по прошествии нескольких дней она напомнит о нем кафигуменье, потребует вернуть вынутый, как было сказано, документ и не даст ему потеряться».[21]

В типике («Ипотипосисе») основателя Патмосского монастыря св. Иоанна Богослова Христодула, составленном на Патмосе в 1091 г., также говорится о том, что «экклесиарх (мелкая церковная должность, экклесиарх обычно подчинялся скевофилаку.[22] — *И. М.*) должен принять по описи (μετὰ ἀπογραφῆς) и с прилежанием хранить книги и документы (χαρτῷα δικαιώματα) монастыря, как и другое имущество церкви».[23]

---

[20] *Gautier P.* La diataxis de Michel Attaliate // REB. 1981. T. 39. P. 77—79, l. 987—1007.

[21] *Gautier P.* Le typikon de la Théotokos Kécharitoménè // REB. 1985. T. 43. P. 65—67, l. 836—844.

[22] *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . . P. 315.

[23] MM, vol. 6, № 19, p. 74; Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου, σελ. 80.

Свидетельства эти, хотя и весьма скудные, отражают, по-видимому, обычную, повседневную и традиционную практику хранения документов в монастырских «скевофилакиях» наряду с прочей монастырской утварью,[24] откуда уже в новейшие времена они, как правило, перебазировались в специальные помещения. Так, например, обстоит дело со старинными архивами афонских монастырей: ἀρχεῖον протата находится ныне в помещении библиотеки на верхнем этаже Карейской башни и содержит документы, хранящиеся в специальных сумках (в каждой из них — акты, относящиеся, как правило, к одному и тому же делу), которые в свою очередь помещены в сундуки, причем запор у сундука, содержащего наиболее древние документы, опечатан печатями 20 монастырей и может быть открыт только в присутствии (как минимум) 14 из 20 эпитропов;[25] архив Ксиропотамского монастыря, расположенный в помещении библиотеки над экзонартексом, хранится в шкафу, в верхней части которого византийские, поствизантийские греческие и турецкие акты, а в нижней — молдовалашские акты, причем шкаф может быть открыт только комиссией из трех эпитропов; в скевофилакии хранился раньше архив Эсфигменского монастыря, а сейчас — в небольшой комнатке северо-восточной башни; и т. д.

Из рассмотренных свидетельств монастырских типиков можно также заключить, что частноправовые акты хранились в монастырских архивах вперемежку с публичноправовыми, с жалованными грамотами, типиками, писцовыми книгами и всевозможной другой документацией как в подлинниках, так и в отдельных копиях или же в свитках и копийных книгах. Подтверждает это и такой уникальный документ, как составленный в 1200 г., но сохранившийся в весьма поврежденном виде каталог архива Патмосского монастыря св. Иоанна Богослова, явившийся результатом упорядочения архива и описи актов монастыря, осуществленных при ученом игумене Арсение.[26] В ходе проведенного своеобразного «триажа» всего актового архивного материала были составлены даже два каталога: один, содержавший опись актов, сохранявших свою практическую ценность в глазах монастырских властей (не дошел до нас); второй, о котором сейчас идет речь, — содержащий опись вышедших из употребления

---

[24] Впрочем, специальной архивной службы и особой должности архивиста в структуре монастырских служб и институтов, по-видимому, не существовало. Во всяком случае об этом ничего не говорится в новейшем труде о монастырских службах по данным типиков. См.: *Konidaris I. M.* Νομικὴ θεώρηση τῶν μοναστηριακῶν τυπικῶν. 'Αθήνα, 1984.

[25] За все время своего существования этот сундук открывался только двум ученым — французу Габриэлю Милле, который в 1918 г. сфотографировал все византийские документы (эти материалы и послужили базой для новейшего издания актов протата: Actes du Prôtaton), и немцу Францу Дэльгеру в 1941 г.

[26] *Vranoussi E.* 'Ανέκδοτος κατάλογος ἐγγράφων τῆς ἐν Πάτμῳ μονῆς // Σύμμεικτα, 1966, τόμ. 1, σελ. 137—162. При игумене Арсение упорядочению и описи подверглись не только акты монастыря, но и библиотечные рукописные книги, результатом чего явился тщательно составленный каталог богатейшего библиотечного фонда. См.: *Astruc Ch.* L'inventaire dressé en septembre 1200 du trésor et de la Bibliothèque de Patmos: Édition diplomatique // TM. 1981. T. 8. P. 15—30.

и признанных «бесполезными» (ἄχρηστα) актов, изъятых поэтому из архива и помещенных в мешки.[27] Характерна и лексика этого средневекового каталога: «связка (ἀπόδεσμος), содержащая пергаменные грамоты (βέμβρανα) о судах», «связка, содержащая пять хартий», «купчая (πρᾶσις) на проастий Лероса», «мешок, содержащий восемь пергаменных грамот» и т. д. Правда, эти «бесполезные» акты были отобраны, очевидно, для «списания» и, может быть, даже для уничтожения,[28] поэтому содержание их в «связках» и в «мешках» могло и не отражать системы хранения документов в самом архиве.[29] Мы не можем с полной уверенностью сказать, была ли подобного рода практика ревизий архивов и каталогизирования актов повсеместной или же в данном случае мы имеем дело с уникальной инициативой просвещенного игумена Арсения.

АКТЫ-ОРИГИНАЛЫ

Итак, что же представляет собой подлинный оригинальный византийский акт с внешней стороны? Записанный с одной стороны кусок бумаги или пергамена. Впрочем, еще в XI в. изредка можно было встретить акт, писанный на папирусе (ξυλοχάρτιον), но все же основным материалом были бумага и пергамен, использовавшиеся в XI—XV вв. почти в равной мере. Правда, как показало специальное исследование Икономидиса,[30] хотя в XI—XII вв. бумага была уже достаточно широко распространена,[31] она все же представляла собой предмет роскоши, на ней писались главным образом акты торжественного характера, чаще всего императорские хрисовулы; пергамен же использовался для частных актов. Но уже со второй половины XIII в. пергамен — это привилегированный материал для особо торжественных императорских грамот, в то время как бумага вслед-

---

[27] *Vranoussi E.* 'Ανέκδοτος κατάλογος. . ., σελ. 138, ἀρ. 22, 23.

[28] Эта мысль, кажется, не посетила Эру Вранусси, которая высказала лишь предположение, что обозначенные в каталоге и не сохранившиеся 200 «бесполезных» актов могли исчезнуть в смутное время франкского владычества или же быть спрятаны где-то в крипте монастыря. Несколько лет назад ей и ее мужу Олеандру Врануссису посчастливилось открыть подобную крипту, заставленную шкафом, в Метеорском монастыре, где среди старых и изгрызенных крысами риз хранились мешки со связками документов, к сожалению для византинистов, почти полностью поствизантийских и турецких. См.: *Vranoussi E.* Contribution à l'étude de la paléographie diplomatique: les actes de Patmos // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 437.

[29] В качестве любопытной исторической параллели отметим, что и во французских монастырских архивах (например, в аббатстве Фонтевро) документы хранились в мешках. См.: *Мажуга В. И.* Грамоты аббатства Фонтевро в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // ВИД. 1978. 9. С. 314. 315.

[30] *Oikonomidès N.* Le support matériel des documents byzantins // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 385—416.

[31] До недавнего времени палеографы датировали греческие рукописи, исходя из ошибочной презумпции, что бумага стала использоваться в Византии с XIII в. или самое раннее с конца XII в. Однако теперь исследованиями проф. Иригуэна доказано существование греческих рукописей на бумаге с X в. См.: *Irigoin J.* 1) Les débuts de l'emploi du papier à Byzance // BZ. 1953. 46. P. 314—319; 2) Les conditions matérielles de la production du livre à Byzance de 1071 à 1261 // Rapports du XVe Congrès Intern. d'Etudes Byzantines. Athènes, 1976.

ствие все возраставшего изобилия и дешевизны (импорт из Италии, существование собственного бумажного производства [32]) широко и повсеместно начинает использоваться для всех видов документов, в том числе и для частноправовых актов. Соответственно начинает меняться и другое материальное оснащение писцов, например чернила. Прежние феррогалловые чернила, изобретенные для пергамена, оказались непригодными для бумаги, «проедая» ее насквозь.[33] Была найдена новая формула, еще не до конца разгаданная исследователями: или за счет изменения пропорций традиционных компонентов (сок дубовых чернильных орешков в соединении с медным купоросом), или за счет новых материалов. Во всяком случае изменение в формуле сказалось и на цвете чернил, причем повсеместно, во всем Средиземноморье: с XII в. на смену желто-коричневому или рыжеватому тону приходит темно-коричневый и черный.

В целом материальная сторона частноправовых актов была подвержена тем же общим трансформациям, что и собственно рукописей. Еще в большей степени это относится к палеографии.[34] Те типы минускульного письма, которые сложились в книжном деле, свойственны и документам, причем почти повсеместно (так, А. Гийу констатирует общность почерков в канцеляриях византийского катепаната в Южной Италии с почерками в канцеляриях других районов империи [35]). В последние годы все больше пробивает себе дорогу метод сопоставительного изучения почерков рукописных книг и документов «как единой стихии» (выражение Б. Л. Фонкича), когда коди-

---

[32] Последнее, впрочем, не бесспорно. Известно, что об изготовителях бумаги (χαρτοποιοί) говорится еще у Константина VII Багрянородного (De administrando imperio / Ed. by Gy. Moravcsik. Budapest, 1949. P. 256, 52, 11) и в катехизах Феодора Студита (среди профессий, практиковавшихся в его монастыре, наряду с изготовителем пергамена — μεμβρανοποιός фигурирует и χαρτοποιός — *Oikonomidès N.* Le support matériel. . . P. 397), и тем не менее Иригуэн объявляет бумагу византийского производства мифом (*Irigoin J.* Les conditions matérielles. . . P. 8). Возможно все же, что зачатки бумажного производства в Византии имели место, но позднее, с наплывом дешевой и высококачественной бумаги итальянского производства, захирели и они.

[33] Исследователям иногда попадаются такого рода бумажные рукописи, в которых от букв остались только их контуры, а вся центральная часть исчезла.

[34] Ср. аналогичный вывод, сделанный на западноевропейском материале: *Giry A.* Manuel de diplomatique. Paris, 1894. P. 513. Более сложную картину «диалектических взаимоотношений» латинского документального курсива и латинского книжного минускула, *каждый из которых, несмотря на взаимовлияния*, пользовался «известной автономией», а оба вместе составляли «два лица единой графической реальности», рисует Э. Казамассима (*Casamassima E.* Scrittura documentaria dei «Notarii» e scrittura libraria nei secoli X—XIII: Note paleografiche // Il notariato nella civiltà toscana. Roma, 1985. P. 61—122+tav. I—XIII).

[35] *Guillou A.* Les actes grecs de la pratique juridique en Italie Méridionale et en Sicile du IXe au XVe siècle // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 431. В частности, письмо известного бребиона из Реджо ди Калабриа от 1050 г. по начертанию букв, их орнаментировке, по типу аббревиатур технических терминов близко письму Фиванского кадастра XI в. (Ibid. P. 431—432; *Guillou A.* Le Brébion de la métropole byzantine de Région (vers 1050). Città del Vaticano, 1974. P. 205—230; *Svoronos N. G.* Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes // BCH. 1959. T. 83. P. 1—145 (=*Svoronos N. G.* Etudes sur l'organisation intérieure. . . London, 1973. Art. III)).

кологи при решении вопросов о происхождении рукописей прибегают к сравнению их почерков с почерками документов, а дипломатисты в свою очередь, датируя некоторые документы, опираются на палеографические приметы рукописных книг.[36] Итальянскому палеографу Г. *Кавалло*, например, этот метод позволил убедительно передатировать и локализовать такие рукописи, как Crypt. Z α. 24 с текстом Илиады (сличение почерков кодекса и купчей 1183 г. из Палермо показало, что рукопись датируется не XIII—XIV вв., как считалось, а XII в. и происходит, скорее всего, с Сицилии); Leid. Voss. gr. F. 2 с текстом Лексикона Суды (здесь датировать рукопись XII в. позволяет ее сличение с дарственной 1145 г. из Калабрии); Bibl. Nac., Vitr. 26—2, т. е. знаменитый иллюстрированный мадридский кодекс Скилицы (высказано предположение, что его писал тот же νοτάριος, который был писцом одного документа 1142 г., вышедшего из королевской канцелярии); Neapol. III B 29 с текстом «Жизнеописаний философов» Диогена Лаэртского (тоже, оказывается, писан «нотарием», который был и писцом одной дарственной, выпущенной из канцелярии Роджера II) и др.[37] «Изучение почерков греческих документов IX—XVIII вв., — пишет Б. Л. Фонкич, — приводит к наблюдению, что лишь сравнительно небольшое число документов канцелярии византийских императоров писано особым, „дипломатическим“ письмом, созданным, несомненно, в недрах этой канцелярии и просуществовавшим в разных вариантах несколько столетий. Почерки же основной массы документов, принадлежащие нотариям как императорской канцелярии (начиная примерно с конца XII в.), так и канцелярий четырех восточных патриархатов, а также многочисленных провинциальных учреждений и эпархий византийского и поствизантийского периодов истории Греции, практически ничем не отличаются от современных им книжных почерков. Это наблюдение подтверждается как сведениями колофонов греческих рукописей о том, что нотарии занимались и книгописанием, так и уже установленными фактами принадлежности руке одного и того же писца и книг, и документов».[38]

Констатируя все это, следует тем не менее оговориться, что речь идет о «нотариях» — служащих государственных канцелярий, всевозможных секретарях, вышколенных писцах-профессионалах, для которых было естественным обращение к писанию рукописей. Как в этом отношении обстояло дело с «нашими» нотариями, т. е. символеографами (номиками, табуляриями), совершавшими частные акты, сказать трудно. По крайней мере в нашем распоряжении нет данных о том, что кто-то из них был причастен к писанию рукописей, и, может быть, это не случайно. Писали частные акты обычно сведущие в грамоте люди, чаще всего духовного звания (встречаются в качестве

[36] *Фонкич Б. Л.* О сопоставительном изучении почерков греческих рукописных книг и документов // ВВ. 1978. Т. 39. С. 110—113.

[37] *Cavallo G.* Scritture italo-greche librarie e documentarie: Note introduttive ad uno studio correlato // Bizanzio e l'Italia: Raccolta di studi in memoria di Agostino Pertusi. Milano, 1982. P. 29—38.

[38] *Фонкич Б. Л.* О сопоставительном изучении. . . С. 111.

писцов монахи, клирики, иереи, диаконы и архидиаконы, пресвитеры, кафигумены), которые или специально подвизались в этом деле, или случайно оказывались под рукой в момент заключения сделки, но иногда и сами нотарии — номики или табулярии (последнее даже рекомендовалось одним формуляром акта на продажу раба или животного: «текст акта пишется рукой номика и табулярия такого-то кастрона или области таких-то» [39]). Так что особо изысканной каллиграфией письмо частноправовых актов не блистало. Думаю, можно считать общезначимыми те выводы об эволюции делового общеупотребительного письма, которые были сделаны Сигаласом на материале частных актов Ивирского монастыря на Афоне: почти полная стилевая однотипность на первом этапе (X в.) минускула пергаменных частных актов и книжного минускула (так наз. «жемчужное письмо»); постепенная утрата писцами актов строгости и регулярности, присущей книжному письму; возрастание свободы и непринужденности, беглости и небрежности, в конечном счете — и неразборчивости; засорение минускульных форм унциальными (обычай, который позднее окажет влияние и на книжное письмо); неустойчивость в наклоне, величине и форме букв; произвольное употребление лигатур, аббревиатур, эксфонетических знаков; выносы отдельных букв и целых слогов за пределы строки; общее огрубление письма актов — все те черты, которые делали его представителем димотики этого времени, показателем уровня именно народной грамотности.[40]

Палеографический «образ» частноправового византийского акта находится в известном соответствии с его языковыми характеристиками. Если уж в канцеляриях представителей высшей администрации пишутся «одичалые в языковом отношении документы, в которых даже административные термины передаются неверно»,[41] то что говорить о частных актах, язык которых — причудливая смесь античных грамматических конструкций, привнесенных традиционным формуляром, стеснявших и затемнявших становление греко-византийского актового языка, с новыми димотическими формами, которые своими парадигмами и синтаксисом все более являют признаки перехода к новогреческому языку. Крайним выражением этих

---

[39] *Ferrari*. Formulari. № 37, p. 23, l. 19—20. Этой рекомендацией как будто специально воспользовался писец акта продажи из Мессины от 1076—1077 гг.: «Писана купчая рукой Аркумана, пресвитера и табулярия города Мессины» (Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 46, l. 27—28). Сами писали совершаемые ими акты клирик и табулярий Василий Веаск (Actes de Xéropotamou, № 12, p. 102, l. 40), анагност и табулярий Серрской митрополии Иоанн Фалакр (Actes de Kutlumus, № 47, p. 48, l. 28; Actes d'Esphigménou, № 9, p. 75, l. 27). В разделе о нотариате мы еще вернемся к этому.

[40] *Sigalas A*. Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς γραφῆς. Δεύτερα ἔκδοσις βελτιωμένη. Θεσσαλονίκη, 1974, σελ. 246—255.

[41] *Weiss G*. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 5. Более взвешенную оценку языка документов императорской канцелярии дает Икономидис, называя его «умеренно ученым», как правило, свободным на письме от ошибок в грамматике, синтаксисе или орфографии, но в то же время отмечая появление димотических форм и влияние разговорного языка. См.: *Oikonomidès N*. La chancellerie impériale de Byzance du 13-e au 15-e siècle // REB. 1985. T. 43. P. 176.

тенденций являются, скажем, акты XI—XII вв. из южноитальянского греческого монастыря Санта Мария ди Пертоза близ Авлетты (провинция Салерно), ныне хранящиеся в архиве монастыря Кавы и отражающие жизнь одной греческой общины, окруженной латинским миром и лишенной культурных контактов с греческим миром: нотарии, писавшие документы монастыря Пертозы, прямо-таки блистали своим невежеством, демонстрируя убогость словаря, грамматику, орфографию, само начертание букв, весьма далекие от того общегреческого средневекового койнэ, который мы наблюдаем не только в собственно Византии, но и в других, более «византинированных» областях Южной Италии, и это при том, что греческий язык южноитальянских документов был даже в византийскую эпоху отражением языкового состава населения, а не результатом политического господства.[42]

В частных актах мы можем встретить предлог ἀπὸ с аккусативом, замену датива генитивом в косвенном дополнении (например, в конструкции «продаю такому-то»: πουλοῦντες τοῦ καθηγουμένου χυροῦ κλήμη[43]), деформацию второго аориста (например, ἐγράφησαν—ἐγράφηκα[44]), появление ὑπάρχω в значении вспомогательного глагола, а также появление несклоняемой формы причастия настоящего времени от формы древнего причастия мужского рода настоящего времени в аккусативе (например, πιπράσκοντα, πουλῶντα, ἐνοχλοῦντα), к которой осталось добавить адвербиальную конечную сигму, чтобы получилась новогреческая единая форма активного причастия со значением герундия, соответствующая русскому деепричастию; исчезновение временного значения всех, за исключением индикатива, наклонений (модусов) и инфинитива, который начинает выражаться через глагол ἔχω или θέλω в конструкции с ἵνα/νὰ;[45] сослагательное наклонение в значении императива и т. д. Ситуация осложнялась к тому же проникновением в язык документов разговорных диалектных форм (например, особенно заметных в «Вазелонских актах» черт понтийского диалекта[46]), а также чрезвычайно неустойчивой орфографией. Последняя шла, как правило, от фонетики и изобиловала итацизмами, этацизмами, смешением ο—ω и др., создавая для исследователей массу дополнительных трудностей в понимании текста, но в то же время давая лингвистам первоклассный материал для воссоздания эволюции греческого языка византийского времени. Именно поэтому современная методика издания греческих документов (editio diplomatica) преду-

---

[42] *Falkenhausen V. von—Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 18.

[43] Actes de Dannoso, № 1, p. 22 (купчая 1031 г.); cf.: Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 42, l. 8 (купчая 1076/77 г.). Есть, впрочем, подозрение, не является ли эта форма отражением окончаний на -u в южноитальянских диалектах, как в случае замены генитивом ожидаемого аккусатива, см.: *Falkenhausen V. von.* Die Testamente des Abtes Gregor von San Filippo di Fragalà // Okeanos. 1983. Vol. 7. P. 184, n. 45a.

[44] Actes de Dannoso, p. 19.

[45] Ср.: *Mirambel A.* Essai sur l'évolution du verbe en grec byzantin // Bull. de la Soc. de linguistique de Paris. 1966. T. 61. P. 166—190.

[46] *Dölger F.* Zu den Urkunden des Vazelonsklosters bei Trapezunt // Dölger F. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 350—370.

сматривает воспроизведение всех палеографических особенностей оригинала (вплоть до фиксации сдвигов надстрочных знаков), каким бы диким не выглядел публикуемый текст с точки зрения норм научной орфографии, основанной на античном греческом языке (указание нормативного правописания наиболее искаженных слов дается в подстрочных примечаниях). Любопытно, что в некоторых случаях издатели актов все же считают необходимым наряду с editio diplomatica дать полную транскрипцию документа в соответствии с общепринятыми орфографическими нормами.[47]

КОПИИ И КОПИЙНЫЕ КНИГИ

Значительная часть византийских актов (примерно половина) сохранилась, однако не в оригинале: в отдельных копиях, в свитках или в рукописных сборниках копий. Хотя, как было отмечено выше, нотарий в момент составления документа, судя по всему, не обязан был изготовлять и официальную копию, у получателей документа (=правопреемников)[48] не могло не существовать вполне естественного желания обезопасить себя от его потери путем снятия копий.[49] Делалось это по-разному. Как и на Западе, нередкими были, например, записи частных актов (особенно дарственных) на свободных местах богослужебных книг, чаще всего сокращенные, наподобие хронографических помет, делавшиеся по мере приобретения церковью или монастырем нового имущества (главным образом недвижимого: хорафия, виноградника и т. д.) с целью «поминовения» дарителей, но и «для памяти» (εἰς ἐνθύμησιν), из практических соображений. Обычно эти записи резюмировали завещания дарителей или дарственные, т. е. содержание актов, которые хранились в архиве церкви или монастыря, но могли затеряться и исчезнуть. Иногда, не довольствуясь сокращенной записью, владелец документа переписывал его текст целиком или почти целиком. Так, на обороте свободного от текста последнего, 229-го листа пергаменного Евангелия XI в. из библиотеки Эсфигменского монастыря на Афоне списана полностью мировая грамота 1294 г. (почерком, современным документу), согласно которой Иоанн Вутцас и его сын Константин, а также их соседи Михаил Компис и его жена Мария признавали права монастыря Бого-

---

[47] Actes de Lavra, t. 1, № 35, p. 206—207; Actes d'Esphigménou, № 10, p. 80.

[48] В некоторых видах контрактов (эмфитевсис, обмен, мировая, брачный контракт), которые требовали взаимных обязательств, документы составлялись в таком количестве экземпляров-оригиналов (в русских актах — противней), сколько было контрагентов (обычно два). При двустороннем контракте каждый из контрагентов выступал и как автор, и как адресат, поэтому каждый был заинтересован в сохранении документа. Именно такая практика была в ходу в византийском Египте (см.: *Kübler B.* ʹΊσον und ἀντίγραφον // Zeitschrift der Savigny-stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. 1933. Bd 53, S. 64—98), а позднее она засвидетельствована и в областях собственно Византии, см., например: Actes de Docheiariou, № 4, p. 87, l. 97 (меновная 1117 г., составлена в двух экземплярах); Actes d'Esphigménou, № 13, p. 98, l. 43 (меновная 1316 г.).

[49] Как мы видели, диатаксисом Михаила Атталиаты специально предписывалось списывать акты в регистр — «кондакий», т. е. в картулярий монастыря.

родицы Цинцилукиотиссы на мельницу, которую они строили на участке, принадлежавшем данному монастырю.[50] В другом Евангелии (XII в.) из Пелопоннеса (ныне хранится в метеорском монастыре Преображения, пергаменная рукопись № 547) списано два акта: на л. 247 (внизу правого столбца, который оставался недописанным) — дарственная «канонического» епископа Мефоны Иоанна Оринопула от 1290/91 г. монастырю Богородицы в Кривицах на владение хорафием в 3 модия в местечке Ставрос; на л. 247 об. — дарственная иерея Иоанна Паганоса от 1327/28 г. тому же монастырю на владение виноградниками, оливковыми деревьями.[51] В Евангелии, датированном 1329 г. (пергаменная рукопись Addit. 5117 из библиотеки Британского музея), на л. 224 об. (предпоследнем в рукописи) списана целиком дарственная грамота (ψυχικοδοτικὸν γράμμα) Константина и Константины Стрелицас от 1457 г. в пользу церкви Кириаки в Мухли (Пелопоннес).[52] При отсутствии свободных листов в рукописи переписанный на соответствующем материале текст документа подклеивался в конце рукописи, как это сделал «великий сакелларий и дидаскал дидаскалов» Феодор Мелитениот (последняя четверть XIV в.): к бумажной рукописи комментария к Евангелию, писцом которой был он сам (Cod. Vat. gr. 684), он подклеил писанные и заверенные им же копии двух документов: на л. 360 об.—361 — акт 1388 г. на продажу Георгием Селимврином некоему Иоанну Ангелу Экзотроху виноградника в 5 музуриев в местности Кикловий, за пределами царственного града (т. е. Константинополя), и на л. 358 об.—359 — акт 1387 г. на получение Георгием Проксимом обусловленного договором приданого от его жены Ефросиньи.[53] Но все же более распространенными были копии, специально изготовленные на отдельных листах бумаги или пергамена и хранившиеся в архиве владельца документа вместе с оригиналом (так называемые «свободные копии»).

По способу изготовления свободные копии подразделяются на два уже давно известных в дипломатике вида: простые (copia simplex) и аутентичные (copia authentica).[54] Первые из них передают только текст документа, без его юридического оформления, т. е. подписи свидетелей и нотария или совсем опускаются, или переписываются писцом текста (иногда частично, сокращенно, иногда же не в личной форме — «я такой-то, свидетельствуя, подписал», — а в изложении, в перечне свидетелей, предваряемом словом μαρτυρία или просто μάρτυρες [55]). Аутентичные же копии отличаются от простых только тем, что содержат формулу аутентификации, состоящую из подписи

[50] Actes d'Esphigménou, App. E, p. 195—196.

[51] *Vranoussi E.* Δύο ἀνέκδοτα ἀφιερωτήρια ἔγγραφα ὑπὲρ τῆς μονῆς Θεοτόκου τῶν Κριβιτζῶν (ΙΓ' — ΙΔ αἰ.) // Σύμμεικτα, 1981, τόμ. 4, σελ. 17—47.

[52] *Manoussacas M.* Un acte de donation à l'église Sainte-Kyriaké de Mouchli (1457) // TM. 1981. T. 8. P. 315—319.

[53] *Schreiner.* Zwei Urkunden. P. 187—199.

[54] Ср.: *Valenti F.* Il documento medioevale: Nozioni di diplomatica generale e di cronologia. Modena, 1961. P. 99.

[55] *Vranoussi E.* Δύο ἀνέκδοτα ἀφιερωτήρια..., σελ. 25—28, καὶ πίν. IV.

какого-либо должностного лица (иногда на обороте документа), причем, как правило, не того нотария, который «совершал» оригинал документа, — факт, еще раз показывающий, что при выпуске оригинала документа не составлялось никакой официальной копии и что появление копий в архивах владельцев документов — частная инициатива самих владельцев. При этом предусматривалось сличение копии с оригиналом, но абсолютная верность, по-видимому, не считалась делом столь уж обязательным. Так, в заверенной в сентябре 1143 г. протом Афона Гавриилом аутентичной копии купчей 1034 г. из архива Эсфигменского монастыря опущены σίγνα продавцов, пропущены некоторые строки, из 16 свидетельских подписей воспроизведены только восемь, да и то не полностью, хотя формула аутентификации, которая содержится на оборотной стороне документа, состоит не только из подписи прота Гавриила, но и из его уведомления о колляции копии с оригиналом, об идентичности текстов и о дате аутентификации: «Сличив настоящую копию с оригиналом и найдя ее во всем идентичной ему, я, Гавриил, ничтожный монах и протос св. Горы, собственноручно подписал. Дата».[56] Интересны две древние копии акта 1048 г. из архива монастыря св. Пантелеймона,[57] сохранившегося и в оригинале (и копии, и оригинал писаны разными писцами на пергамене): одна из них демонстрирует изменения и пропуски в тексте, от сигнона остается только крест без имени, опущена часть свидетельских подписей (из 24 подписей 7 опущены, так как для них не хватило места); вторая же более верна тексту оригинала, полностью воспроизводит свидетельские подписи, но и в ней есть свои особенности, главной из которых является то, что в нее вставлен текст относящегося к делу указа императора Константина IX; о нем в оригинале документа только сказано, что он был вкратце зачитан (издатели опубликовали текст указа в аппарате).[58]

Особый тип копий образуют так называемые сборные копии (Sammelkopie, по терминологии Дэльгера,[59] которая укоренилась в дипломатике [60]), т. е. копии нескольких актов, предназначенных одному и тому же владельцу, объединенных для него же и заверенных одним нотарием или каким-либо другим должностным лицом. Писались эти сборные копии обычно одним писцом или на одном листе,

---

[56] Actes d'Esphigménou, № 1, p. 37: Τὸ παρὸν ἴσον τῷ πρωτοτύπῳ ἀντιβαλὼν καὶ κατὰ πάντα ἰσάζον εὑρὼν ὑπέγραψα χειρὶ οἰκείᾳ μηνὶ σεπτεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος ζ′ τοῦ ,ϛχνβ′ ἔτους. Ὁ εὐτελὴς μοναχὸς Γαβριὴλ καὶ πρῶτος τοῦ Ὄρους.

[57] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 4, p. 39—50.

[58] Дэльгер считал этот документ подлинным, полагая, что автор второй копии разыскал его в архиве Протата и включил его в текст изготовленной им копии акта (см.: *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. . . № 886). Однако издатели актов Пантелеймонова монастыря считают эту гипотезу маловероятной; по их мнению (которое и нам кажется более обоснованным), автор копии, скорее всего, сам реконструировал текст императорского питтакия (Actes de Saint-Pantéléèmôn, p. 48).

[59] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 298.

[60] См., например: *Vranoussi E.* 1) Contribution à l'étude de la paléographie diplomatique. P. 442, 443; 2) Κεκυρωμένη συλλογὴ ἐπισήμων ἐγγράφων τῆς ἐν Πάτμῳ μονῆς εἰς εἰλητὸν τοῦ ΙΑ′ *αἰῶνος* // *Σύμμεικτα*, 1966, I, σελ. 116.

если число копируемых актов было незначительным (например, сборная копия из трех купчих на земельные участки у Струмицы для Феодора Тетрагонита, январь—июнь 1286 г., хранится в архиве Ивирского монастыря на Афоне — Iberon. E.-A.-N. 51),[61] или, если число их было значительным, на разных листах, которые затем склеивались и сворачивались в свиток. К последним относятся, например: писанная на бумаге сборная копия серии купчих от 1323—1326 гг. из архива Хиландарского монастыря на Афоне;[62] уникальный документ на пергамене длиной 2900 мм и шириной в среднем 250 мм из архива Ксиропотамского монастыря на Афоне, писанный одним писцом (письмо XIV в.) и представляющий собою сборную копию 55 актов купли-продажи и дарений 1310—1325 гг. (сейчас свиток расклеен на несколько кусков), заверенную собственноручной подписью Феодосия, епископа Ардамериона (суффрагана Солунской митрополии);[63] несколько аутентичных сборных копий из архива Патмосского монастыря Иоанна Богослова, из которых сборная копия, заверенная митрополитом Лимны,[64] была снята не с оригиналов, а с другой сборной копии, заверенной митрополитом Иерона и другими прелатами этой митрополии.[65] По этим же принципам был изготовлен самый знаменитый и самый длинный (8068 мм) византийский свиток из архива того же монастыря (Иоанна Богослова на Патмосе), составленный из 20 бумажных листов, на которых скопировано 15 актов, относившихся к владениям монастыря, среди которых, правда, нет ни одного частного, — только жалованные грамоты императора Алексея I Комнина и императрицы Анны Далассины, а также описи владений (два практикона), составленные чиновниками фиска (акты не были списаны в свиток в строго хронологическом порядке).[66] Наиболее интересным в этом документе является то, что формула аутентификации, состоящая из собственноручной, достаточно неуклю-

---

[61] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... S. 298—301, № 110 (заверена великим экономом святейшей епископии Струмицы и табулярием Тивериуполя иереем Иоанном Нином). Не являются ли аналогичными же сборными копиями документы № 119 от 1329 г. (три акта списаны вместе, но заверяющая их подпись «диакона и номика» епископии Иериссу Михаила завершает каждый акт в отдельности), № 142 и 143 (каждый из которых объединяет две купчие 1355 г.) из архива Хиландарского монастыря, которые, однако, квалифицируются издателями как оригиналы? См.: Actes de Chilandar, p. 250—252, 299—303.

[62] Actes de Chilandar, № 98, 99, 105, 107, 108, 109 (этот последний документ сам является записью серии 25 продаж крестьянами из Серр Хиландарскому монастырю различных земельных участков в период с 1323 по 1326 г. Как он может быть «оригиналом», непонятно. Впрочем, по этому старому изданию актов Хиландарского монастыря вообще трудно составить представление о характере документов).

[63] Actes de Xéropotamou, № 16, p. 109—127 (формула аутентификации идентична по смыслу формуле вышеупомянутой эсфигменской копии, см. примеч. 41, но несколько отличается от нее по стилю: p. 127, l. 327).

[64] Тексты документов этой сборной копии изданы: MM, vol. 6, № 53—60, p. 166—174.

[65] *Vranoussi E.* Contribution à l'étude de la paléographie diplomatique. P. 443.

[66] *Vranoussi E.* 1) Κεχυρωμένη συλλογή..., σελ. 95—119, καὶ πίν. 3—6; 2) Une collection authentiquée d'actes du couvent de Patmos et ses notices dorsales (XIe s.): Notes de diplomatique byzantine // Σύμμεικτα, 1967, II, σελ. 329—348.

жей и изобилующей орфографическими ошибками подписи некоего Георгия Плевриса, содержащей уведомление об осуществленной колляции копий с оригиналами, о скреплении документа печатью этого должностного лица (печать не сохранилась) и о дате аутентификации,[67] вписана между предпоследним, 14-м документом и последним, 15-м, а затем еще раз и очень своеобразно использована на обратной стороне свитка: первая часть пометы Георгия Плевриса, констатирующая проведение колляции копий с подлинниками, разбита на 21 слог, которые Георгий Плеврис вписал огромными буквами на обороте документа — на склейках кусков бумаги (κολλήματα) — явно с целью обезопасить документ от возможности подделки путем интерполирования новых кусков в число тех, которые он собственноручно заверил. Не является ли этот дорсальный способ аутентификации доказательством в пользу точки зрения Эры Врануссi о возникновении этого свитка в недрах императорской канцелярии? Ведь известны и другие аутентичные копии императорских хрисовулов, заверенные аналогичным образом именно представителем центральной администрации (например, судьей вилы по схеме: первая склейка — ὁ, вторая — κριτής, третья — τοῦ βήλου, причем тоже огромными буквами).[68] В этом отношении симптоматично и то, что в свиток не были включены копии частноправовых актов, хранившихся в архиве Патмосского монастыря.

Нам остается добавить, что сама практика образования свитков из склеенных вместе копий документов идет, по-видимому, из глубины веков, возможно, от бытовавшего в эллинистическом Египте обычая составлять из склеенных оригиналов документов так называемый τόμος συγκολλήσιμος.[69] Дожив до позднейших времен (мы видели, что еще в XIV в. в Византии составлялись свитки), этот обычай все же утратил свою силу и свое значение в XIII в., будучи заменен другим — составлять сборники копий документов.

Значение «копийных книг», известных под названием «кодексы» или «кодики» (κώδικες) [70] и существенно пополняющих запас актового

---

[67] По вопросу о личности Георгия Плевриса разошлись во мнениях Икономидис и Врануссi. Первый из них, ссылаясь на явную малограмотность этого должностного лица, считает его представителем провинциальной администрации; следовательно, и копия, по мнению Икономидиса, была составлена в какой-то провинциальной канцелярии (на Родосе, на Самосе или даже на самом Патмосе). См.: *Oikonomides N.* Σημείωμα γιὰ τὸ κεκυρωμένο ἀντίγραφο παλαιῶν ἐγγράφων τῆς Πάτμου // Σύμμεικτα, 1966, 1, σελ. 120—124. По мнению же Врануссi, низкий культурный уровень должностного лица — явление не столь уж редкое и для центральной администрации, представителем которой она склонна считать Георгия Плевриса (*Vranoussi E.* Κεκυρωμένη συλλογή. . ., σελ. 114—115).

[68] Ср.: *Vranoussi E.* Une collection authentiquée. . . P. 347—348.

[69] *Wolff H. J.* Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaeer und des Prinzipats. München, 1978. Bd II. S. 34.

[70] Не менее употребительным у византийцев для обозначения подобного рода сборников был термин κοντάκιον (множ. число — κοντάκια, не путать с литургическими кондаками). В дипломатике же их чаще всего называют или «копийными книгами» (см.: Kopialbuch —// *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen // Archiv für Urkundenforschung. 1933. Bd 13. S. 39 ff.), или «картуляриями» (от лат. cartularium; *Guillou A.* Les débuts de la diplomatique byzantine:

материала, находящегося в распоряжении историков, общеизвестно, и тем не менее приходится констатировать, что именно этот раздел византийского и поствизантийского источниковедения является наименее разработанным. Фактически мы можем очень немногое сказать о задачах, целях, принципах и причинах составления этих сборников. Дипломатический же анализ попросту отсутствует, а между тем именно в отношении дипломатики этот тип исторического источника особенно интересен.

В настоящее время выявлено немало византийских и поствизантийских копийных книг.[71] Наиболее известными византийскими копийными книгами являются кодекс соединенных фессалийских монастырей Макринитиссы и Новой Петры (cod. Taurin 237, к сожалению, сгоревший в 1904 г.),[72] дипломатарий монастыря Лемвиотиссы (Vindob. hist. graec. 125, olim. 68),[73] копийная книга монастыря св. Павла на горе Латро у Милета (cod. Vatic. Urbin. graec. 80, fol. 250 sq., как полагает Герланд, копия),[74] знаменитый παλαιὸς κῶδιξ монастыря Иоанна Продрома на горе Μενοικὶς у Серр (утерянный и сравнительно недавно обнаруженный Дуйчевым в Библиотеке Пражского университета, ныне cod. XXV, c. 9 (605)),[75] копийные книги монастыря τῆς 'Ελεούσης у Струмицы [76] и монастыря Иоанна Продрома на горе Вазелон, или Завулон, у Трапезунда (Греч. 743 ГПБ им. Салтыкова-Щедрина),[77] дипломатарий XVIII в., происходящий, по нашим предположениям, из константинопольской патриархии (F № 3

Cyrille de Lavra // BCH. 1958. Vol. 82. P. 615; *Dujčev I.* Le cartulaire S du monastère de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménecée retrouvé // REB. 1958. Vol. 16. P. 169—171 etc.). Впрочем, Дэльгер и Караяннопулос предпочитают всем этим названиям термин diplomatarium (*Dölger F.*, *Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: die Kaiserurkunden. München, 1968. S. 26, Anm. 7).

[71] Литературу об этих сборниках см.: *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen. S. 39, Anm. 1; *Medvedev I. P.* Cartulaires byzantins et postbyzantins // RSBS. 1984. T. 3 (=Miscellanea Agostino Pertusi, 3). P. 95—109.

[72] MM, vol. 4, p. 330—430.

[73] Ibid. P. 1—289.

[74] Ibid. P. 290—329.

[75] Cartulary A of st. John Prodromos Monastery, with an introduction by I. Dujčev (Variorum Reprints. Byz. Ser. 6). London, 1972 (первое факсимильное издание кодекса по Пражской рукописи XXV, c. 9 (605)). Cf.: *Dölger F.* 1) Die Urkunden des Johannes-Prodromes-Klosters bei Serrai // SB. Bayer. Akad. Wiss. Phil.-hist. Kl. München, 1935. H. 9; 2) Nachrichten über den «alten Codex A» des Iohannes-Prodromes-Klosters bei Serrai // BZ. 1936. Bd 36. S. 278; *Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955. P. 18 sq.; *Dujčev I.* 1) Le cartulaire A du monastère de Saint-Prodrome sur le mont Ménécée retrouvé. P. 169—171; 2) Der wiederaufgefundene «Alte Kodex» des Iohannes-Prodromes Klosters bei Serrai // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. 1959. Bd 2. S. 116—121; 3) L'ancien cartulaire du monastère de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée // ЗРВИ. 1960. Кн. 6. С. 171—185; *Laurent V.* Remarques sur le cartulaire du couvent de Saint-Jean Prodrome sur le mont Ménécée. // REB. 1960. Vol. 18. P. 293—299.

[76] *Petit L.* Le monastère de Notre Dame de Pitié // ИРАИК. 1900. 4. С. 25—46.

[77] Вазелонские акты; ср. также: *Dölger F.* Zu den Urkunden des Vaselonsklosters bei Trapezunt // Dölger F. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 350—370.

Библиотеки АН СССР),[78] картулярий монастыря Ксерохорафий τῆς Ἱερᾶς, остатки которого найдены в рукописях Marciani S. Marco 308 et 316, Bolleianus Roe 9, Ambrosianus P. 121 sup.,[79] и др. Следует подчеркнуть, что многие монастыри имели такие книги в нескольких списках. Например, кодекс «В» (cod. Athen 2857) и так называемая «копия Нотары», принадлежавшие монастырю Иоанна Продрома на Меникийской горе, были скопированы (соответственно в конце XVII и начале XVIII в.) с упомянутого уже «древнего кодекса А» этого монастыря, в большом количестве списков существовали кодексы Вазелонского монастыря [80] и т. д.

Интересен сам по себе факт, что возникновение византийских копийных книг приходится как будто на XIII в.[81] Если не ошибаемся, именно в это время в Византии прекращается массовое употребление сборных копий в свитках и так называемых регистрационных книг (commentarii principis, ῥέγεστα, μερήσιαι συνοδικαὶ παρασημειώσεις и т. д.), т. е. книг, в которых регистрировались выпущенные какой-либо канцелярией или полученные дестинатором документы с кратким изложением их содержания. Как канцелярия патриархата, так и императорская канцелярия переходят к снятию копий in extenso (εἰδήσεις) с выпускаемых ими императорских и патриарших актов в особых регистрах (ἱερὸς κώδιξ патриархата и θέσις или βασιλικὴ θέσις императорской канцелярии), из которых дошло лишь два патриарших регистра; что представляли собой императорские θέσεις, можно лишь догадываться.[82] Приостановление регистрационной практики светскими властями связывается обычно с фактом латинского завоева-

---

[78] *Медведев И. П.* Поздние копии византийских документов в собрании Библиотеки Академии наук СССР // ВВ. 1971. Т. 32. С. 223—231.

[79] *Wilson N.*, *Darrouzès J.* Restes du cartulaire de Hiéra Xérochoraphion // REB. 1968. Vol. 26. p. 5—47.

[80] См.: Вазелонские акты, с. I—XXVIII. Любопытны сведения, сообщаемые Успенским и Бенешевичем о четвертом кодексе (Д) Вазелонского монастыря, который был «увезен кем-то из европейских путешественников» и в котором «находились документы древнейшие, будто бы даже от 772 г.». «Нужно желать, — заключают они, — чтобы этот кодекс поскорее обнаружился в одной из европейских библиотек». (Там же. С. V). К сожалению, до сих пор нам не удалось обнаружить следов этого пропавшего вазелонского кодекса, без чего мы не можем решиться на давно уже назревшее и в принципе запланированное нами переиздание актов этого монастыря.

[81] По крайней мере именно к этому времени относится древнейший из известных нам кодекс соединенных монастырей Макринитиссы и Новой Петры. Что касается кодекса Меникейского монастыря, его датируют то 1344 г. (*Hig. Christophore.* Προσκυνητάριον τῆς ἐν Μακεδονίᾳ παρὰ τῇ πόλει Σερρῶν σταυροπηγιακῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ ἁγίου Προδρόμου. Leipzig, 1904. S. 4; *Dölger F.* Die Urkunden des Johannes-Prodromes-Klosters. . . S. 5, Anm. 1), то периодом между 1345 и 1352 гг. (*Guillou A.* Les archives de Saint-Jean-Prodrome. . . P. 18; *Dujčev I.* L'ancien cartulaire. . . P. 172), и только Лоран (на наш взгляд, совершенно безосновательно) считает, что сборник составлен в XV в. или в лучшем случае в конце XIV в. (*Laurent V.* Remarques sur le cartulaire. . . P. 295).

[82] См.: *Dölger F.* Παρασπορά. Ettal, 1961. P. 238—239; *Darrouzès J.* Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle. P. 203, 319; *Oikonomidès N.* La chancellerie impériale de Byzance du 13e au 15e siècle. P. 187 et notes 21, 22.

ния.[83] Но в таком случае напрашивается мысль: не вызвано ли возникновение практики составления копийных сборников также латинским завоеванием и привнесением в Византию западноевропейского картулярия? Если эта гипотеза верна, то, очевидно, придется отбросить мнение о генетической связи византийских копийных книг с вышеупомянутыми регистрационными книгами.

Что касается состава византийских и поствизантийских копийных книг, то он достаточно пестр: среди копий документов можно встретить жалованные грамоты (императорские хрисовулы и простагмы), акты церковно-административного управления, патриаршие документы, акты частного характера (купчие, дарения, завещания, брачные контракты и т. д.), нередко также и монастырские типики. Так, кодекс Струмицкого монастыря включает ктиторский устав, семь грамот императоров комниновской династии и акт отвода монастырю земли 12 дворов монастырских париков; ὁ παλαιός κῶδιξ Меникийского монастыря также содержит типик монастыря и 14 актов (12 императорских, один хрисовул Стефана Душана и один патриарший документ). При этом нередко такого рода книги представляют собой не просто механическую сводку копий с единичных актов, а сборники с особой системой подбора материала. Несомненно был обработан и носил явные следы редакции монастырский дипломатарий Макринитиссы и Новой Петры. Ф. Баришич, который предпринял попытку реконструкции интерпретации этого погибшего кодекса, используя пинаксы, опубликованные Ж. Пазини в 1749 г. и содержащие важные пометы, пишет,[84] что кодекс был не просто сборником копий, но настоящим произведением особого значения: дипломатарий был составлен по единому методическому плану «не только с технической точки зрения, но и с идеологической», по указу императора Михаила VIII; документы расположены в известном порядке, который обнаруживает своего рода иерархию актов. Сначала идут хрисовулы и простагмы Михаила Палеолога (№ 1—5) и аргировул его брата Иоанна (№ 6), две грамоты местных деспотов Дук (№ 7 и 8), патриаршие грамоты и постановления (синодальное и епископское) о правах и владениях обоих монастырей (№ 9—18). Далее помещены приказы севастократора, потом деспота, императорского брата Иоанна Палеолога о различных имуществах монастырей (№ 19—24). Последующие документы (№ 25—42) относятся к различным метохам и угодиям обоих монастырей, причем из них выделяется группа актов продажи и пожертвований со стороны жителей сел Дрианувены и Велестина (№ 27—33). Все документы относятся к ограниченному промежутку времени — 1245—1278 гг. Редактор кодекса не только расположил акты в известном порядке и перенумеровал

---

[83] *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen. S. 34; *Nystazopoulou-Pélékidou M.* Sur la diplomatique byzantine à l'époque de l'Empire de Nicée // Byzantiaka. 1983. T. 3. P. 166.

[84] *Barišić F.* Diplomatar tesalijskich monastira Makrinitissa i Nea Petra // ЗРВИ. 1975. 16. С. 69—104; ср.: *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. София, 1903. С. 176; *Wilson N.*, *Darrouzès J.* Restes du cartulaire. . . P. 12.

сходные, но и вставил в некоторых случаях прозаические и стихотворные вступления и эпилоги.

Надо сказать, что погибший дипломатарий Макринитиссы и Новой Петры, судя по описанию Дж. Пазини и по изданию, вообще весьма существенно отличался от других известных нам монастырских картуляриев. Изготовленный с явной претензией на роскошь, он был писан на тонком, тщательно выделанном пергамене (258 л., формат in quarto) изысканным каллиграфическим почерком с применением золота (очевидно, для инициалов), украшен несколькими десятками миниатюр, в том числе и портретами ктитора Николая Иоасафа Малиасина и его жены Анны Анфусы Палеологины Малиасины;[85] на первых листах содержал детальное оглавление рукописи в двух отдельных индексах-пинаках (в первом из них под порядковыми номерами перечислены все акты, переписанные в кодексе и составленные в регестообразном стиле, с воспроизведением инципитов отдельных грамот; во втором же перечислены все тексты, добавленные к кодексу «тем, кто составил книгу», παρὰ τοῦ τὴν βίβλον συντάξαντος).

Из эстетических же, видимо, соображений (чтобы не нарушать внешний вид заполненного текстом листа) анонимный редактор дипломатария отказался от воспроизведения подписей под публичными документами, а все, без исключения, частные акты даны им не только без сигнонов (собственноручных помет авторов в начале документа), но и без подписей свидетелей в конце его, что в общем-то почти никогда не делалось составителями подобного рода копийных книг; обычно они тщательно сохраняют все элементы частноправового акта, заботясь, очевидно, о его юридической значимости. Как раз переходя к списыванию в кодекс частноправовых актов, составитель дипломатария Макринитиссы так определил свою позицию.[86] «Изложения этих документов приводятся по порядку (κατὰ τάξιν). Мы не считали необходимым копировать сигноны (τὰς σιγνογραφίας) сторон, как, впрочем, и подписи свидетелей, полагая излишним (περιττόν) и здесь упоминать имена тех лиц, которые уже записаны в оригиналах (τοὺς ἐν τοῖς κυρίοις καταγεγραμμένους κἀνταῦθα διεκτιθέναι), но лишь дать буквально точное изложение существа сделок (τὸ τῶν ὑποθέσεων δὲ μόνον διὰ παντὸς αὐταῖς λέξεσι διεγχαράξαι).[87] Ибо эти документы и

[85] Уже Пазини вынужден был констатировать, что многие миниатюры были вырезаны или выдраны целые листы, из-за чего пострадали не только драгоценные с точки зрения византийской архивистики записи редактора кодекса, но и тексты самих актов, особенно публичных: у одних из них отсутствует начало, у других — конец, у третьих — и то и другое, и все это перекочевало в издание кодекса, создав для исследователей немало трудностей хронологического порядка. См.: *Trapp E.* Chronologisches zu den Diplomatarien des Pauloskloster am Latros und der Makrinitissa // Byz. Forschungen. 1972. Bd 4. S. 206—213.

[86] MM, vol. 4, p. 391.

[87] Прав ли Баришич, переводя эту фразу в сербском варианте своей статьи как «и овде такоħе наводе и на тај начин целине текстова стално нагрħују простим низаньем имена» (*Barišić F.* Diplomatar. . . P. 83), а во французском — как «de défigurer de cette manière constamment les ensembles des textes par la simple énumeration des noms?» (Ibid. P. 102). Здесь нельзя упускать из виду смысл юри-

сами по себе (ἐξ ἑαυτῶν) в состоянии обеспечить их достоверность и надежность (τὸ ἀληθὲς τε καὶ βέβαιον), но еще и из того, что они добавили книге прочного и незыблемого». Под «прочным и незыблемым» (τὸ ἑδραῖον καὶ ἀσφαλὲς) имелась в виду, несомненно, аутентификация кодекса собственноручными подписями императора Андроника II Палеолога (выполнена красными чернилами) и патриарха Иоанна Векка (черными чернилами).

Здесь мы сталкиваемся с одной из основных проблем, которые встают перед исследователями в процессе изучения византийских и поствизантийских копийных книг, — с проблемой правомочности признания за ними свойств официального документа, облеченного общественным доверием (fides publica) и способного в известных обстоятельствах фигурировать в качестве средства доказательства (при утрате подлинников скопированных документов), скажем, прав монастыря на земельные владения. Дэльгер и Караяннопулос также задаются этим вопросом: «Обладали ли и в какой мере эти дипломатарии публичным доверием?» — и тут же делают любопытное добавление: «. . .если они (т. е. дипломатарии. — *И. М.*) не были надлежащим образом заверены?».[88] Иначе говоря, Дэльгер и Караяннопулос считают само собой разумеющимся, что монастырские копийные сборники официального характера, т. е. скрепленные тем или иным лицом, облеченным общественным доверием, являлись документами и могли заменить подлинник. Такие «заверенные» копийные книги действительно имелись в Византии, и самой знаменитой из них является уже знакомый нам кодекс монастырей Макринитиссы и Новой Петры, собственноручно скрепленный подписями императора Андроника II Палеолога и патриарха Иоанна Векка.[89] Вряд ли можно сомневаться, что эти подписи воспринимались как бесспорное средство аутентификации, придавшее кодексу publica fides.[90] Нере-

---

дического понятия ὑπόθεσις как «существа сделки», как «дела», а также смысл выражения αὐταῖς λέξεσι (= αὐτολεξεί), которое употреблялось, когда речь шла о снятии точных, «слово в слово», копий. См.: *Медведев И. П.* Ревизия византийских документов на Руси в конце XIV в. // ВИД. 1976. 7. С. 292.

[88] *Dölger F.*, *Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 26, 133.

[89] MM, vol. 4, p. 430. Дэльгер и Караяннопулос утверждают, что личными подписями императора и патриарха (имена не указаны) удостоверен дипломатарий монастыря Иоанна Продрома на Меникийской горе (*Dölger F.*, *Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 26, Anm. 12). Но это явная ошибка. Последний вообще не имеет никакого знака аутентификации, хотя он, по мнению Лорана, и производит впечатление официального сборника, составленного с претензией на публичное доверие (recueil officiel destiné à faire foi), о чем свидетельствуют, по мнению этого же ученого, ясное расположение текстов и прекрасная каллиграфия (*Laurent V.* Remarques sur le cartulaire. . . P. 294). Очевидно, Дэльгер и Караяннопулос имеют в виду упомянутые нами подписи Андроника II Палеолога и патриарха Иоанна Векка в кодексе монастырей Макринитиссы и Новой Петры.

[90] *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen. S. 39. Вильсон и Даррузес как будто скептически настроены даже в отношении этого случая «удостоверения», подчеркивая его уникальность и тот факт, что «именно этот картулярий наименее надежен из всех в том, что касается воспроизведения подписей (свидетелей. — *И. М.*), по крайней мере для частных актов; пометы и стихотворные вставки, сопровождающие многие акты, особенно императорские и патриаршие,

шенным остается вопрос о большей части тех византийских и поствизантийских копийных книг, которые вообще не имеют никаких скреп и, стало быть, не являются официальными. Герланд считает, что эти сборники были обязаны своим возникновением «не столько практическим потребностям, сколько научным интересам», добавляя при этом: «Богословские, юридические, исторические штудии вели к собиранию документальных доказательств».[91] Он даже не замечает, что противоречит самому себе, ибо двумя страницами выше утверждает, что «возникновение копийных книг было обусловлено желанием получателей документов спасти текст находившихся в их архивах документов от утраты»,[92] очевидно, для того, чтобы потом воспользоваться копийной книгой как средством доказательства. Явно находясь под влиянием формулировки Герланда, Дэльгер и Караяннопулос тем не менее пожелали ее слегка смягчить: «Часто такие дипломатарии преследовали не только практические цели, но в известной мере и научные».[93] Наконец, следует отметить мнение Д. Папахрисанфу, которая в рецензии на книгу Дэльгера и Караяннопулоса предложила относить копийные книги к разряду «свободных копий» (copies libres), предназначенных для внутреннего использования. «Действительно, — пишет она, — архивы содержат большое число копий, иногда очень древних, которые никогда не признавались имеющими законную силу (validées), ибо они были предназначены для внутреннего использования. Они в своем большинстве честны и достойны доверия (honnêtes et dignes de foi) и оказывают огромную помощь для установления текста испорченных оригиналов. Именно в это подразделение должны входить подражательные копии (copies figurées), гораздо менее ценные и все достаточно поздние, а также большая часть контакиев (картуляриев), которые не признавались имеющими юридическую силу».[94]

Безусловно, все эти положения, высказанные Папахрисанфу и Васильевским, в значительной степени отражают суть дела. Как западный картулярий (на Западе такие сборники копий, получившие название pancarta, были характерны для XII в., а с начала XIII в. они выходят из употребления) или древнерусская копийная книга, византийский «кодик» служил прежде всего удобству обращения с материалом актов, его составление всегда связано с разбором монастырского архива и, можно думать, с упорядочением вообще монастырского хозяйства. Он не заменяет подлинных актов, ибо в принципе византийскому суду, согласно Василикам, должны были представляться оригиналы документов, а не копии или черновые наб-

---

имеют свое значение, но не могут заменить точную копию во время судебного разбирательства» (*Wilson N.*, *Darrouzès J.* Restes du cartulaire. . . P. 11).

[91] *Gerland E.* Das byzantinische Registerwesen. S. 40.

[92] Ibid. S. 38.

[93] *Dölger F.*, *Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. S. 26.

[94] RH. 1970. T. 244. P. 163. См. также мнение Васильевского относительно кодекса Лемвиотиссы: это «первоначальный оригинал, картулярий или дипломатарий, составленный и переписанный в самом монастыре в конце XIII столетия для исторической памяти и для практических нужд» (*Васильевский В. Г.* Материалы для истории Византийского государства // ЖМНП. 1880, июль. С. 114)

роски.[95] И тем не менее жизнь заставляла вносить коррективы и в этот принцип. Несовершенство регистрационной техники, неразбериха в архивном деле, массовая утрата подлинных документов, отсутствие развитого нотариального права и нотариата как особого государственного института, несовершенство судебной экспертизы подлинности документов — все эти и многие другие неблагоприятные с точки зрения соблюдения правоотношений факторы, которые мы наблюдаем в поздней Византии, должны были привести к повышению роли копий вообще и копийных книг в частности.[96] Списывая в особые книги тексты пожалованных некогда или тут же грамот или письменных актов об юридических сделках (иногда непосредственно с оригинала), люди, как нам кажется, не просто тешили свои «научные интересы» (писали ведь зачастую полуграмотные), но стремились удовлетворить потребность хоть в какой-то оправдательной документации на владение их имуществом.[97]

Разумеется, только обнаружение ссылок на такого рода копийные книги в случаях судебного разбирательства (и как следствие такой ссылки — выигранный процесс) может подтвердить это, и мы знаем теперь, что судебная практика Византии знала подобные случаи. Так, в 1367 г. священник прихода Хортокопия Георгий вместе со своим зятем Царуа, который пользовался в округе большим влиянием, завладел двумя участками пахотной земли в этом селе, которые принадлежали соседнему монастырю Иоанна Предтечи, именуемому Завулон, или Вазелон. Тогда игумен монастыря иеромонах Никодим обратился с жалобой к судье всей области Мацуки. Последний прибыл на место, осмотрел спорные участки, выслушал доводы той и другой стороны в присутствии заслуживающих доверия старцев и ознакомился с письменными актами и с кодиком обители, как по ним значилось дело (εἴδομεν τὰ δικαιώματα καὶ τὸν κώδικα τῆς μονῆς). Противная же сторона не представила никаких актов, а при-

---

[95] В. 22.1.31; cf. В. 2.5.23 (о необходимости предъявлять императорские грамоты только в оригинале, снабженными подписью соответствующего императора, а не в копии). О документах, в том числе и копиях, предоставлявшихся суду в Византии в качестве средства доказательства, см.: *Dölger F.* Der Beweis im byzantinischen Gerichtsverfahren // La Preuve (Antiquité). 1965. XVI (1). S. 608—609; *Simon D.* Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess. München, 1969. S. 351.

[96] Ср. мнение Трояноса о том, что указания Василик предъявлять суду только подлинники документов «из практических соображений не соблюдались»: *Troianos S. N.* Ἡ ἐκκλησιαστικὴ διαδικασία μεταξὺ 656 καὶ 1204. Ἐν Ἀθήναις, 1969, σ. 77, σημ. 13; cf. *Oikonomidès N.* Σημείωμα..., σελ. 122.

[97] Разумеется, сказанное не относится к таким позднейшим копийным книгам, как кодексы Лавры. Составители их (Кирилл Лавриот, Феодорит Лавриот, Александр Эвморфопулос), судя по всему, преследовали действительно чисто научные цели: текст списанных в этих кодексах документов подвергнут дипломатическому анализу, особо выделены эсхатокол, удостоверительные термины и т. д. Очевидно, А. Гийу имел все основания квалифицировать деятельность первого из названных составителей — Кирилла Лавриота (XVIII в.) — как «начало византийской дипломатики» (*Guillou A.* Les débuts de la diplomatique byzantine. . . . P. 610—634; *Kourilas E.* Θεοδωρήτος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ κωδικογράφος // BZ. 1951. Bd 44. S. 343—346.

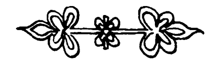
водила лишь бездоказательные слова (λόγους κενά). «И когда мы, — говорит судья, — рассмотрели и выслушали обстоятельства дела, то противную сторону обвинили, игумена же нашли правым и передали ему вышеуказанные две смежные полосы на веки вечные. Точно так же по отношению к хорафию Хулиона, называемому Крани, он оказался правым, доказав по кодику свое право. И в этом случае мы обвинили односельчан, игумена же признали законным владетелем участка, который передали ему отныне и навсегда, так что никто не сможет тревожить святую обитель относительно этого дела».[98]

---

[98] Вазелонские акты, № 120, с. 89.

ГЛАВА II

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЧАСТНОПРАВОВОГО ВИЗАНТИЙСКОГО АКТА

СБОРНИКИ ФОРМУЛЯРОВ

Византийское законодательство о порядке заключения письменных сделок затрагивало лишь некоторые, хотя и принципиально важные вопросы оформления письменных документов, по преимуществу вопросы нотариата (см. главу III). Отправляясь от них, византийский нотарий в сущности не мог бы составить письменный акт как таковой, т. е. документ, облеченный в соответствующую форму. Для последнего существовали выработанные многовековой юридической практикой и искусством письменного изложения (ars dictaminis) особые образцы документов — formae, объединенные в сборники — формулярии. Известные со времен античности, эти образцы представляли собой некий скелет, или субстрат, акта, освобожденный от всякого конкретного материала, некую модель, которую составители актов всегда имели под рукой или знали наизусть (в случае же отсутствия использовали имевшиеся в их распоряжении старые акты, приспосабливая их к данному конкретному случаю).[1]

Несколько подобного рода сборников образцов греческих актов дошло до нас и опубликовано: по греческой рукописи XV в. Parisinus gr. 2509, f. 158—170 целую подборку из 30 формуляров (среди них образцы актов продажи, дарений, брачных договоров, актов усыновлений и т. д.) без всякого комментария издал Сафа, датирующий сами эти образцы XII в.;[2] аналогичный одному из его формуляров (№ 4) образец акта продажи издал по рукописи Vindob. iur. gr.

[1] *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique française et pontificale. Paris, 1929. P. 126—127; *Dumas Au.* La diplomatique et la forme des actes // Moyen-Âge. 1932. T. 42. P. 25.

[2] *Sathas.* Τύποι. P. 607—640. В самой рукописи нет общего заглавия к этой подборке формуляров, но один из владельцев рукописи — знаменитый писец и коллекционер рукописей с о-ва Корфу Антоний Эпарх (XVI в.) — в оглавлении на л. 13 об. назвал ее так: Τύπος τέχνης τῆς τῶν γραμματέων, дав тем самым Дюканжу повод говорить в его Glossarium graecitatis о парижской рукописи, якобы содержащей ars notaria, и породив необоснованные надежды на существование в Византии специального пособия по нотариату, наподобие трактатов Роландино Пассаджери или Гийома Дюрана, см.: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge zur Geschichte des byzantinisches Urkundenwesens // Zachariae von Lingenthal K. E. Kleine Schriften zur römischen und byzantinischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1973. Bd 2. S. 587—588.

7. f. 230r—230v и детально прокомментировал Зимон,[3] пришедший к выводу, что в лице его формуляра и формуляра Сафы мы имеем дело со «столичным формуляром купчей XIV в.» (помимо сходства в редакциях, это доказывается и константинопольским происхождением обеих рукописей), хотя речь и не идет о едином для всей митрополии формуляре купчей, что видно на примере формуляра № 8 в издании Сафы, который в целом обнаруживает большое сходство с № 4, но все же во многих пунктах стилизован иначе; [4] по рукописи XIII в. Vaticanus gr. 867, f. 30—43 v (датирована 1259 г., по своим палеографическим данным может быть отнесена к рукописям южноитальянского происхождения) собрание образцов актов (под заглавием Ἀρχὴ τῶν ἄκτων) было опубликовано Феррари;[5] серию образцов актов по нескольким другим рукописям (12 — по рукописи XV в. Cod. Athos Panteleimonos 152, 2 — по рукописи XV в. Parisinus gr. 1788, 1 — по рукописи XIII в. Scorialensis R II 12) опубликовали Зимон, Троянос и Вайс,[6] причем группа образцов, содержащихся в афонской рукописи, резко выделяется по своему характеру из всей совокупности дошедших до нас формуляров. «Речь идет не об образцах, переписанных из какого-то формулярия, — говорят издатели, — а об извлечениях из конкретных документов. Путем погашения всех специфических особенностей отдельных текстов автор формуляров пытался изготовить клише».[7] Этот хорошо известный на Западе способ получения формуляра не был до сих пор засвидетельствован в Византии. Особой сноровки при этом автор (а им был, по убедительному мнению издателей, монах одного из монастырей из района малоазийских генуэзских колоний, использовавший в качестве своего образца картулярий монастыря) не обнаружил, не будучи, очевидно, особенно квалифицированным в юридическом отношении и в отношении нотариальной практики. Тем не менее эти формуляры чрезвычайно интересны, ибо отражают особенности составления частных актов в среде греческого населения, уже долгое время находившегося под латинским, в частности генуэзским, господством (особенно любопытен составленный на итало-греческой тарабарщине формуляр акта об опеке, озаглавленный ἐπιτροπικόν[8]).

УСЛОВНЫЙ ФОРМУЛЯР ЧАСТНОГО АКТА

Сопоставление формуляров со всем актовым материалом позволяет в значительной мере прояснить наши представления о внутренней структуре частноправового византийского акта, выявить общее

[3] *Simon*. Kaufformular. S. 155—181.
[4] Ibid. S. 176.
[5] *Ferrari*. Formulari.
[6] *Weiss*. Dialysisformulare. S. 175—186; *Simon, Troianos*. Geschäftsformulare. S. 262—295. Два из 13 опубликованных Зимоном и Трояносом формуляров, как оказалось, были уже изданы Цахариэ, см.: *Matses N*. Τὰ δύο ὑπο τῶν D. Simon καὶ Σ. Τρωιάνου ἐκδοθέντα ὡς δῆθεν ἀνέκδοτα τυπικὰ βυζαντινῶν προικοσυμφώνων. ’Αθῆναι, 1983, 1 σελ.
[7] *Simon, Troianos*. Geschäftsformulare. S. 263.
[8] Ibid. S. 290, № 9.

и особенное актов, происходящих из различных районов Византийской империи, вскрыть тайный смысл и функциональное назначение тех сухих, унифицированных и стандартных словосочетаний — формул, или клаузул, из которых и складывается эта структура. Как известно, в актах любого типа мы можем выделить два основных смысловых раздела: протокол, обычно обозначаемый в дипломатике generalis formalis tenor, характеризуемый как «совокупность формул, которыми открывается и закрывается tenor акта», и служащий как бы оправой для текста (начальный протокол и финальный протокол, т. е. собственно эсхатокол); и собственно «текст» (specialis tenor, обычно обозначаемый словом ὕφος), т. е. совокупность формул, раскрывающих суть данного казуса и образующих в свою очередь два относительно самостоятельных раздела: 1) диспозитивный, содержащий объявление воли диспозанта, или сторон, и изложение обстоятельств сделки; 2) раздел дополнительных клаузул, предназначенных обеспечить полную действенность юридическому акту в соответствии с действующим законодательством эпохи (отсюда название sanctiones, которое иногда дают этим клаузулам).[9] Воспользуемся, однако, при рассмотрении отдельных формул той схемой, которую предложил еще Вернадский (ибо его статья является первой аналитической работой о византийском частноправовом акте, о чем несправедливо умалчивается), имевший дело с документами венского кодекса малоазийского монастыря Лемвиотиссы и разбивший формуляр наиболее полных грамот на 17 смысловых разделов [10] (естественно, с нашими собственными коррективами, обусловленными современным состоянием науки и нашим знанием совокупного актового материала). Разумеется, это не будет формуляром какого-то конкретного частного акта и даже какого-то определенного типа частных византийских актов, но, скорее, тем, что С. М. Каштанов называет «условным формуляром»,[11] т. е. наиболее общей схемой построения византийского частноправового документа в целом, именно его структурой, в общем и целом свойственной любой разновидности частных византийских актов, причем независимо от района империи, из которого тот или иной акт происходил (Амелотти подчеркивает даже «фундаментальное совпадение» южноитальянского частного акта с собственно византийским [12]). Правда, в одной из работ при анализе формуляра некоторых поздневизантийских актов (купчих грамот) утверждалось, что в Византии не было единого для всей империи формуляра купчих грамот, что в ней, как и на Западе, в каждой крупной канцелярии имелся свой

---

[9] *Boüard A. de.* Manuel de diplomatique... P. 255, 277—278; *Dumas Au.* Etude sur le classement des formes des actes // Moyen-Âge. 1933. T. 43. P. 81—97; 1934. T. 44. P. 17—41.

[10] *Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII века // Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925. С. 35—44.

[11] *Каштанов С. М.* Дипломатический состав древнерусского акта // ВИД. 1969. 2. С. 145.

[12] *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento nell' Italia Meridionale greca (X—XV secole). Roma, 1982. P. 48.

формуляр, который изменялся с течением времени.[13] Однако выявленные различия не настолько значительны, чтобы можно было прийти к столь категорическому выводу: наличие единого формуляра отнюдь не исключает вполне естественных местных стилистических вариаций, да и то часто различие в формуляре актов, вышедших из одной и той же местности, существеннее, нежели различия в актах, вышедших из разных местностей. Тем не менее во избежание недоразумений приведем приблизительную таблицу распределения подлежащих рассмотрению клаузул по различным типам частноправовых византийских актов.

Клаузула	Acta inter vivos							Acta mortis causa
	купчие	дарственные	меновные	мировые	раздельные	отступные	брачные	завещания
I. Заглавие акта	—	—	—	—	—	—	—	—
II. Протаге/сигнон	+	+	±	+	+	+	+	—
III. Инвокация	±	±	+	+	+	+	+	—
IV. Annus Imperii	±	±	—	—	—	—	—	—
V. Имя автора акта	+	+	+	+	+	+	+	+
VI. Распоряжение	+	+	+	+	+	+	+	+
VII. Имя правопреемника	+	+	+	+	+	+	+	+
VIII. Предмет сделки	+	+	+	+	+	+	+	+
IX. История сделки (narratio)	±	+	±	±	±	+	—	+ (с элементами аренги, помещается в голове акта)
X. Оповещение	±	—	—	—	—	—	—	—
XI. Цена	+	—	—	—	—	—	Условия сделки	—
XII. Передача предмета сделки	+	+	+	+	+	+	—	—
XIII. Права правопреемника	+	+	+	+	+	+	—	+
XIV. Эпителия	±	±	—	—	—	—	—	—
XV. Отказ от эксцепций	+	+	+	+	+	+	—	—
XVI. Гарантия против эвикции	+	+	+	+	+	+	—	—
XVII. Неустойка	+	+	+	+	+	+	+	+ (духовные кары против нарушителя)
XVIII. Корроборация	+	+	+	+	+	+	+	+
XIX. Дата	+	+	+	+	+	+	+	+
XX. Подписи свидетелей	+	+	+	+	+	+	+	+
XXI. Подпись нотария	+	+	+	+	+	+	+	+

[13] *Каждан А. П.* Локальные формуляры поздневизантийских грамот // ВВ. 1950. Т. 3. С. 387—393.

Попробуем прокомментировать клаузулы.

I. Заглавие акта. Вернадский выделяет его в отдельную (самую первую) клаузулу на том основании, что некоторые документы кодекса монастыря Лемвиотиссы имеют такое заглавие — название. На это обратил внимание и Феррари, который подошел к данному факту критически: «Этот элемент, иногда отсутствующий и на Востоке (имеются в виду те же акты Лемвиотиссы, — *И. М.*), является новшеством, которое не фигурирует в документах Италии. Но способ публикации документов (в Кодексе монастыря Лемвиотиссы. — *И. М.*) не позволяет определить, восходят ли эти регесты, резюмирующие вкратце содержание документа, к моменту изготовления акта или же, как мы считаем, являются позднейшим творчеством того, кто собрал и скопировал документы в дипломатарий. Если бы мы захотели допустить невероятную гипотезу о том, что такие интитуляции восходят к изготовлению документа, то можно было бы, наверно, сравнить их с дорсальными записями греко-египетских папирусов, если не латинских документов».[14]

К сожалению, эта гипотеза Феррари действительно оказалась «невероятной», так как ни формулярии не требуют специального обозначения номенклатуры акта, вынесенного в заглавие,[15] ни (и это самое главное) подлинные акты, дошедшие до нас, также не содержат этого элемента. Несомненно, что наличие его в кодексе Лемвиотиссы является делом рук редактора кодекса. Доказывается это еще и тем, что при переписывании текста документа в кодекс его редактор не всегда верно определял номенклатуру акта. Так, дарственную 1210 г. он озаглавил следующим образом: «Составленный ранее (προγεγονός) письменный продажный акт (πρατήριον ἔγγραφον) иерея Иоанна Полея и его детей о масличных деревьях, которые они продали иерею Льву Музифре».[16] Ясно, что такое заглавие могло появиться лишь позднее, при переписывании акта в кодекс.

Разумеется, каждый документ имеет свое название,[17] получая его от юридического акта, от типа сделки, но оно не выносится в заглавие, а содержится в самом тексте, когда автор (диспозант) сообщает о выпуске документа в пользу адресата. При этом наблюдаются большая вариантность и отсутствие строгой технической терминологии. Завещания, например, называются как διαθήκη, так и

---

[14] *Ferrari G.* I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia Meridionale. Leipzig, 1910. P. 88—89.

[15] Правда, своим собственным формулярам составители сборников дают заглавия ἄκτος (формулярий Сафы) или ἄκτον (формулярий Феррари) с добавлением определения, например: ἄκτον εἰς πρᾶσιν ψυχαρίου ἢ ζώου (*Ferrari.* Formulari, № 37, p. 22). Отметим также слово ἴσον в необычном значении «формуляр» (*Weiss.* Dialysisformulare. S. 176, 181—182). Даются и другие названия, отражающие природу контракта.

[16] MM, vol. 4, № 55, p. 119; cf. *Matses N. P.* Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου. Ἐκδ. Β'. Ἀθῆναι, 1976, σελ. 39.

[17] Есть, впрочем, и исключения. В купчей 1245 г. из кодекса Вазелонского монастыря, например, нет названия документа и вообще ничего не говорится о его выпуске; акцент, стало быть, сделан на заключении сделки (ἐπωλήσαμεν), а не на выпуске документа (Вазелонские акты, № 49, с. 26).

διατύπωσις с определениями φανερά («открытое» — имеется в виду завещание, содержание которого доведено до сведения свидетелей) или, напротив, μυστική (закрытое, буквально «тайное»),[18] но наряду с этими составленными по всей форме перед номиком и свидетелями типами завещаний были еще διαθηκῷα γράμματα, т. е. простые распоряжения, сделанные на смертном одре, которые не были оформлены соответствующим образом[19] и поэтому, как считает Цахариэ фон Лингенталь, их «соблюдение целиком зависело от доброй воли тех, которых это касается».[20] Дарственные именуются то как δωρεά с определениями ἁπλή (простая), ψυχική или χαριστική (т. е. во спасение души),[21] то как ἀφιέρωσις или ἀφιερωτήριον, когда речь идет о благочестивом пожертвовании.[22] Мировые сделки довольно однозначно, хотя и не совсем точно, определяются как διαλύσεις или διαλυτικαὶ ἀσφάλειαι.[23] Что же касается самой массовой категории частных актов — купчих, то для их обозначения чаще всего употреблялись термины πρατήριον ἔγγραφον (или просто πρατήριον — «продажная грамота») и πρᾶσις (или διάπρασις, ἀπόπρασις[24]), часто с определениями καθαρά (чистая), φανερά (открытая), а иногда (особенно в вазелонских актах) — γραφική;[25] употребляют также термины ἐκδοτικὴ συμφωνία,[26] ἐκδοτήριον γράμμα,[27] ἀσφαλιστικὴ γραφὴ или просто γραφή;[28] в южноитальянских грамотах часто χαρτίον или ὁ ἀγοραῖος χάρτης,[29] а в известной купчей 897 г. из архива Лавры мы встречаем целый «букет» терминов: λίβελλος τῆς ἀποταγῆς — καθαρὰ ὠνή, ἐκχώρησις καὶ διάπρασις — ἔγγραφος ἀσφάλεια.[30]

---

[18] Пример такого «мистического» завещания 1093 г., подписанного тестатором и 7 свидетелями (и дополнительно подписанного 5 свидетелями кодицилла), содержат акты Патмосского монастыря (MM, vol. 6, № 20, p. 81—90). «Мистическим» было также знаменитое завещание Воилы 1059 г. (*Lemerle P.* Le testament d'Eustathios Boilas (avril 1059) // Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977. P. 21, l. 20—21), но зато не содержит никаких уточнений (открытое, тайное?) διαθήκη Григория, игумена греческого монастыря Сан Филиппо ди Фрагала́, от 1096/97 г., см.: *Falkenhausen V. von.* Die Testamente des Abtes Gregor von San Filippo di Fragalà // Okeanos. 1983. Vol. 7. P. 174—195.

[19] MM, vol. 4, № 51, p. 112.

[20] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge. . . S. 581.

[21] См. соответственно: Actes de Zographou, № 2, p. 4 (дарственная 1038 г.); Вазелонские акты, № 65, с. 39 (дарственная 1302 г.); № 68, с. 41 (дарственная второй половины XIII в.).

[22] Actes de Dionysiou, № 19, p. 112—114 (дарственная 1420 г.).

[23] Ibid., № 1, p. 40—42 (мировая сделка от 1056 г.).

[24] Этот последний термин встретился нам только однажды — в издаваемой нами купчей 1246 г. из Диррахия (см. далее, с. 233, строка 19).

[25] Вазелонские акты, № 92, с. 54 (купчая 1273 г.).

[26] Там же, № 64, с. 38 (купчая 1259 г.).

[27] Там же, № 48, с. 25 (купчая 1349 г.).

[28] Там же, № 82, с. 48 (купчая 1265 или 1280 г.); № 83, с. 49 (купчая 1261 или 1276 г.); № 84, с. 49 (купчая 1263 или 1288 г.); № 87, с. 51 (купчая 1284 г.); № 89 (купчая второй половины XIII в.); № 90, с. 52 (купчая второй половины XIII в.); № 91, с. 53 (купчая второй половины XIII в.); № 92, с. 54 (купчая 1273 г.).

[29] Actes de S. Maria di Messina, № 4, p. 60 (купчая 1123 г.); 2) Actes de Dannoso, № 1, p. 25 (купчая 1031 г.); № 2, p. 32 (купчая 1036 г.).

[30] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 89—91.

Небольшая проблема возникла в отношении значения определения καθαρά, которое чаще всего сочетается с термином πρᾶσις, но встречается и в обозначениях других категорий документов (см., например, καθαρὰ διαθήκη в актах Лемвиотиссы[31]). Предлагалось переводить это слово на немецкий язык то как unverfälscht, то как vorbehaltlos[32] (соответственно «неподдельная» или «безоговорочная»). Не слишком ли сложно и не стоит ли, исходя из простой этимологии слова, понимать его именно как «чистая» в смысле (продажа) «в чистом виде»? Ведь мы знаем, что были и другие акты, что «в чистом виде» продажа совершалась сравнительно редко. Чаще же она была смешана с дарением (venditio cum donatione mixta).[33] Так, известны купчая второй половины XIII в. из кодекса Вазелонского монастыря, закрепляющая превращение дара (земли), сделанного ранее монастырю, в акт продажи, так как по просьбе дарителя монахи выплатили за участок земли 5 аспров и оказали «другие благодеяния» (название самого документа, правда, отсутствует);[34] совмещенный акт продажи—дарения (ἀφιεροτήριον καὶ πρατήριον ἔγγραφον), согласно которому из 20 стремм отчуждаемой в пользу Ксиропотамского монастыря земли 14 продаются, а 6 — дарятся;[35] аналогичный документ 1321 г. из архива Зографского монастыря, в котором объединены дарственная и ряд актов продажи (некий Петр ὁ τοῦ Τζέρνη дарит Зографу церковь Архистратига, построенную им, а земли, прилегающие к ней, продаются их собственниками этому монастырю);[36] акт 952 г. фессалоникского судьи Самонаса, который, разбирая дело об отчуждении собственности, квалифицировал документ сделки как «грамоту о продаже, в то же время имеющую силу дарственной» (ἔγγραφος πρᾶσις ἐν ταὐτῷ καὶ χαριστικῆς δύναμιν ἔχουσα) на том основании, что часть недвижимости была продана, а часть — подарена (видимо, случай не был чем-то необычным, ибо акт не вызвал подозрений в подлинности, а само отчуждение было санкционировано);[37] наконец, прелюбопытный акт 1048 г. из архива монастыря св. Пантелеймона (συμβιβαστικὴ ἀσφάλεια ἤτοι λόγου ψυχικοῦ χαριστική — договорное соглашение или душедарственная),[38] который, по мнению первого издателя этих актов Ф. А. Терновского, «представляет собой образчик неумения старцев того времени составлять акты, имеющие значение и судебного расследования, и начальственного приговора,

---

[31] MM, vol. 4, № 117, p. 201.

[32] *Simon*. Kaufformular. S. 162; *Simon*, *Troianos*. Geschäftsformulare. S. 269.

[33] *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως ἐν βυζαντινῷ δικαίῳ// EEBS. 1968, τόμ. 36, σελ. 50.

[34] Вазелонские акты, № 51, с. 28.

[35] Actes de Xéropotamou, № *16*, p. *116—127*. Ср. также ἀφιερωτήριον καὶ πρατήριον 1315 г. из архива Ксенофонтова монастыря, согласно которому Никифор Кладон и его жена Мария жертвуют в пользу этого монастыря половину своих владений в Фессалонике, а вторую половину продают ему (Actes de Xénophon, № 10, p. 113—116).

[36] Actes de Zographou, № 19, p. 43—46.

[37] Actes de Lavra, t. 1, № 4, p. 101—102.

[38] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 4, p. 48—50.

и частной сделки тяжущихся лиц».[39] Действительно, этот акт — эклектическая смесь элементов судебного разбирательства, мировой сделки, купчей и дарственной. Даже лицо, от имени которого составляется акт (автор), меняется: начинается акт, как типичная купчая, документ пишется от имени дателя (Григория, монаха и игумена монастыря), который раньше в этом деле выступал в роли ответчика. Затем формула сделки («закрепляю настоящим моим собственноручным писанием тебе. . .») резко обрывается и следует изложение истории дела: несколько лет назад он, Григорий, продал за 5 монет Иоанникию, монаху и игумену монастыря Ксилургу, запустевшее место (τόπιον ῥύπιον) для постройки склада или, лучше сказать, пристани для судов. Но по прошествии нескольких лет ученики Григория разрушили это строение. Иоанникий обратился с жалобой не к кому-нибудь, а к самому императору. На имя прота была получена императорская грамота, которую огласили на общей сходке. Дальнейшее изложение ведется от лица старцев: «. . .когда мы выслушали все, что в этом питтакие содержалось, святейший наш прот захватил с собой всех бывших на собрании игуменов, и мы все вместе отправились на это место и нашли, что дом был полностью разрушен и находился в упадке. И было найдено справедливым подвергнуть штрафу Григория (значит, о нем уже в третьем лице! — *И. М.*) за такое своеволие, как говорилось и в императорском указе. Мы же, желая соединить и примирить обе стороны, обратились с увещеванием к Иоанникию, и при нем братья. . . и примирили тех и других». Затем акт снова приобретает черты купчей и ведется от лица Григория: «Итак, достигши теперь мирного соглашения, я передал тебе (δέδωκα σοι ἐγώ) участок в 8 сажен длины и ширины напротив склада (магазина) Филадельфа». Во втором лице указывается бывший истец, а теперь фактически покупатель Иоанникий: «Ты же опять, монах Иоанникий, дал нам за этот участок 6 номисм». Далее следуют указание участка, формулы, определяющие порядок очистки, писец, дата, подписи свидетелей — все как полагается.

И еще об одной паре эпитетов, органической частью входящих в название акта — ἔγγραφος καὶ ἐνυπόγραφος («писанный и подписанный»). По мнению Зимона, это выражение, известное уже папирусам VI в. (ссылка на P. Flor. 323, 9 и P. Oxy. 129, 11), имеет в виду деятельность табулярия.[40] Может быть, первоначально так оно и было, но с течением времени этот строгий технический смысл стал как будто забываться, приобретя общее значение письменного волеизъявления, снабженного соответствующими подписями и другими знаками валидации. Во всяком случае встречается немало документов (а вазелонские акты — все, без исключения), которые не скреплены и

[39] Акты русского на св. Афоне монастыря св. Пантелеймона. Киев, 1873. С. 28, примеч. 2. Что касается только что цитированного нового издания актов монастыря св. Пантелеймона, то их издатели выходят из положения тем, что обозначают акт нейтральным «Arrengement entre les moines» (Actes de Saint-Pantéléèmôn, p. 48).

[40] *Simon.* Kaufformular. S. 162.

не подписаны табулярием, оставаясь тем не менее ἔγγραφοι καὶ ἐνυπόγραφοι.

II. Собственноручная помета (προταγή) автора документа (продавца, дарителя), которой неизменно открывается каждый акт и которая представляет собою или знак креста (σίγνον), между ветвями которого табулярий или писец текста помечал «сигнон такого-то» (в том случае, если автор был неграмотен, что обычно),[41] или же (иногда) маленький крестик и запись: «Я, такой-то (приводятся все титулы), собственной рукой (слова «собственной рукой» могут и отсутствовать) προέταξα». Постановку сигнона предусматривают и формулярии, как, впрочем, и связанную с протаге формулу «предпославший (προτάξας или ἐγχαράξας — «начертавший» или ποιήσας, προγράψας) собственноручно честной и животворный крест со своим именем» в тексте документа, при указании имени продавца. Эта формула появилась, очевидно, позднее, не ранее XI в. Во всяком случае, если уже в папирусах V в. можно встретить предпосланные тексту документа кресты, то формула «предпославший честной и животворный крест» в них отсутствует;[42] то же самое мы видим в купчей 897 г. из архива Лавры и купчей 980 г. из архива Зографского монастыря.[43]

Редакция формулы о собственноручной постановке креста варьируется по стилю, видимо, в зависимости от того, из какой канцелярии акт вышел. Самой распространенной является следующая: ὁ (или οἱ) ἄνωθεν (или ἄνω, или ἐνταῦθα) τοῦ παρόντος ὕφους τὸν τύπον τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ (или ζωηφόρου, без τιμίου)[44] σταυροῦ ἰδιοχείρως (или οἰκείαις χερσῖν) προτάξας (или προτάξαντες, ἐγχαράξαντες, ποιήσαντες, даже καθυπογράψαντες[45]), примеры бесчисленны. Вместо слов τύπον—σταυροῦ могли написать τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν или просто σταυροτύπως,[46] или же διὰ σταυρικῆς σιγνογραφίας;[47] могли вставить перед причастием слова ὡς ὁρᾶται,[48] и т. д., а вазелонские акты, которые иногда также используют эту формулу,[49] явно предпочитают ей редакцию ὁ (οἱ) ἄνωθεν σιγνογραφήσας (—ντες) οἰκειοχείρως (с вариантами).[50]

---

[41] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge. . . S. 582. Любопытный пример приводит Гийу: в подлинном акте 1031 г. из Калабрии и кресты, и имена продавцов (за исключением одного — монаха Исайи) писаны рукой нотария (Actes de Dannoso, № 1, p. 19, 21).

[42] *Simon.* Kaufformular. S. 161.

[43] Actes de Lavra, t. 1, p. 89—91; Actes de Zographou, № 1, p. 1. Разумеется, встречаются и поздние акты без данной формулы, см., например: Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 3, p. 70 (купчая 1030 г.); Вазелонские акты, № 17, с. 8 (купчая 1260 г.); № 21, с. 9 (купчая 1260 г.).

[44] *Ferrari.* Formulari. № 37, p. 22; Actes de Xéropotamou, № 16, l. 24, 46, 125, 131, 135, 144, 181, 186, 197, 200, 214, 236, 254.

[45] Этот последний термин встречается в акте продажи 1076/77 г. из Мессины, см.: Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 46.

[46] Actes de Xéropotamou, № 16, l. 3, 36, 54, 63, 71, 84, 152, 159, 171, 177, 191, 205, 211, 219, 223, 233, 246, 251, 258, 265, 271, 275, 279, 300.

[47] *Schreiner.* Zwei Urkunden. № 1. S. 189, Z. 4.

[48] Actes de Xéropotamou, № 16, l. 3, 36, 54, 71, 84, 152, 159, 177, 191, 279, 300.

[49] Вазелонские акты, № 64, с. 38 (купчая 1259 г.).

[50] Там же, № 24, с. 10 (купчая 1260 г.); № 37, с. 16 (купчая 1260 г.); № 49, с. 26 (купчая 1245 г.); № 89, с. 52 (купчая второй половины XIII в.). Любопытна

Нередко автор документа не только «надписывает», но и подписывает акт, ставя свою подпись (как это отмечается в самом документе) после того, как табулярий зачитал ему документ и «растолковал» его. Так, в купчей 1270 г. ее автор (иеромонах и кафигумен Ватопедского монастыря), сделавший в начале документа запись +Μάμας κτλ.... προέγραψα, расписался и в конце документа, отметив, что он προέταξα καὶ ὑπέταξα ἰδιοχείρως; монахи же Ватопедского монастыря, которые тоже входят в понятие продавца, обязаны были подписаться в конце акта, что и оговорено в протаге: οἱ μοναχοί, οἱ καὶ κάτωθεν τὰ ὀνόματα ἡμῶν ὑπογράψαι ὀφείλοντες.[51] Известен также акт, автор которого, забыв сделать запись в начале документа, расписывается только в конце, что и оговаривается (ἄνωθεν ὀφείλων προτάξαι κάτωθεν ὑποτάξας).[52]

Следует отметить, что автором документа могла быть целая семья. Например, в купчей Лавры 897 г., в которой продавцами выступают Георгия, вдова Димитрия Цагараста, ее шесть сыновей и одна дочь, все восемь человек поставили в протоколе документа свои кресты и надписи.[53] В другом акте все члены семьи Михаила Какавы (11 человек) также поставили свои сигноны.[54] Как явствует из дарственной 1267 г. монастыря Лемвиотиссы, это делалось для того, чтобы наследники лица, отчуждающего собственность, не могли затем воспротивиться акту,[55] или же (как это в более лаконичной форме выражено в купчей 1387 г.) «для удостоверения того, что будет сказано» в тексте документа (εἰς πίστωσιν τῶν λεχθησομένων).[56]

Таким образом, оставляемые автором (или авторами) документа в протоколе προταγή и в эсхатоколе ὑποταγή являлись фактически его (или их) подписью (ὑπογραφή=subscriptio),[57] развитием функций, роли и формы той ὑπογραφή, которая впервые появилась на частных актах еще во II в. до н. э. с возникновением аллографичного документа:[58] ставя свою «подпись» на документе, составленном и писанном от его имени каким-то третьим лицом (нотарием или специальным писцом, которые, как мы далее увидим, должны были сообщить и о себе сведения, оговорив, что они действуют за заявителя), автор

купчая 1264 г., в которой обе редакции соединены вместе, являя собой явный плеоназм. (Там же, № 39, с. 18).

[51] Actes de Zographou, № 9, p. 25—27.

[52] MM, vol. 4, № 55, p. 121.

[53] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 89.

[54] MM, vol. 4, № 25, p. 77.

[55] Ibid., № 93, p. 169—170.

[56] *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1, S. 189. Z. 4.

[57] По мнению Питцакиса, слово ὑπογραφή («подпись») приобрело также значение написания имени в начале документа, а глагол προτάσσω был обусловлен не местом подписи (впереди), а подписью на документе до «комблы» табеллиона (*Pitsakes K*. Κριτικὲς παρατηρήσεις στὸ κείμενον τῆς 'Εξαβίβλου// EKEIED, 1971, τόμ. 18, σελ. 260). См. также составленный им глоссарий к «Шестикнижию», где глагол προτάσσω переводится как «ставлю свое имя или знак (τὴν σφραγίδα μου) в начале текста, в противоположность к ὑποτάσσω = подписываю» (*Pitsakes K*. // Hexabiblos, p. 417).

[58] *Wolff H. J*. Das Recht der griechischen Papyri Ägyptens in der Zeit der Ptolemaeer und des Prinzipats. Bd II: Organisation und Kontrolle des privaten Rechtsverkehrs. München, 1978. S. 164—166.

документа как бы брал на себя всю полноту ответственности за совершенное волеизъявление и принятое на себя обязательство, за правовые последствия совершенной сделки. Кроме того, наличие «подписи» автора было важным средством валидации акта, так как выбивало почву из-под возможных утверждений в его подложности.

Отметим в заключение, что постановка крестов, необходимость которых в юридическом плане (как предпосылка законности частноправового акта) диктовалась, как мы увидим далее, 72-й новеллой Льва VI, отсутствовала тем не менее в таком типе документов, как завещания. Об этом говорилось в ходе судебного разбирательства, которое вел Димитрий Хоматиан: ответчик поставил под сомнение законность завещания умершей на том основании, что ею не был поставлен крест (ἐκ τοῦ μὴ ἐπιφέρεσθαι σιγνογραφίαν) и не было пометы местного табулярия, но Димитрий Хоматиан разъяснил, что есть обычай, согласно которому необязательно начинать завещание постановкой креста или протаге, а также пометой табулярия.[59] Действительно, есть немало завещаний, в которых сигноны отсутствуют, однако и в завещаниях тестаторы прибегали иногда к паре προταγή — ὑποταγή, посредством которой они «подписывали» акт.[60]

III. Инвокация, т. е. призывание имени божия, — важная, с точки зрения валидации акта, часть протокола, «призванная показать, что акт, помещенный под имя Бога или Христа, не мог быть составлен без серьезных намерений»,[61] и наряду со знаками креста санкционированная 72-й новеллой Льва VI в качестве предпосылки законности акта. В отличие от латинских документов с их трафаретной формулой «In nomine domini, Amen» [62] византийские акты содержат инвокацию в ее тринитарной формуле простой редакции («во имя отца и сына и святого духа» — примеры бесчисленны) или пространной за счет разнообразных эпитетов, в соответствии с риторическими наклонностями составителя (см., например, странную инвокацию в одной купчей 1276 г. из кодекса Лемвиотиссы, на которую обратил внимание и Феррари: «с благословения (εὐδοκία) предвечного (προανάρχου) отца, при содействии (συνεργία) совечного (συνάρχου) сына и по внушению (ἐπινεύσει) пресвятого и животворящего духа».[63] В формулярах, а иногда и в реальных документах к призыванию Троицы добавляется: «с полным правом и истиной прославляемой и благословляемой госпожи нашей, богородицы и вечнодевственной Марии».[64] Встречаются и другие сочетания: например, в купчей

---

[59] *Pitra J. B.* Analecta sacra et classica spicilegio solesmensi parata. Paris, 1891. Vol. 6, col. 155.

[60] См., например: MM, vol. 6, № 20, p. 81.

[61] *Dumas Au.* Etude sur le classement des formes des actes. P. 92.

[62] Явной калькой этой формулы является инвокация ἐν ὀνόματι τοῦ κυρίου ἀμήν, встречающаяся в уже упоминавшихся двух формулярах мировой сделки, возникших в среде греческого населения, долгое время находившегося под латинским владычеством. См.: *Weiss.* Dialysisformulare. S. 176, 178, 182.

[63] MM, vol. 4, № 98, p. 174—175; *Ferrari G.* I documenti greci medioevali. . . P. 89.

[64] *Sathas.* Τύποι, № 4, p. 612; *Simon, Troianos.* Geschäftsformulare. № 1 und 10. S. 267, 290; *Simon.* Kaufformular. S. 157; MM, vol. 4, № 10, p. 48 (дарствен-

897 г. из архива Лавры фигурирует инвокация «Во имя господа и господина (κυρίου καὶ δεσπότου) Иисуса Христа, истинного бога и спасителя нашего, и пресвятой непорочной прославляемой и благословляемой незапятнанной госпожи нашей, богородицы и вечнодевственной Марии, с полным основанием и истиной богородицы и вечнодевственной»[65] — пример плеонастического нагромождения эпитетов и неумелого их расположения.

Сопоставив эти варианты инвокации, нельзя прийти к выводу о ее стадиальном развитии, ибо, как об этом красноречиво свидетельствуют данные, собранные Зимоном, все они (эти варианты) встречаются уже в VI в. в папирусных документах, да и сама формулировка новеллы Льва VI (для законности акта «достаточны» постановка креста и призывание Троицы) допускает предположение, что уже раньше X в. тринитарная инвокация считалась необходимой.[66] Отметим еще, что в некоторых типах частных документов инвокация часто вообще опускалась (например, в дарственных, иногда и в купчих[67]).

IV. Обозначение имени царствующего лица или соправителей, например «в царствование благочестивейших и боговенчанных великих наших императоров. . .» и т. д. (с вариантами) — датировка по царствованию (Annus Imperii), предписывавшаяся 47-й новеллой Юстиниана, включенной и в Василики (B.22.2.2), но (не взирая на сердитое юстиниановское absurdum — «не обозначать царствование в документах, как тех, что приняты в судах, так и абсолютно во всех, в которых фиксируется время их выпуска», — Nov. 47, pr.) в XII в., согласно свидетельству Зонары, вышедшая из употребления.[68] Впрочем, в папирусах, как полагает Зимон, она пришла в упадок еще раньше — с арабским завоеванием,[69] а в южноитальянских документах уже в XI и в первой половине XII в. встречается лишь спорадически.[70] Поздневизантийские документы демонстрируют почти исключительно датировку с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира. Однако отдельные датировки по царствованию в протоколе (в сочетании с заключительной датировкой по мировому году в эсхатоколе) держались не только до XIII в.,[71] как считает

ная 1230 г.); № 20, p. 66 (купчая 1242 г.); № 21, p. 69 (купчая 1257 г.); № 32, p. 87 (дарственная 1257 г.); *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1. S. 189 (купчая 1387 г.).

[65] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 89. Плеонастическое словосочетание κυρίου καὶ δεσπότου по отношению к Христу встречаем в инвокации папирусов VI в. (P. Mon. 14. 1; PSI. 52; 59—61; 63).

[66] *Simon*. Kaufformular. S. 160.

[67] MM, vol. 4, № 35, p. 91; № 45, p. 104; № 52, p. 114; № 58, p. 125; № 59, p. 137; № 87, p. 159; № 118, p. 203; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. № 13. S. 53; Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 46; № 5; Actes de Zographou, № 19, p. 43—46 (комбинированный акт 1321 г.); *Hunger*. Zwei Urkunden. № 1. S. 299.

[68] *Rhallis G. A. — Potlis M*. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθῆναι, 1966, τομ. 3, σελ. 556.

[69] *Simon*. Kaufformular. S. 161.

[70] Syllabus. № 15 (акт 1015 г.), № 99 (акт 1126 г.).

[71] MM, vol. 4, № 10, p. 48 (дарственная 1230 г.); № 20, p. 66 (дарственная 1242 г.); № 25, p. 77 (купчая 1232 г.).

Зимон,[72] но и позднее, например в акте продажи 1387 г., сохранившемся в копии Феодора Мелитениота.[73] Переходным звеном от начальной датировки по царствованию к простой заключительной датировке в эсхатоколе можно считать купчую 897 г. из архива Лавры, в протоколе которой (после инвокации) содержатся как весьма цветистая датировка по царствованию («в царствование благочестивейших и богоизбранных премудрых миротворцев, великих и самодержавных императоров наших и всей ойкумены Льва и Александра, порфирородных августов»), так и датировка по месяцу, индикту и году от сотворения мира, а в эсхатоколе просто указывается начальная датировка (βασιλικῇ ὑπατείᾳ, μηνί, ἡμέρᾳ, ἰνδικτιῶνι τοῖς προγεγραμμένοις).[74]

Надо сказать, что такого рода обозначение царствования в начале акта отнюдь не имело целью дать точную хронологическую «привязку» документа, а, будучи одним из элементов «идеи Империи», прежде всего служило целям политической пропаганды, причем вне зависимости от того, применялась ли подобная датировка в официальных публичных или в частных актах[75] (в последних, по-видимому, она рассматривалась, помимо всего прочего, как элемент, подкрепляющий законность документа). Поэтому представляется несколько неожиданным то, что формулярии, которые, казалось бы, должны были отражать все формально-официальные требования, вообще не упоминают датировки по царствованию. Возможно, последняя была необязательным анахронизмом.

Датировка по царствованию и датировка календарным временем обычно относятся дипломатистами к протоколу: первая — к начальному протоколу, вторая — к заключительному, т. е. к эсхатоколу. Только О. Дюма предлагает различать их ввиду более или менее длительного времени процедуры оформления «со дня начала составления (iussio, rogatio) и до конечного срока, отмеченного приложением знаков валидации»: приведенная дата может указывать день, когда совершился «юридический акт», если последний синхронен одной из фаз conscriptio; нотариальные же акты обычно дают дату, когда стороны пришли со своим делом к нотарию — это день rogatio. Иногда имеет место и раздвоение даты: в актах каролингской эпохи actum относится к дню iussio, который является также и днем юридического акта, а datum — к дню, когда документ был совершен благодаря приложению «знаков валидации».[76] Вопрос о том, как обстояло дело в этом отношении с византийским частным актом, будет под-

---

[72] *Simon*. Kaufformular. S. 161.

[73] *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1. S. 189, Z. 2—3.

[74] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 89, l. 3—5; p. 90, l. 31.

[75] *Fichtenau H*. «Politische» Datierungen des frühen Mittelalters // Intitulatio II. Lateinische Herrscher- und Fürstentitel im neunten und zehnten Jahrhundert / Hrsg. von H. Wolfram. Wien; Köln; Graz, 1973. S. 453—548; *Kresten O*. Datierungsprobleme «isaurischer» Eherechtsnovellen (1. Coll. 1.26) // FM. 1981. Vol. 4. S. 55—70 (здесь же вся прочая и весьма обширная литература о способе датировки по царствованию и весьма внушительный перечень примеров подобной датировки).

[76] *Dumas Au*. Etude sur le classement des formes des actes. P. 95—96.

робнее рассмотрен в главе о нотариате, но и сейчас мы можем сказать, что сама дата, указанная в документе, является одним из «знаков валидации» последнего, а посему совершенно недвусмысленно должна относиться к протоколу.

V. Упоминание имени автора документа, который в византийских частных актах, как правило, тождествен автору юридического акта, т. е. продавцу, дарителю, завещателю и т. д., всегда в первом лице («Ich-Form»). Фактически здесь перечисляются имена всех лиц, обозначенных во втором пункте формуляра, причем, как уже было отмечено, если во втором пункте были сигноны с вписанными в них именами, то здесь указывается, что обозначенные лица «собственноручно начертали честные и животворящие кресты». Эта часть формуляра важна тем, что она ясно свидетельствует, что субъектом являлось отнюдь не только физическое лицо, а «сторона» (μέρος), т. е. лицо правовое, лишь как бы представителем которого было лицо физическое. Дело в том (и это тоже отмечалось), что в византийских купчих, например, продавец представлен обычно не одним физическим лицом, а целым комплексом физических лиц: семьею (муж, жена, дети) или даже большою семьею, родом (братья, племянники), иногда не кровными родственниками, а чужими по крови совладельцами [77] (например, в одном калабрийском акте наряду с семьей Калокириса в качестве продавца выступает совладелец отчуждаемой собственности некий монах Исайя, который, кстати, собственноручно поставил свой сигнон, в отличие от остальных, за которых все сделал писец документа [78]) или же духовным монашеским учреждением (например, в купчей 1033/34 г. из архива монастыря св. Пантелеймона продавцами выступают игумен монастыря Кацари Христодул и монах того же монастыря Иоанн, совершающие продажу по решению всей братии, βούλῃ δὲ καὶ γνώμῃ τῆς καθ' ἡμῶν ἀδελφότητος [79]). Правовое лицо покрывает, таким образом, собою физическое лицо и заключает в себе, кроме него, его наследников, преемников, совладельцев и пр. Тем самым упразднялась необходимость изготовления еще ряда отступных грамот со стороны этих физических лиц. При этом следует отметить интересное наблюдение Гийу о том, что (как показывают περιορισμοὶ отчуждаемых земельных участков) семейные владения, как правило, находились у одного держателя.[80] Любопытно, что в одном калабрийском акте, на который ссылается Гийу, а именно в купчей 1034 г., где продавцом является семья (священник Николай Атцидон и его две дочери), один из членов семьи — сын

---

[77] *Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII века. С. 41.

[78] Actes de Dannoso, № 1.

[79] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 2, P. 34.

[80] Actes de Dannoso, p. 29. Не этим ли и объясняется тот странный факт, что часто глаголы, относящиеся к действиям продавцов, ставятся то во множественном, то в единственном числе, что обычно относят за счет неумелого пользования формуларием. (Ibid., p. 20). Но, может быть, составитель имеет в виду то главного держателя семейного имущества (следовательно, основного продавца), то всех членов семейного клана.

Николая Атцидона по имени Леопардос — выступает в качестве свидетеля и не ставит своего сигнона в начале акта.[81] По убедительному мнению издателя акта, единственным объяснением этого может быть то, что Леопардос в силу каких-то обстоятельств (женитьбы, например) уже получил свою долю из общего отцовского наследства и утратил тем самым свое право выступать в качестве продавца отчуждаемого семейного владения.[82]

VI. Распоряжение (dispositio) — самая существенная часть текста, в которой объявляется воля диспозанта (или сторон, ибо, хотя документ и носит односторонний характер, он все же предполагает согласие контрагента) с его явным намерением создать новую правовую ситуацию, которая должна существовать в течение какого-то более или менее длительного времени. Поэтому и распоряжение, которое регулирует эту ситуацию, ориентировано в будущее, что находит свое отражение в синтаксисе документов. Как сообщает Дюма, составители латинских хартий средневековья, говоря о современных им фактах, употребляли прошедшее время: изложение обстоятельств сделки, корроборация, подписи — все ставится в имперфекте или перфекте; напротив, tenor распоряжения стилизуется часто в настоящем времени, ибо предполагается, что слова, которые выражают волю диспозанта, будут еще актуальны для тех, кто их прочтет (есть и исключения, когда и в dispositio употребляют прошедшее время, а в последние века средневековья встречается удвоение глаголов, которые последовательно ставятся в прошедшем и настоящем времени, так как «писец стремится показать, что воля, выраженная в момент составления документа, остается актуальной для читателя»).[83]

Все это в сущности имеет место и в византийских частных актах, структура распоряжения в которых достаточно сложна и состоит, как правило, из двух частей: объявление о выпуске документа и собственно распоряжение о совершении сделки.

Первая из этих частей вводится глаголами τίθημι (-μεθα) καὶ ποιῶ (-οῦμεν) или одним ποιῶ (-μεν), или же еще с добавлением к ним глагола πράττω,[84] которые хорошо могут быть переданы нашим несколько старомодным словом «учиняю (-ем)», и в своем наиболее полном виде выглядит так: (мы, вышеозначенные лица) «настоящую записанную и подписанную отныне и впредь с общей ответственностью и всяким законным обеспечением чистую ясную продажу, долженствующую навеки быть нерушимой и неизменной и никоим образом отныне никогда через какое-либо время, хотя бы и нескоро, быть

---

[81] Ibid., № 2, p. 30.

[82] Ibid., p. 29.

[83] *Dumas Au.* Etude sur le classement des formes des actes. P. 23—24.

[84] Так, например, в завещании Евстафия Воилы (1059 г.): τίθημι καὶ ποιῶ καὶ πράττω (*Lemerle P.* Le testament d'Eustathios Boilas. P. 21, l. 21). Любопытный случай дает купчая 1264 г. из кодекса Вазелонского монастыря, где используются то глагол ἐκτιθέμεθα, то пара τιθέμεθα καὶ ποιῶμεν (Вазелонские акты, № 39, с. 18—19). Ср. купчую 1270 г. из архива Зографского монастыря: τὸ παρὸν ἔγγραφον ἐκτιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν (Actes de Zographou, № 9, p. 25, l. 5).

разрушенной или поколеблемой ни со стороны нас, продавцов, ни со стороны какого бы то ни было лица, родственного или чужого, в целом учиняем (τιθέμεθα καὶ ποιοῦμεν) добровольно и бесповоротно, не из какого-либо принуждения или насилия, или страха, или обмана, или описки, или мошенничества, или глупости, или невежества, или незнания законов, или по какой-либо непохвальной причине искажения законов, но со всем нашим желанием и прямотою, по длительном разумении и с обдуманной целью, а вместе и с одобрением всей нашей стороны».[85] Эта наиболее полная формула, свойственная почти всем византийским частноправовым актам, как видим, сама имеет сложную структуру, включая ряд клаузул, синтаксически объединенных в единое взаимосвязанное целое: 1) клаузулу гарантии против эвикции (καθολικοῦ δεφενσίωνος καὶ πάσης ἄλλης νομίμου ἀσφαλείας[86]), предполагавшую обязательство продавца защищать покупателя в суде, обычную в частных актах, но часто содержащуюся также в развернутом варианте в финальной формуле акта, но могущую и отсутствовать, однако и в этом случае, как правильно замечает Гийу, подразумевавшуюся, так как она по закону (С.8.44 [45]) считалась необходимой для действительности сделки;[87] 2) клаузулу добровольности, которая в свою очередь строится таким образом, что сперва указывается на отсутствие причин, которые бы исключали свободную волю (нужда, насилие, страх, обман, стеснение — περιγραφή,[88] недосмотр, невежество, незнание законов или дела,[89] поддержка должностного лица или господина [90] и т. д.), а затем в позитивных оборотах подчеркивается наличие свободной и искренней воли (добровольно и бесповоротно, более того — со всем нашим желанием и прямотою, по зрелом размышлении и с обдуманной целью). Последняя клаузула, несколько необычная и относительно позд-

---

[85] MM, vol. 4, № 25, p. 77—78 (купчая 1232 г.).

[86] В купчей 1295 г. Ксиропотамского монастыря добавлено καὶ ἐπερωτήσεως (Actes de Xéropotamou, № 12, p. 101, l. 10; cf. № 16, p. 116, l. 6—7).

[87] Actes de Dannoso, p. 28.

[88] Этот термин, встречающийся уже в папирусах VI в. (ср. С. Masp. 67032: πάσης περιγραφῆς), не совсем ясен по своему значению. В формуляре мировой сделки он передан причастным оборотом οὐ περιγραφόμενος παρά τινος и переведен Вайсом как «никем не стесняемый» (*Weiss*. Dialysisformulare. S. 176, 179), а с XIV в. появляется в конце документа, в клаузуле отказа от возражений, основанных на отсутствии добровольности (см., например: Actes de Xénophon, № 8, p. 104, l. 39; № 9, p. 110, l. 37; cf. *Simon*. Kaufformular. S. 163; *Weiss*. Dialysisformulare. S. 183). Очевидно, его синонимом является оборот μὴ παρά τινος ἐμποδιζόμενος (Actes de Zographou, № 19, p. 45).

[89] νόμου καὶ φάκτου (или νομίμου φάκτου) ἀγνοία (см.: MM, vol. 4, № 25, p. 78; № 34, p. 90; № 39, p. 95; № 53, p. 116). По мнению Зимона, этой клаузулой мы наверняка обязаны преподаванию права, см.: *Simon*. Kaufformular. S. 163 (со ссылкой на В. 2. 4).

[90] ἀρχοντικὴ δυναστεία, cf.: *Ferrari*. Formulari, № 6, p. 8; Actes de Kutlumus, № 7, l. 6; etc., но не менее часто употребляется синонимическое выражение ἀρχοντικὴ ἐπικουρία, причем как в формулярах, так и в реальных актах: *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 11; Вазелонские акты, № 39, с. 19; № 49, с. 26 и т. д. Клаузула соответствует часто встречающемуся заявлению, что сторона откажется от поддержки «властью должностного лица». См., например: Actes de Lavra, t. 1, № 7: ἀποτάξομαι πάσῃ ἀρχοντικῇ καὶ ἱερατικῇ ἐπικουρίᾳ.

няя, — одна из бесчисленных нюансировок древней ἑκουσίως, содержащаяся как в формулярах, так и в реальных актах [91] и имеющая, очевидно, целью снять всякие ссылки на поспешность, на недостаток воли вследствие необдуманности. К ней в завещаниях добавляется еще заявление о том, что автор документа отдает распоряжение в полном сознании и здравом уме (например, в завещании Воилы 1059 г.[92]).

Такая настойчивость в подчеркивании абсолютно добровольного характера действий продавца (дарителя, завещателя и т. д.) понятна, ибо о недействительности сделки, которая была вынуждена насилием или произведена обманом, говорится в Василиках (В.19.10.65.68).[93] Но и эта клаузула добровольности, прослеживающаяся уже с VI в. в папирусах (причем почти идентичная по структуре и фразеологии), может в зачаточном виде присутствовать или отсутствовать в разделе прав распоряжения покупателя, а с XIII в. она часто появляется в конце документов в форме клаузулы отказа от потенциальных исков, основывающихся на отсутствии добровольности (отказ от эксцепций, о которых см. далее).

Что касается второй части распоряжения, то она состояла в сущности из одного значащего диспозитивного глагола, выражающего суть сделки (=юридического акта): (я, вышеозначенный А) «продаю» (πιπράσκω), «отчуждаю» (ἐκποιέω) или в прошедшем времени — ἀπεμπόλησα, πέπρακα, ἐπώλησα, и т. д; или же (в дарственных) «передаю», «приношу в дар», «посвящаю» (ἀποδίδωμι, ἀποχαρίζομαι, παραδίδωμι, ἐπιδίδωμι, ἐκδίδωμι, также в прошедшем времени — ἀπεχαρισάμεν, παρέδωκα, δέδωκα, ἔδωκα и т. д.) тебе, такому-то (πρὸς σὲ).[94] Только неумением приходится объяснять попытки дублировать диспозитивный глагол, точно выражающий существо данной сделки, другим глаголом, относящимся к иного рода сделкам, например «продаем и вместе с тем приносим в дар» (πιπράσκομεν ἅμα καὶ ἀφιεροῦμεν) в купчей 1365 г. из архива Лавры, хотя документ фиксирует акт чистой продажи.[95] Любопытно также констатировать рецидив древнего, известного еще по египетским папирусам римского времени способа распоряжения не посредством прямого диспозитивного признания,

---

[91] *Sathas*. Τόποι. № 2, p. 609 (дарственная); *Simon*, *Troianos*. Geschäftsformulare, № 1, S. 267 (купчая); MM, vol. 4, № 20, p. 66 (дарственная 1242 г.); № 25, p. 78 (купчая 1232 г.); № 39, p. 95 (купчая 1274 г.); № 53, p. 116 (купчая 1274 г.); № 56, p. 122 (купчая 1181 г.); Вазелонские акты, № 39, с. 19.

[92] *Lemerle P*. Le testament d'Eustathios Boilas. P. 21, l. 21—26.

[93] Cf.: *Simon*. Kaufformular. S. 162—163.

[94] Примеры бесчисленны. Ср.: *Hunger*. Zwei Urkunden. S. 303. В дарственных Вазелонских актов можно встретить глагол ἀνατίθημι (или в прошедшем времени — ἀνέθηκα) также в значении «приношу в дар», «жертвую», «посвящаю»: Вазелонские акты, № 53 (1256 г.) и № 60 (1275 г.).

[95] Actes de Lavra, t. 3, № 143, p. 91, l. 6. (Впрочем, дело может объясняться еще и тем, что составитель акта мог пользоваться как образцом смешанным актом продажи и дарения и поэтому механически перенес этот вполне уместный здесь сдвоенный диспозитивный глагол в свой акт. О том, что такие смешанные акты существовали, мы уже знаем. Укажем лишь на один из них, в котором также использована формула πιπράσκω καὶ ἀφιερῶ: Actes de Xéropotamou, № 16, p. 119, l. 102).

а с использованием или глагола ὁμολογῶ в прошедшем и настоящем времени в сочетании с инфинитивом диспозитивного глагола,[96] или глагола φαίνομαι + participium praesentis диспозитивного глагола, например φαίνομαι πουλῶν или φαίνομαι πιπράσκοντα в южноитальянских грамотах.[97] В отличие, стало быть, от древней синграфы (см. введение), которая была объективно стилизованной повествовательной записью об имевшем место юридическом акте, собственно византийский частный акт демонстрирует свою преемственность от античного, субъективно сформулированного хирографа, в котором само лицо, выпускающее документ (трассант, Aussteller), отдает распоряжение, декларирует, так сказать, свою волю.[98]

Разумеется, далеко не все вышеобозначенные элементы распоряжения присутствуют в каждом византийском частном акте. Есть, например, значительная группа актов (причем выпущенных разными канцеляриями различных районов империи и разного времени), в которых отсутствует первая часть, касающаяся объявления о выпуске документа (т. е. клаузула τίθημι καὶ ποιῶ и т. д.),[99] и в данном случае некоторые элементы этой первой части (например, клаузулы гарантии и добровольности) «перекочевывают» во вторую часть распоряжения или в конец документа; напротив, существует некоторое число документов, в которых диспозитивный глагол о сути сделки («продаю», «дарю» и т. д.) растворяется в клаузуле оповещения лиц, имевших право предпочтительной покупки (см. далее), или странным образом отсутствует вовсе (по-видимому, в последнем случае мы имеем дело с бракованным экземпляром акта).

VII. Указание имени контрагента — правопреемника (покупателя, получателя дара, наследника по завещанию и т. д.) обычно во втором лице, но иногда, например в некоторых актах из кодекса Вазелонского монастыря, и в третьем,[100] непосредственно после диспозитивного глагола, причем, кроме физического лица, как правило, указывается вся его сторона. Так, Михаил Какава и его родственники совершили акт продажи «тебе, преосвященный игумен ... монастыря Лемвиотиссы, Кир Герасим и через тебя (διὰ σοῦ) под тобою пребывающим в аскезе монахам, а через вас — всей вашей стороне (πρὸς τὰ μέρη ὑμῶν ἅπαντα) — наследникам, преемникам и всяким после вас обладателям»;[101] Ирина Ельпидина и ее родствен-

---

[96] Actes d'Iviron, t. 1, № 12, p. 178, l. 9 (купчая 1001 г.); № 13, p. 181, l. 6—7 (купчая 1007 г.); Actes d'Esphigménou, № 1, p. 41, l. 8; cf.: Actes de S. Maria di Messina, p. 60, l. 6 (купчая 1123 г.); *Wolff H. J.* Das Recht der griechischen Papyri... S. 107.

[97] Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 46, l. 3 (купчая 1076/77 г.); № 5, p. 65, l. 2—3 (купчая 1135 г.).

[98] *Wolff H. J.* Das Recht der griechischen Papyri. . . S. 306—313.

[99] Actes de Zographou, № 1, p. 1—3; Actes de Lavra, t. 2, № 83, p. 60; № 84, p. 61; № 85, p. 62; № 86, p. 64; № 87, p. 66; № 88, p. 67; № 102, p. 158; t. 3, № 143, p. 91; № 173, p. 197; Вазелонские акты, № 7—10, 12, 13, 15—21, 24—27, 29—35, 37, 38, 49, 54, 55, 58; *Hunger.* Zwei Urkunden. S. 299; *Schreiner.* Zwei Urkunden. № 1. S. 189.

[100] Вазелонские акты, № 48, 51, 53, 60.

[101] MM, vol. 4, № 25, p. 78.

ники совершили акт продажи «тебе, великославный, протовестиарий, кир Георгий Евнух, а через тебя и всякому от тебя отделенному лицу и стороне»;[102] Георгий Силимврин продал виноградник «тебе, господину Иоанну Ангелу Экзотроху, а через тебя всей твоей стороне, т. е. наследникам и преемникам твоим со всякой полагающейся по закону гарантией и чистотой».[103] Понятие «стороны» правопреемника (τὸ μέρος σου) предусматривается формуляриями, в этом значении встречается уже с VI в. и означает распространение действия распоряжения на потомков — правопреемников. Две категории покупателей превалируют над остальными: родственники лиц, отчуждающих имущество (например, Роман Дуверити из Трапезунда, который в XIII в. скупал земли у родственников по линии жены, очевидно, воспользовавшись правом предпочтения [104]), и монастыри. Последнее объясняется как «гносеологическими» причинами (сохранившиеся акты по преимуществу монастырского происхождения), так и «онтологическими» объективными причинами, обусловливавшими особо активную роль монастыря как приобретателя собственности: представляя собою крупные, экономически сильные хозяйства, располагая рабочей силой и наличными денежными средствами, монастыри скупали земли (часто, как отмечает Гийу, незаконно, с нарушением прав собственности [105]) или получали их в дар и по завещаниям в обмен на вечное спасение. Данное явление отражает собою закономерный процесс укрупнения и концентрации феодальной по своей природе монастырской собственности.

Отметим, наконец, что некоторые формулярии предписывали указывать происхождение покупателей («тебе, проживающему в такой-то местности»), как, впрочем, и продавцов («мы, выходцы из такой-то местности»),[106] но реальные документы составлены без соблюдения этого правила; нотарии, стало быть, повсеместно игнорировали его. Вообще «паспортные данные» контрагентов, приводимые в актах, весьма скудны, нередко ограничиваются лишь приведением имени контрагента. Например, в акте продажи 1295 г. из архива Ксиропотамского монастыря продавец назвался только именем — Константин Спартинос, что, по-видимому, было достаточным, так как

---

[102] Ibid., p. 161.

[103] *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1. S. 189.

[104] Вазелонские акты, № 89, 90. Ср. купчую 1245 г., по которой три брата продали местечко своему зятю. (Там же, № 49). Очень интересен акт продажи 1123 г. из Сицилии, в котором контрагентами выступают близкие родственники: сын (очевидно, умершего) Андрея Какодапаноса Лев, жена другого сына Андрея Какодапаноса Косьмы (тоже умершего) Анна и ее сын Петр продают третьему сыну Андрея Какодапаноса Иоанну виноградники, которые составляли две доли наследства, оставленного Андреем Какодапаносом своим четверым сыновьям (был еще один его сын — Никита, который еще раньше уступил свою долю брату Иоанну). Таким образом, продавая свои доли Иоанну, его братья и жена одного из них Анна (с согласия сына Петра, который и подписывает акт) позволяют ему (Иоанну) восстановить в своих руках отцовское наследство во всей (или почти во всей) его первоначальной целостности (см.: Actes de S. Maria di Messina, № 4, p. 60—61).

[105] Actes de Dannoso, p. 10.

[106] *Ferrari*. Formulari, № 37, p. 22.

Спартиносы были известной, хорошо засвидетельствованной фессалоникской семьей, один представитель которой был прокафименом Фессалоники, другой — примикирием табуляриев, третий — апографевсом.[107] Но мы ничего не можем сказать о том, кто такой Георгий Силимврин, продавший в 1387 г. виноградник Иоанну Ангелу Экзотроху, и кто такой последний, так как ни та, ни другая фамилии не засвидетельствованы источниками.[108]

VIII. Предмет сделки. Большинство византийских актов частноправового характера фиксирует отчуждения мелких имуществ, небольших земельных участков (хорафиев, садов, виноградников, небольшого количества деревьев и т. д.), отражая, таким образом, процесс дробления крестьянской светской собственности. Уникален документ № 16 из архива Ксиропотамского монастыря, объединяющий серию из 55 актов, составленных по сокращенной форме, датированных 1310—1325 гг. и фиксирующих массовую продажу монастырю крестьянских земель, расположенных в одном районе, даже в одной или в соседних деревнях.[109] Земельные участки, как правило, очень мелкие, в большинстве своем от 2 до 4 стремм [110] (минимальный размер — 1 стремма, максимальный — 25 стремм). Аналогичные процессы дробления крестьянской собственности в более ранние времена (XI в.) в Южной Италии отмечает Гийу, анализируя продажи земель крестьянских семей Сангарисов и Атцидонов.[111] Предметом сделки могли стать и скромная монашеская келья,[112] и дом,[113] и мастерская керамических изделий (например, в судебном акте 952 г. из архива Лавры: ἐργαστήριον πρὸς κεράμων κατασκευὴν ἐπιτήδειον [114]), и половина ветряной мельницы (τὸ ἥμισυ ἀνεμομυλικὸν ἐργαστήριον),[115] и остров (например, согласно купчей 933 г. из архива Лавры, два монаха Козьма и Лука за 70 номисм продали остров Гимнопелагисию, опустевший и заброшенный из-за набегов сарацинов и проходящих мимо военных судов [116]), и целый монастырь (так,

---

[107] Actes de Xéropotamou, № 12, p. 99—102.

[108] *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1, p. 189—191.

[109] Actes de Xéropotamou, № 16, p. 109—127.

[110] Стремма, точное значение которой не совсем ясно, была одной из основных единиц измерения земли, меньше модия (около $^1/_{12}$ га). По данным Бомпера, модий земли мог стоить больше, чем стремма земли, но могли существовать большие и малые стреммы, как существовали большие и малые модии (Actes de Xéropotamou, p. 113). Впрочем, употреблялись и другие единицы измерения земли; τράφος (или τάφρος), музурион (идентичен модию) и др.

[111] Actes de Dannoso, p. 9.

[112] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30 (купчая 1030 г.), не указаны ни название кельи, ни ее местонахождение. Очевидно, в этом и не было необходимости.

[113] Интересно, что жилой дом в актах чаще всего обозначается не греческим οἶκος или οἴκημα (хотя встречаются и они, например Actes d'Esphigménou, № 9, p. 74, l. 7, 10, 13, 17; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 111. S. 303. Z. 17; Actes de Xénophon, № 8, l. 24), но заимствованным словом ὁσπιτοτόπιον или ὁσπίτιον (=hospitium), встречающимся уже в папирусах IV в. (примеры см.: *Simon*. Kaufformular. S. 164).

[114] Actes de Lavra, t. 1, p. 101, l. 4—5.

[115] *Hunger*. Zwei Urkunden. № 1. S. 299. Z. 4.

[116] Actes de Lavra, t. 1, № 10, p. 125, l. 33.

согласно дарственной 1023 или 1038 г. из архива Зографского монастыря, предметом дарения был монастырь τοῦ 'Αρμενίου, расположенный в Ксирокастроне, со всей утварью и владениями, а по купчей 1270 г. из архива того же монастыря Ватопед продал Зографу метох в Фессалонике, расположенный в квартале св. Пелагии, близ Митрополии [117]). Нередко акты фиксируют отчуждения весьма значительных и сложных по структуре хозяйственных комплексов, включавших в себя участки пахотной земли (хорафии или не совсем ясные по своему значению эсо- и эксохорафии вазелонских актов [118]), хозяйственные постройки, гумна, сады и виноградники, колодцы и т. д. и обозначавшихся терминами ἕδρα или καθέδρα.[119] Зато мы не можем указать ни одного акта, который бы фиксировал продажу или дарение какого-либо животного, раба или крепостного крестьянина, хотя изданный Феррари формуляр предлагает даже схему акта на продажу раба или животного (ἄκτον εἰς πρᾶσιν ψυχαρίου ἢ ζώου),[120] да и из других источников мы знаем, что такие продажи, несмотря на древние запреты продавать крестьян без земли, были отнюдь не редкостью. По-видимому, подобного рода «объекты сделки» считались движимостью и сделки на их отчуждение определялись законами устного соглашения. Есть, однако, ряд актов, в которых такого рода «движимость» отчуждается вместе с недвижимостью. Так, согласно дарственной 1496 г. из архива Лавры, некий Георгий Францис дарит Лавре церковь св. Антония со всеми ее владениями (виноградником, полями, половиной вивария, мастерской) и парой быков;[121] в одном акте 1419 г. из архива Дохиарского монастыря (акт митрополита Фессалоники Симеона, уладившего спор между монахами этого монастыря и наследниками одного дарителя) говорится, что этот даритель (Мануил Довлицин), когда был жив, подарил монастырю по письменному акту (διὰ παραδοτηρίου ἐγγράφου) свое имение в Эрмилии, включая поля, водяную мельницу, ампелопактон, фруктовые деревья, оливы, пáриков и проскафименов;[122] в архиве монастыря св. Павла хранится дарственная Николая Пагаси от 1385 г., в которой говорится, что он подарил этому монастырю много своих владений, среди которых деревни и пáрики;[123] в купчей 1373 г. из архива Дохиарского монастыря также прямо говорится о продаже

---

[117] Actes de Zographou, № 2, p. 4—7; № 9, p. 25—27.

[118] См., например, купчую 1272 или 1287 г., предметом продажи которой выступает τὸ γονικόν — отцовское и материнское наследство, состоящее из эсо- и эксохорафиев с садами, деревьями и постройками (Вазелонские акты, № 86, с. 50; ср. № 63, с. 37; № 64, с. 38).

[119] *Вин Ю. Я.* Социально-экономическое содержание термина καθέδρα византийских документов // ВВ. 1983. Т. 44. С. 202—211.

[120] *Ferrari.* Formulari. № 37, p. 22—23. О термине ψυχάριον как эквиваленте δοῦλος в византийских текстах см.: *Zepos P. I.* «Ψυχάριον», «ψυχικά», «ψυχοπαίδι» // Δελτ. Χριστ. 'Αρχαιολ. 'Εταιρείας, 1980—1981, περ. Δ', τόμ. Ι', σελ. 17—28.

[121] Actes de Lavra, t. 3, № 174, p. 199.

[122] Actes de Docheiariou, № 58, p. 295, l. 4; cf. № 51, p. 268, l. 10.

[123] *Chrysochoidi K.* 'Ιερὰ Μονὴ 'Αγίου Παύλου: Κατάλογος τοῦ 'Αρχαίου // Σύμμεικτα, 1981, τόμ. 4, σελ. 274 (№ 25).

наряду с недвижимым имуществом (землями, деревьями, виноградниками, мельницами) па́риков и проскафименов.[124]

Различные категории зависимого крестьянского населения (па́рики, проскафимены) уподобляются, таким образом, другим категориям недвижимого имущества, выступая в актах в качестве однопорядковых с ними «членов предложения». Они, стало быть, действительно продаются, покупаются и дарятся.[125] Икономидис, правда, считает, что упоминание па́риков в купчей 1373 г. следует понимать как право садить па́риков в имении,[126] но это представляется нам сомнительным. По всей вероятности, продажа земель с прикрепленными к ним крестьянами была все же вещью обычной. Земли могли быть проданы, конечно, и без сидящих на них па́риков, но в таком случае возникала проблема перевода последних на другие земли. И, может быть, не случайно то, что именно в эту позднюю эпоху в состав Земледельческого закона начинают интерполировать предписание, восходящее к Кодексу Юстиниана (С. 11.48.2) и трактующее этот вопрос: «Лицо, продающее или дарящее деревню, может удержать за собой крестьян и перевести деревню в другое место; ибо полагая, что они ему полезны, оно (это лицо) поступает хорошо».[127]

Следует отметить, что акты зачастую не ограничиваются указанием на предмет сделки, но стремятся показать характер отчуждаемого имущества, отношение к нему лица, отчуждающего собственность, и отношение последнего к его правопредшественнику. Так, фраза «из родительского наследства» (в форме ἔχομεν ἐκ γονικῆς διαδοχῆς) уже с VI в. принадлежит к словарю нотария,[128] рекомендована формулярами[129] и широко используется при составлении актов для характеристики предмета сделки то в форме причастия γονικοθέν,[130] то в форме существительного τὸ γονικόν (иногда с добавлением определений πατρικὸν или μητρικόν).[131] Указываются и другие источники собственности. Этого требует, например, формуляр Феррари, который, помимо фразы «из родительского наследства», рекомендует для надлежащих случаев и другие: «приобретенные мною путем покупки», «полученное в качестве приданого» и т. д.[132] Это же мы иногда наблюдаем и в реальных актах: так, по акту 1312 г.

---

[124] Actes de Docheiariou, № 42, p. 238, l. 35—36.

[125] Ср. весьма энергичную, но не убедившую меня критику моих представлений о проскафименах-присельниках, которые «продаются, покупаются и дарятся», в работе: *Сметанин В. А.* Проскафимены поздневизантийского времени // ВВ. 1981. Т. 42. С. 8—9.

[126] Actes de Docheiariou, p. 237.

[127] Византийский Земледельческий закон / Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. С. 136 (интерполяция VII. 5).

[128] *Simon.* Kaufformular. S. 164. (указаны папирусы С. Masp. 67020. 1; 67098. 9; 67110. 20; 67151. 40).

[129] Ibid. S. 158, Z. 17 (ἐκ γονικῆς κληρουχίας); *Ferrari.* Formulari. № 6, p. 8, l.22 (ἐκ γονικῆς συγκροτίσεως).

[130] Actes de Lavra, t. 3, № 143, p. 91, l. 6; Actes d'Esphigménou, № 9, p. 74, l. 7; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 112. S. 306. N. 20; Actes de Chilandar, № 83, p. 177, l. 9.

[131] Вазелонские акты, № 64, с. 38; № 86, с. 50.

[132] *Ferrari.* Formulari. № 6, p. 8, l. 22.

из архива Ксиропотамского монастыря, севаст Михаил Савентцис продает монастырю хорафий и 2 гумна, причем оговаривается, что одно из этих гумен принадлежит его пáрику Левкиоту (ὧν τὸ μὲν ἓν τοῦ Λευκιώτῃ ἐκείνου τοῦ παροίκου μου),[133] а второе — Коккину, тоже его пáрику, сверх того, огород того же Левкиота. Последствия этой продажи для названных крепостных Михаила Савентциса обходятся молчанием.

Иногда в актах уточняется, что отчуждаемая собственность свободна от налоговых обложений (например, в акте продажи 1295 г. из архива Ксиропотамского монастыря сказано, что продаваемый виноградник в местечке Сианы ἐλεύθερον ὄντα καὶ ἀκαταδούλωτον πάσης τελεσματικῆς δόσεως[134]), что она отчуждается полностью или, напротив, не полностью (например, за исключением легата для отпущенного на волю раба, как сказано в купчей 897 г. из архива Лавры,[135] или «без сестриной доли», как сказано в купчей 1245 г. из кодекса Вазелонского монастыря[136]). Не случайно и уже упоминавшийся формуляр акта на продажу раба рекомендует указать, что продаваемый раб «не краденый, не страдает мочевой болезнью и не бешеный».[137] Аналогичным образом, если предмет сделки — животное, следует в акте оговорить, что оно не имеет застарелой хромоты, легочных заболеваний и что животное не краденое.[138] Все эти оговорки в общем понятны и естественны, они направлены на то, чтобы гарантировать продавца от возможности иска на возврат забракованного предмета сделки (actio redibitoria) со стороны покупателя, который, согласно эдикту эдилов, имеет право на restitutio in integrum, если будут выявлены скрытые пороки у приобретенной собственности (разумеется, реституция предполагает как возврат вещи, так и цены).[139]

Наконец, есть еще один весьма существенный элемент в структуре акта, имеющий отношение к предмету сделки, — точное описание границ владения, его περιορισμὸς по четырем сторонам света — северной, восточной, южной и западной — с указанием соседей или других ориентиров (например, «продаем наши масличные деревья, находящиеся в селе Панарета в местности Финика и имеющие близость с востока к Арменовым деревьям, с запада — к таковым же Арменовым, с севера — к деревьям Зонара и с юга — Какава, т. е. масличных деревьев 27 штук со всеми правами и преимуществами в отношении их»).[140] Впрочем, иногда граница указывается только по

[133] Actes de Xéropotamou, № 16, p. 126, l. 303—304.
[134] Ibid., № 12, p. 101, l. 14.
[135] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 20 (Легат — по классическому римскому праву — мог быть подарен только по завещанию и в ущерб законному наследству. Позднее, после слияния legatum и fideicomissum в законодательстве Юстиниана, дар, даваемый в ущерб любому наследнику умершего, мог быть вписан в завещание — кодицилл или сделан устно или письменно перед пятью свидетелями).
[136] Вазелонские акты, № 49, с. 26.
[137] *Ferrari*. Formulari. № 37, p. 23, l. 7—8.
[138] Ibid., p. 23, l. 8—9.
[139] Ibid., p. 78.
[140] MM, vol. 4 (примеры бесчисленны). Рассматривая аналогичный случай в сицилийском акте продажи 1076/77 г., Гийу считает, что термин περιορισμὸς

трем, по двум и даже по одной стороне, а есть акты, в которых вообще не указываются стороны света и граница дается по ориентирам на местности. Язык этой части актов весьма близко напоминает язык писцовых книг — практиков. Как и в них, граница здесь мыслится как самостоятельно действующее живое существо, которое «движется» (πορεύεται), «пересекает» (περᾷ), «прочно удерживает направление» (κρατεῖ), «проходит прямо» (ὀρθοῖ), «отклоняется» (κάμπτει) или «склоняется» (κλίνει), «примыкает» (ἀκκουμβίζει), заканчиваясь там, где началась и т. д.[141] Приведем один только пример из числа многих в акте продажи 980 г. из архива Зографского монастыря, который фиксирует отчуждение целого монастырского имения (τὸν ἀγρόν) по названию Ксирокастрон св. Апостолов «со всем домашним скарбом, шестью книгами (4 минеи, паремийник, лествица) и со всей церковной утварью»; говорится (причем не сразу за обозначением объекта продажи, а непосредственно перед свидетельскими подписями — явление нередкое в актах), что граница продаваемого монастыря следующая: начинаясь от глубокого рва Ксирокастрона, она идет вверх по реке, упирается вверху в Зограф, продолжает идти хребтом до большой дороги и оканчивается у Арка (обители этого имени) острою горою там, где находятся кресты на двух дубах; оттуда спускается по хребту в ручеек, противолежащий хребту, и, переходя лощину напротив потока, упирается в хребет там, где стоят белые камни, и, по ним спускаясь, приходит опять в глубокий ров Ксирокастрона.[142] Отражая местные реалии и не будучи в этом их пункте связанными с формулярными клише, акты (как и писцовые книги) выступают здесь как источники богатого топонимического, топографического и всякого иного лексического материала. Тем не менее встречается немало и таких документов, в которых точное описание границ или вообще отсутствует,[143] или вместо этого стоит стереотипная формула ὅσον καὶ οἷον ἐστίν.[144] Рассмотрев аналогичный случай в акте продажи 1135 г. из Сицилии (периорисмос продаваемого виноградника не указан в контракте, сказано лишь, что виноградник расположен в Катарракте, поблизости от виноградников нотария Льва Геннадея), Гийу приходит к выводу, что, «по всей вероятности, периорисмос должен был быть установлен каким-то другим документом, ранее составленным, который был передан Геммой (продавец. — *И. М.*) Иоанну Корнилосу (покупатель. — *И. М.*) в то же время, что и акт о продаже».[145] Воз-

---

здесь употреблен не в значении «граница», но в значении «площадь» (Actes de S. Maria di Messina, № 1, p. 46, l. 3 sq.).

141 *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . S. 186.

142 Actes de Zographou, № 1, p. 2, l. 21—29. Еще более подробное описание границы см. в дарственной 1038 г. того же монастыря. (Ibid., № 2, p. 5—6, l. 43—74).

143 См., например, акт продажи 1365 г. из архива Лавры, в котором не указано никакого периорисмоса земельного участка, проданного Лавре братьями Дисипатами: Actes de Lavra, *t. 3, № 143, p.* 91—92.

144 MM, vol. 4, № 11, p. 52; № 49, p. 137; № 80, p. 151; № 97, p. 174; № 98, p. 175; № 148, p. 237; Вазелонские акты, № 39, с. 20; *Sathas.* Τόποι. № 4, p. 612, 26; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 111, S. 303, Z. 15; *Hunger H.* Zwei Urkunden. № 2, S. 305, Anm. 6.

145 Actes S. Maria di Messina, p. 64—65.

можно, что так оно и было, хотя проверить это мы не в состоянии: подобного рода документы не дошли до нас.

IX. История сделки, вернее, ее предыстория, т. е. изложение обстоятельств, породивших настоящую сделку. По своей функции этот раздел акта близок narratio жалованных грамот (а иногда даже и по месту в структуре акта — в самом начале), встречается не во всех грамотах, но далеко не только в актах Лемвийского монастыря, как утверждает Г. В. Вернадский.[146] В частности, этот раздел является отличительной особенностью почти всех составленных по полной форме вазелонских актов, давая историку обильный материал о социально-политических процессах в этом районе Трапезундской империи. Среди них, как справедливо отмечают издатели вазелонских актов Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич, «попадаются иногда трогательные, горькими слезами написанные факты из семейной истории маленького человечка, сельского обывателя . . . (предстают) намерения, цели и чувства того живого, одушевленного существа, желания которого приводят в действие наши акты; оказывается, что в незначительные на первый взгляд акты купли, продажи и дарения практика допускала внесение самых важных в частной и общественной жизни черт, рисующих настроения маленького обывателя, нигде иным образом не оставившего на земле следов своего существования».[147] Действительно, изложение обстоятельств, приводящих к переходу земельной собственности из одних рук в другие, пронизано в вазелонских актах каким-то необычайно искренним субъективным чувством, в них явственно ощущается «боль души при взгляде на тяжелую переживаемую действительность, в которой мусульманские турецкие наезды, сопутствуемые пленением населения, составляют основной тон».[148] И действительно (вместе с издателями), можно ужаснуться тому конкретному факту, который встречаем, например, в дарственной записи Марии Цархалины от 1261 г., когда, завещая все родовое имущество монастырю «ради отпущения грехов моих и мужа моего и родителей», завещательница добавляет: «. . .у меня пятеро сыновей в (турецком. — *И. М.*) плену, если они возвратятся, имеют право на свою долю, если же нет, все остается за монастырем».[149] Даритель Георгий Гавра также рассказывает, что когда он вернулся из турецкого плена в Кунакали и стал искать наследственное имущество своей матери, то узнал, что его дядя подарил часть хорафия Калояреси монастырю Продрома, за что вся его родня была записана в диптихарий для поминовения. «И увидев это богоугодное дело, — говорит Георгий Гавра, — я тоже отдал причитающуюся мне часть материнского наследства монастырю Продрома ради спасения души и отпущения грехов моей матери, и моих, и родителей моих, и братьев моих, и дяди моего».[150]

[146] *Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII века. С. 38.

[147] Вазелонские акты, с. LII—LIII.

[148] Там же, с. L.

[149] Там же, № 38, с. 17.

[150] Там же, № 66, с. 40. Вообще внешнеполитические неурядицы всегда усиливали процесс отчуждения земельных имуществ. См., например, группу доку-

Интересные разделы с изложением предыстории сделки мы встречаем в некоторых документах Зографского монастыря на Афоне. В купчей 1270 г. объясняется, почему продавцы (игумен и монахи Ватопедского монастыря) продают Зографскому монастырю метох в Фессалонике: метох служил для монахов Ватопеда постоялым двором или гостиницей, когда они приезжали в город по своим надобностям. Но так как для этой цели у них имелся еще один метох в Фессалонике, а у монахов Зографа, их братьев, такого не было, то решили продать этот метох и на вырученную сумму купить другое, более прибыльное «для нашего монастыря» владение.[151] Монах Савва рассказывает в своей дарственной записи 1023—1038 гг. подробную предысторию своего благочестивого дара, вводя весь этот пассаж в структуру акта с помощью слова ἐπειδήπερ, как и в жалованных грамотах. Из текста явствует, что сделанный дар рассматривается как плата за пребывание Саввы и его двух братьев — Игнатия и Георгия — в монастыре, последнем прибежище их старости.[152] В дарственных вообще чаще всего встречаются вставки с изложением мотивов и причин дара, но они не чужды и купчим,[153] и завещаниям.[154] При последовательном применении они могли бы существенно прояснить картину движения земельной собственности, причины, лежащие в основе этого процесса, особенно в случаях массового отчуждения крестьянских земель в руки какого-либо феодального сеньора (чаще всего монастыря). К сожалению, с юридической точки зрения, наличие раздела с изложением истории сделки было, по-видимому, необязательным, так как ни один из дошедших до нас формуляров о нем не упоминает.

X. Формула оповещения лиц, имевших право преимущественной покупки отчуждаемой собственности. Ни один дипломатист никогда не выделял подобной формулы в качестве самостоятельной, да и в формулярах, изданных Сафой, Зимоном и Трояносом, она отсутствует. Зато мы встречаем ее в формуляре, сохраненном рукописью Vaticanus gr. 867 (датирована 1259 г.) и в ряде актов, составленных в канцелярии Смирнской митрополии. В формуляре акта на продажу раба или животного продавец констатирует, что он «разгласил продажу» (τὴν πρᾶσιν διεφήμησα) и что покупатель, узнав об этом, пожелал выкупить его (раба или животное) для себя.[155] Аналогично и в смирнских актах: «Пожелав продать, — говорят продавцы, — мы (повсюду) разгласили продажу, так что молва об этом достигла

ментов из архива Лавры о продаже эпоптом Фомой в фессалоникийской феме земель, заброшенных вследствие набегов сарацинов: Actes de Lavra, t. 1, № 1, 3, App. V; cf. № 10, p. 124—125.

[151] Actes de Zographou, № 9, p. 25—27.

[152] Ibid., № 2, p. 5.

[153] См., например, разъяснение продавцов в купчей 1030 г. из монастыря св. Пантелеймона, почему они выступают в этой роли, хотя не являются собственниками продаваемой кельи: Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30.

[154] См., например, прелюбопытную преамбулу автобиографического характера, содержащуюся в завещании Воилы (1059 г.): *Lemerle P.* Le testament d'Eustathios Boilas. P. 20, l. 1—18.

[155] *Ferrari.* Formulari. № 37, p. 23, l. 1—3.

твоих ушей, и ты пожелал это выкупить для себя» (с незначительными стилистическими вариантами).[156] Есть даже попытка (не совсем удачная) эту формулу, выработанную смирнскими нотариями для актов продажи, приспособить для дарственной (от 1265 г. — впрочем, это не чисто дарственная, ибо здесь вместе с подаренным хорафием отчуждается другой хорафий, но уже за цену: речь идет, таким образом, о donatio cum venditione mixta) в такой довольно-таки странной редакции: «Пожелав продать, мы разгласили молву о дарственной (? βουληθέντες οὖν αὐτοῦ ἐκποιήσασθαι τὴν δωρεαστικὴν τούτου φήμην διεφημίσαμεν), так что молва об этом достигла и ушей монахов, аскетствующих в монастыре пресвятой Богородицы Лемвиотиссы», и далее какая-то или совсем уж порча текста, или неуклюжее использование формулы, не поддающееся вразумительному переводу.[157] Место данной формулы в структуре акта всегда точно фиксировано — после указания предмета сделки и его границ (где это имеет место) и непосредственно перед формулой уплаты цены.

Во всех отмеченных случаях специально не оговорено, что покупатель воспользовался оповещением о предстоящей продаже, так как имел право предпочтительной покупки. Очевидно, это подразумевалось. Думается, впрочем, что это имелось в виду и во всех тех актах отчуждений (актах афонских монастырей, вазелонских актах, южноитальянских греческих актах и т. д.), которые вообще не содержат формулы оповещения. Право предпочтительной покупки (προτίμησις), которое было одной из основных форм правоотношений в условиях существования общинной собственности, широко распространилось на Востоке. Оно встречается уже в греческих папирусах Египта римского периода,[158] почти повсеместно в Византии,[159] в Южной Италии,[160] в обычном праве Греции на протяжении всего периода турец-

---

[156] MM, vol. 4, № 104, p. 183 (купчая 1208 г.); № 54 p. 119 (купчая 1213 г.); № 109, p. 191 (купчая 1225 г. — издатели сократили формулу, оставив только начальные слова: βουληθέντες ἐκποιήσασθαι); № 17, p. 61 (купчая 1231 г.); № 25, p. 78 (купчая 1232 г.); № 19, p. 65 (купчая 1235 г.); № 34, p. 90 (купчая 1237 г.); № 57, p. 124 (купчая 1263 г. — почему-то здесь покупатели предпочли форму τὴν πρᾶσιν διεφημισάμεθα); № 94, p. 171 (купчая 1275 г. — вместо глагола ἐκποιήσασθαι здесь употреблен глагол ἀπεμπολῆσαι, вместо πρᾶσιν—διάπρασιν).

[157] Ibid., № 80, p. 151.

[158] *Rostovtzeff M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig, 1910. S. 19 f., 34 f., 144 f., 175 f. (BGU 830 от 201 г.).

[159] Здесь оно одними исследователями рассматривается как следствие действия таких институтов коллективной податной ответственности, как эпибола и аллиленгий (*Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig, 1927. S. 128 f.; *Ostrogorsky G.* Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Amsterdam, 1969. S. 32 f.; *Pitsakes K. G.* // Hexabiblos, p. 175), другими же (преимущественно советскими) — как результат узаконения присущих крестьянской общине обычаев (*Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 17—21; *Вин Ю. Я.* Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. Т. 45. С. 218). Думается, что вторая точка зрения все же более обоснована: ведь протимисис существовал раньше указанных институтов и намного пережил их.

[160] *Skržinskaja E.* Esame e datazione del contratto di Messina conservato nel codice Sinaitico // SBNE. 1935. Vol. 4. P. 144—145. Любопытно, что в статутах

кого владычества,[161] откуда оно перешло в обычное право румынских земель.[162] Ясно, что, резко ограничивая возможности отчуждения земельных наделов или других видов собственности их владельцами, право предпочтения, вытекающее или из родственных связей, или из права близости, должно было неизбежно учитываться всякий раз, когда поднимался вопрос об отчуждении. Материалы судебных расследований продаж, осуществленных в обход права предпочтения, подтверждают, что оповещение являлось неотъемлемой частью процедуры продажи крестьянских земель.

Из одного судебного документа 952 г. явствует, что соседи клирика Давида, передавшего свою недвижимость игумену Лавры Стефану, попытались лишить последнего права собственности, а один из них (бывший друнгарий Иоанн) «применил к нему даже насилие, замышляя, вопреки всякому оправданию, вытеснить его оттуда».[163] В данном случае судья (Самонас — «спафарокандидат, асикрит, судья г. Фессалоники») встал на сторону покупателя, отведя (на мой взгляд, не очень-то аргументировано) претензии соседей, ссылавшихся на право предпочтения (судья отметил, что данное отчуждение — не чистая продажа, но смешанная с дарением, что соседями с трех сторон были динаты, а бедняки не смогли воспользоваться правом предпочтения для выкупа имущества, что, наконец, четырехмесячный срок, предусмотренный для реализации права предпочтения, истек, а посему никакие ссылки на протимисис недействительны и никакой иск конфликтующих не будет иметь юридической силы). Можно было бы допустить, что судьей руководило намерение затруднить динатам скупку крестьянской земли, что было характерно и для целей законодательства в это время (X в.).[164] Но аналогичный случай нам известен и из XIV в. Из акта продажи 1373 г., по которому великая доместикисса Анна Кантакузина Палеологина продала (с согласия мужа Димитрия Палеолога и детей) свое приданое Дохиарскому монастырю на Афоне, а также из судебного постановления патриарха Филофея от 1375 г.[165] явствует следующее: Анна продала имущество только за 600 иперпиров, хотя истинная стоимость его была 2000 иперпиров; разница отдавалась монастырю на помин души родителей Анны, ее самой, мужа и детей. Если верить Филофею (ибо в самом акте продажи формула об оповещении отсутствует), перед

Мессины есть статья, касающаяся прав предпочтения, которая имеет своим источником знаменитую новеллу Романа Лекапена о протимисисе, переведенную почти слово в слово в конституциях Фридриха II Гогенштауфена и обозначенную как греческий закон: lex greca consuetudinaria de iure prothimiseos edita a Frederico imperatore // Huillard—Bréholles J.-L.-A. Historia diplomatica Friderici secundi. Parisiis, 1854. Vol. 4. P. 229; cf. *Skržinskaja E.* Esame. . . P. 145.

[161] Νομικὰ ἔγγραφα Σίφνου τῆς Συλλογῆς Γ. Μαριδάκη (1684—1835) / 'Εκδ. ὑπὸ Γ. Α. Πετροπούλου. 'Αθῆναι, 1956, σελ. 232—233, 404—405; *Zepos P. I.* Survivances byzantines dans le droit des coutumes // Balkan Studies. 1980. Vol. 21 (№ 1).

[162] *Fotino G.* Contribution à l'étude des origines de l'ancien droit contumier roumain. Paris, 1925. P. 84 sq.

[163] Actes de Lavra, t. 1, № 4, p. 101—102.

[164] *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство. . . С. 18.

[165] Aes ctde Docheiariou, № 42, p. 237—240; № 43, p. 243.

отчуждением владения Дохиарскому монастырю муж Анны пригласил лиц, имевших право предпочтения, и предложил им купить владение за 2000 иперпиров. Никто из них в тот момент на это не согласился, в том числе, очевидно, и представители Акапнийского монастыря, которые затем, по прошествии двух лет, очевидно, узнав о передаче владения за 600 иперпиров,[166] предъявили иск, требуя владение по их праву соседства (ἀπαιτοῦντες τὸ κτῆμα ἐξ αὐτῶν πλησιασμοῦ δίκαιον) и заявляя, что это была продажа, а не дар (πρᾶσιν. . ., οὐκ ἀφιέρωσιν). Собственно, документ Анны так и назывался — «чистая, простая и честная продажа» (τὸ παρὸν τῆς καθαρᾶς καὶ ἁπλῆς καὶ ἀρραδιουργήτου πράσεως), однако Филофей (и это интересно), исходя, видимо, не из объявленной номенклатуры акта, а из его реального содержания, квалифицировал отчуждение не как продажу, но именно как дарение во спасение души, на которое не распространяется закон о протимисисе. Кроме того, говорит Филофей, «если даже кто-то и станет настаивать, что это продажа, то в соответствии с новеллой и действующим в нашей Великой церкви обычаем, согласно которому соседям позволено требовать удовлетворения собственного права до шестимесячного срока [167] (а с того времени и до сего дня прошло уже 2 года), ни монахи Акапнийского монастыря, ни другие соседи (πλησιασταί) не имеют никакого права это пересматривать и выдвигать право близости (πλησιασμὸν προβαλέσθαι)».[168] Ссылка на дарение как неподлежащее закону о протимисисе фигурирует и в одном из судебных процессов, зафиксированных в «Пире» (Peira, 38.11).[169] Очевидно, ссылаясь на него с целью отвести претензии лиц, обладавших правом предпочтения, судьи имели в виду распоряжение новеллы Романа Лекапена от 928 г., в которой среди сделок, в отношении которых не существовало права предпочтения (приданое, завещание, обмен, мировая), указаны разные

---

[166] Согласно убедительной интерпретации Мацеса, подробно рассмотревшего указанные акты, Акапнийский монастырь стал домогаться протимисиса, наверняка выдвинув претензии, что ему не была сообщена истинная цена, со ссылкой на «Шестикнижие» Арменопула (Hexabiblos, 3.3.106 — σχολ), требовавшего «не просто того или иного оповещения (αὕτη ἢ ἐκείνη προσφώνησις), но справедливого и честного определения цены продаваемого имущества». Ср.: *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . ., σελ. 52, σημ. 1 (с ошибочным указанием на гл. 103 «Шестикнижия»).

[167] Этот шестимесячный срок является для меня, как и для Мацеса (*Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . .), загадкой, ибо не фигурирует ни в новелле о протимисисе, ни в каком-либо другом тексте, за исключением одного, считающегося новеллой 114 Льва VI, подлинность которой, однако, подвергается сомнению (*Zachariae von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3. Auflage. Aalen, 1955. S. 239. Anm. 780). В «Шестикнижии» (Hexabiblos, 3.3.112) вообще говорится о 10-летнем сроке (упоминается и 4-месячный срок, но как утративший силу). В поствизантийский период в Греции действовало правило, согласно которому лица, имевшие право предпочтения, если они отсутствовали на момент отчуждения, сохраняли это право в течение 5 лет, в пределах которых они, вернувшись, могли возбудить дело о выкупе проданных имуществ: Νομικὰ ἔγγραφα Σίφνου. . ., σελ. 233.

[168] Actes de Docheiariou, № 43, p. 243, l. 26—30.

[169] Ср.: *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . ., σελ. 47, σημ. 4.

виды дарений (предбрачный дар, дарение простое или по случаю смерти).[170] Однако недаром новелла предостерегала, чтобы такого рода юридические действия «не совершались притворно только для прикрытия настоящей продажи и купли» (в случае подозрения «предпочитаемым» давалось право требовать присяги от обеих сторон в том, что такого рода злоупотребление не было ими допущено).[171] Как показало исследование Мацеса, византийская действительность изобиловала случаями скрытых продаж под предлогом дарений во спасение души, совершаемых без соблюдения норм протимисиса и предусматривающих определенное денежное вознаграждение (ἀντίχαρις) дарителю со стороны одаренных (как правило, монастыря) «ради благословления и любви» к нему.[172] Может быть, поэтому уже новелла Константина X Дуки (1059—1067) при разрешении имущественных споров между родственниками в случаях задолженности требует соблюдения «протимисиса брачного дара»,[173] а «Шестикнижие», воспроизводя новеллу Романа Лекапена, хотя и упоминает среди сделок, в отношении которых не существовало права предпочтения, приданое и предбрачный дар, но опускает простое дарение или дарение на случай смерти.[174] Кроме того, указывая среди сделок и дарение по завещанию, «Шестикнижие» в другом месте подчеркивает необходимость соблюдения закона о протимисисе в отношении приданого по завещанию (ἐν ταῖς ὑποθήκαις προτιμᾶται |προίξ).[175] Правда, о дарениях монастырям с благочестивыми целями (во спасение души), т. е. о посвящении имуществ церкви, речи в правовых сборниках нет.

Косвенным, но тем не менее бесспорным свидетельством того, что при оформлении сделок, связанных с отчуждением имуществ, соблюдалась определенная процедура оповещения лиц, обладавших правом предпочтения, является, как мы уже убедились, скрупулезная и повсеместная регистрация в актах продаж и дарений соседей — «плисиастов».[176] О том, какое большое значение этому придавалось в спорных обстоятельствах, говорит случай с деревней Ахиану (1393 г.), половина которой некогда была передана в пронию Макарию Вриеннию, затем перешла к Димитрию Вриеннию Ласкарису. Другая же половина находилась во владении Акапнийского мона-

---

[170] IGR (Zach.). Vol. 3. P. 236. О дате новеллы см.: *Svoronos N*. Histoire des institutions de l'Empire byzantin // Annuaire d'Ecole Pratique des Hautes Etudes. 1970. P. 335.

[171] IGR (Zach.). Vol. 3. P. 236. Помимо продажи, «предпочтение», согласно новелле, имеет место еще при отдаче во временную или наследственную аренду. В «Шестикнижии» (Hexabiblos, 3.3.112) сообщается, что в отношении эмфитевсиса и аренды протимисис вышел из употребления, но постановление патриарха Матфея I от 1400 г. снова применяет протимисис и к отчуждению заимодавцами отданных им в залог недвижимостей (MM, vol. 2, № 158, p. 367), а в акте эмфитевсиса из Диррахия 1359 г. упоминается отказ соседа от права предпочтения (*Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . ., σελ. 45, σημ. 3).

[172] *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . ., σελ. 45—50.

[173] IGR (Zach.). Vol. 3. P. 325—326.

[174] Hexabiblos, 3.3.108.

[175] Ibid., 4.10.38.

[176] Ср.: *Вин Ю. Я.* Право предпочтения. . . С. 225.

стыря, который, обеднев, решил продать ее монахам Кутлумушского монастыря. Поскольку последний не располагал правом предпочтения, не будучи соседом, то он пошел на хитрость: передав Димитрию Ласкарису деньги, монахи Кутлумушского монастыря убедили прониара, как лицо, имевшее право соседства, приобрести половину села с тем, чтобы затем подарить ее их монастырю. Эта махинация была разоблачена монахами Хиландарского монастыря, которые заявили о своем праве близости на половину хориона Ахиану. Сделка акапнийцев с кутлумушцами была расторгнута. Но едва Хиландарский монастырь попытался воспользоваться своей победой, обнаружился еще один претендент на покупку половины села — Эсфигменский монастырь. Его монахи, апеллируя к властям, указали, что ни Димитрий Ласкарис не имел права приобрести вторую половину села (он не был собственником, а всего лишь владельцем пронии), ни Хиландарский монастырь, права которого на село были значительно у́же, нежели права Эсфигменского монастыря, так как монахи Хиландарского монастыря, хотя и имели право близости, являлись соседями только лишь по внешней границе хорафиев спорной половины деревни, т. е. обладали «близостью издалека» (τὸν μακρόθεν πλησιασμόν), в то время как монахам Эсфигменского монастыря принадлежали права соседства. Суд Серрской митрополии в своем постановлении признал претензии эсфигменцев обоснованными и решил спор в их пользу.[177]

Столь же бесспорным, хотя и косвенным, свидетельством существования процедуры оповещения является тот факт, что очень часто право предпочтения на отчуждаемый участок реализовывали родственники. По наблюдениям Ю. Я. Вина, из 20 продаж, зафиксированных вазелонскими актами, 7 совершено между родственниками,[178] причем иногда отчуждение земельного надела в пользу третьего лица осуществлялось с частичным удовлетворением прав предпочтения родственников. Так, Константин Вувала приобрел небольшую часть родового владения своего двоюродного брата Георгия Мадзукаита, продавшего свой гоникон Вазелонскому монастырю.[179] Но в принципе для отчуждения недвижимых имуществ посторонним лицам требовался отказ соседей или родственников от их прав предпочтения или близости. Согласно одной такой «отступной грамоте» (τὸ παρὸν τῆς παραιτήσεως γράμμα) 1270 г. из архива Зографского монастыря, митрополит Фессалоники Иоанникий, отказываясь от своего права предпочтения по соседству, дает согласие на продажу монахами Ватопедского монастыря расположенного по соседству с садами и другими владениями митрополии метоха св. Николая в Фессалонике некоему «благочестивому, христианнейшему и православному» лицу (Зографскому монастырю?).[180]

---

[177] Actes d'Esphigménou, № 30, p. 175—177; cf. Actes de Chilandar, № 160, p. 342—344. Случай разобран: *Вин Ю. Я.* Право предпочтения. . . С. 223—224.

[178] Вазелонские акты, № 19, 33, 49, 86, 90, 91; ср.: *Вин Ю. Я.* Право предпочтения. . . С. 226.

[179] Вазелонские акты, № 64.

[180] Actes de Zographou, № 8, p. 24—25.

Таким образом, введя в структуру частного акта формулу оповещения лиц, располагавших правом предпочтения, о предстоящем отчуждении собственности, смирнские нотарии проявили и хорошее знание реальности, и известную правотворческую смелость.

XI. Установление цены и передача денег — клаузула, характерная, как может показаться на первый взгляд, только для документов, оформлявших купли-продажи, в дарственных же и в другого рода частных актах отсутствующая. Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что и благочестивое пожертвование имущества монастырю — тоже своеобразная сделка, ибо взамен даритель рассчитывает получить ни больше ни меньше, как «избавление, отпущение грехов и спасение души», запись в монастырские диптихи и «вечное поминовенеи» (μνημόσυνον ἀεννάως, как сказано в дарственной 1278 г. из архива Вазелонского монастыря [181]). К тому же часто наряду с этим так называемым «психиконом» в дарственных предусматривалась денежная или вещественная компенсация за дар, обозначаемая терминами εὐλογία или ἀντίχαρις,[182] т. е. «ответная любезность», часто использовавшаяся, как уже отмечалось, для осуществления скрытых продаж, продаж под видом дарения, с целью обойти законы о протимисисе. Своеобразной ценой за сделанный монастырю дар было наряду с «психиконом» и оговоренное в дарственной право дарителя на пребывание в монастыре в случае болезни, при наступлении старости, право «провести в нем свои последние дни и помереть», как сказано в дарственной 1023—1038 гг. из архива Зографского монастыря,[183] а также право дарителя на получение «адельфатов», т. е. пожизненной и оговоренной в акте ренты в деньгах или в натуре в ответ на сделанный дар, причем независимо от того, поселялся ли даритель — «адельфатарий», будучи мирянином, в монастыре или же предпочитал вести

---

[181] См., например, дарственную 1275 г.: Вазелонские акты, № 60, с. 34, строки 14—15. Надо отметить, что клаузула «отпущения грехов» в сочетании с обычным «во спасение души» — это специфика вазелонских дарственных, нигде больше, если не ошибаюсь, не встречающаяся. (Там же, № 63, с. 37, строки 13—14).

[182] Подобные клаузулы встречаются и в смирнских дарственных (ММ, vol. 4, № 93, р. 169 — дарственная 1267 г.; № 88, р. 161 — дарственная 1268 г.; и др.), в дарственных афонских монастырей (Actes de Chilandar, № 69, p. 140 — акт 1321 г.; Actes de Kutlumus, № 5, p. 45 — акт 1012 г.; № 13, p. 67 — акт 1327 г.; и др.), в южноитальянских греческих актах (Syllabus, № 3, p. 514 — акт 1149 г.; № 84, p. 110 — акт 1188 г.; № 248, p. 377 — акт 1199 г.; и др. Ср.: *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . . σελ. 45—50). Зато они отсутствуют в вазелонских актах, а денежная компенсация за дар наряду со спасением души и записью в диптихи для поминания встречается здесь лишь в одной дарственной 1275 г. (см.: Вазелонские акты, № 76, с. 45). Само это явление объяснялось ранее влиянием германского права, представляя собою не что иное, как launegild (вознаграждение за дар), известное и лангобардскому праву (*Ferrari G.* Infiltrazioni occidentali nel diritto greco-italico della monarchia normanna // Scritti giuridici. 1956. Vol. 3. P. 123). Но если это мнение и имеет основание для южноитальянских грамот, то для частных актов собственно византийских территорий оно не может иметь значения, так как воздействие на них лангобардского права совершенно невероятно.

[183] Actes de Zographou, № 2, p. 5; cf.: Actes de Docheiariou, № 47, p. 251—252.

жизнь вне монастыря, собирался ли он стать монахом или нет.[184] Так, по дарственной 1395 г., за «клью» (она представляла собой целый хозяйственный комплекс, состоящий из здания в несколько этажей, двух садов, трех виноградников, невозделанного земельного участка и т. д.) даритель Каллист выговорил право на получение двух адельфатов, а именно — 48 мер вина с Каллики и 24 музуриев муки — пожизненно.[185] В митрополичьем акте 1419 г. из Фессалоники подробно оговаривается, на каких условиях одним дарителем (Мануилом Довлициным) жертвуется Дохиарскому монастырю владение: имена его родителей будут вписаны в свиток («вревион») монастыря для поминовения по заутреням, вечерням, а также во время субботних богослужений, совершаемых «с колливой и просфорой»; ежегодно 26 сентября будет совершаться богослужение во спасение их душ с участием всех священников, которые будут находиться в монастыре, и это будет длиться до тех пор, пока существует монастырь. Помимо этого, монахи будут ежегодно поставлять дарителю три адельфата, которые перейдут после его смерти к другому лицу, им указанному (в состав адельфатов входят 24 «адельфатарской» тагарии зерна, 4 тагарии бобовых, 16 тагарий зерна в счет вина, 2 тетартии масла и 50 литров сыра).[186] Факт коллективного поминовения, купленного за дар, состоявший из движимости (серебряная чаша и медный котел) и недвижимости (две водяные мельницы) общей ценой 50 иперпиров, зафиксирован в дарственной 1471 г. из архива Лавры (оговорено, что эта сумма соответствовала $^1/_2$ адельфата, т. е. средняя такса адельфата в Лавре в 1471 г. была 100 иперпиров).[187] А если учесть, что дарительница (Фомаи Палеологина) и ее родственники рассчитывали получить право на «психикон», как «братья» (ὡς ἀδελφοί) монахов Лавры (хотя, будучи женщиной, дарительница не могла быть связанной с Лаврой никакими «материальными» отношениями), то это, по убедительному мнению издателей, свидетельствует об установлении своего рода «почетного братства» (confrérie honoraire), которое покупалось.[188]

Думаю, что Мацес прав, считая невозможным связывать обусловленность вознаграждения за дар в византийских дарственных с проблемой действительности дара [189] (иначе, например, пришлось бы считать недействительной дарственную 1496 г. из архива Лавры, по которой Георгий Франдис, жертвуя Лавре церковь св. Антония со всеми ее владениями, не оговаривает ничего из того, что он рассчи-

---

[184] Об адельфатах см.: *Живојиновић М.* 1) Аделфати у Византији и средњовековној Србији // ЗРВИ. 1968. Кн. 11. С. 241—270; 2) Монашки аделфати на Светој Гори // Sbornik filosofskog fakulteta. 1974. Т. 12 (1). С. 291—303; 3) Документы о адельфатима за Карејску келију Светог Саве // ЗРВИ. 1986. Кн. 24/25. С. 385—396; *Konidares I. M.* Νομικὴ θεώρηση τῶν μοναστηριακῶν τυπικῶν. Ἀθήνα, 1984, σελ, 223—227; *Papayanni E. Sp.* Τὰ οἰκονομικὰ τοῦ ἐγγάμου κλήρου στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1986, σελ. 143.

[185] Actes de Lavra, t. 3, № 154, p. 130.

[186] Actes de Docheiariou, № 58, p. 295, l. 10—12.

[187] Actes de Lavra, t. 3, № 173, p. 197.

[188] Ibid.; cf. t. 1, № 18, p. 150, l. 38 (аналогичный случай, но уже в 1014 г.).

[189] *Matses N. P.* Ζητήματα ἐκ τοῦ θεσμοῦ τῆς προτιμήσεως. . ., σελ. 48, 49.

тывает получить взамен: нет упоминания ни о психиконе, ни об адельфатах).[190] Но тот факт, что в 1404 г. суд предписывает Дохиарскому монастырю возобновить ежегодную выплату трех адельфатов Марии Деблицене, еще раз и бесспорным образом доказывает, что под благочестивым дарением монастырю понимается сделка, адельфаты — это цена, и суд признает действительность этой сделки со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями для обеих сторон.[191]

Разумеется, что в своем наиболее чистом виде формула установления цены и передачи денег выступает в актах купли-продажи, в этом наиболее массовом виде византийских частных актов. Дело в том, что, хотя византийское законодательство предусматривает и дачу задатка (В. 22.1.76; 28.2.1), и отсрочку в уплате цены (В. 19.6.13), тщательно регламентируя все возможные правовые действия, которые при этом могут возникнуть, византийские акты купли-продажи оформляют почти исключительно сделки, связанные с переносом права собственности за деньги с уплатой наличными, τοῖς μετρητοῖς. В отличие от римской системы контракта, согласно которой уже со времен классической древности купля-продажа развилась в соглашение, заключаемое solo consensu и порождающее для каждой из сторон соответствующие права и обязанности, в Греции, да и в эллинистическом мире в целом купля-продажа была и осталась соглашением прямого обмена отчуждаемых имуществ на условленную цену. Именно уплата цены была фактическим элементом совершения купли-продажи в греческом праве, через нее происходила передача прав собственности, в то время как передача вещи никогда не была кульминационным пунктом передачи права собственности. До уплаты цены простое совпадение волеизъявлений продавца и покупателя (ὠνή = πρᾶσις или просто ὠνή) не было соглашением, порождающим с обеих сторон обязательства, но создавало нечто вроде взаимного морального долга (ὀφειλή=debitum) между заинтересованными сторонами, не доходившего до обязательства, предполагавшего их взаимную юридическую ответственность (εὐθύνη=obligatio).[192] Юстиниан с присущим его законодательству духом компромисса пытался остаться верным римской доктрине передачи продаваемой вещи как основного способа переноса собственности, но не смог противостоять натиску живого греческого «торгового права» с его пониманием купли-продажи как соглашения, совершаемого «наличными». В результате и Юстиниановому праву (включая и «греческого Юстиниана» — Ва-

---

[190] Actes de Lavra, t. 3, № 174, p. 199.

[191] Actes de Docheiariou, № 51, p. 268, 269.

[192] *Zepos P. J.* Ἡ παράδοσις δι' ἐγγράφου ἐν τῷ βυζαντινῷ καὶ τῷ μεταβυζαντινῷ δικαίῳ // Τόμος ἐπὶ ἑξακοσιετοῦ Ἀρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952, σελ. 208—214 (с богатейшей библиографией, к которой надо добавить вышедшие позднее работы, прежде всего обстоятельную статью Нэрра о структуре византийской купли-продажи: *Nörr D.* Die Struktur des Kaufes nach den byzantinischen Rechtsbüchern// Byzantinische Forschungen. 1966. Bd 1. S. 230—259; cf.: *Mayer-Maly Th.* Der Konsens als Grundlage des Vortrages // Festschrift für Erwin Seil. Köln, 1975. S. 118—124; etc.); *Zepos P. J.* Παράδοσις ἐγγράφου ἢ δι' ἐγγράφου εἰς τὸ βυζαντινὸν καὶ τὸ μεταβυζαντινὸν δίκαιον // Μνήμη Γ. Α. Πετροπούλου, τόμ. 1. Ἀθήνα, 1984, σελ. 87—89.

силики, в схолиях к которым византийские юристы подчеркивают то значение вещественной передачи, то уплаты цены), и позднейшему византийскому, и даже поствизантийскому праву (вплоть до Νομικὸν Πρόχειρον Михаила Фотинопулоса, изданного в 1766 г.[193]) присущи черты дуализма с явной, впрочем, уступкой в пользу понимания купли-продажи как сделки, пусть даже заключаемой письменно или устно, но все же всегда с уплатой наличными, τοῖς μετρητοῖς.[194] И этот «дуализм» исчезает, когда мы обращаемся к частным актам (будь то папирусы византийского времени или собственно византийские акты продажи), все оснащение которых и внутренняя структура свидетельствуют о торжестве греческого или эллинистического права.

Итак, подобная клаузула, как правило, гласит: «Мы договорились о цене и установили ее во столько-то номисм (или иперпиров), каковые номисмы (иперпиры) получив из твоих рук в присутствии нижеподписавшихся свидетелей» или «после того, как вся сумма целиком была полностью уплачена» и т. д. (примеры бесчисленны). Нетрудно заметить, что клаузула как бы состоит из двух частей, первая из которых за внешней лаконичностью («договорившись, установили»)[195] скрывает сложную, порою исполненную драматизма процедуру согласования взаимоприемлемой цены. Ведь по римско-византийскому праву считалось естественным (naturaliter concessum est), что в купле-продаже стороны стремятся «обставить» друг друга: покупатель — подешевле купить, продавец — подороже продать.[196] Помогало, разумеется, представление о некоей справедливой цене, которое, как и на Западе, существовало в Византии: термин τὸ δίκαιον τίμημα (iustum pretium) и его синонимы неоднократно встречаются как в законодательных памятниках (см., например, D. 20.1.16.9=B.25.2.16),[197] так и в актах продажи. Так, в актах Ксиропотамского монастыря условленная цена названа «совершенной» (τέλεια τιμή),[198] вазелонские акты предпочитают термин «справедливая»,[199] а один из

---

[193] См.: Νομικὸν Πρόχειρον συνταχθὲν ὑπὸ Μιχαὴλ Φωτινοπούλου εἰς Βουκουρέστιον / Ἐκδ. ὑπὸ τῶν Π. Ι. Ζέπου, V. A. Georgescu καὶ Α. Σιφωνίου—Καραπᾶ. Ἀθῆναι, 1982 (особенно раздел Περὶ ἀγορᾶς καὶ πράσεως на с. 198—204).

[194] Особенно наглядно это явствует из таких постюстиниановских сборников, как Эклога (E. 9.1), Прохирон (Proch. 14.1), Исагога (Eis. 23.1), Шестикнижие (Hexabiblos, 3.3.1).

[195] Ср. образец акта № 37 формулярия Феррари: «Посовещавшись в отношении цены этого (раба или животного) и придя к единому мнению» (*Ferrari*. Formulari, p. 23, l. 3—5). Остальные известные нам формулярии вообще опускают эту часть клаузулы, ограничиваясь констатацией: «продаю (-ем) . . . за столько-то», и напрасно, так как византийские нотарии с полным основанием не последовали этой рекомендации.

[196] D. 19.2.22.3 (Paulus, cf. B. 20.1.22).

[197] Более полное указание источников см. в комментарии Е. Э. Липшиц к ст. 16 Земледельческого закона (Византийский Земледельческий закон. С. 152, 153. Ср. также: *Biondi B*. Il diritto romano cristiano. Milano, 1952. Vol. 2. P. 134 sq.; *Arangio-Ruiz V*. Istituzioni di diritto romano. Napoli, 1954. P. 339; *Kaser M*. Das römische Privatrecht. München, 1976. Bd 2. S. 328, 388.

[198] Actes de Xéropotamou, p. 102, 37; 118, 76, 87, 96; 119, 106, 114, 122; 120, 128; 126, 307.

[199] См., например, акт продажи 1344 г.: ἀπελάβαμεν τὴν δικαίαν τιμὴν ἀθολόγην τὸ ἠγοράσθην εἰς ἄσπρα ρλʹ (Вазелонские акты, № 99, с. 57, 7—8).

этих последних актов (купчая 1264 г.) сохранил уникальное свидетельство процедуры установления цены продаваемого земельного участка: «Обе стороны, придя к соглашению в отношении (способа) оценки участка, пригласили достойных доверия [200] мужей, имеющих опыт в оценке местных земель, которые и установили справедливую цену этого участка (τὴν τούτου δικαίαν τιμήν) в 26 аспров — «кирмануилаток», — и не больше, каковую сумму мы и получили от святой обители по счету (ἀριθμητικῶς) в наши руки в присутствии подписавшихся свидетелей».[201] В акте продажи 1327 г. из архива Зографского монастыря говорится, что за проданные последнему дома братья Каламаны выручили 250 иперпиров в венецианских дукатах, в весе составивших 20 литров и 10 унций; эта цена названа совершенной (τέλεια), причем в оценке продаваемого имущества принимал участие протомаистор строителей Георгий Мармара.[202] Из акта церковного суда в Фессалонике (1384 г.) явствует, что экспертами по оценке имущества были, работая «в паре», два архонта — Димитрий Фоверис и Иоанн Марулис.[203]

Важно отметить, что «справедливая цена» определяется здесь не ссылкой на уровень государственных цен, а устанавливается путем экспертизы специальными оценщиками, что соответствует данным и других источников.[204] Надо также заметить, что понятие «справедливой цены» ставилось законодательством в связь с принципом laesio enormis, т. е. запрещением нанесения чрезмерного ущерба (С. 4. 44. 2=В. 19. 10. 72, ср. Книга Эпарха, XII; Peira, 38),[205] согласно которому хозяин товара мог не согласиться с решением оценщиков-акроатов и даже предъявить иск в случае непомерно низкой цены (менее половины фактической) за отчуждаемое имущество; он мог истребовать свою вещь обратно, аннулировать сделку.[206] В митрополичьем акте 1419 г. из Фессалоники говорится о том, что вдова и наследники уже известного нам дарителя Дохиарскому монастырю

[200] Это слово, полусмытое, полузагрязненное в рукописи, стало камнем преткновения для издателей: Пападопуло-Керамевс прочитал его как κρατίστους, Успенский и Бенешевич — как [ἀ. . . ον]τίσους. Между тем ленинградская рукопись, положенная в основу существующего издания, дает хотя и с трудом читающееся, но все же бесспорное, мне кажется, ἀξιοπίστους (ГПБ, Греч. 743, л. 20 об.), что, впрочем, единственно подходит и по смыслу.

[201] Вазелонские акты, № 39, с. 19, 39—45.

[202] Actes de Zographou, № 25, p. 56, l. 71—73.

[203] Actes de Docheiariou, № 49, p. 263, l. 9—10, 35.

[204] Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Трудовые конфликты в Византии // Византийские очерки. М., 1971. С. 55, 72.

[205] Что касается закона С. 4.44.2, относимого обычно к числу введенных Диоклетианом, то, по мнению Аранджо-Руиц, он, вероятно, представляет собою интерполяцию и относится в действительности ко времени Юстиниана (*Arangio-Ruiz V.* Istituzioni. . . P. 134). О понятии laesio enormis см.: *Sirks A. J. B.* La «laesio enormis» en droit romain et byzantin // Tijdschr. v. Rechtsgesch. 1985. 53. 291—307.

[206] Ср.: *Сюзюмов М. Я.* Трудовые конфликты в Византии. С. 69. Случай пересмотра сделки на продажу земли из-за слишком низкой ее оценки (но уже по инициативе властей и с той мотивировкой, что следствием этого был низкий уровень налогообложения) мы встречаем в акте протоспафария Иоанна от 956 г. из архива Ксиропотамского монастыря (Actes de Xéropotamou, № 1, p. 39—40).

Мануила Довлицина, погибшего в сражении с турками при Хортаите, опротестовали дарение, между прочим, и на том основании, что подаренное владение было отдано без оценки его экспертами сперва из-за того, что обстановка (осада города турками) не позволяла осуществить такого рода экспертизу, но и после снятия осады этого тоже не было сделано.[207]

Отклонения в ценах от уровня, который определялся как «справедливый», могли быть и вынужденными, и добровольными. Например, цена в 91 иперпир за виноградник в шесть модиев, которую зафиксировал акт продажи 1295 г. из архива Ксиропотамского монастыря, была явно завышена. По мнению Бонпера, продавец Константин Спартинос «вздул цену» для соседей, пожелавших воспользоваться своими правами предпочтительной покупки, хотя нельзя исключить и того, что на размер цены мог повлиять тот факт, что виноградник был свободен от всех налогообложений.[208] С другой стороны, цена могла определяться несколько меньшей, чем должно, по причине личных отношений хозяина продаваемой вещи с покупателем (некий аналог древнегерманской Freundschaftskauf). Например, согласно купчей 1270 г. из архива Зографского монастыря, монахи Ватопедского монастыря продали монахам Зографа метох в Фессалонике за 240 иперпиров. В документе подчеркивается, что к продаже его их склоняли уже многие и даже набавляли в цене, но они, монахи Ватопеда, осознавая, что монахи Зографа суть их братья, предпочли продать метох именно им, дабы тот оставался монашеским учреждением, а не превращался в светское пристанище.[209] Особенно заметны отклонения в уровне цен тогда, когда в сделку вступают близкие родственники, так как в этом случае отношения осложняются, выступают уже не в чистом виде, испытывая влияние наследственного права, а то и просто родственной солидарности. Например, в акте продажи 1123 г. из Мессины покупатель (по предположению Гийу, «из братской щедрости») в счет уплаты стоимости виноградника аннулировал значительно больший (8 тариев) долг брата-продавца, чем уплатил за такой же виноградник другому продавцу — жене своего другого, очевидно покойного, брата (2 тария).[210]

Вторая часть клаузулы воспринимается как расписка в получении цены со стороны продавца. При этом подчеркиваются следующие моменты: фактическая передача денег из рук покупателя в руки продавца (при помощи конструкции ἀπὸ τῶν χειρῶν σου εἰς τὰς ἡμῶν χεῖρας[211] или наречия χειροδότως,[212] иногда же — в плеонастическом соединении

---

[207] Actes de Docheiariou, № 58, p. 295, l. 18—19; p. 296, l. 23—24.

[208] Actes de Xéropotamou, p. 100.

[209] Actes de Zographou, № 9, p. 25—27.

[210] Actes de S. Maria di Messina, № 4, p. 60.

[211] Actes d'Esphigménou, № 1, p. 41, l. 18—19 (примеры можно многократно умножить, но здесь важно отметить, что в форме διὰ χειρὸς εἰς χεῖρας оборот встречается уже с V в. на папирусах: *Preisigke-Kießling.* Wörterbuch, s. v. χείρ; *Simon.* Kaufformular. S. 165).

[212] Самым ранним примером употребления термина является, если не ошибаюсь, купчая 897 г. из архива Лавры: Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 24—25.

обоих элементов[213]); наличность и пересчет денег (μετρητῶς,[214] ἀριθμητικῶς[215]), целостность всей суммы (κατὰ τὸ πάντη ἀπαράλειπτον, чаще ἀπαραλείπτως[216]).

Нам не встречались акты, в которых бы фиксировались дата задатка, частичная выплата цены или отсрочка в уплате, хотя все это предусматривалось законодательством,[217] да и на практике имело место, о чем мы знаем и по другим источникам. Так, из одного гарантийного акта 1081 г. явствует, что за проданное ранее монахами Космидиона монастырю амальфитанов имение (была и купчая, но она не сохранилась, и нам неизвестно, в каком виде в ней фигурировала клаузула о цене) деньги не были уплачены. Только сейчас это было сделано, в связи с чем и потребовался дополнительный документ.[218] Но еще более показателен другой случай, о котором мы узнаем из орисмоса императрицы Анны Савойской, представляющего собой по сути дела судебный приговор, вынесенный на основании расследования комиссией игуменов пяти солунских монастырей тяжбы между монахами Дохиарского монастыря, с одной стороны, и «кабалларием» (т. е. прониаром) Димитрием Триканасом и его зятем Иоанном Калоифисом — с другой.[219] Дело заключалось в том, что монах солунского метоха Дохиарского монастыря Исвис, находясь уже на смертном одре, продал по акту, составленному протонотарием Никитой Сотириотом, и «следуя прежним соглашениям», виноградник. Монахам Дохиарского монастыря, опротестовавшим сделку на том основании, что виноградник был собственностью монастыря, Триканас и Калоифис ответили, что купили виноградник, внеся за него плату, «как об этом сказано в акте продажи». Однако приглашенный императрицей составитель акта Никита Сотириот, не оспаривая наличия в купчей такой клаузулы, заявил, что считает совершенный им акт продажи «совершенно недействительным и аннулированным» (ἄκυρον τοῦτο παντελῶς καὶ καταλελυμένον), так как в его присутствии покупщиками «не было уплачено ничего, даже ни одной номисмы» (расследование игуменов показало, что это было правдой: свидетели акта подтвердили, что они собственными глазами видели, что не было сделано никакого платежа Исвису в их присутствии). Правда, Никита Сотириот оговорился, что слышал от Исвиса, будто Триканас и Калоифис дали

---

[213] *Sathas*. Τύποι. № 8, p. 616, l. 13.

[214] Ibid. № 4, p. 613, l. 2; № 8, p. 616, l. 13; *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 19—20; *Simon*, *Troianos*. Geschäftsformulare. № 1, S. 268, Z. 15. Любопытно, что термин, столь настойчиво рекомендуемый формуляриями (в формулярах, изданных Феррари, он, впрочем, отсутствует), не встречается в актах, хотя само явление пересчета денег при передаче, несомненно, имело место (ср.: Actes de Xéropotamou, № 16, 6: ἅπερ (sc. ὑπέρπυρα) καὶ ἐλάβαμεν καὶ ἐμερίσαμεν).

[215] Вазелонские акты, № 39, с. 19, строка 44.

[216] *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 20 und S. 165 (в актах примеры бесчисленны; см., например: Actes de Xéropotamou, № 12 — купчая 1295 г.; № 16 — серия актов продажи от 1310—1325 гг.).

[217] B. 19.6.13; 22.1.76; 28.2.1; Книга Эпарха. VI, 11; IX, 2; X, 5; XI, 5; ср.: *Сюзюмов М. Я.* Трудовые конфликты в Византии. С. 54—55.

[218] Actes de Lavra, t. 1, № 42, p. 233—236.

[219] Actes de Docheiariou, № 35, p. 211—213.

ему только 50 иперпиров (видимо, в качестве задатка). Тяжба закончилась в конце концов мировой, но такого рода случаи, несомненно, подрывают доверие к документу, говорят о фиктивности того, что там написано. Можно ведь предположить, что в действительности все было иначе, чем в акте: могли быть и задатки, и отсрочки в выплате цены, и т. д. Интересно отметить в рассмотренном деле еще одну деталь: казалось бы, Иоанн Калоифис, купивший виноградник у Исвиса, должен был быть кровно заинтересован в сохранении купчей на него — единственного его доказательства. Тем не менее в своем экземпляре мировой он утверждает, что не знает больше, где находится акт.[220] По-видимому, тот был утерян в ходе всех этих дебатов, а копии явно не существовало.

Важным элементом клаузулы установления цены и передачи денег была, наконец, констатация полноценности валюты, предполагавшая, что независимо от вида денежной единицы, в которой происходит выплата (общеимперский ли иперпир[221] и конкурирующие с ним с некоторых пор венецианский дукат,[222] флорентийский флорин,[223] трапезундский аспр — «кирмануилат»[224] и южноитальянский тарий[225]), все монеты должны быть полного веса и находиться в об-

---

[220] Ibid., N 36, p. 215, l. 18.

[221] Введен, по-видимому, Алексеем I Комнином в 1092 г., сменив обесценившуюся номисму (солид): *Hendy M. F.* Coinage and money in the Byzantine Empire, 1081—1261. Washington, 1969. P. 39—49; *Grierson Ph.* From solidus to hyperperon: The names of byzantine gold coins // The Numismatic Circular. 1966. Vol. 74, № 5. P. 124; *Джапаридзе Г. И.* О термине «иперпир» в синодике Ивирского монастыря на Афоне // ВВ. 1978. Т. 39. С. 180—181.

[222] О платеже в иностранной валюте в связи с девальвацией византийского иперпира в XIV в. см.: *Zakythinos D. A.* Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle // Zakythinos D. A. Byzance (Etat—Société—Economie). London, 1973. Art. XI, p. 15, 111. Чаще всего венецианские дукаты платились в унциях (δουκάτων οὐγγίαι), каждая из них содержала 12 дукатов и примерно равнялась 1 иперпиру. Кроме того, серебряные дукаты служили для дополнения суммы, указанной в иперпирах. Хорошую сводку соотношений иперпира, золотого и серебряного дукатов, а также указание актовых источников см.: Actes de Xéropotamou, p. 114; Actes de Lavra, vol. 3, p. 37.

[223] Флорин стал чеканиться с 1262 г. в связи с обесценением византийского иперпира. В качестве расчетной монеты его рекомендует только один формуляр (*Simon.* Kaufformular. S. 158, Z. 18), не встречается он и в актах продажи, поэтому представляется несколько поспешным вывод Зимона, который считает, что «актуализация формуляра через указание валюты, в которой продавец мог ожидать во второй половине XIV в. уплаты цены, указывает на практическое, а не только школьное назначение образца». (Ibid. S. 165). Впрочем, он и сам в другом месте сознается в «leichte Überinterpretation» формулярного указания на использование флорина (*Simon, Troianos.* Geschäftsformulare. S. 269).

[224] Вазелонские акты, № 39, с. 19 (купчая 1264 г.); № 48, с. 25 (купчая 1349 г.).

[225] Тарий (ταρίον=tarenus), принесенный еще арабами, заменивший в Южной Италии и в Сицилии византийскую номисму (в акте продажи 1076/77 г. из Мессины мы встречаем последнее упоминание номисмы как реальной монеты, которая впредь здесь используется лишь как единица счета, скажем, для вычисления суммы долга или штрафа) и сохраняющий куфическое письмо по сторонам креста с именем христианского суверена, был и оставался самой распространенной монетой в этом районе, хотя в 1231 г. были введены еще августалы. См.: *Skržinskaja E.* Esame e datazione. . . P. 146; Actes de S. Maria di Messina, p. 17, 43, n. 2; p. 57; Actes de Dannoso, p. 11.

ращении в данной местности: σῶα πάντῃ καὶ ἀνελλιπῆ, говорится, например, в акте продажи 1349 г. из кодика Вазелонского монастыря, где к тому же подчеркивается, что монеты должны быть местной трапезундской чеканки (τῆς αὐθεντικῆς ἡμῶν χαραγωγῆς ἄσπρα); [226] ἔνσταθμα (или εὔσταθμα) πολιτευόμενα, говорится об иперпирах в копии акта продажи виноградника 1387 г. (копия руки Феодора Мелитениота); [227] в арендном договоре XIII в. из Мессины оговаривается, что арендатор должен ежегодно платить 40 тариев золотом «подлинного (или обычного?) веса» (τὸν γενικὸν ζυγόν); [228] в некоторых актах продажи XI в. из архивов Эсфигменского монастыря и русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне уточняется, что уплата цены совершается новыми монетами — «стаминами» — хорошей, без примесей, пробы и хорошего веса (στάμενα κηνοῦργια ὁλότραχα). Указывается и иконографическая особенность этих монет — «солнцелунатные» (ἡλιοσεληνάτα), [229] что позволяет отождествить их с выпущенными при Василии II (976—1025) или Константине VIII (1025—1028) номисмами, на которых нимб Христа по сторонам фланкировался двумя полумесяцами, изображавшими, по мнению нумизматов, солнце и луну [230] (последние, по остроумной гипотезе М. В. Бибикова, символизировали в свою очередь императора и императрицу [231]). Ясно, что подобного рода детализация была призвана, по мысли составителей актов, оградить интересы продавца от колебаний валютного курса.

XII. Клаузула передачи предмета сделки тесно связана с предыдущей, что особенно явствует из таких характерных выражений, как «получив цену, мы взамен действительно передали тебе» (ἀντιπαραδεδώκαμέν σοι σωματικῶς), [232] которые обнаруживают тенденцию уравнять действия продавца и покупателя. Другими словами, купля-продажа, к которой относятся наши документы, понималась не более

---

[226] Вазелонские акты, № 48, с. 25, строки 9—10; cf.: Actes d'Esphigménou, № 9, p. 74, l. 11 (акт 1301 г.); Actes de S. Maria di Messina, № 5, p. 65, l. 6: τέλεια καὶ ἀνελλιπῆ (акт 1135 г.).

[227] *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1. S. 189, Z. 6; cf. S. 193, Z. 16; MM, vol. 2, № 471, p. 221, l. 9 (1394); № 606, p. 437, l. 5 (1400); № 609, p. 441, l. 9 (1400); Actes de Dionysiou, № 9, p. 79, l. 14 (1400); *Zakythinos D. A*. Crise monétaire. . . P. 112—113.

[228] *Skržinskaja. E*. Esame e datazione . . . P. 150, l. 12 (Е. Ч. Скржинская переводит это выражение как «di peso giusto», «di peso comune» — Ibid. P. 142, 146).

[229] Actes d'Esphigménou, № 1, p. 41, l. 18 (акт продажи 1034 г.); Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30, l. 8—12 (акт продажи 1030 г.); № 2, p. 34, l. 13 (акт продажи 1033/34 г.).

[230] *Grierson Ph*. Catalogue of the byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 3. P. 55, 57—58; Actes d'Esphigménou, p. 40 (Лефор считает, что речь идет о номисмах, выпущенных в царствование Константина VIII); Actes de Saint-Pantéléèmôn, p. 29.

[231] *Бибиков М. В*. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования за 1980 год. М., 1981. С. 93.

[232] MM, vol. 6, № 34, p. 125, cf.: *Ferrari*. Formulari. № 37, p. 23, l. 5—6.

не менее, как обмен (permutatio).[233] Однако значение этой клаузулы выходит за пределы просто констатации передачи предмета сделки: речь снова идет о значении ее в вопросе о способе переноса права собственности на отчуждаемое имущество, о способе передачи этого имущества. Уже отмечалось, что некоторые схолиасты Василик усматривают этот способ именно в вещественной передаче: «Не уплата денег, но передача вещи переносит право собственности (τὴν δεσποτείαν), так что утверждающий, что он-де уплатил аспры за ту вещь, которая записана на имя другого, напрасно старается распоряжаться той вещью», — говорит один из них,[234] явно отдавая дань римской доктрине в полемике с живым народным греко-эллинистическим правом. Византийская практика придерживалась другой точки зрения на этот счет. Здесь важно еще подчеркнуть, во-первых, что речь в актах вообще не идет о вещественной передаче (corporalis traditio) самого предмета продажи, но именно права собственности на него: «Передали тебе всю власть и (право) собственности на это место», — говорится в акте продажи 1033/34 г. из архива монастыря св. Пантелеймона (δεδώκαμέν σοι τοῦ τοιούτου τόπου τὴν πᾶσαν ἐξουσίαν καὶ κυριότητα);[235] во-вторых, что сама эта передача совершается не иначе, как через выпуск письменного документа (акта о продаже или купчей), который, действуя как заменитель вещественной передачи, вполне достаточен сам по себе, не требует изготовления какого-либо специального документа передачи или какой-то новой передачи. Эта часть клаузулы (в наиболее употребительной форме τοῦ παρόντος ἡμῶν ἐγγράφου ἀρκεῖν ὀφείλοντος καὶ ἀντὶ σωματικῆς παραδόσεως, см. также варианты ἀντὶ πρακτικῆς σωματικῆς παραδόσεως или ὡς πρακτικὸν σωματικῆς καὶ τοπικῆς παραδόσεως и т. д.) еще неизвестна папирусам (первые известные датированные примеры происходят уже из XIII в.),[236] помещается формулярами на своем месте, вслед за клаузулой установления цены и передачи денег,[237] в то время как составители актов переносят ее в конец документа, включая в пенальную формулу.[238]

Самодостаточность письменного акта косвенно явствует и из того, что многие из них (например, вазелонские) вообще опускают клау-

---

[233] *Ferrari G.* I documenti greci medioevali. P. 96; cf.: *Simon.* Kaufformular. S. 166—167.

[234] B. 22. 1. 55 (σχόλ. 2).

[235] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 2, p. 34, l. 13—14. (Это подразумевается и во всех тех случаях, когда в актах, казалось бы, говорится о передаче предмета сделки, особенно если речь идет о недвижимости).

[236] *Simon.* Kaufformular. S. 166 (Зимон предполагает, что таким образом и аналогичные клаузулы недатированных формуляров не могут быть датированы более ранним временем, но не слишком ли смел этот вывод?).

[237] *Sathas.* Τύποι. № 4, p. 613, l. 4—6; № 8; p. 616, l. 17—18; *Simon.* Kaufformular. S. 158, Z. 22—23; *Simon, Troianos.* Geschäftsformulare. № 1, S. 268, Z. 17—19.

[238] MM, vol. 4, № 25, p. 78 (купчая 1232 г.); № 81, p. 152 (купчая 1254 г.); № 104, p. 184 (купчая 1208 г.); № 106, p. 186 (купчая 1207 г.); Actes de Xéropotamou, № 12, p. 102, l. 39—40 (купчая 1295 г.); № 26, p. 195, l. 63—64 (купчая 1349 г.); Actes de Zographou, № 25, p. 57, l. 126—127 (купчая 1327 г.); № 28, p. 67, l. 108—109 (купчая 1330 г.); Actes de Xénophon, № 8, p. 105, l. 50; Actes de Chilandar, № 12, l. 52; № 25, l. 58; № 28, l. 79.

зулу передачи предмета сделки,[239] ограничиваясь, да и то далеко не всегда, указанием на факт выдачи (ἔκθεσις) акта монахам монастыря.[240] Нет также никаких оснований полагать, что существовала какая-то особая торжественная церемония передачи документа правопреемнику, символизирующая вещественную передачу предмета сделки (traditio cartae), что не исключает того, что в конечном счете письменный акт предназначался именно для того, чтобы попасть в руки правопреемника — с целью наилучшим образом выполнять свою функцию средства доказательства и с целью наилучшей («вечно длящейся»[241]) сохранности и надежности (ибо предполагалось, что в условиях отсутствия четко организованной службы нотариата по регистрации отчуждений собственности нет лица, более заинтересованного в сохранности документа, чем правопреемник). Эта византийская система, при которой (резюмируем еще раз) уплата цены наличными вела к переносу права собственности, а вещественная передача предмета сделки растворялась в диспозитивном акте изготовления чистового оригинала (καθαρογραφή), подписывания его сторонами, свидетелями и лицами, исполняющими обязанности нотария (завершающий временной пункт заключения сделки), и при которой сказанным в сущности исчерпывался смысл сделки, не требуя дополнительно какого-то специального документа передачи, поскольку сам акт выполнял эту роль,[242] или специальной символической процедуры передачи той же купчей правопреемнику (μὴ δεομένης ἑτέρας παραδόσεως, — читаем в одном формуляре дарения на случай смерти[243]), такая система получила в историографии название traditio per cartam, παράδοσις δι' ἐγγράφου, т. е. передача права собственности посредством изготовления письменного акта.[244] Не думаю, что прав Зимон, который вообще хотел бы исключить понятие «передачи». «Открытая замена акта передачи купчей, — говорит он, — вообще не означает передачи через этот документ, но лишь попытку подтвердить наличие всех необходимых в смысле меновой сделки предпосылок законности, чтобы создать покупателю бесспорный титул. . . Речь не идет ни о совершении traditio, ни о ее подмене, но о том, что совершение сделки изъято из воли наследников».[245]

---

239 Ср. также документы из архива Зографского монастыря: Actes de Zographou, № 1, p. 1—3 (купчая 980 г.); № 9, p. 25—27 (купчая 1270 г.).

240 См., например: Вазелонские акты, № 30, с. 13 (купчая 1295 г.); № 39, с. 19 (купчая 1264 г.); купчая 1246 г. из Диррахия (см. далее, с. 233, строка 19: ἐξεθέμεν πρός σε τὴν παροῦσαν καθαρὰν καὶ φανερὰν τελείαν ἀπόπρασιν); и др.

241 Вазелонские акты, № 48, с. 25: εἰς ἐμφάνειαν καὶ ἀσφάλειαν αἰωνίζουσαν.

242 Например, акт о продаже 1295 г. из Фессалоники (продавец Константин Спартенос) прямо так и назван: πρακτικὸν σωματικῆς καὶ τοπικῆς παραδόσεως, см.: Actes de Xéropotamou, № 12, p. 99—102.

243 *Sathas*. Τύποι. № 3, p. 612, l. 3; cf. Actes de Chilandar, № 69, l. 46, 53.

244 Укажем здесь только основополагающие работы, в которых приведена вся предыдущая библиография: *Zepos P. J*. Ἡ παράδοσις δι' ἐγγράφου, passim; *Steinacker H*. «Traditio cartae» und «traditio per cartam» // Archiv für Diplomatik. 1959—1960. Bd 5—6. S. 1—72; *Zepos P. J*. Παράδοσις ἐγγράφου ἢ δι' ἐγγράφου εἰς τὸ βυζαντινὸν καὶ τὸ μεταβυζαντινὸν δίκαιον // Εἰς : Μνήμη Γεωργίου 'Α. Πετροπούλου. Τόμ. 1, 'Αθήνα, 1984, σελ. 87—98.

245 *Simon*. Kaufformular. S. 167.

Аргументируется это, между прочим, ссылкой на только что цитированный формуляр дарения, где клаузула наличествует с добавкой «без того, чтобы требовалась другая передача». Но ведь как раз подобная оговорка и предполагает, что какая-то первичная передача имплицитно была присуща процессу и документального оформления сделки, и совершения акта. Это правда, что выражение παράδοσις δι' ἐγγράφου в такой именно форме не засвидетельствовано византийскими актовыми источниками,[246] но речь идет не о названии (оно, конечно же, достаточно условно), а о существе явления, о способе переноса права собственности на отчуждаемое имущество, а им был — это представляется бесспорным — выпуск лицом, отчуждающим имущество, письменного акта об отчуждении (купчей, если речь шла о купле-продаже, дарственной, если речь шла о дарении, и т. д.) в пользу правопреемника.

XIII. Права и обязанности правопреемника — обычная клаузула, гарантирующая полноту уступленных прав распоряжения вещью. Она содержится как в формулярах, так и почти во всех реальных актах, выступает, как правило, в пространной редакции, но нередко и в сокращенной. Первая включает в себя выраженное с помощью синонимически плеонастического ряда трудно переводимых терминов (чаще всего в виде наречий) определение прав контрагента как верховной власти над вещью (например, «чтобы вы владели ею κυρίως, αὐθεντικῶς, ἰδικῶς καὶ μονομερῶς,[247] или же αὐθενικῶς καὶ δεσποτικῶς,[248] или κυρίως καὶ ἐξουσιαστικῶς[249]), ее абсолютного и неотъемлемого характера (ἀπαρασπάστως, ἀκαινοτομήτως, ἀκολύτως, ἐνενοχλήτως[250]), после чего идет ряд глаголов в инфинитиве, призванных конкретизировать этот общий принцип, т. е. предусмотреть все возможные способы реализации права полного и свободного распоряжения имуществом. Отмечается, что правопреемник имеет право продать вещь (πωλεῖν или πιπράσκειν), обменять (ἀνταλλάττειν), отказать в легат (ληγατεύειν), дать в приданое (προικοδοτεῖν), подарить (ἀποχαρίζεσθαι), посвятить церкви или монастырю (ἀφιεροῦν), улучшать (βελτιοῦν), совершенствовать (καλλιεργεῖν), вообще делать все, что вздумается, не испытывая каких-либо помех или происков со стороны кого бы то ни было.[251] Подчеркивается постоянный характер права собственности: «отныне и на вечные времена, пока стоит Вселенная» или «пока настоящее солнце обозревает этот мир». По-видимому, право собственности на время

---

[246] Пожалуй, ближе, чем приведенные Зимоном примеры аналогий, к этому выражению стоит формула дарственной 1275 г. из кодика Вазелонского монастыря: ὃ καὶ ἐγγράφως διὰ τοῦ παρόντος ὕφους ἐκδέδωκα (Вазелонские акты, № 60, с. 34, строки 26—27).

[247] *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 23—25; *Sathas*. Τύποι. № 4, p. 613, l. 6—7.

[248] Actes de Lavra, t. 1, № 63, p. 325, l. 41.

[249] MM, vol. 4, № 11, p. 52, l. 11; Actes de Zographou, № 9, p. 27, l. 46.

[250] *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 25; *Sathas*. Τύποι. № 4, p. 613, l. 6—7.

[251] *Simon*. Kaufformular. S. 158, Z. 26—30; MM, vol. 4, № 11, p. 52; № 17, p. 61; № 19, p. 65; № 25, p. 78; № 53, p. 117; *Sathas*. Τύποι. № 4, p. 613, l. 7—14; № 8, p. 616, l. 22—24; *Dölger F*. Aus den Schatzkammern. . . № 110, S. 299—301; *Hunger*. Zwei Urkunden. № 1, S. 300, Z. 17.

по-прежнему считалось несовместимым с понятием собственности, хотя бы и чисто теоретически.

Завершается клаузула формулой «как это предписывают собственнику божественные и благочестивые законы» (с вариантами), причем никогда не уточняется, что за законы имелись в виду. Думается, что составители актов весьма смутно представляли себе это, чисто механически перенося формулу из образца в свой акт. Конечно, представления о всеобъемлющем праве собственности, которые оставались нерушимыми до конца III в., с ходом исторического развития менялись,[252] а в поздневизантийское время они вообще звучали анахронизмом. Очевидно, сознавая это и проявляя чувство реальности, некоторые составители актов опускают клаузулу прав правопреемника, заменяя ее клаузулой обязанностей. Так, в дарственной 1023—1038 гг. из архива Зографского монастыря нет объема передаваемых прав на подаренную «половину монастыря». Напротив, даритель (монах Савва) заклинает «именем господа бога нашего никогда не отрывать этот монастырь (τοῦ 'Αρμενίου) от св. Лавры (которой он подарен), ни дарить его кому-либо, ни продавать (ἐκποιηθῆναι), но во веки веков, пока стоит Лавра, да находится этот монастырь под ее властью на помин души блаженного моего дяди, ранее умерших братьев и меня грешника».[253] В купчей 1270 г. из архива того же монастыря на проданный Ватопедом метох Зографу передаются полные права собственности, но они странным образом сочетаются с рядом оговорок, выдвинутых продавцом: «Вы обязаны, как монахи и наши братья, не лишать ктиторов св. церкви их обычного поминовения, так как мы не просто продали церковь, но так ее уступили, как было раньше, т. е. чтобы благодаря духовной любви и в будущем ее строители имели поминовение, но также и она сама — всяческую благопристойность и монашеское устройство, попечение, уход и гимнопение надлежащее, как это подобает божьей церкви. Потому и оказали вам предпочтение, чтобы она имела большее попечение со стороны монахов и благочестивых мужей, так как мы не в состоянии, как было уже сказано, разрываться на два метоха внутри светских шумов города».[254]

Заключая раздел о клаузуле прав правопреемника, важно отметить, что и по своей структуре, и по словарю, но самое главное — по совокупности тех прав, которые обычно передаются правопреемнику, эта клаузула собственно византийских актов почти ничем не отличается от аналогичной клаузулы папирусных документов VI—VII вв. Материал, собранный в этом смысле Д. Зимоном,[255] весьма красноречив и убедителен. Он показывает, что практически все элементы пространных редакций клаузул XI—XV вв. или буквально, или в незначительных языковых вариациях наличествуют в клаузулах папирусов VI—VII вв. В отличие от Зимона, мы, однако, не можем быть вполне уверенными в наличии пря-

---

[252] *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 56.
[253] Actes de Zographou, № 2, p. 5, l. 38—42.
[254] Ibid., № 9, p. 26, l. 33—47.
[255] *Simon.* Kaufformular. S. 168—169.

мой и непрерывной линии преемственности клаузул XI—XV вв. от клаузул VI—VII вв. «Хиатус» в актовом материале протяженностью в два столетия (VIII—IX вв.), а также единичные сохранившиеся акты конца IX—X в., в которых клаузула прав правопреемника наличествует в сокращенном и «свернутом» виде [256] или совсем отсутствует, действительно могут побудить к умозаключению о появлении в XI в. развернутых, пространных редакций как результата «ренессанса ученого права» в форме реставрации и частичной модификации «папирусных образцов». С точки зрения общеисторической такая вещь по меньшей мере не невозможна, и, как всегда в таких случаях, могли быть реставрированы и реликтовые определения прав собственности, в которые вкладывалось новое содержание.

XIV. Эпителия — клаузула, хотя и появившаяся только в XIII в., притом в некоторых актах монастыря Лемвиотиссы и Патмосского монастыря св. Иоанна Богослова, но тем не менее не без оснований выделявшаяся Вернадским в особую рубрику,[257] так как в ней отражены попытки составителей актов учесть при оформлении сделок на отчуждение имущества налоговый статус последнего. Эпителия (ἐπιτέλεια) — это особый, добавочный по отношению к установленной на отчуждаемое имущество цене платеж, вносимый приобретателем лицу, отчуждающему собственность. Дело в том, что, отчуждая часть своего имущества или все имущество, прежний собственник не получает снижения подати от казны, так как это имущество записано на его имя в государственных налоговых переписях — практиках, и поэтому выговаривает с покупщика соответствующую сумму для уплаты этих податей — сумму, уплачиваемую покупщиком ему или его «стороне» ежегодно, в условленное время, до тех пор, пока фиском не будет проведена новая перепись земель (ἀπογραφή) всего данного податного округа с их новым обмером и оценкой, пока на основе этой новой описи не будут установлены новые податные нормы и пока имущество, на котором лежало тягло, не будет записано на имя нового владельца, который отныне и должен будет платить прямо в казну лежащие на земле подати (δημόσιον или ἀναγραφικὸν τέλος). Так, например, Никодим Гунаропул, продавший в 1208 г. Анне, вдове Никиты Влатера, свою долю земли в хорафиях местности, известной под названием «казенной» земли (τὸ δημόσιον), за 20 номисм, оговорил в купчей обязанность Анны платить, помимо цены, каждый год продавцу полномисмы «в качестве эпителии» (χάριν ἐπιτελείας); [258]

---

[256] Actes d'Iviron, t. 1, № 3, p. 116, l. 15, 16; № 5, p. 134, l. 40; № 6, p. 139, l. 24; № 11, p. 174, l. 18—20; Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 26—27; etc.

[257] *Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII века. С. 39—40. Об эпителии см.: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1880. Т. 210. С. 134; *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. София, 1903. С. 119—123; *Ahrweiler H.* 1) L'épitéleia dans le cartulaire de Lemviotissa // Ahrweiler H. Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance. London, 1971. Art. V. P. 71—83; 2) A propos de l'épitéleia // Ibid. Art. VI. P. 369—372; *Angold M.* A byzantine government in exile: government and society under the Laskarids of Nicaea 1204—1261. Oxford, 1975. P. 137, 203, 213, 228—232; Actes de Docheiariou, p. 141—142.

[258] MM, vol. 4, № 104, p. 183, l. 22.

Иоанн Полея, подаривший в 1210 г. Льву Музифре 32 оливковых дерева, оговаривает в своем дарственном акте, что тот «должен платить в качестве эпителии (ἐπιτελεῖν) за эти деревья в наш стих (т. е. в параграф налоговой переписи, в который вписаны имена членов семьи Иоанна Полеи. — *И. М.*) ежегодно полторы номисмы, которые требует фиск» (οἷον ὁ δημόσιος ἀπαιτεῖ);[259] в другой грамоте Иоанна Полеи (купчей 1213 г.), по которой он совместно с членами семьи Коскиных продает тому же Льву Музифре еще 19 оливковых деревьев, оговорено, что покупщик «должен платить нам ежегодно (ἑκάστῳ καιρῷ) в виде эпителии (ὑπὲρ ἐπιτελείας) полторы номисмы;[260] значительно позднее (в 1274 г.) представители той же фамилии Коскиных совместно со священником Цикапитом продали принадлежавшие им 44 масличных дерева с землей, орошающей их водой и всеми угодьями Феодору Комнину Вране, как ближайшему соседу, за 42 номисмы; поскольку 10 из этих деревьев принадлежали Цикапиту, а 34 — Коскиным, то и покупщик Врана обязывался платить эпителии за всякую подать каждый март месяц Коскиным 1 иперпир, а Фоме Цикапиту — одну треть иперпира и ничего больше.[261] Б. А. Панченко, также рассмотревший последний случай, считает, что это место особенно наглядно раскрывает смысл эпителии: она платилась за всякую подать (т. е. за δημοσιακά, στρατιωτικά и παροικικά ζητήματα); покупщик крестьянской земли, хотя и властель, брал на себя лежащее на земле тягло, внося эпителию ежегодно прежним собственникам — крестьянам, за которыми земля была записана в писцовых книгах и с которых требовалась по-прежнему «всякая подать».[262] Интересно, что, даря в 1281 г. купленные им деревья монастырю Лемвиотиссы, Феодор Врана оговаривает в дарственной, что они отягощены эпителией в одну и $^1/_3$ номисмы, но не уточняет, кому монастырь должен будет их платить.[263] Лишь из хрисовула Андроника II от 1284 г. мы узнаем, что и 10 лет спустя после продажи Коскиными и Цикапитом этой недвижимости данная сумма в один и 1/3 иперпира (которая в других относящихся к делу документах обозначена как эпителия) уплачивалась Лемвиотиссой также стороне Цикапита и Коскиных.[264] По-видимому, за эти 10 лет все еще не было проведено ревизии налоговых кадастров и писцовых книг — практиков (периодичность таких ревизий нам, впрочем, неизвестна[265]) и на Коскиных, и Цикапите по-прежнему лежала обязанность платить подати.

---

[259] Ibid., № 55, p. 121, l. 17—19.
[260] Ibid., № 54, p. 119, l. 15—16.
[261] Ibid., № 53, p. 117, l. 1—5.
[262] *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. С. 120. Ср.: *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 82.
[263] MM, vol. 4, № 41, p. 99, l. 1—2.
[264] Ibid., № 6, p. 31, l. 4—8.
[265] Возможно, что строгой периодичности таких ревизий и не существовало, они проводились время от времени по указу императора. См.: *Lefort J.* 1) Fiscalité médiévale et informatique: Recherches sur les barèmes pour l'imposition des paysans byzantins du XIVe siècle // RH. 1974. T. 512. P. 316; 2) Observations diplomatiques et paléographiques sur les «praktika» du XIVe siècle // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 461—472.

Более сложен случай, когда эпителия платится приобретателем не стороне, отчуждающей собственность, а какому-либо третьему лицу. В качестве примера можно указать купчую грамоту, согласно которой Ксен Лега продал в 1231 г. монастырю Лемвиотиссы масличные деревья и в которой особо оговорено, что «монастырь должен платить ежегодно в виде эпителии одну номисму благороднейшему ленному рыцарю Сиргарису»;[266] аналогичным образом поступал и зять Ксена Леги Никита Кавур, продавший в 1232 г. Лемвиотиссе еще одну порцию масличных деревьев и оговоривший в купчей, что «монастырь обязан платить стороне ленного рыцаря Сиргариса одну номисму».[267] По-видимому, отчуждение имуществ в этих случаях сопровождалось перенесением на покупщика не налогового ценза, а феодального платежа, точнее, феодальной ренты (эквивалентной, впрочем, сумме первоначального налогового ценза на данную собственность), в чем находило проявление превращение публичноправового института в частноправовой.[268] Правда, Ксен Лега и Никита Кавур не были как будто пáриками Сиргариса (Лега, в частности, фигурирует в списке пáриков монастыря Лемвиотиссы [269]), но они явно были держателями недвижимостей, собственником которых был прониар Сиргарис. Последний, будучи ответственным перед фиском за уплату податей, и получал эпителию-ренту.[270] Это подтверждается и недатированным (1269 г.?) документом «стратиота» Константина Планита,[271] из которого узнаем, что он владел (наверняка в качестве пронии) угодьями, записанными в практиконе (διὰ πρακτικοῦ), что монастырь Лемвиотиссы, который, как предполагает Б. А. Панченко, арендовал половину владений семьи Планитов, должен был платить Константину в виде эпителии две номисмы, но прекратил их выплачивать, так как родичи Константина Василий Планит и Константин Рентакис продали имущество на сторону. На требование Константина Планита, не знавшего, очевидно, о продаже, уплатить эпителию монастырь ответил отказом, ссылаясь на то, что он уже больше не является держателем владений, отягощенных эпителией (ἐπίδοτε ἡμῖν πρᾶγμα καὶ ἵνα ἐπιτελῶμεν). Дело дошло до суда, который решил его в пользу монастыря,[272] а Константину Планиту пришлось отказаться от двух иперпиров и выдать монахам настоящий документ (писец текста Григорий Иперменон). Остается за рамками то, как в дальнейшем Константин Планит реализовал свое право на эпителию-ренту.

---

[266] MM, vol. 4, № 17, p. 61, l. 20—22.

[267] Ibid., № 46, p. 135, l. 6—7.

[268] Ср.: *Angold M.* A byzantine government in exile. P. 137, 230, 231.

[269] MM, vol. 4, № 2, p. 13, l. 26; *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 89. Не обратив на это внимание, Острогорский ошибочно утверждает, что Ксен Лега был пáриком Сиргариса, к тому же неверно, как мне кажется, трактуя сам термин ἐπιτέλεια (*Ostrogorskij G.* Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954. P. 79).

[270] Иначе: *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 89.

[271] MM, vol. 4, № 33, p. 89. О датировке см.: *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. С. 117; *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 88, n. 2.

[272] MM, vol. 4, № 22, p. 73—77.

Спорным оказывается вопрос об отчуждении имуществ, свободных от обложения податями или феодальными поборами, т. е. имуществ, собственники которых пользовались привилегией налогового иммунитета (в актах такие имущества обозначаются одним или несколькими прилагательными, выражающими идею освобождения от тягла, например ἀβαρῆ, ἀτέλεστα, ἀτελῆ, ἀκαταζήτητα, ἀνενόχλητα, πανεξκουσσάτα, ἀνεπηρέαστα, ἀζήμια и т. д., или же равнозначным оборотом ἄνευ τινος δώσεως τέλους καὶ βάρους).[273] Спрашивается, что происходит, когда свободное от тягла имущество становилось объектом купли-продажи или дарения, т. е. когда происходила смена владельца? Уступал ли собственник-иммунист, отчуждая такого рода имущество, и привилегию иммунитета новому собственнику (в таком случае это была бы автоматически передаваемая привилегия вещи), или же, напротив, имущество теряло свой иммунитет, как только выходило из рук иммуниста-собственника (привилегия лица, не подлежащая передаче)? Мог ли собственник пожалованного иммунитетом имущества сохранять за собой привилегию и после отчуждения имущества, остающегося свободным от тягла (привилегия вещи, передаваемая или удерживаемая по воле иммуниста-собственника, который в этом случае имел право требовать от нового собственника уплаты в свою пользу всех тех податей, которыми было бы обложено имущество, если бы оно не пользовалось иммунитетом, т. е. получать для себя лично эпителию)?

Поставив эти вопросы и рассмотрев соответствующий материал актов,[274] Арвейлер приходит к выводу о возможности утвердительного ответа на последний из них — мнение, которое в свое время встретило решительный протест Дэльгера, но характер его возражений показывает, кажется, что он не совсем верно понял ход мысли Арвейлер и имеет в виду нечто иное. Так, он считает очевидным, что налоговая свобода в отношении прежде обложенного податью земельного владения наступает для нового владельца только в тот момент, когда это будет предписано императорской простагмой или хрисовулом с соответствующим практиконом апографевса, а до тех пор, пока земля в практиконе значится за другим хозяином, он-то и платит подать и дальше государственным налоговым чиновникам.[275] Но кто же возражает против этого? Речь ведь в данном конкретном случае не идет об отчуждении «обложенных податью земельных владений», а, напротив, имущества, свободного от тягла и, стало быть, не записанного в податных кадастрах и практиконах. Трудно предположить, что в каждом случае отчуждения такого имущества тут же выпускался императорский хрисовул и производилась опись. Очевидно, какое-то время (до проведения новой переписи) земельное имущество, даже перейдя к новому собственнику, не пользовавшемуся иммунитетом, сохраняло свое безтягловое состояние, и это осложняло отношения прежнего и нового собственников, а вместе с тем

[273] *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 76, n. 2.
[274] Ibid. P. 77—81.
[275] BZ. 1956. Bd 49. S. 501.

и работу составителей актов, перед которыми вставала непростая задача или отразить это в документе, или же совсем умолчать об этом, предоставив сторонам урегулировать вопрос в устном порядке. По убедительному мнению Арвейлер,[276] большая часть актов картулярия Лемвиотиссы, в которых вообще отсутствует клаузула эпителии, объясняется именно тем, что дарители и продавцы были лицами, пользовавшимися фискальным иммунитетом и обладавшими правом передавать привилегию по своему усмотрению. Правда, доказать последнее весьма трудно. В случае с дарственной Николая Адама,[277] которая, по мнению Арвейлер, «ясно показывает, что лица, пользовавшиеся привилегией (иммунитета. — *И. М.*), располагали в то же время правом передавать ее»,[278] следует быть осторожнее: уже Панченко привел весьма веские доводы в пользу того, что эта дарственная «представляет из себя довольно неумелый подлог со стороны редакторов кодекса (т. е. дипломатария Лемвиотиссы, в составе которого эта дарственная и сохранилась. — *И. М.*). . . фальсификацию, вызванную, вероятно, трудностями с пожертвованиями Планита».[279] Мне известен лишь один, да и то весьма ранний пример открытой и оформленной актом передачи иммунитетной грамоты: из дарственной 984 г., хранящейся в архиве Ивирского монастыря, мы узнаем, что игумен Лавры Афанасий подарил игумену монастыря τοῦ Κλήμη Иоанну Ивиру не только судно грузоподъемностью в шесть тысяч модиев, но и хрисовул императора Василия II, жалующий Лавре освобождение от налогов на это судно (дарственная как раз и фиксирует передачу этой иммунитетной грамоты).[280]

По мнению Энголда, эпителия была отличительной чертой «никейской фискальной системы», не зафиксированной ранее 1204 г. и вызванной к жизни спецификой социального строя Никейской империи.[281] Но, может быть, все же отличительной чертой было только то, что составители актов включали клаузулу эпителии в текст, а само это явление было известно и ранее? Во всяком случае в свете сказанного об эпителии получает, мне кажется, свое разрешение спорный казус с купчей 897 г. из архива Лавры, согласно которой продавцы оговаривают передачу Евфимию, игумену монастыря св. Андрея, полной собственности на продаваемый участок, à charge de payer chaque année le même impôt de cinque miliaresia — так переводят издатели стоящее в оригинале акта πρὸς τὸ καὶ τελεῖν σε τὸ αὐτὸν ἐτήσιον τέλος,[282] т. е. «на условии ежегодной уплаты того же налога в пять милиарисиев». Следовательно, с точки зрения издателей, платить налог в дальнейшем должен был покупатель Евфимий. Такое понимание объявляет «во всяком случае не бесспорным» А. П. Каждан,[283] сле-

---

[276] *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 81—82.
[277] MM, vol. 4, № 35, p. 91—92.
[278] *Ahrweiler H.* L'épitéleia. . . P. 79.
[279] *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии. С. 111—115.
[280] Actes d'Iviron, № 6, p. 138—140.
[281] *Angold M.* A byzantine government in exile. P. 203, 228.
[282] Actes de Lavra, t. 1 № 1, p. 90, l. 27—28; cf. p. 86.
[283] *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // ВВ. 1973. Т. 34. С. 39.

дуя в этом за Е. Э. Липшиц, посвятившей купчей 897 г. (она пользовалась еще старым изданием Руйяр-Колон) специальную статью и толковавшей вышеуказанный отрывок иначе: по ее словам, «было предусмотрено, что продавец вносит причитающийся с него за год налог (τέλος) в сумме 5 милиарисиев».[284] «Продавец, а не покупатель, не игумен Евфимий», — резюмирует А. П. Каждан, полагающий, что в данном случае «продавцы признают, что они передали собственность и, сверх того (πρός τό), обещают платить Евфимию (σε вместо классического σοι) ежегодный τέλος». «Если такое понимание правильно, — продолжает А. П. Каждан, — то купчая 897 г. рисует не простую продажу земли, но установление своего рода прекарных отношений: продавцы не только отдают свою земельную собственность монастырю, но и принимают на себя обязанность уплаты ренты».[285]

К сожалению, все эти глубокомысленные соображения и ошибочны, и излишни: хотя в купчей 897 г. из архива Лавры нет термина ἐπιτέλεια и глагола ἐπιτελεῖν, речь идет, думается, именно об этом, и поскольку смысл этого института с достаточной ясностью вытекает из более поздних актов купли-продажи, то приходится признать: в трактовке спорного места купчей 897 г. правы ее издатели (им, конечно, следовало бы прямо указать на эпителию), а не их оппоненты.[286]

«Текст» или ὕφος документа завершался обширным (если акт составлен по всей форме) и сложным по смыслу разделом, который в нашей историографии получил название «очистки и неустойки».[287] Что имеется в виду? Если быть юридически точным, то основу данного раздела в структуре акта составляют три правовые идеи, выраженные соответствующим количеством грамматических клаузул (XV—XVII), синтаксически объединенных в единое целое.

XV. Отказ продавца и его «стороны» от так называемых эксцепций, т. е. таких признанных римским правом законными «возражений», «отводов» или, скорее, «предлогов», на основании которых сделка могла быть пересмотрена и аннулирована. Известные по 90-й новелле Юстиниана как *παραγραφαί*, которые могли быть противопоставлены показаниям свидетелей, представленных в судебном разбирательстве противной стороной (Nov. 90.6.7), они в латинских Authenticum и Epitome Novellarum Юлиана названы соответственно disputationes и praescriptiones (по мнению Ван дер Валя, автор «Автентикума» намеренно избегал перевода словом exceptiones; тем не менее Юстиниан сам говорит об excipere именно в этом значе-

[284] *Липшиц Е. Э.* Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. // Акад. Б. Д. Грекову. Сб. статей. М., 1952. С. 49—54.

[285] *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание. . . С. 39.

[286] Несостоятельным кажется нам и чисто филологический аргумент А. П. Каждана: при всей варваризации языка частных актов мне трудно представить, чтобы местоимение σὲ (винительный падеж от σύ) без всякого предлога вдруг заменило классический дательный σοί. Что же касается вышеуказанной фразы, то она демонстрирует хороший греческий, а τελεῖν σε — это нормальный accusativus cum infinitivo к πρὸς τό.

[287] См., например: *Каждан А. П.* Локальные формуляры поздневизантийских грамот. С. 389, 392.

нии — C.4.20.17 pr.).[288] Практически речь здесь идет о всех тех причинах, которые исключают принцип добровольности сделки и которые, как мы видели, перечисляются обычно в клаузуле dispositio (перечисляются именно в том смысле, что они отсутствовали и тем самым не оказывали влияния на свободную волю лиц, отчуждавших собственность). Поскольку диспозитивный раздел акта и раздел «очистки и неустойки» отстоят довольно далеко друг от друга, то у составителей актов возникало естественное желание или в обобщенной форме резюмировать здесь клаузулу добровольности с тем, чтобы сформулировать отказ от эксцепций,[289] или же вообще перенести в заключительную часть акта всю клаузулу добровольности целиком и даже в еще более развитом виде. Например, в купчей 1295 г. из архива Ксиропотамского монастыря и в купчей 1327 г. из архива Зографского монастыря, составленных по одному и тому же формуляру, хотя составители их были разные (в первом случае — клирик и табулярий Василий Веаск, во втором — логофет Солунской митрополии и табулярий Николай Синадин), клаузула отказа от эксцепций сформулирована следующим образом: «А посему мы, добровольно отрекаясь от (права) пересмотра сделки (под предлогом того, что она заключена) по заблуждению, принуждению, нужде, под господским давлением, по соблазну и обману, из-за стесненных обстоятельств (τῇ περιγραφῇ καὶ παραγραφῇ), по писаному или устному обязательству, по незнанию закона и дела, ради шутки, из-за мошенничества, по невежеству, глупости или интригам, из-за (того, что получили) лишь половину или даже меньше (справедливой) цены,[290]

---

[288] *Wal van der N.* Manuale novellarum Iustiniani. Groningen; Amsterdam, 1964. P. 136, n. 6. О понятии exceptio в римском праве см.: *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1890. С. 180; Heumanns Handlexicon zu den Quellen des römischen Rechts. 9. Auflage. Jena, 1926. S. 180—185; *Meynial E.* Des renunciations au Moyen Âge // RHDFE, 1904. T. 28. P. 726 sq.; *Modica M.* Diplomatica. Milano, 1942. P. 119.

[289] См., например: Actes d'Iviron, № 3, p. 116, l. 18—20 (купчая 982 г.); № 4, p. 128, l. 58 (мировая 982 г.); № 5, p. 133, l. 38—39 (меновная 982 г.); № 6, p. 139, l. 25 (дарственная 984 г.); № 11, p. 174, l. 20 (дарственная 996 г.); № 12, p. 178, l. 25 (купчая 1001 г., в которой номик Константин, составивший акт, помещает клаузулу отказа от эксцепций после клаузулы гарантии против эвикции и даже после клаузулы неустойки снова возвращается к идее добровольности (ibid., l. 31), так же как в клаузуле корроборации еще раз упоминает о гарантии против эвикции (ibid.). Зато в других своих известных актах, например в купчей 1007 г. и в купчей 1010 г., номик Константин вообще не приводит клаузулы отказа от эксцепций, использовав, очевидно, совсем другой формуляр (ibid., № 13, p. 181; № 16, p. 192)).

[290] Так мы интерпретируем слова τῷ ὑπερθεματισμῷ καὶ διπλασιασμῷ καὶ ὑπερδιπλασιασμῷ τοῦ τιμήματος, понимая под ними отказ от такой известной эксцепции, как чрезмерный ущерб — laesio enormis. Впрочем, до нас это сделали уже Зимон и Троянос, сопоставившие эти слова с клаузулой ἢ εἰς διπλασίωνα ἀγωγὴ в изданном ими формуляре купчей (№ 10) и с клаузулой (ἐὰν) τὸ ἀπὸ τῆς ὑπὲρ τὸ διπλάσιον περιγραφῆς ἀνακαλεσόμεθα δίκαιον в формуляре № 8, изданном Сафой. См.: *Simon, Troianos.* Geschäftsformulare. S. 291. Напротив, как и этим авторам, нам представляются надуманными попытки Мацеса возвести термин διπλασιασμὸς к определениям новеллы 21 Никифора Фоки и видеть смысл отказа от διπλασιασμὸς в том, что продавец отрекается от своих

по безденежью, по какому-либо другому юридическому основанию и предлогу, — мы, стало быть, будучи спрошенными, подтверждаем (ἐπερωτώμεθα, в других актах: ἐπερωτώμενοι ὁμολογοῦμεν καὶ ἀσφαλιζόμεθα)[291] тебе, указанному монастырю и твоей стороне, что если случаем раскаемся или под воздействием какой-то иной юридической силы и поддержки попытаемся аннулировать настоящий акт продажи...» — далее предложение перетекает в клаузулу гарантии против эвикции.[292]

Выраженная лапидарным «профессионально-техническим сленгом», при котором синтаксис не отражает внутренней логики перечисленных эксцепций, клаузула трудна не только для перевода, но и для понимания и может быть интерпретирована только по смыслу той или иной эксцепции с привлечением иных юридических источников для ее раскрытия.[293] С этой точки зрения и употребленное в клаузуле отказа от эксцепций купчей 1213 г. из архива Патмосского монастыря св. Иоанна Богослова выражение καταβολὴ τιμήματος ἢ ὑπερβολή [294] (т. е., согласно Мацесу, продавцы обещают не выдвигать претензии в «занижении или завышении цены») не является, нам кажется, недоразумением. По мнению Мацеса, если выражение καταβολὴ τιμήματος вполне уместно и означает отказ продавцов от пересмотра сделки под предлогом того, что условленная цена оказалась ниже стоимости вещи (случай чрезмерного ущерба, laesio enormis), то термин ὑπερβολή, под которым «не может пониматься не что иное, как случай, когда условленная цена оказалась выше стоимости вещи», кажется странным в устах продавцов: подобный отказ от ссылки на «завышение цены» имел бы смысл, если бы он исходил от покупателя,

---

прав на возврат двойного размера цены или двойного количества земли, если бы, конечно, возникли обстоятельства, требовавшие применения новеллы. См.: *Matses N. P.* Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου. Ἔκδ. Β', Ἀθῆναι, 1976, σελ. 25—28.

[291] См., например: MM, vol. 4, № 25, p. 79 (купчая 1232 г.). По мнению Вернадского, ἐπερώτησις, которую он выделяет в особую клаузулу, соответствует институту stipulatio римского права (*Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах. С. 40). Действительно, некоторые черты стипуляции как вербального контракта здесь налицо, хотя в очень смягченной форме, скорее, даже в форме cautio, т. е. в форме письменного стипуляционного документа, при котором значение строго формальной стипуляционной формы (вопрос и совпадающий с ним по смыслу ответ) уже отошло на второй план, и если обе стороны присутствовали в одном месте, то предполагалось, что составлению документа предшествовало совершение словесной формы стипуляции. О стипуляции см.: *Simon D.* Studien zur Praxis der Stipulationsklausel. München, 1964.

[292] Actes de Zographou, № 25, p. 100, l. 104—114; Actes de Xéropotamou, № 12, p. 101, l. 25—p. 102, l. 34; cf.: Actes de Xenophon, № 8, p. 104, l. 38—43; № 9, p. 110, l. 36—42; № 10, p. 115, l. 29—33; № 24, p. 183, l. 26—30.

[293] Так же в сущности обстоит дело с латинским эквивалентом клаузулы отказа от эксцепций в западноевропейских актах: doli mali, fraudis vel metus causa; deceptionis, laesionis ultra medietatem justi precii, condicionis sine causa vel ob turpem causam (*Modica M.* Diplomatica. P. 119; ср.: Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании АН СССР / Подг. текстов Е. Ч. Скржинской, А. М. Кононенко и В. И. Мажуги; Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987; см. терминологический указатель: exceptiones).

[294] MM, vol. 6, № 49, p. 161.

тем более что и последний мог добиваться расторжения сделки, если оказывалось, что условленная цена была чрезмерной.[295]

Трудно возражать Мацесу, великолепному знатоку римско-византийского права, для которого к тому же греческий язык является родным. И все же чем, скажите мне, выражение καταβολὴ τιμήματος ἢ ὑπερβολὴ отличается от уже упоминавшегося выражения ὑπερθεματισμὸς καὶ διπλασιασμὸς καὶ ὑπερδιπλασιαμὸς τοῦ τιμήματος? Ведь, казалось бы, эти последние термины тоже означают (если их переводить с помощью словарей) «завышение цены». Но в том-то и дело, что выражают они, как и там, совсем иную юридическую идею — чрезмерность ущерба, понесенного в данном случае продавцами (в иных отношениях эти же выражения могли, разумеется, быть примененными и по отношению к покупщикам). Смысловая тождественность указанных двух выражений подтверждается еще тем фактом, что в патмосских документах первое из них употреблено явно вместо отсутствующего здесь второго, являясь, таким образом, его синонимом.[296]

Клаузула отказа от эксцепций отнюдь не была лишней, она предусматривалась законом в качестве предпосылки действительности акта (B.19.10.65.68), а попытки нарушить ее со стороны наследников продавца приводили, как мы увидим далее (см. главу IV), к их поражению в судебном процессе. Есть даже случаи повторного отказа от эксцепций с оформлением его специальным актом (ἀποφλητικὸν γράμμα). Так, например, в такого рода акте 1377 г. из архива Лавры говорится: «И вот мы (т. е. Константин Ласкарис и его сестры, наследники дарительницы, пожертвовавшей Лавре родовые владедения. — *И. М.*), отказываясь от склочного возражения, от всех наших реальных и мнимых прав и от любого возбуждения судебного дела, отныне и навсегда оставляем монахов в полной неприкосновенности, отвергая помощь божественного императорского орисмоса и всякое привлечение к суду по церковному праву».[297]

XVI. Гарантия против эвикции, т. е. обязанность лица, отчуждавшего собственность, защищать в суде нового собственника против третьего лица, вознамерившегося под каким-либо предлогом отсудить («эвинцировать» от evincere, отсюда — evictio) проданное или подаренное имущество.[298] Анализируя диспозитивный раздел акта, в котором часто упоминается гарантия против эвикции, мы уже сказали о юридическом обеспечении последней. Считаем поэтому достаточным отметить здесь, что в тех случаях, когда клаузула повторяется или переносится в конец акта, будучи теснейшим обра-

---

[295] *Matses N. P.* Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου, σελ. 31—32.

[296] Ср. еще одну купчую 1213 г. из архива Патмосского монастыря, в которой, правда, фигурирует только καταβολὴ τιμήματος (без термина ὑπερβολή): MM, vol. 6, № 48, p. 159.

[297] Actes de Lavra, t. 3, № 148, p. 111, l. 25—28.

[298] О понятии evictio см.: *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь. С. 177; Heumanns Handlexikon. S. 177; *Girard P. F.* La garantie d'éviction dans la vente consensuelle // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. 1884. T. 8. P. 395—349; *Tamassia N.* La Defensio nei documenti medievali italiani // Archivio giuridico «Filippo Serafini». 1904. Vol. 72. P. 449—480.

зом связанной с клаузулой отказа от эксцепций, не только упоминается «общая ответственность» продавца по отношению к покупщику (καθολικὸς δεφενσίων), но и приводится греческий эквивалент понятия эвикции (ἐκνίκησις=evictio).[299] А если продавец не сможет защитить в суде права покупателя, — добавляют некоторые акты (например, из архива Ивирского монастыря), — то он обязывается компенсировать ущерб последнего каким-либо иным способом: ποιῶ τὸ ἱκανόν.[300]

XVII. Неустойка, т. е. моральная и имущественная ответственность лица, отчуждающего собственность, за нарушение, неисполнение или неэффективное исполнение принятых им на себя как негативных (отказ от эксцепций), так и позитивных (гарантия против эвикции) обязательств — ответственность, выраженная «пенальной» (т. е. штрафной) формулой и предусмотренная законодательством (Новелла 18 Льва VI). Правда, своей знаменитой 72-й новеллой тот же Лев VI объявил действительными все акты, имеющие знак креста и формулу призывания св. Троицы, даже если они не содержат «пенальной» клаузулы. «Мы видим, — говорится в новелле, — что некоторые спотыкаются о предписанное законом правило, согласно которому от голого договора (ἀπὸ ψιλοῦ συμφώνου) [301] не рождается иска, но только от эксцепции (имеется в виду D.2. 15.7§4=B.11.1.7). Ибо полагая, что всякое соглашение, не снабженное клаузулой неустойки, есть голый договор, даже если он будет составлен письменно, даже если договаривающиеся стороны собственноручно поставят на акте знак божественного креста (τὸν θεῖον σταυρόν) и даже если будут добавлены призывы пресвятой Троицы, они отбрасывают контракт как недействительный, если к тому же не внесена еще и клаузула о штрафе (προστιμήματος ζημία); плохо понимая и, что еще хуже, придавая большое значение собственному мнению, они общее и человеческое ставят гораздо выше, чем божественное. И что же, — по мнению, которое действительно присуще человеку, — неужели клаузула неустойки столь же придает контрактам достоинства, сколь и видимый в них божественный знак и призывание блаженного божества? Мы предписываем поэтому, чтобы всякий документ, в котором гарантия подлинности идет от этого божественного содействия, имел прочную и нерушимую силу, даже если в нем не вписано никакого упоминания о штрафе».[302]

Новелла Льва VI оказалась весьма популярной в Византии. Ее цитируют и на нее ссылаются компилятор «Распространенной Эпанагоги» (11.21), схолиаст Василик (B.11.1.1), Вальсамон, в схолии которого к 13-му канону Карфагенского собора говорится о τὸ ἰσχυρὸν καὶ ἀμετάπτωτον всякого собственноручного письменного документа,

---

299 Actes de Zographou, № 25, p. 57, l. 117; Actes de Xéropotamou, № 12, p. 101, l. 30; № 26, p. 194, l. 49; Actes de Xénophon, № 9, p. 110, l. 44; № 10, p. 115, l. 35.

300 Actes d'Iviron, № 11, p. 175, l. 32; № 12, p. 178, l. 23—24; cf. p. 177.

301 О так называемых «голых договорах» см.: *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 195—228.

302 *Noailles P.*, *Dain A.* Les novelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 258—259.

несущего знак креста;[303] Матфей Властарь (Synt. alph., E, λβ);[304] наконец, Константин Арменопул, который включает ее в свое «Шестикнижие» (1.9.7), пользуясь как источником «Эклогой новелл Льва» (Ecloga Novv. Leonis, 38).

Интересна одна схолия к «Шестикнижию» (1.9.7), недавно изданная заново. «Эта новелла, — разъясняет схолиаст, — делает действительными (κῦροῖ) не противозаконные договоры, хотя бы и совершенные во имя бога (ибо эти и таким образом не получают силы), но те договоры, которые, с одной стороны, законные, а с другой — голые, т. е. совершаемые без стипуляционной и штрафной клаузул. Поэтому она и говорит: „Даже если в нем не вписано никакого упоминания о штрафе“. Ибо хотя закон повелевает не принимать во внимание голые договоры, эта новелла и их предписывает учитывать, если только они совершены во имя живущего бога. А такого рода (документы), которые у нас являются табеллионатными (ταβελλιωνικά), — это те, что в начале содержат клаузулу „во имя отца и сына и святого духа“».[305]

Хотя схолиаст и не вступает в открытую полемику с предписанием новеллы Льва VI, какой-то элемент неодобрения у него ощущается. Что же касается практиков-нотариев, то они, судя по всему, придерживались иных мнений, никогда не забывая внести в текст частного акта клаузулу неустойки.[306] Последняя, как правило, предусматривала: а) запрет выслушивать нарушившего условия сделки на суде, как гражданском, так и церковном; б) санкции духовные — анафема, угроза «иудиной доли», проклятие 318 никейских отцов (этот стандартный набор иногда варьируется за счет местных особенностей: например, в калабрийском акте 1036 г. нарушителю условий договора грозит отделение от Славы Божьей и от святых таинств, проклятие Маранафы или пожелание, чтобы его земля рождала «крапиву вместо ячменя, колючки вместо зерна»;[307] в монастырских документах в виде кары тому, кто будет стараться пересмотреть сделку, часто высказывается угроза, что он в день страшного суда найдет в качестве своего ἀντίμαχος или ἀντίδικος того святого, которому посвящен данный монастырь, скажем, самого Иоанна Предтечу — в вазелонских актах, «святого великомученика Христова Георгия» — в зографских актах, пресвятую Богородицу — в актах богородичного монастыря в Кривицах[308] и т. д.; наконец, в афонских доку-

---

[303] *Rhalles G. A.*, *Potles M.* Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, III. Ἀθῆναι, 1966, σελ. 328.

[304] Ibid. VI, σελ. 292.

[305] *Fögen M. Th.* Die Scholien zur Hexabiblos im Codex vetustissimus Vaticanus // FM. 1981. Vol. 4. P. 304.

[306] Почти все византийские частноправовые акты в той или иной редакции (пространной или сокращенной) содержат клаузулу неустойки. В качестве одного из исключений можно назвать подлинную купчую 1436 г. на ветряную мельницу, в которой вообще отсутствует какая бы то ни было формула очистки и неустойки. См.: *Hunger*. Zwei Urkunden. № 1, S. 298—300.

[307] Actes de Dannoso, № 2, p. 32, l. 22.

[308] *Vranussi E.* Δύο ἀνέκδοτα ἀφιερωτήρια ἔγγραφα ὑπὲρ τῆς μονῆς Θεοτόκου τῶν Κριβιτζῶν (ΙΓ′ — ΙΔ′ αἰ) // Σύμμεικτα, 1981, τόμ. 4, № 1, σελ. 24.

ментах часто фигурирует угроза изгнания со св. Горы, лишения монашеского сана);[309] в) санкции светские, имущественные.

На последних остановимся подробнее. Наиболее устойчивым и традиционным элементом штрафной формулы было двойное возмещение цены покупателю — знаменитая stipulatio duplae (в греческих актах она обозначалась словами τὸ διπλάσιον, τὸ διπλοῦν, ἡ διπλῆ ποσότης) — наказание, которое еще во II в. относилось к эвикции и скрытым порокам благоприобретенной вещи (см., например, так называемые «дощечки Трансильвании»), а уже в 454 г. оно распространяется только на эвикцию, являясь новшеством по отношению к древнему праву; римское право рассматривало двойной размер цены как некий максимум, в купчей 454 г. к нему добавлено еще возмещение расходов — δαπανήματα.[310] По мнению А. Гийу, это новшество привилось на Западе, не отразившись в греческих актах Византийской империи, где оно, по-видимому, должно было дать место отдельной actio.[311] Мнение это ошибочно, так как и в византийских частных актах встречается, помимо двойного размера цены, упоминание полного возмещения издержек на содержание и «улучшение» приобретенного недвижимого имущества (например, πασῶν ἐξόδων ἐπὶ βελτιώσει καὶ συστάσει τούτων παντοία в купчей 1309 г. из архива Хиландарского монастыря [312]).

Вторым в принципе обязательным элементом «мирской» части клаузулы неустойки является πρόστιμον, т. е. штраф, уплачиваемый лицом, нарушившим условия контракта, как правило, в государственную казну (она в греческих актах обозначалась такими синонимами, как αὐθεντικὸν ταμιεῖον, βασιλικὸν βεστιάριον или δημόσιος). В качестве наиболее употребительной суммы штрафа указывались 36 номисм, особенно характерные для южноитальянских греческих актов (акты юга Италии и Сицилии XI—XIV вв. почти все, за несколькими исключениями, содержат эту цифру [313]). Что касается соб-

---

[309] Есть группа частных актов, в которых клаузула неустойки только духовными санкциями и ограничивается. См., например: Вазелонские акты, № 53, с. 30; № 77, с. 45; № 87, с. 51; Actes de Zographou, № 19, p. 43; Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30, l. 17—19; *Vranoussi E.* Δύο ἀνέκδοτα ἀφιερωτήρια . . ., № 1, σελ. 24; № 2, σελ. 26—27; *Simon.* Kaufformular. S. 171.

[310] *Ruggero R. de.* I papiri greci e la stipulatio duplae // Bulletino dell' Istituto di diritto romano. 1901. Vol. 14. P. 93—121; Actes de S. Maria di Messina, p. 58, n. 2; Actes de Dannoso, p. 21, n. 2.

[311] Actes de S. Maria di Messina, p. 50, n. 2.

[312] Actes de Chilandar, № 25, p. 55, l. 55; cf.: Actes de Xéropotamou, № 12, p. 102, l. 38; Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 2, p. 35, l. 47; Actes de Xénophon, № 8, p. 105, l. 47—48; № 9, p. 110, l. 47; № 10, p. 115, l. 37, etc. Ср. купчую 1232 г. из картулярия Лемвийского монастыря, в которой говорится о возмещении в двойном размере расходов, «какие вам (т. е. покупателям. — *И. М.*) придется понести» (ММ, vol. 4, № 25, p. 79). Очевидно, здесь в понятие расходов (ἔξοδοι) включены и цена, и издержки на содержание и «улучшение» купленных оливковых деревьев.

[313] Actes de S. Maria di Messina, p. 43, n. 3. Указанная в калабрийском акте 1036 г. сумма штрафа в 12 номисм (Actes de Dannoso, № 2, p. 32, l. 22) тоже, по-видимому, укладывается в это правило, так как, очевидно, представляет собою «законную треть» штрафа, предназначенную фиску; таким образом, в целом

ственно византийских актов, то в них наблюдается значительно большее разнообразие сумм — 4, 12, 20, 36, 50, 100 и 420 номисм, а в литрах — 1, 2, 3, 20 и т. д.,[314] причем часто оговаривается, что в казну должна быть выплачена только «законная» (κατὰ νόμους) треть суммы штрафа, остальное, очевидно, тоже шло покупателю. Как бы то ни было, но именно штраф, стоя на последнем месте в клаузуле неустойки, был в ней, как кажется, первым по значимости элементом.

Так завершается текст документа, его ὅρος или tenor. Закрывается акт в целом финальной частью протокола, включавшей в себя клаузулу корроборации с пожеланием, чтобы акт навсегда оставался в силе, с упоминанием писца и нотария и с указанием на то, что акт составлен в присутствии достойных доверия свидетелей.[315] Следуют дата, приводимая по византийскому летосчислению, с индиктом и годом от сотворения мира, а также подписи свидетелей, писца или нотария — в субъективной форме. Как уже отмечалось, никаких данных о месте составления византийские документы не содержат. Имея сугубо удостоверительный характер, финальный протокол по своим функциям явно выпадает из общего контекста акта, и поскольку именно он дает нам необходимый материал для воссоздания системы византийского нотариата, то представляется целесообразным подробнее рассмотреть его в главе о нотариате.

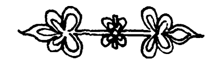
штраф исчислялся тоже в 36 номисм. Аналогичный случай нам демонстрирует купчая 1007 г. из архива Ивирского монастыря на Афоне (Actes d'Iviron, № 13, p. 181, l. 26). Эта же сумма (36 номисм) фигурирует и в других собственно византийских актах, см.: MM, vol. 4, № 29, p. 402; № 30, p. 404; Actes de Chilandar, № 25, p. 55, l. 57; № 53, p. 130, l. 65, etc.

[314] Указание актов см.: *Simon.* Kaufformular. S. 171. Ср. в не отмеченных Зимоном Вазелонских актах: 4 иперпира — № 55, с. 31; № 91, с. 53; 10 аспров — № 84, с. 49; 12 аспров — № 87, с. 51; № 88, с. 51; 16 аспров — № 89, с. 52; 20 аспров — № 90, с. 52; 24 аспра — № 83, с. 49; 30 аспров — № 82, с. 48; № 92, с. 54; 50 аспров — № 66, с. 40; № 71, с. 43; № 73, с. 43; № 74, с. 44; № 96, с. 56; 100 аспров — № 75, с. 44; № 101, с. 59; 500 аспров — № 99, с. 57.

[315] Следует сказать, что такие известные авторы учебных пособий по дипломатике, как Бреслау, Жири и Боюар, имели тенденцию относить клаузулу корроборации к «тексту» документа, к его заключительным клаузулам. Нам представляется это весьма сомнительным, и мы, как и Дюма, без колебаний включаем ее в финальный протокол. Ср.: *Dumas Au.* Etude sur le classement des formes des actes. P. 94.

ГЛАВА III

ВИЗАНТИЙСКИЙ НОТАРИАТ

ВИЗАНТИЙСКИЙ НОТАРИАТ ПО ДАННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Понятие «нотариат», как известно, будучи этимологически связано с латинским словом «нотарий» (notarius, в греческой транскрипции νοτάριος), на самом деле первоначально не имело с ним ничего общего. Последнее в классическое время означало протоколиста, ведущего запись бесед и прений сторон, стенографа (ταχύγραφος) или учителя стенографии, т. е. не было связано ни с какой нотариальной функцией.[1] Зародыш нотариата как правового института усматривают в деятельности определенной категории лиц — профессионалов с техническим названием tabelliones (от tabella, т. е. дощечка, традиционный материал римского документа), которые, не состоя на государственной службе, но под контролем государства занимались в виде свободного промысла составлением юридических актов и служебных бумаг, т. е. облечением юридических сделок в документальную форму, получая за это установленное законом вознаграждение (например, в эдикте Диоклетиана устанавливалась такса вознаграждения табеллиона за составление бумаг и документов по числу строк — 10 динаров за 100 строк).[2] Именно в этом учреждении усматривают зародыш того громадного института, который, «получив в Италии широкую организацию со стороны законодательства и новое имя „нотариат“, вместе с римским правом (но в его византийской переработке. — *И. М.*) акцептирован и ассимилирован новыми европейскими народами».[3]

Впервые табеллионы упоминаются в начале III в. Ульпианом (D.48.19.9.4—7), причем в одном ряду с юристами (iuris studiosi)

---

[1] См. о них: *Ляпидевский Н.* История нотариата. М., 1875. С. 12—20; PWRE. 1940. Suppl. VII. S. 586; *Guilland R.* Recherches sur les institutiones byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. 2. P. 306; *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato italiano. Roma, 1975. P. 5, 10, 20.

[2] Diokletians Preisedict / Hrsg. von S. Lauffer. Berlin, 1971. S. 120 (7, 41).

[3] *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 21; ср.: *Tardy M.* Les tabellions romains depuis leur origine jusqu'au X-ème siècle. Angoulème, 1901. P. 139 sq.; *Durando E.* Il tabellionato o notariato nelle leggi romane, nelle leggi medioevali italiane e nelle posteriori specialmente piemontesi. Torino, 1897; *Gallo-Orsi G.*, *Grino G.* Notariato // Novissimo digesto italiano. 1965. XI. P. 257—387; *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 15.

и поверенными (advocati).[4] Указаны их функции (instrumenta formare, libellos concipere, testationes consignare, testamenta ordinare vel scrivere vel signare), а также места их деятельности. Но поскольку эти указания относятся ко всем трем категориям лиц, упомянутых Ульпианом, то неясно, что приходится на долю собственно табеллионов. Маловероятным, в частности, представляется то, что они осуществляли свою деятельность в архиве или грамматофилакиуме, т. е. публичных учреждениях, в которых, по свидетельству самого Ульпиана, сдавались в депозит документы (eo loci.. ., quo in publico instrumenta deponuntur, archivo forte vel grammatophylacio). Возможно, что и тогда уже табеллионы работали в своих расположенных в публичных местах конторах (stationes), о которых мы знаем из более поздних источников.[5] Общая же эволюция этого института совершалась в направлении приобретения деятельностью табеллионов и табеллионатным документом как таковым все большей публичности, хотя ни сам табеллион не стал государственным служащим, ни табеллионатный документ не приобрел в полной мере значения публичного акта. В то время как на Западе после лангобардского нашествия слово «табеллион» вообще исчезло из сферы документоведения (за исключением тех областей, которые остались под византийским господством), по каким-то не совсем выясненным причинам будучи замененным на слово notarius,[6] в Византии институт табеллионов распространился повсеместно, вытеснив постепенно все другие античные системы нотариата, причем табеллионы стали обозначаться здесь (наряду с просто греческой транскрипцией — ταβελλίων) многими, более или менее синонимичными терминами — συμβολαιογράφος, νομικός, ταβουλάριος, но никогда — νοτάριος.

В таком примерно виде позднеримский нотариат и был унаследован Византией. Именно ему, по мнению Миттайса, было суждено в эллинистическую и ранневизантийскую эпохи стать фактором, больше всего способствовавшим рецепции римского права на Востоке, именно ему «надлежало направлять юридические отношения на пути нового права и создать в зыбкой бесформенности эллинистического права прочный базис, на основе которого только римский (читай: «византийский». — *И. М.*) судья и был склонен признать правоотношение».[7] Но чтобы выполнить эту свою функцию, нотариату самому нужно было избавиться от «зыбкости и бесформенности», безусловно присущей ему на ранней стадии его истории. Это и явилось делом Юстиниана, издавшего ряд фундаментальных законов, которые послужили основой всего византийского законодательства о нотариате и частном письменном акте. Речь при этом прежде всего идет об одной конституции Юстиниана от 1 июня 528 г., во фрагментарном состоянии

---

[4] В тексте упомянуты еще pragmatici, но это сейчас признается глоссой: *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 15.

[5] N. 44.1—2; C. 8. 11.12 (a. 440); D. 42.4.7.13; 47. 10. 15. 7; cf. *Sachers E.* Tabellio // PWRE. Stuttgart, 1932. Bd IV. S. 1849.

[6] *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 153.

[7] *Mitteis L.* Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891. S. 171.

включенной затем в Кодекс (С.4.21.17),[8] и о трех его новеллах (соответственно от августа 537 г., 31 августа 537 г. и 4 июня 538 г.= =N.44,47,73). К ним присоединяются и ранее изданные императорами законы (например, ряд конституций Льва, воспрещавших табеллионам оформлять письменно сделки евнухов, отчуждения церковных имуществ, уступки владений с целью приобретения патрона,[9] или конституция Анастасия, в которой табеллиону вменялось в обязанность контролировать правильность заключения частных сделок и особенно регистрацию актов в соответствии с законом [10]), так как, будучи включенными в Кодекс, они приобретали нормативное значение и входили составной частью в Юстинианову доктрину табеллионата.[11]

Итак, текст знаменитой конституции С.4.21.17,[12] столь часто воспроизводящейся в разного рода работах, гласит: сделки на продажу или обмен, или дарения, которые необязательно должны быть регистрированы (quas intimari non est necessarium), а также сделки, касающиеся дачи задатков или чего-либо другого, стало быть, те соглашения, в отношении которых было желательно, чтобы они совершались письменно (quos in scriptis fieri placuit), а также сделки, которым надлежит быть зафиксированными документом (quas instrumento recipi convenit), — все они должны иметь силу (vires habere) не иначе, как через посредство переписанных набело и скрепленных подписями сторон документов (instrumenta in mundum recepta subscriptionibusque partium confirmata), а в случае, если последние составляются табеллионом, то также совершенных им самим (ab ipso completa) и в конце концов «отпущенных» сторонам (partibus absoluta),[13] и чтобы никому не было позволено, прежде чем так случится, присваивать себе на основании такого рода контракта или сделки какое-либо право, предъявляя составленный проект акта (a scheda conscripta), пусть даже содержащий подпись одной стороны или обоих, или же самый акт, который и не совершен, и не отпущен (vel ab ipso mundo, quod necdum est impletum et absolutum).

---

[8] По мнению Галло, дошедший текст, вероятно, эксцерпирован из более пространной конституции, из которой компиляторы Codex repetitae praelectionis использовали и другие фрагменты — С. 4.2.17; 4.20.18; 4.30.14 (cfr. 10.22.5; 1.4.21); 4.30.15 (?); 5.15.3. См.: *Gallo F.* Riflessioni sulla funzione della scriptura in C. 4.21.17 // Studi in onore di Biondo Biondi. Milano, 1965. Vol. 2. P. 413, n. 1.

[9] С. 4.42.2; 1.2.16.6 (3); 11.54 (53), 1 pr.

[10] С. 8.53 (54).32.

[11] На практике более употребительными были все же кодекс и новеллы, нормы которых стали в конце концов превалировать над всеми остальными. Что же касается дигест и конституций, то они больше использовались с учебными целями. См.: *Archi G. G.* Giustiniano legislatore. Bologna, 1970.

[12] C. I. C. Vol. 2: Codex Iustinianus. Berolini, 1959.

[13] В аналогичных терминах и с явной ссылкой на конституцию в Inst. 3.23 pr. (там, где говорится о табеллионатных документах купли-продажи) также запрещается совершать сделки, nisi et complationes acceperint et fuerint partibus absoluta. Фраза буквально переведена одним из крупнейших юристов VI в. Феофилом в его Парафразе: εἰ μὴ καὶ complationes παρακολουθήσωσιν. . . . καί ἀπολυθῆ τὰ συμβόλαια τοῖς μέρεσεν // Institutionum graeca paraphrasis Theophilo antecessori. . . /ed. C. Ferrini. Berolini, 1884—1897. P. 352.

Из этого весьма краткого текста вытекают, однако, важные следствия. По мнению Дэльгера,[14] здесь речь идет о двух категориях документов: 1) о документах, которые составляются самими сторонами («документы сторон»), переписываются начисто и подписываются ими;[15] 2) о документах, которые по поручению сторон составляются табеллионом, затем «совершаются» им и вручаются сторонам, причем характерными конститутивными элементами табеллионатного документа были completio и absolutio, правильное понимание которых само по себе выливается в проблему, к которой нам еще предстоит вернуться.

Если конституция С. 4.21.17 касалась в основном форм и типов документов, то новелла 44, изданная позднее конституции, но логически как бы предваряющая последнюю, трактует вопросы внешней организации службы табеллиона, и поскольку эта новелла ни разу не приводилась в более или менее цельном виде, считаем полезным перевести ее целиком:[16] «Нам стало известно об одной тяжбе, — говорит император в предисловии к новелле, — которая и дала повод для издания настоящего закона, а именно: от лица некоей женщины был предъявлен акт, не имеющий ее собственноручной подписи (ибо она была не сведуща в грамоте), но совершенный табеллионом,[17] содержащий ее подпись, сделанную с помощью руки табулярия (т. е. за неграмотную расписался табулярий[18]), и отмечающий присутствие свидетелей. И поскольку затем в отношении документа возникло некоторое сомнение (так как женщина заявила, что ее волеизъявление совсем не соответствует тому, что говорилось в письменном акте), то слушавший дело пожелал узнать правду от табеллиона, с какой целью и вызвал его. Тот сказал, что признает письмо формулы совершения акта, но ничего не знает, что за этим (т. е. процедурой «совершения») последовало, ибо разбор начальной стадии

[14] *Dölger F.* Zur mittelalterlichen Privaturkunden // Dölger F. Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 339—340; cf. *Zepos P. J.* 'Η παράδοσις δι' ἐγγράφου ἐν τῷ βυζαντινῷ καὶ τῷ μεταβυζαντινῷ δικαίῳ // Τόμος ἐπὶ ἑξακοσιετοῦ 'Αρμενοπούλου. Θεσσαλονίκη, 1952, σελ. 216—217.

[15] Т. е., полагает Зепос, речь идет о развитии греческого античного хирографа, который, «несмотря на все трудности, сохранился в римскую эпоху» (*Zepos P. J.* 'Η παράδοσις. . ., σελ. 216, σημ. 49). По мнению Бруннера, требование подписи свидетельствует о том, что имеются в виду только те документы, «контекст» которых был аллографичен, т. е. писан чужой рукой (*Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte der römischen und germanischen Urkunde. Berlin, 1880. I. S. 58—59), но Дэльгер считает, что привлеченные Бруннером места из Кодекса и Институций можно понять так, что письменное соглашение, правда, могло быть написано чужой рукой, но затем должно было быть подписано лицом, от которого документ исходит, или же должно было быть целиком написанным им (и, стало быть, подписанным), чтобы иметь законную силу. См.: *Dölger F.* Zur mittelalterlichen Privaturkunden. S. 349, Anm. 1.

[16] С. I. С. Vol. 3: Novelle. P. 273—277.

[17] В греческом тексте, с которого мы делаем перевод, употребляется повсюду термин συμβολαιογράφος, но мы используем термин «табеллион», содержащийся в латинском Authenticum.

[18] Здесь табулярий выступает в значении «писец», который еще не достиг ранга нотария, совершающего акты. Ср.: *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 82, n. 14.

(составления акта) он не взял на себя, а поручил это кому-то из своих помощников, да и позднее не присутствовал при совершении, но снова поручил это еще одному помощнику. Явился в суд и участвовавший в совершении, который, однако, сказал, что и ему ничего о деле неизвестно, так как не он был писцом документа; он знает только то, что в его присутствии акт был „отпущен" (ἀπολέλεται, dimissum est). Того же, кому было поручено начало составления акта, не удалось найти. И если бы судье не удалось с помощью свидетелей распутать дело, то явно возникла бы опасность, что он ничего и не будет знать, а это заслуживает компетентного рассмотрения и оценки.

Поэтому, — говорит Юстиниан, начиная главу I закона, — мы сочли нужным помочь каждому и издать для всех общий закон с тем, чтобы табеллионы, стоящие во главе службы, любым способом лично сами занимались составлением акта[19] и присутствовали, когда последний „отпускается" (ἡνίκα ἀπολύοιτο, dum dimittitur), и чтобы не иначе осуществлялось совершение акта (πλήρωσις, completio),[20] как с соблюдением следующих правил: они сами должны иметь представление о деле с тем, чтобы в случае, если спросят судьи, могли узнать и ответить, что случилось впоследствии, особенно когда сделавшие волеизъявление неграмотны, ибо им легко отказаться от того, что изложено в документе: это не поддается проверке. Так вот (1), чтобы предотвратить все это, мы и пишем настоящий закон, и хотим, чтобы он всячески соблюдался табеллионами и в этом благословеннейшем городе (т. е. Константинополе), и в провинциях. Пусть они знают, что если что-либо сделают вразрез с ним, то будут полностью отстранены от так называемых станций (ἐκπεσοῦνται πάντως τῶν καλουμένων στατιόνων),[21] а тот, кто будет делегирован ими или для выполнения обязанностей по составлению документов, или для того, чтобы присутствовать, сам станет хозяином концессии на станцию (αὐτὸς κύριος τῆς ἐπὶ τῆς στατίονος αὐθεντίας ἔσται).[22] И все переменится: этот отныне займет то положение

[19] В позднейшем Синопсисе новелл Юстиниана это распоряжение резюмируется так: πᾶς συμβολαιογράφος αὐτὸς δι' ἑαυτοῦ συνταττέτω τὸ συμβόλαιον: *Schminck A., Simon D.* Eine Synopsis der Novellen Justinians // FM. 1981. 4. S. 157 (679).

[20] Ван дер Валь, резюмировавший это место фразой «completio нотария должна следовать за absolutio сторон», считает, что здесь Юстиниан противоречит своему же распоряжению (С. 4.21.17), предписывавшему как раз противоположное (*Wal van der N.* Manuale novellarum Justiniani. Groningen; Amsterdam, 1964. P. 15 et n. 5). Кажется, однако, что у Юстиниана вообще нет речи о чередовании completio и absolutio, но только об обязанностях табеллиона в целом.

[21] Здесь особенно видно, что «станция» (statio) — это техническое обозначение нотариальной конторы, которое сохранится до самых позднейших времен (еще в XIII в. оно встречается у Димитрия Хоматиана именно в этом значении: *Pitra J. B.* Analecta sacra et classica specilegio Solesmensi parata. Romae, 1891. Vol. 6. № 87, col. 389). Любопытно, что авторы греческого текста колеблются в определении рода этого термина: он употребляется то с женским, то с мужским артиклем. Что касается структуры таких «станций», то она, как мы увидим, не столь уж примитивна, и вряд ли можно (вместе с Ван дер Валем) переводить их словом «лавочки» (boutiques). Ср.: *Wal van der N.* Manuale. . . P. 15, n. 3.

[22] Здесь впервые, хотя и в имплицитной форме, признается факт авторизации деятельности нотариев со стороны государства, и «хотя новелла может произ-

на станции, которое имел в отношении ее ее прежний начальник (ὁ κατ' αὐτὴν πρωτεύων), а тот или покинет ее, или станет одним из рядовых писцов, обслуживающих нового начальника (εἷς τῶν ὑπογραφόντων ἐκείνῳ, unus ministrantium illi). Если же и он откажется делать то, что ему поручено, а другой сделает то же по воле этого, то и мы назначим для них такое наказание, чтобы из страха перед ним они старались быть справедливыми и более осторожными при обращении с документами, а из-за своего стремления к покою и наслаждению не разрушали чужие жизни. Если же (2) этот табеллион случайно окажется неспособным взять на себя руководство (τὴν ἐξουσίαν) станцией, составляя акты вопреки установленным нами настоящим законом правилам, то пусть будет совсем отстранен от этого, а другой вместо него пусть будет выдвинут, причем от этого не должен нести никакого ущерба собственник станции (ὁ τοῦ στατίονος κύριος, stationis dominus), если им окажется кто-либо из посторонних лиц, а не сам табеллион; он не должен терять ничего из доходов, получаемых от станции. Но только один табеллион, выдумавший такие вещи и отказавшийся исполнять свою работу, отстраняется от заведования, в то время как все другие права на станцию сохраняются неприкосновенными за ее собственниками, в отличие от табеллионов, допустивших такого рода ошибки. И пусть (3) не сочиняют табеллионы отговорок, ссылаясь на болезни или занятость, ибо им можно, если что-либо подобное произойдет, пригласить к себе заключающих сделку и самим совершить акт. Такого рода заключающиеся изредка сделки не станут, пожалуй, ни для кого препятствием, так как ничто у людей не бывает столь бесспорным, как то, что они (люди) не могут допустить и тени какого-либо сомнения, даже если речь идет о чем-то в высшей степени справедливом. Но и уменьшение доходов у них из-за (недостаточного) посещения контрагентов пусть не выдвигают в качестве предлога, ибо лучше немногие сделки оформлять надежно, чем рисковать, беря на себя многие. Однако (4), чтобы закон не показался им слишком суровым, мы, приняв в расчет человеческую природу, устанавливаем наши законы в соответствии с последней. Так, именно из-за их такого рода колебаний мы даем табеллионам разрешение (ἄδειαν, licentiam) каждому выдвинуть для этого одного (себе заместителя, зарегистрировав его) в ведущемся в соответствии с обычаем регистре у светлейшего магистра ценза благословенного города и дать ему (заместителю) право составлять в его (табеллиона) станции документы для заключающих соглашения и присутствовать при отпуске этих документов. И никому другому из пребывающих в станции не разрешается ни брать на себя начальный этап составления документа, ни присутствовать при их отпуске, но только самому табеллиону, имеющему концессию, или предложенному им для

вести впечатление, что всегда нужна была концессия государства, чтобы исполнять должность нотария, однако именно данный закон ввел эту концессию» (*Wal van der N.* Manuale. . . P. 15, n. 3). Термины ἡ αὐθεντία в греческом тексте и auctoritas в латинском Authenticum в данном контексте лучше всего переводить именно словами «концессия» или «авторизация», а не «власть» или «авторитет».

этого его заместителю. Если же что-либо, вопреки этому, случится и дело будет поручено кому-то другому, то пусть будет подвергнут ранее определенному нами наказанию табеллион, имеющий концессию, а сами документы в интересах контрагентов (διὰ τὸ χρήσιμον τῶν συμβαλλόντων, propter utilitatem contrahentium) пусть остаются в силе (οὐκ ἀκυρουμένων). Выражаем уверенность, что из страха перед законом табеллионы отныне будут соблюдать установленные нами правила и документы будут находиться под охраной».

Не менее интересна и глава II новеллы, которая уже непосредственно посвящена самому документу. «К настоящему закону, — говорит император, — мы добавляем еще то, что табеллионы должны писать акт не на какой-нибудь другой чистой бумаге, а только на той, которая вначале содержит так называемый протокол, указывающий имя находящегося в этот момент при должности славнейшего комита священных наших щедрот и время изготовления бумаги,[23] каковые (т. е. имя и время) на такого рода документах пишутся на верхней части листа (προγράφεται). Этот протокол не следует отрезать, но оставлять вставленным (ἐγκείμενον, insertum). Ведь нам известно немало подделок среди документов (παραποιήσεις, falsitates), уличавшихся и ранее, и сейчас. Так что если появится какой-либо письменный акт, имеющий не по правилам записанный протокол, но какую-либо иного рода надпись (ἄλλην τινὰ γραφήν) содержащий, то пусть не принимают его (к рассмотрению) как поддельный и непригодный для такого дела. Только на такой бумаге, о которой мы говорили, пусть пишут акты. Мы желаем, чтобы эти определенные нами правила, касающиеся качества листов бумаги и отрезания так называемых протоколов, были действительны только для этого благословенного города,[24] где, с одной стороны, заключается очень большое количество всевозможных сделок, а с другой — имеется значительный запас бумаги и можно законным образом использовать обстоятельства, а не давать повода кому-либо грешить подделыванием, ответственность за которое будут нести и сами табеллионы, если осмелятся совершить что-либо вопреки этому».

Эти распоряжения органично дополняются изданной спустя несколько дней (31 августа 537 г.) новеллой 47, касающейся способа датировки актов.[25] Юстиниан предписывает (гл. 1) «тем лицам, ко-

---

[23] Речь идет о своего рода гербовой бумаге, которую табеллионы были обязаны употреблять при переписке документа набело. Обозначение имени комита священных щедрот (comes sacrorum largitionum), по мнению Куяция, объясняется тем, что под его непосредственным надзором находились бумажные фабрики — chartariae. См.: *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 74; ср.: *Zingale L. M.* In margine a nov. Iust. 44.2: τὸ καλούμενον πρωτόκολλον // Studi in onore di Arnaldo Biscardi. Milano, 1983. Vol. 4. P. 151—175.

[24] Т. е. Константинополя. Таким образом, император ограничивает действие этого распоряжения столицей, но, как показывают египетские папирусы и папирусы Нессаны, в провинциях также использовали протокол, как, впрочем, и злоупотребляли отрезанием его от подлинного документа, чтобы прикрепить к поддельному (*Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . p. 40, 53). Образец такого протокола (неизданный папирус из Флоренции) с его крупным, странным загадочным письмом воспроизводит Амелотти. (Ibid. Tav. V).

[25] C. I. C. Vol. 3: Novellae. P. 283—285.

торые ведут регистры (gesta) в судах или везде, где составляются акты (πράξεις, acta), табеллионам и вообще пишущим документы по какой бы то ни было форме в этом великом городе или у других народов, быть во главе которых дал нам бог, так редактировать начало документов: „В царствование такого-то божественнейшего августа и императора, в год такой-то“, а затем указывать имя ипата (консула), в тот год находящегося при должности, на третьем месте — индикт (т. е. 15-годичный цикл, заимствованный из практики фиска. — *И. М.*), за которым следуют месяц и день.[26] Ибо таким образом время сохранится навсегда, да и упоминание о царствовании, порядок консулатов и прочие наблюдения, включенные в документы, будут весьма способствовать тому, что последние не смогут быть подделаны. Если же (§ 1) у жителей Востока или у других людей сохраняется обычай исчисления времени от основания городов, не будем этому препятствовать, но пусть сначала ставится царствование, за ним следуют, как уже сказано, ипат (консул), индикт, месяц и день, в который совершается и записывается происходящее (πράττεται καὶ γράφεται τὰ γινόμενα, geruntur et scribuntur quae aguntur),[27] и уж потом пусть приводится и год с основания города. Ибо мы ничего не упраздняем из того, что было раньше, но императорской прибавкой возвеличиваем дело». Во II главе новеллы предписывается судейским чиновникам проставлять даты актов на греческом или латинском языке в зависимости от того, на каком языке писан «контекст» (τάξις, ordo).

Наконец, новелла 73 от 4 июня 538 г., чрезвычайно важная, поскольку в ней затрагивается фундаментальная проблема юридической действенности документа в зависимости от способа его засвидетельствования.[28] Дело в том, что до Юстиниана в целях сообщения частному письменному акту доверия (impositio fidei) широко применялся в судопроизводстве метод сравнения почерков (σύγκρισις τῶν γραμμάτων, comparatio litterarum). Юстиниан на материале практики судов показывает несовершенство этого метода и вменяет в обязанность составлять документ, подписанный по меньшей мере тремя свидетелями, а еще лучше — совершенный табеллионом. Поводом

[26] Действительно, папирусы византийского времени, составленные позднее этого закона, уже приспосабливаются к этим правилам, хотя Юстиниан сам нарушает свое предписание, ибо, как заметил Ван дер Валь, и в этой новелле, и в более поздних день и месяц предваряют год царствования и другие компоненты датировки (*Wal van der N.* Manuale. . . P. 14, n. 2).

[27] Следует ли это рассматривать как требование совпадения во времени юридического акта и «документального акта»? К этому вопросу, тесно связанному с проблемой «диспозитивности» акта, нам еще предстоит обратиться. О соотношении этих понятий см.: *Dumas Au.* La diplomatique et la forme des actes // Moyen-Âge. 1932. T. 42. P. 5 sq.

[28] C. I. C. Vol. 3: Novellae. P. 363—370. Поскольку новелла 73 имела особое значение для процессуального права, то именно в этом своем качестве она не раз привлекала внимание исследователей. См., например: *Zilletti U.* Studi sul processo civile giustinianeo. Milano, 1965. P. 258 e n. 62; *Kaser M.* Das römische Zivilprozessrecht. München, 1966. S. 489 ff.; *Simon D.* Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess. München, 1969. S. 294—298; *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 41—43.

к изданию закона послужил «парадоксальный» случай, происшедший в Армении, когда суду был предъявлен акт об обмене (τὸ ἀμείψεως συμβόλαιον), почерк подписей свидетелей которого был признан «непохожим» и, значит, подписи недостоверными. Однако сами свидетели, позднее разысканные, опознали свои подписи, и акт «получил доверие». Этот случай побудил Юстиниана к весьма скептической оценке метода сравнения почерков: с одной стороны, он способствует появлению эпидемии подделок, ибо «у подделывателей один предмет увлечений — как можно больше упражняться в подражании почеркам; ведь подделка — это не что иное, как подражание истине, и в эти времена мы встречаемся с бесчисленным количеством подделок (μυρίας παραποιήσεις) в судебных процессах»; с другой — весьма неустойчива сама природа почерка, ибо «часто причиной непохожести его является время (ведь неодинаково, пожалуй, будет писать кто-либо, пребывая в молодом возрасте, в зрелом, постарев, а возможно, и дожив до самого дряхлого возраста), а зачастую и болезнь на это влияет; да что мы вообще говорим об этом, когда даже простая смена пера и чернил полностью уничтожает тождественность почерка» (praef.). Поэтому (гл. I), если, скажем, есть желание надежно поместить в депозит, пусть «не доверяют одним только распискам принимающего на хранение (именно этот случай был предметом рассмотрения в суде: ведь тот, о котором говорили, что это он писал документ, не опознал своего почерка, чем произвел большое смятение; его заставили написать другой текст, почерк которого показался довольно похожим, но не совсем тождественным, и то, что касалось почерка, так и осталось невыясненным). Тот, кто отдает в депозит, пусть вызовет свидетелей, по возможности честных и достойных доверия, числом не менее трех, чтобы мы уже не зависели только от почерков и их сличения и чтобы судьям была помощь и от свидетелей. Ибо мы допускаем и такого рода свидетельства, когда свидетели, придя, говорят, что в их присутствии подписало документ лицо, совершившее его, и что они это знают. И если мы узнаем, что свидетелей было не меньше трех и они достойны доверия, мы не станем противиться такого рода доверию: мы ведь устанавливаем закон не для того, чтобы сокращать доказательства, но чтобы они были, и были надежными. Но если (гл. II) кто-либо будет составлять акт о займе или какой-либо другой сделке и не пожелает его совершить публично (ἐπ' ἀγορᾶς συνθεῖναι),[29] то пусть документ, который оформляется письменно, считается имеющим доверие не сам по себе (αὐτόθεν, ex ipso), но только от присутствия достойных доверия свидетелей, числом не менее трех, так чтобы или они лично присутствовали и свидетельствовали своими собственными подписями, или другие за них свиде-

[29] Эта фраза, тождественная латинской publice confici, является техническим выражением для деятельности символеографа. Соответственно табеллионатный документ называется συμβόλαιον ἀγορεῖον=instrumentum forense vel publice confectum. Встречающееся один раз в кодексе Юстиниана выражение tunc enim (instrumenta) quasi publice confecta accipiuntur (C. 8.17.11.1 от 472 г.) на самом деле является интерполяцией и в дальнейшем не употребляется. См.: *Simon D.* Untersuchungen. . . S. 296, Anm. 112.

тельствовали, что именно в их присутствии составлен документ; и дело получит доверие и от того и от другого (т. е. от сличения почерка и свидетелей. — *И. М.*), так как и рассмотрение почерков не является полностью негодным, но лишь недостаточным, нуждающимся в подкреплении свидетелями. Если же (гл. III) случится нечто подобное тому, что произошло в Армении, и сличение почерков скажет одно, а показания свидетелей другое, тогда мы полагаем, что то, что говорится живым голосом (τὰ παρὰ ζώης λεγόμενα φωνῆς) и подкрепляется клятвами, более достойно доверия, чем письменный документ сам по себе. В противном случае пусть от проницательности и боголюбия судьи зависит то, что доверие оказывается более истинным свидетельством, чем эти.[30] Если же кто-либо сдающий в депозит или дающий заем, или как-либо иначе заключающий сделку удовлетворится одной только распиской того, с кем он вступает в соглашение, то он сам должен отдавать отчет в том, что он все дело поставил в зависимость от доверия к тому человеку. И постольку же доверие на основании письма (ἐκ τῆς γραφῆς) покажется, пожалуй (в соответствии с нашим законом), недостаточным, чтобы быть оказанным документу; если же присутствие свидетелей, при которых сделка происходила, или, может быть, последнее прибежище дела (скажем, клятва) помогут ему, то мы не объявим происшедшее недействительным. Ибо остерегаясь подделок и подражаний и не доверяя тем сделкам, которые являются „голыми“ (γυμναῖς οὔσαις αὐταῖς), мы придаем делу такого рода строгую точность не для того, чтобы лишить доверчивых их доверия по отношению к друзьям, но чтобы, насколько это возможно, всеми способами изобличить обман и запирательство. Но и акты (гл. V), совершаемые публично, даже если они содержат completio табеллионов, пусть перед формулой совершения (πρὸ τοῦ τελέσματος) сделают письменное указание на присутствие, как сказано, свидетелей. Нужно, однако (гл. VI), чтобы судьи, если они найдут какие-либо пометы, записанные на документах, разобрали их и попытались прочесть (мы ведь знаем, что многое и из них обнаруживается), и нелегко доверие к почеркам допустить на основании сличения их с другими по вышеуказанным нами причинам. Если же (гл. VII) все свидетели умрут или случайно будут отсутствовать, или по какой-либо другой причине будет нелегко придать доверие на основании подписей свидетелей, ни табеллион, совершивший документ (если тот будет совершен публично), не уцелел, чтобы в совершенном им деле выступить в качестве свидетеля, или его нет в городе, а совершенно необходимо произвести сличение почерков формул совершения, или нет тех, которые подписали документ, тогда следует пойти на сличение (мы ведь не запрещаем его совсем). Приступив к делу со всей тщательностью и в любом случае, если будет сочтено, что нужно оказать ему доверие, привести также к присяге предъявив-

---

[30] Т. е. когда все способы исчерпаны, судье остается выбрать, какой результат рассмотрения он желает принять за истину. Зимон верно заметил, что такое решение законодателя практически означало капитуляцию его «регламентомании». См.: *Simon D.* Untersuchungen. . . S. 296.

шего документ, который должен поклясться, что он, ничего плохого не зная в отношении предъявляемого им документа и не приготовив никакой уловки в отношении сличения, которое должно состояться, так им пользуется, чтобы и не было что-либо уничтожено совсем и чтобы в делах была всегда надежность. Относительно же (§ 1) документов, совершаемых публично, дело обстоит так: если придет табеллион и станет свидетельствовать клятвенно, то если он написал документ не лично, а через кого-то из своих помощников, пусть придет и тот, если он жив или если вообще возможно, чтобы он пришел и никакая причина не мешает его появлению (скажем, тяжкая болезнь или какое-либо из иного рода обстоятельств, которые встречаются у людей); а если акт указывает и счетчика (ἀριθμητήν, adnumeratorem[31]), то и тот пусть присутствует, чтобы три было свидетеля, а не один. Если же и счетчик не был указан, а весь документ табеллион самолично и написал, и совершил, или же тот, кто его написал, отсутствует или по иной какой-то причине не может присутствовать, а табеллион сам клятвенно свидетельствует собственной формуле совершения (τῷ οἰκείῳ τελέσματι), чтобы не было места сличению, то пусть и в этом случае будут достойны доверия документы. Ибо свидетельство, происходящее посредством голоса совершившего документ и подкрепленное клятвой, придаст, пожалуй, некоторый дополнительный вес делу. Если же (§ 2) табеллион умер и его формула совершения будет засвидетельствована путем сличения с другими, если с другой стороны будет жив и составитель акта, и счетчик тоже, пусть явятся и те, если они находятся в городе, и пусть имеет грамота доверие, основанное на сличении формул совершения, и доверие, основанное на свидетельских показаниях. Если же никого из тех лиц не будет, тогда пусть осуществляется сличение формул совершения. Однако пусть одного этого будет недостаточно для такого дела, но пусть будут подвергнуты рассмотрению почерка и подписавших акт или и контрагентов, чтобы на основании многочисленных сличений и формулы совершения, и почерков подписавших или также контрагентов свести отовсюду единое доверие и завершить его. Если (§ 3) ничего другого не будет найдено, кроме сличения документов, то до сих пор господствовавшее правило пусть имеет преимущество перед тем, что предъявляющий документ для разбирательства сличения приносит торжественную клятву. Чтобы дело вообще приняло какое-то прибавление для большего доверия к нему, пусть к тому же присягнет и сам проситель того, чтобы это осуществилось, а именно — что, не располагая иным доверием, он пришел на разбирательство

---

[31] Из всех существующих объяснений функций этого hapax нам представляется самым убедительным то, которое выдвинул Зимон, полагающий, что речь здесь, должно быть, идет о лице, принадлежавшем к персоналу табеллиона, вероятнее всего о «служащем, который считал строки изготовляемого документа и в соответствии с этим начислял пошлину. Если он делал соответствующую помету на документе, то его значение в процессе impositio fidei понятно» (*Simon D.* Untersuchungen. . . S. 297, Anm. 115). Ср. также мнение Амелотти, который считает этого ἀριθμητής своего рода бухгалтером, помощь которого была необходима ввиду особой природы контракта (*Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 83, n. 25).

сличения актов, что он в отношении его (сличения) не сделал никаких уловок и ничего такого, что могло бы, естественно, скрыть истину. От всего этого позволено быть свободными контрагентам, если они (и та и другая сторона) пожелают прийти к тому, чтобы зарегистрировать документы (ἐμφανῆ ποιεῖσθαι, ut insinuent),[32] и сами контрагенты внесут в регистры, чтобы гарантировать от обмана, порчи и подделываний, и всяческие другие злокозни исправляя, мы устанавливаем настоящий закон. Те документы, которые уже санкционированы нами на основании происшедшего сличения почерков с привлечением собственноручных текстов, остаются в силе. Разумеется, и те документы, которые исходят от лиц, не сведущих в грамоте, и которые уже приняты в судах, пусть сохраняют свою силу, так как такие документы получили подобающее рассмотрение в судебном порядке. Когда же (гл. VIII) речь идет о контрагентах, не сведущих в грамоте, должны быть привлечены два табулярия[33] и свидетели в тех местах, где имеются табулярии, но особенно свидетели, незнакомые контрагентам. Все это для того, чтобы одни (т. е. табулярии. — *И. М.*) писали за неграмотного или малограмотного, а другие — свидетельствовали, что в их присутствии это проходило и они знают об этом, и таким образом, доверие к такого рода актам будет гарантировано. Ясно, что для такого рода сделок должно быть привлечено не менее пяти свидетелей, в числе которых будет и пишущий за контрагента, причем пишущий или весь документ целиком, или только то, что следует за несколькими пометами, поставленными контрагентом, и таким образом будет соблюдена строжайшая точность. Это (§ 1) мы утверждаем в отношении письменных актов. Если же кто-либо пожелает заключить какую-либо сделку без письменного оформления (ἀγράφως πρᾶξαι οἱονδήποτε συνάλλαγμα[34]), то со-

---

[32] Имеется в виду, что в результате этой операции документы становятся instrumenta publica и тем самым приобретают fides publica, ибо, следуя разъяснению схолиаста Василик Феодора, не могут быть отклоненными в случае судебного разбирательства (γὰρ κατατεθέντα συμβόλαια ἀρνεῖσθαι ἀδύνατον): B. S. P. 1403, 29; cf. *Wal van der N*. Manuale. . . P. 138, n. 4; *Simon D*. Untersuchungen. . . S. 297. Штейнвентер полагает, что у Юстиниана в данном случае речь идет не об insinuatio apud acta, а о заявлении к протоколу властей, что документ составлен (*Steinwenter A*. Beiträge zum öffentlichen Urkundenwesen der Römer. Graz, 1915. S. 88 f.), но против этого тезиса обоснованно выступил Зимон, показавший (со ссылкой на схолии к Василикам, р. 2778 (5.8.12.13); 2777 (5.17.20.22)), что глагол ἐμφανίζειν (=publicare) употреблялся именно в тех случаях, когда речь шла об инсинуации. См. *Simon D*. Untersuchungen. . . S. 298, Anm. 119.

[33] Ван дер Валь полагает, что греческий текст в этом месте, по всей вероятности, испорчен, так как и Authenticum, и схолиасты новелл (Юлиан, Афанасий, Феодор) говорят об одном табулярии. См.: *Wal van der N*. Manuale. . . P. 17, n. 1. Амелотти также считает указание в греческом тексте двух табуляриев вставкой (insiticia): *Amelotti M*., *Costamagna G*. Alle origini del notariato. . . P. 83, n. 24. Отметим со своей стороны, что Синопсис новелл также содержит указание на двух табуляриев: *Schminck A*.—*Simon D*. Eine Synopsis. . . S. 168.

[34] Итак, здесь Юстиниан впервые expressis verbis легализовал наряду с письменным актом устный акт — правило, которое будет воспроизводиться и в позднейших византийских законодательных текстах, например в исаврийской Эклоге (E. 3.1; 4.2; 9.1; 10.1; 13.3 и др.), Исагоге (Eis. 13.1), новелле

вершенно ясно, что это получит доверие или через свидетелей, или через клятвы, причем истец приводит свидетелей, а ответчик — присягает или отвергает присягу, в зависимости от того, как судья поставит вопрос, чтобы ничто и ни у кого из них не осталось непроверенным. Хорошо (§ 2), однако, к закону и то добавить, что при сделках до 1 литра золотом (=72 солида, см. C. 10.72.5) такое требование не должно соблюдаться, а дело должно происходить в соответствии с тем, что до сих пор имело права гражданства, чтобы из-за малых дел люди не претерпевали большого разорения. И наконец (гл. IX), мы желаем, чтобы все сказанное было действительно для городов. В деревнях же, где все гораздо проще и где ощущается большая нужда в умеющих писать и могущих свидетельствовать, те правила, которые в них до сего времени были действительными, пусть и сейчас остаются непоколебимыми. Ибо это уже санкционировано нами и в отношении самих завещаний, о которых мы особенно заботимся. Так пусть же господствует закон во всех документах и соглашениях, которые будут после этого совершаться; ибо зачем узаконять то, что уже минуло».

С изданием новеллы 73 складывание византийской доктрины нотариата было в основных чертах завершено. Главным ее элементом, как видим, была фигура символеографа-табеллиона, в контору которого («станцию») должны были обращаться лица, желавшие совершить документ. На основании устного сообщения сторон о свойстве сделки табеллион составлял проект акта (так наз. scheda), цель которого заключалась в том, чтобы выяснить характер юридического отношения, в которое вступают стороны, и желание их относительно взаимных правоопределений, как это делается нотариусами в наше время. С этого scheda писался самый акт (mundum), но, вероятно, не раньше, чем scheda прочитывался контрагентам и утверждался их согласием.[35] Для написания акта употреблялся род гербовой бумаги — «протокол». Переписанный акт еще раз прочитывался контрагентам в присутствии свидетелей, приводимых ими (причем соблюдался принцип «unus testis nullus testis»), подписывался теми и другими, после чего подписывался табеллион, используя стереотипную формулу, содержащую completio и absolutio.

Но что, собственно говоря, такое completio и absolutio? В старой историко-юридической литературе превалировала точка зрения (она резюмирована у Ляпидевского), согласно которой completio состоит в написании проекта акта, т. е. в выяснении как свойства сделки, так и взаимных правоопределений сторон, и в приготовлении на основании этого проекта mundum, т. е. настоящего документа; absolutio есть акт, состоящий в прочтении документа (mundum) сторонам и свидетелям и в утверждении его подписями как тех и других, так и табеллиона.[36] Но сейчас вопрос об этих (ключевых для средне-

---

Ирины, новелле 72 Льва, «Распространенной Эпанагоге» (Ep. A. 11.1), Эпитоме (Epit. 11.6), Атталиате (Att. 5.1), в «Шестикнижии» Арменопула (Hexabiblos, 1.9.4) и т. д.

[35] *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 42.

[36] Там же. С. 44.

векового нотариата) понятиях стоит в науке иначе. Что касается первого из них (completio, которую греческие источники передают терминами πλήρωσις, τελείωσις или же соответствующими глаголами), то здесь среди ученых существует относительное согласие: «С точки зрения субстанциальной, — пишет Амелотти, — completio состоит в прочтении документа нотарием сторонам и в его обращенном к ним вопросе, соответствует ли он (документ) их воле, т. е. точно ли поняты и выражены их волеизъявления при составлении проекта акта (scheda) и при переводе его in mundum; с точки же зрения формальной, completio заключается в заявлении нотария в конце акта о том, что он, нотарий, только что осуществил completio. Делая это, табеллион берет на себя ответственность перед сторонами за форму и содержание акта».[37]

Мнения расходятся, когда речь заходит об absolutio (или ἀπόλυσις, ее греческом эквиваленте). Казалось бы, бесспорно то, что этот термин означает «отпуск», выдачу документа, а согласно наиболее естественной интерпретации слова partibus в конституции С. 4.21.17 (или соответственно μέρεσιν в упомянутой парафразе Феофила) как дательного падежа — заключительное действие нотария, который обязан передать документ, снабженный его completio, сторонам.[38] Именно в этом значении, очевидно, фигурирует absolutio в западноевропейских юридических актах (начиная с равеннских папирусов), которые упоминают ее вместе с completio в финальной фразе табеллиона: complevi et absolvi. Однако такое понимание затрудняется собственно византийской практикой, так как в византийских юридических актах ἀπόλυσις встречается в конце корроборационной клаузулы или в разделе подписей контрагентов и соответственно интерпретируется как действие сторон, как передача документа выпускающей стороной контрстороне.[39] Это и побудило Бруннера еще в прошлом веке выступить со своей знаменитой теорией, согласно которой в С. 4.21.17 и в других текстах вышеупомянутые partibus или μέρεσιν следует понимать как dativus agentis. Следовательно, absolvere — это деятельность сторон, таким образом, налицо полное совпадение между предписаниями Юстиниана и византийской юридической практикой. Напротив, считает Бруннер, западноевропейская практика неверно понимает конституцию и относит absolvere к нотарию как его последнее действие, в то время как действия сторон уже раскрылись ранее в traditio cartae, т. е. в акте передачи, который имеет смысл не только материального вручения документа, но и его совершения: он выражается в переходе несовершенного документа из рук выпускающего контрагента в руки дестинатора, которому этот документ передается (по выражению Cartularium Langobardicum) ad proprium. По пока он не передан, он не есть carta в юридическом значении слова и не имеет никакой силы по отношению к контракту, о котором в нем говорится. Он не может быть средством доказатель-

---

[37] *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 35.
[38] Ibid.
[39] Ibid. P. 36.

ства, так как и сам этот контракт без traditio не получает юридической силы. Но после того как traditio совершена, следуют subscriptiones свидетелей, и документ переходит в руки табеллиона, который прилагает completio и отдаст документ совершенным дестинатору, выполняя тем самым absolutio.[40]

Концепция Бруннера в отношении traditio cartae подверглась весьма энергичной критике.[41] Согласно Амелотти, дело обстояло как раз наоборот по сравнению с тем, как это понимал Бруннер, а именно: Запад совершенно адекватно понял распоряжение Юстиниана, без колебаний отнеся absolutio к действию табеллиона, в то время как в Византии (или «на Востоке», как предпочитает выражаться Амелотти) в соответствии с древней восточной юридической традицией («принцип инкорпорации права в документе») данное распоряжение Юстиниана не привилось. И до него, и во время его царствования, и после него этот вопрос здесь решался несколько иначе. Так, тот факт, что в договорных документах ἀπόλυσις (присутствует ли она в конце удостоверительных клаузул или в разделе подписей сторон), как правило, следует за стипуляционной клаузулой, очевидно, означает, что контрагент, который подтверждает свое обязательство формулой ἐπερωτηθεὶς ὡμολόγησα, желает еще больше усилить ее объявлением о выдаче документа. По мнению Амелотти, этому не противоречит и то, что, будучи последним, кто подписывал акт, на практике именно табеллион вручал совершенный документ заинтересованной стороне. Юстиниан, выпуская свою конституцию, как раз и попытался сделать нотария ответственным за акт передачи, но и он не был последовательным в этом своем намерении, так как в новелле 44 говорится об absolutio в присутствии табеллиона.[42]

Наиболее последовательно вопрос рассмотрен Зепосом как в его старой, уже цитировавшейся нами статье,[43] так и в недавно опубликованной.[44] По его мнению, под влиянием «всегда живых» древнегреческих и эллинистических воззрений и постепенно возраставшей роли клириков в составлении нотариальных актов предписывавшаяся Юстиниановыми нормами ἀπόλυσις=absolutio утратила свое первоначальное значение и фактически растворилась в процедуре «совершения» (τελείωσις=completio) акта нотарием, в то время как нотариальный акт сам по себе приобрел самодовлеющее диспозитивное значение и по существу поглотил функцию частного акта. Результатом подобной контаминации правовых воззрений было то, что нотариальный акт совершался окончательно путем чистовой его

---

[40] *Brunner H.* Zur Rechtsgeschichte. . . S. 74 ff., 86 f.

[41] Литература указана в кн.: *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 81, n. 9; cf. *Zepos P. J.* 'Η παράδοσις . . ., σελ. 218, σημ. 58.

[42] *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 37, 38.

[43] В этой статье Зепос, следуя, очевидно, Бруннеру, трактует содержащееся в C. 4.21.17 слово partibus как dativus agentis. Он даже, воспроизводя это место, употребляет выражение a partibus, хотя предлог «a» отсутствует в подлиннике (*Zepos P. I.* 'Η παράδοσις. . ., σελ. 217).

[44] *Zepos P. I.* Παράδοσις ἐγγράφου ἢ δι' ἐγγράφου εἰς τὸ βυζαντινὸν καὶ τὸ μεταβυζαντινὸν δίκαιον // Εἰς: Μνήμη Γ. Α. Πετροπούλου. Τόμ. 1. 'Αθῆναι, 1984, σελ. 87—98.

записи и присоединения completio нотария, а вручение его правопреемнику не было строго обязательным с процедурной точки зрения и с точки зрения законности акта. Другими словами, выдача документа в руки правопреемнику, если она оговаривалась в нем специальной клаузулой, совершалась naturaliter для большей надежности и уверенности правопреемника, которому необходимо было иметь средство доказательства его благоприобретенных прав против потенциальных оспариваний их в будущем.[45] Важно в этой связи отметить, что в более поздних византийских законодательных текстах (Василики, Книга Эпарха Льва VI, Исагога и др.) при определении прав и обязанностей нотариев, связанных с составлением актов, речь идет только о completio. Особенно показательно, что Василики, воспроизводя в греческой редакции конституцию Юстиниана С. 4.21.17 (=В. 22.1.76), упоминают только τέλεσμα нотария и вообще опускают ἀπόλυσις — факт, который отразился и в схолии Гариды (XI в.) к этому месту в Василиках. Согласно схолии, письменный акт, фиксирующий продажу собственности, «не иначе получает совершение, чем если будет записан, переписан начисто и подписан сторонами; если же письменный акт составляется табеллионом, он получит τέλεσμα или κομπλατίονα, т. е. формулу о том, что совершил такой-то».[46] Правда, тут же приводится схолия 6 к В. 22.1.76, которая цитирует видного юриста юстиниановской эпохи Фалелея, полагавшего, что контракт не может считаться законным, если «номик не совершил документ или если тот был совершен, стороны взаимно не выпустили его друг другу»[47] (следовательно, absolutio недвусмысленно названа здесь как ἡ παρὰ τῶν μερῶν ἀπόλυσις).[48] Менее ясна мысль Феодора в схолии 1 к В 22.1.76, для которого контракт незаконен, если документ не был исполнен (очевидно, как набросок), переписан набело, выдан и не получил completio нотария: εἰ μὴ πληρωθῇ καὶ καθαρογραφῇ καὶ ἀπολυθῇ καὶ σχῇ τὴν τοῦ ταβελλίωνος κομπλατίωνα.[49] На кого здесь возлагается обязанность ἀπολύειν, сказать трудно, хотя думается, что не на табеллиона.

Не желая опережать результаты нашего исследования, мы воздержимся здесь от высказывания собственного мнения. Отметим лишь, что, как бы там ни было, но письменный акт становился если и не единственным, то все же преимущественным, а на практике и господствующим способом заключения соглашений, особенно в сфере купли-продажи. Таким он предстает и в позднейшем византийском законодательстве. Правда, Эклога уделила мало внимания документам (пожалуй, лишь раздел о свидетелях в ней представлен богато), но зато это с лихвой

[45] С некоторыми уточнениями эта точка зрения Зепоса получила признание в историографии. Пожалуй, только Петропулос, издавая поствизантийские акты о-ва Сифнос, допускал, что по крайней мере на Сифносе при передаче прав на недвижимость действовала, скорее, «смешанная система», сочетавшая traditio per cartam с traditio cartae: *Petropulos G. A.* Νομικὰ ἔγγραφα Σίφνου, τόμ. 1. Ἀθῆναι, 1956, σελ, 27—43, 463—467.

[46] B. S., p. 1364.

[47] Ibid.; cf. p. 398, 440 (ad B. 11.2.22).

[48] *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 82, n. 12.

[49] B. S., p. 1383.

восполняет новелла императрицы Ирины (797—802).[50] «Мы предписываем, — говорится в ней, — чтобы всякий судебный процесс и тяжба, для разрешения которых требуется письменное или устное свидетельство, проходили как положено: все сделки в нашем царственном городе, а именно — помолвки, договоры о приданом, всевозможные виды эмфитевтической аренды (ἐμφυτευτικὰ ἐμπερίγραφα παντοῖα), описи имуществ сирот, всякого рода соглашения, расторжения, дарения, сделки купли и продажи, займы, залоги, завещания, отпуски на свободу и прочее в том же роде — с привлечением семи или пяти (только при завещаниях и отпусках на свободу достаточно и трех) достойных доверия свидетелей, а именно — священников, архонтов, лиц военного и гражданского состояния, имеющих соответствующее имущественное положение и занятие, живущих, разумеется, благочестиво и в благоприличии, — так вот, нужно, чтобы все эти контракты и всевозможные соглашения, а также (оформляющие их) письменные документы совершались в их присутствии. И если автор документа (ὁ τὸ ἔγγραφον ποιῶν) в состоянии сам написать (его), пусть пишет весь документ целиком (γραφέτω τὸ πᾶν) и пусть будут указаны и свидетели.[51] Исключением из этого являются сделки о приданом и всевозможные срочные аренды, ибо при них пусть пишут, как принято, и табулярии, и номики, и свидетели, причем пусть подписываются такие свидетели, о которых мы только что сказали. И всякий раз, когда в совершенных таким образом сделках какой-либо стороной будет возбужден спор, следует вызвать свидетелей и принести документы, и спросить их относительно документов, подлинны ли они. И если они, призвав в свидетели Бога, единодушно признают, что представленные документы подлинны, пусть судебное разбирательство будет прекращено, а вчинивший иск пусть будет подвергнут судьей штрафу, предусмотренному представленным документом, и выплатит его своему противнику (по процессу). Если же судебный иск будет вчинен после смерти названных в представляемом документе свидетелей, то и в этом случае процесс пусть будет прекращен без расследования.

Но если тот, кому вменяется в обязанность изготовлять акт в ранее названных случаях, неграмотен или по причине болезни не в со-

---

[50] *Burgmann L.* Die Novellen der Kaiserin Eirene // FM. 1981. Vol. 4. P. 16—24.

[51] Слова «пусть будут указаны и свидетели» соответствуют изданию новеллы Бургманом, которое в данном случае опирается на ту группу рукописей, которые дают чтение ὑπογραφέντων καὶ τῶν μαρτύρων. Прежние издания основывались на рукописях, дающих в этом месте, казалось бы, более правильное, с точки зрения греческого языка, чтение ὑπογραφόντων (т. е. тогда надо переводить «пусть подписываются и свидетели»). Бургман, сознавая некоторую необычность оборота ὑπογραφέντων («во-первых, из-за синтаксической связи, во-вторых, из-за времени партиципа, но прежде всего из-за необычного пассивного употребления слова ὑπογράφειν»), отдает тем не менее предпочтение именно ему, и я думаю, что он прав. Из контекста новеллы явствует, что речь здесь идет о типичном хирографе, не требующем вмешательства в процесс изготовления документа никого, кроме самого автора документа. К тому же чуть далее перечисляются исключения из этого распоряжения, при которых предписывается подписываться и свидетелям.

стоянии писать этот акт, то пусть он проставит (προτάσσειν αὐτόν) честной крест, а остальное пусть пишется табулярием, номиком или другими клерками; и если необходимо, чтобы свидетели подписали его, — быть посему; если же не необходимо, то пусть они становятся известными путем обозначения их имен.

Устные же соглашения должны совершаться таким образом: когда привлечены, как было сказано, семь или пять достойных доверия свидетелей (ибо только при завещаниях и отпусках на свободу достаточно и трех), все контракты и всевозможные соглашения должны совершаться в их присутствии. И если случится, что одна из сторон будет оспаривать соглашение, пусть будут опрошены отысканные свидетели. И если они, спрошенные дважды и трижды судьями, будут в согласии с возбудившим дело, пусть собственноручно изготовят документы (ποιείτωσαν ἔγγραφα ἐξ ἰδιοχείρου) и сдадут их в церковь (καὶ τιθέτωσαν αὐτὰ ἐπ' ἐκκλησιάς). Если же они неграмотны, пусть поставят честные кресты, а остальное пусть пишут через клерков буквально в таких выражениях: „Такой-то и такой-то, род занятий или звания. Свидетель — господь Бог и это святое место, в котором находимся и сдаем документы. Мы засвидетельствовали истину и ни в чем не солгали, и с этим нашим свидетельством мы предстанем перед страшным (судейским) алтарем Христа, Бога нашего. И да воздастся нам и детям нашим и ныне и во веки веков согласно нашему свидетельству. И если когда-либо в какой-то момент или год мы окажемся лжесвидетелями, то да возместим потерпевшему причиненный нашим свидетельством ущерб, и пусть мы подвергнемся каре, предусмотренной для лжесвидетелей, согласно поговорке, гласящей: „лживый свидетель не останется безнаказанным за свои злодеяния" (Paroem. 19.5; 19.9). Если же свидетели противоречат друг другу или обе стороны приводят своих свидетелей, пусть судьями будет произведен отбор (γενέσθω ἐκλογή) свидетелей, и те, которых больше и которые более достойны доверия, пусть изготовят, как было сказано, собственноручные акты (ἰδιόχειρα), и процесс, таким образом, завершен. Это имеет силу и в иноземных городах (ἐν ταῖς ἔξω πόλεσι), и провинциях, за исключением, правда, тех случаев, когда речь идет о границах (? τῶν ὁροθεσίων); ибо мы предписываем, чтобы споры в отношении границ решались так, чтобы размежевывающие свидетели держали в руках св. Евангелие или честной крест, как и вплоть доныне было в обычае (καθῶς καὶ ἕως τοῦ νῦν ἐκράτησαν ἡ συνήθεια), причем они, хотя и не приносят присяги, все же надежно удостоверяют документы, как уже было сказано выше».

Как отмечено уже Бургманом в его комментарии к изданию новеллы,[52] последняя в некоторых своих пунктах близка к Эклоге, что «понятно из-за исторической близости» памятников: тот же (при различии в порядке перечисления и отдельных особенностях) каталог юридических сделок,[53] почти те же, хотя и несколько расширены,

---

[52] *Burgmann L.* Die Novellen. . . S. 28—31.

[53] Особенно показательно появление в новелле термина ἐμπερίγραφα, который вне новеллы и в своем юридически техническом значении встреча-

квалификации «достойных доверия» свидетелей, введенные еще Юстинианом (в новелле 90.1 он требует для них τὸ τῆς ἀξίας ἢ στρατείας ἢ εὐπορίας ἢ ἐπιτηδεύσεως ἀναμφισβήτητον)[54] и принятые почти дословно в Эклоге (14.1: Οἱ μάρτυρες ἢ ἀξίαν ἢ στρατείαν ἢ ἐπιτήδευμα ἢ εὐπορίαν ἔχοντες κατὰ πρόληψιν δεκταῖοι τυγχάνουσιν);[55] та же фразеология новеллы, которая отчетливо показывает, что тот же самый ход процесса предполагается как общепринятый и в Эклоге (ср. 14. 5), и т. д. Но зато резко завышено как по сравнению с Эклогой, так и по сравнению с Юстиниановыми предписаниями число свидетелей;[56] ничего не говорится о присяге сторон, которую все еще предусматривает Эклога (17.2); нет в новелле речи и об опечатывании документов, хотя в Эклоге (5.2) оно предписывается при завещаниях.[57] В целом новелла Ирины также свидетельствует о повышении значимости документального доказательства, что особенно отчетливо видно в определении, что тогда, когда уже нет в живых свидетелей, процесс после изготовления документов должен быть завершен ἄνευ ζητήσεως.[58]

Обращает на себя внимание тот факт, что в Новелле Ирины вообще не встречается упоминание табеллиона-символеографа; говорится только о табуляриях и номиках, участие которых в сделках о приданом и ἐμπερίγραφα предусматривается и как обязательное, и как общепринятое. По мнению Бургмана, здесь имеется в виду изготовление именно табеллионатных документов,[59] хотя, как мы видели, раньше табулярии участвовали в составлении документов в качестве писцов (в частности, пишущих вместо неграмотных контрагентов сделки). Конечно, не исключается и то, что в новелле Ирины под табуляриями имелись в виду табеллионы, являя типичный пример

ется только в 12-м титуле Эклоги, где ἐμφυτεύσεις ἐμπερίγραφοι противопоставлены ἐμφυτεύσεις διηνεκεῖς (E. S. *208—212*, Z. 570—622). Вслед за Цахариэ (*Zachariae von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955. S. 291, Anm. 965) Бургман склонен трактовать этот термин как один из видов эмфитевтической аренды (*Burgmann L.* Die Novellen. . . S. 29, Anm. 64). Нет ли здесь какой-то связи с появлением такого вида долгосрочной аренды, как ἀνάκαμψις? (См.: *Medvedev I. P.* Une espèce mal étudiée du bail à long terme byzantin: ἀνάκαμψις // XVe Congrès Intern. des Etudes Byzantines (в печати)). Во всяком случае выражение ἐπανακαινίζειν τὸ ἐμπερίγραφον ἐμφύτευμα (E. 12.5) весьма напоминает выражение πάλιν ἐπανακάμπτειν анакамптических документов как по своей этимологии, так и контекстом, в котором они употреблены (возобновление контракта).

[54] C. I. C. Vol. 3: Novellae. P. 446.

[55] E. S. 214, Z. 636, 637.

[56] Там, где вообще в ней упоминается засвидетельствование, Эклога требует трех свидетелей при составлении писанного брачного контракта (2.3) и писанной мировой (15.1), «пять или три» свидетеля при составлении дарственной (4.1—4) и при отпуске на свободу (8.1.1), семь свидетелей при составлении письменного завещания (5.2—3), однако в исключительных случаях она считает достаточными пять, три или даже два свидетеля (5.4 и 8). Ср.: *Burgmann L.* Die Novellen. . . S. 30, Anm. 65.

[57] E. S. 188, Z. 360.

[58] *Burgmann L.* Die Novellen. . . S. 31.

[59] Ibid. S. 30.

смешения названий в позднеримском и ранневизантийском праве.[60] Скорее всего, в послеюстиниановское время табулярии и табеллионы вообще слились в одно учреждение, будучи облечены одними и теми же функциями, причем наиболее употребительным их названием становится именно табулярий (а также символеограф, номик и другие, т. е. те более или менее синонимичные названия, о которых уже говорилось).[61]

Наиболее отчетливо статус и круг полномочий табуляриев предстают перед нами в памятнике X в. — в сборнике уставов константинопольских цехов, известном под названием Книги Эпарха,[62] — приписываемом Льву VI (886—912). Действительно, первый титул книги — «О табуляриях», состоящий из 26 статей, текстуально совпадает с соответствующей (115-й) новеллой этого законодателя[63] и может восприниматься как своеобразный нотариальный регламент, регулирующий организацию нотариальной службы в Константинополе и профессиональную подготовку нотариев. Из Книги Эпарха мы узнаем, что составление всяких актов, соглашений и прочих письменных документов — πρᾶσεις (запродажных актов), προικῷα συμβόλαια (брачных контрактов), διαθῆκαι (завещаний), συμβιβάσεις (договоров) и т. д. — было монополией лиц, избранных и принятых в корпорацию табуляриев-символеографов во главе с примикирием, причем даже младшим чинам этой корпорации — учителям права[64] — не разрешалось составлять документы.[65] Избрание нового члена корпорации

---

[60] *Ляпидевский Н.* История нотариата. С. 23. По мнению Паоли, в обыденном языке оба слова смешивались, отождествлялись, скорее, из-за созвучия, чем из-за этимологического родства, см.: *Paoli C.* Programma scolastico di paleografia latina. Firenze, 1888. Vol. 3. P. 76.

[61] Это не означает, что слово «табеллион» было забыто. В византийских юридических сборниках (от Прохирона и Исагоги до «Шестикнижия» Константина Арменопула) постоянно говорится о ταβελλίων, а в византийской энциклопедии X в. (т. е. в эпоху, когда табуляриат, казалось, господствовал), известной под названием «Лексикон Суды», дается даже определение табеллиона: «Табеллион — это тот, кто пишет в городе акты, кого многие называют номиком, кто совершает все договоры граждан, каждый из них скрепляя собственными письменами» (ἕκαστον αὐτῶν οἰκείοις ἐπισφραγίζων γράμμασι): *Adler A.* Lexicographi graeci. Stutgardiae, 1971. Vol. 1, 4. P. 494.

[62] Византийская Книга Эпарха / Вступ. статья, перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962. Данное критическое издание памятника является лучшим из ныне существующих, и мне непонятно, зачем нужно было в лондонской серии Variorum Reprints (B_1) предпринимать перепечатку явно устаревшего первого издания (1893 г.), принадлежащего Николю. Единственно ценным в этом новом издании является то, что дано факсимильное воспроизведение текста по Genovensis 23 (Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον: The book of the eparch, with an introduction by J. Dujčev. London, 1970).

[63] *Zepos J.*, *Zepos P.* Ius graeco-romanum. Athenis, 1932. Vol. 1. P. 187; *Noailles P.*, *Dain A.* Les Novelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944. P. 376—377.

[64] Собственно, «преподаватели законов», παιδοδιδάσκαλοι νομικοί. Имеется в виду, по интерпретации М. Я. Сюзюмова, категория лиц, занимавшихся подготовкой будущих табуляриев (Византийская Книга Эпарха. С. 120).

[65] М. Я. Сюзюмов считает, что исключение делалось только для учреждений и ведомств, которые имели собственных табуляриев, например ведомства сакеллия, государственных имуществ, военного, патриаршего двора и т. д. (Византийская Книга Эпарха. С. 122—123). Однако этих табуляриев, находившихся

(а также выдвижение на должность примикирия старшего из табуляриев) оказывалось возможным лишь при наличии соответствующей вакансии — ἐν νομῇ ἀρχαίᾳ,[66] происходило на общем собрании (συλλόγῳ) членов корпорации, в торжественной обстановке и завершалось угощением, которое устраивал членам корпорации вновь принятый (или зачисленный на должность примикирия). Избирался желавший быть принятым в число табуляриев голосованием, пройдя к тому же испытание (διάγνωσις) со стороны примикирия и подчиненных ему табуляриев на предмет того, «обладает ли он необходимыми познаниями в законах, владеет ли он искусством письма в большей мере, чем другие, к тому же не болтлив ли он, не заносчив ли, не ведет ли распутную жизнь. Требуется, чтобы он был также благочестивым по нраву, чистым в помышлениях, образованным, рассудительным, владел правильной речью и умел точно выражать мысли, чтобы, таким образом, он мог легко отличить подлоги в документах (τὰς τῶν φαλσευμάτων γραφάς) и двусмысленные выражения, вводимые в текст соглашений с целью обмана».[67] Еще более существен второй параграф титула, в котором желавшему стать табулярием вменялось в обязанности знать досконально (ἐπὶ στόματος) 40 титулов Прохирона и 60 книг Василик,[68] а также «пройти курс энциклопедического образования (τὴν ἐγκύκλιον παίδευσιν), чтобы не делать ошибок при составлении документов и чтобы не допускать при произнесении речей непринятых выражений. Он должен быть в достаточно зрелом возрасте, чтобы быть развитым и умственно, и физически. На общем собрании (табуляриев) он должен оформить собственноручно документ (с обязательством) не допускать в своей деятельности ничего противозаконного, ибо в противном случае он будет лишен должно-

---

на государственной службе, нельзя даже сравнивать с табуляриями-нотариями, так как они не были носителями нотариальных функций. Тем более нельзя квалифицировать в качестве «штата нотариусов» корпорацию τῶν πατριαρχικῶν νοταρίων.

[66] Там же. С. 74, § 13. Выражение ἐν νομῇ ἀρχαίᾳ с трудом поддается объяснению. В переводе М. Я. Сюзюмова (Там же. С. 48) оно передано словами «согласно древней привилегии», а в комментарии — «в старинной должности» (Там же. С. 121). М. В. Левченко, как и прочие переводчики, полагал, что νομή — кафедра (sedes vetus, по переводу Николя), а В. Вольска-Конюс — как «старинное помещение» (для преподавания права, ибо речь в § 13 идет именно о преподавателях по праву). См.: *Wolska-Conus W.* Les termes νομή et παιδοδιδάσκαλος νομικὸς du «Livre de l'Éparque» // ТМ. 1981. T. 8. P. 531—541. Нам, как и Д. Зимону, кажется, что весь контекст подсказывает другое толкование: речь идет, по-видимому, о «прежнем, ныне освободившемся, т. е. вакантном, месте». Ср. *Simon D.* Hermeneutische Gymnastik // RJ. 1982. Bd 1. S. 39—42.

[67] Византийская Книга Эпарха. С. 45—46 (перевод), 72 (§ 1 — греческий текст).

[68] Там же. С. 73, § 2. Некоторые исследователи (например, Фрешфилд) считают, что выражение ἐπὶ στόματος ἔχειν означает «знать наизусть», но нам кажется, что более прав М. Я. Сюзюмов, переводя его словами «твердо знать» (Там же. С. 46, § 2); так же у Г. Вайса (*Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973. S. 175, Anm. 85).

сти».[69] Общее число табуляриев — членов корпорации — не должно было превышать 24, так как оно соответствовало числу районных нотариальных контор в Константинополе — «станций» (§ 23: ὅσαι στατίονες, τοσοῦτοι καὶ συμβολαιογράφοι) — со штатной единицей в каждой из таких станций одного писца, которого табулярий также не мог нанять, не представив его общему собранию и примикирию и не засвидетельствовав, что тот достоин быть принятым на эту должность.[70]

Что же касается непосредственных обязанностей табуляриев, связанных с оформлением юридических актов, то они были следующие: σημειοῦν τὴν ὑπόθεσιν (§ 8), т. е. «обозначить существо вопроса» или же, полагаем, на основании устного сообщения сторон выяснить характер сделки и таким образом составить проект акта;[71] ἐκθέσθαι χαρτίου γραφὴν (§ 6) или συμβόλαιον ἐργάζεσθαι (§ 7), т. е. в общем значении оформить документ; τὴν κόμπλαν ἐπιτιθέναι κατὰ τὸν νόμον (§ 12) или ἐν τοῖς συμβολαίοις τὴν κόμπλαν ποιεῖν (§ 18), т. е. в специальном значении — совершить акт, прибавив к нему в соответствии с законом формулу completio или так называемую «комблу»; τὸ συμβόλαιον ἐκπληροῦν (§ 12), что, по мнению Штекле, соответствует латинскому instrumentum supplere (ср. латинский Authenticum в новелле 73.5 Юстиниана), т. е. означает «заключить документ» и, стало быть, равно completio.[72] Разумеется (и на это уже обращено внимание[73]), что и здесь «блистает своим отсутствием» обязанность табулярия ἀπολύειν документ (contractum absolvere), предписанная его предшественнику — табеллиону конституцией С. 4.21.17 Юстиниана. Полагаю, что слова § 12 Книги Эпарха о том, что нотарий должен совершать акт, прибавляя к нему комблу «в соответствии с законом» (κατὰ τὸν νόμον), имеют конкретное значение и отсылают

---

[69] Византийская Книга Эпарха. С. 46 (перевод), 73 (§ 2 — греческий текст).

[70] Там же. С. 49 (перевод), 75 (греческий текст).

[71] Именно так и совершенно верно понял эту фразу М. В. Левченко (см.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 200). Напротив, не прав М. Я. Сюзюмов, который в полемике с Левченко переводит фразу: «Составит основной текст документа» (Византийская Книга Эпарха. С. 47, 117). Против такого понимания свидетельствует весь контекст параграфа, в котором говорится в сущности о том, что если будет вызван табулярий и начнет дело (здесь σημειώσηται τὴν ὑπόθεσιν означает ту начальную стадию — τὴν ἀρχὴν — достаточно длительного по времени и сложного по структуре процесса изготовления и совершения документа, о которой говорилось еще в новелле 44 Юстиниана), а затем будет вызван другой и, начав снова с самого начала, завершит дело, и т. д. Подтверждает это и ἡ ὑπόθεσις τῆς γραφῆς в § 25, ясно показывающая, что речь идет не о самом документе, а о сути сделки, выраженной здесь в денежной стоимости, ее, так сказать, правовой материи (ср. перевод Николя: si contractus materia centum aureis constat. — Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον, σελ. 21).

[72] *Stöckle A.* Spätrömische und byzantinische Zünfte // Klio. Leipzig, 1911. Beiheft 9. S. 17.

[73] Ibid.; cf. *Pfaff J.* Tabellio und Tabullarius: Ein Beitrag zur Lehre von den römischen Urkundenpersonen. Wien und Mainz, 1905. S. 43. То, что М. Я. Сюзюмов в числе греческих эквивалентов к completio наряду с πλήρωσις и κόμπλα (он мог бы еще добавить τέλεσμα) упоминает и ἀπόλυσις (см.: Византийская Книга Эпарха. С. 120), следует признать недоразумением.

к распоряжению Василик (В. 22.1.76), которое, как уже говорилось, воспроизводит в греческой редакции конституцию С. 4.21.17 Юстиниана, но без упоминания обязанности нотария contractum absolvere. Не забудем, что Василики были сводом, издателем которого был тот же Лев VI и знание которого было непременным условием профессиональной пригодности табулярия.

Показателен, кроме того, и характер оплаты труда табуляриев. Занимаясь составлением и совершением документов по поручению частных лиц, табулярии ими же и оплачивались, получая за свои услуги гонорар по твердо установленному государством тарифу. Так, в § 25 титула говорится, что «табулярии при оформлении документа должны получать плату (ὑπὲρ μισθοῦ) из следующего расчета: если договор на сумму сто номисм и ниже, сколько бы ни было, он получает 12 кератиев; если еще на столько же (т. е. на 200 номисм) — одну номисму, если еще выше — две номисмы. И пусть не пытаются повысить плату и не делают разницы в отношении отдельного лица и в зависимости от характера акта, т. е. запродажных актов, брачных, дарственных, соглашений. Кто же будет уличен в попытке получить больше, тот пусть будет лишен кафедры и облагоразумлен эпархом путем телесного наказания. Если же без всякого требования или вымогательства (табулярий) будет почтен кем-либо подарком из добровольной признательности (κατὰ προαίρεσιν), он может принять подобный подарок, не неся за это ответственности. Ведь из-за высокой платы за нотариальные услуги (τῷ βάρει γὰρ τῶν μισθῶν) клиенты, отказываясь от получения своих документов, оставляют их у символеографов. Проходит время, о документах забывают, и вследствие этого среди граждан возникают распри и столкновения».[74] Что касается оплаты писца, помогающего табулярию, то он, согласно § 19, получает из гонорара табулярия по 2 кератия на каждую номисму.[75] Штекле обращает внимание на мизерность вознаграждения табулярия, но (как это справедливо уже отметил М. Я. Сюзюмов) на деле табулярии брали много больше под видом «добровольных подношений», которые были, согласно § 25, вполне легальными.[76]

Таким образом, по своему статусу и по характеру своего труда табулярии, как они предстают перед нами в Книге Эпарха, не отличаются в сущности от своих предшественников — табеллионов, продолжая оставаться частными лицами, свободными ремесленниками, которые, не будучи на государственной службе, но, получив от государства концессию, занимались в виде промысла составлением юридических актов и судебных бумаг (под контролем государства) для всякого нуждающегося в них за установленное законом вознаграждение.

Что касается дальнейших судеб византийского официального законодательства о письменном частном акте, то они заключались

---

[74] Византийская Книга Эпарха. С. 49—50 (перевод, нами здесь несколько уточненный), 75 (греческий текст).
[75] Там же.
[76] Там же. С. 127.

в рецепции отдельных положений уже разобранного нами Юстинианова законодательства, но, разумеется, не непосредственно, а прежде всего через Василики (или, скорее, их синопсисы) и другие греческие юридические сборники. В 22-й и 60-й книгах Василик,[77] помимо уже упоминавшегося воспроизведения конституции Юстиниана (C. 4.21.17=B. 22.1.76) и соответствующих схолий, содержатся и другие заимствования из Юстинианова законодательства, из которых обращает на себя внимание заимствованное из сентенций Павла (D. 22.4.2=B. 22.1.31) положение о том, что суду должны представляться не копии и не черновики документов, а только подлинники (οὐκ ἀπὸ ἰσοτύπων ἢ ἰνδίκων, ἀλλ' ἐκ τῶν αὐθεντικῶν ὁ δημόσιος ἐνάγει).[78] Этому мнению схолиаст противопоставляет несохранившееся распоряжение Алексея I Комнина (1081—1118), согласно которому при утере записи в регистре (κῶδιξ) суду могли быть предъявлены две идентичные копии или минуты.[79] В отличие от этого положения, не нашедшего отражения в позднейших сборниках, другие эксцерпты постоянно воспроизводились в них вплоть до «Шестикнижия» Константина Арменопула (1345 г.), где эти разрозненные отрывки приведены в относительную систему, будучи сгруппированы в специальный (8-й) титул книги 1, озаглавленный «О документах» и включающий в себя 15 отрывков.[80] Правда, здесь «блистает своим отсутствием» конституция Юстиниана (C. 4.21.17=B. 22.1.76), хотя она рецепировалась Исагогой (Eis. 13.2) и так называемым «Пространным Прохироном» (17.69),[81] которые, несомненно, были известны Арменопулу. Но еще более необъяснимым является то, что источником Арменопула в данном случае был Большой синопсис Василик, а он тоже содержит указанное распоряжение Юстиниана (SMB. Σ.VII).

Раздел «О документах» своего «Шестикнижия» Арменопул логично начинает восходящим к дигестам (D. 22.4.1 = B. 22.1.30) определением документа, согласно которому «документом является памятная запись (ὑπόμνημα τοι καταγραφή) соглашений и договоров, заключенных между обеими договаривающимися сторонами, ибо соединение волеизъявлений и договаривающихся лиц называется сделкой (συμβολή), а письменное установление об этом именуется актом

---

[77] Содержащиеся в 60-й книге Василик многочисленные отрывки из законодательства о подделках, о санкциях против фальсификаторов документов и о квалификации самого этого деликта будут детально рассмотрены далее (см. с. 194—201). Пока отсылаем к работе: *Troianos Sp.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ // EEBS, 1972—1973, τόμ. 39—40, σελ. 181—200.

[78] Ср. Ecl. B. 256. 19—22, а также схолию 1 к этому месту Василик, согласно которой суд может рассматривать дело кого-либо не иначе, как если тот предъявит подлинный документ (εἰ μὴ τὸ ἀληθὲς ἰνστρούμεντον προφέρῃ), а также схолию 3, гласящую: πρωτότυπον, φησιν, ὀφείλει καὶ ὁ φίσκος προφέρειν, οὐχ ἴσον ἢ ἰδικὸν ἤτοι σχεδάριον // B. S., p. 1355; cf. *Dölger F.* Der Beweis im byzantinischen Gerichtsverfahren // La Preuve (Antiquité). 1965. № 16. S. 608—609.

[79] B. S., p. 1355, № 3 (finis); cf. IGR (Zach.). Lipsiae, 1857. Vol. 3. P. 426 (№ XLIII).

[80] Hexabiblos. P. 59—60.

[81] IGR (Zach.). Vol. 6 (Prochiron auctum). Lipsiae, 1870. P. 157.

(τὸ ἀπό ταύτης ἔγγραφον σύνταγμα συμβόλαιον ὀνομάζεται).[82] Все же прочие отрывки касаются главным образом проблемы использования документов в качестве средства доказательства в гражданском судебном процессе. Констатируется, что в контрактах должна прежде всего приниматься во внимание истина дела (ἡ τῶν πραγμάτων ἀλήθεια), а уж потом то, что написано;[83] воспроизводится распоряжение новеллы 73 (гл. I. 8) Юстиниана о том, что в документе, чтобы он был действительным и неподверженным всякому оспариванию и наговору, должны быть указаны три свидетеля; приводится положение Василик (B. 60.41.58=C. 9.22.24) о том, что при возникновении подозрения в подлинности любого документа надобно требовать доказательств сперва от предъявившего документ, а уж потом от того, кто утверждает, что документ поддельный; [84] распоряжение новеллы 119 (гл. 3) Юстиниана (ср. D. 22.4.2=B. 22.1.31) о том, что «если кто-либо упомянет в каком-либо документе о другом документе, то по этому упоминанию не может быть никакого требования, если не будет предъявлен в подлиннике тот другой документ, о котором упомянуто во втором, или в соответствии с законами не будет иным образом доказано, что сумма, о которой упомянуто, в самом деле является долгом»;[85] положения о том, что обещавший письменно не пользоваться документом уже не может его употребить в качестве средства доказательства (ср. C. 4.21.3=B. 22.1.62), что утрата документов не лишает права иска, когда можно другим способом доказать истину (ср.: C. 4.21.1=B. 22.1.60; Eis. 13.3; Proch. auct. 17.72), и что никто не может выводить достойное доверия доказательство долга на основании собственноручно изготовленных (и, очевидно, не заверенных нотариально) актов (ср. C. 4.19.5=B. 22.1.39).[86] Далее следует отрывок, в котором в духе гл. 2 новеллы 49 Юстиниана (ср. C. 4.21.20) говорится, что «в собственноручно изготовленных (сторонами) документах не требуется никакого сличения почерка (разве что хирографы не имеют подписи трех свидетелей, а сами свидетели признают, что они подписали, или же, отказываясь признать свою руку, будут изобличены путем сличения других их грамот), но только в публичных (ἐκ μόνων τῶν ἀγοραίων). Если же и противная сторона представит грамоты той же самой руки, тогда не будут отвергнуты; ибо то, чему истец доверяет и что он сам предъявил ранее, и на чем он основывает собственные права — это он, пожалуй, не отвергнет. А то, что предъявляется из публичных актов, и то, что, являясь собственноручно изготовленным, имеет публичное свидетельство — это, мы полагаем, может приниматься для сличения»;[87]

---

[82] Hexabiblos, I.8.1.

[83] Ibid. I.8.2; cf. C. 4.22.1=B. 22.1.81 (т. е. здесь ясно постулируется приоритет юридического акта перед документальным и таким образом как будто отвергается тезис о диспозитивности письменного акта).

[84] Hexabiblos, I. 8. 4. О смысле этого распоряжения см.: *Troianos Sp.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 198.

[85] Hexabiblos, I. 8. 5.

[86] Ibid., I.8.8; cf. I.8.9.

[87] Ibid., I.8.9; cf. Eis. 13.8; Proch. auct. 17.71.

уточняется (в соответствии с новеллой 73 Юстиниана), что при отсутствии свидетелей «собственноручные» акты (τὰ αὐτόχειρα) получают доверие от присяги, что при «бесписьменных» контрактах (ἐπὶ τῶν ἀγράφων συναλλαγμάτων) доверие приобретается или посредством свидетелей, или посредством присяги, причем истец представляет свидетелей, а ответчик или присягает, или требует от истца присяги, в зависимости от того, как решит судья.[88] Наконец, вслед за новеллой 18 (ср.: Proch. 16.12; Eis. 28.13; Proch. auct. 17.9) определяются санкции отказывающемуся признать свою расписку, по которой был сделан какой-либо платеж.[89]

Как видим, все эти эксцерпты из древнего законодательства довольно-таки бессвязны, а будучи лишенными своего контекста, порою и невразумительны. Подбор их достаточно случаен (пожалуй, большей популярностью пользовалась 73-я новелла Юстиниана [90]). В сущности после Юстиниана мы вообще не наблюдаем в Византии попыток серьезного и самостоятельного осмысления роли документа в оформлении юридических сделок и теоретической разработки проблем нотариата. Это, конечно, не означает, что в ней не существовало иных способов удовлетворения потребности в документальном оформлении сделок, кроме тех, которые были выработаны Юстинианом. Более того, все, что последним было в этом отношении предписано, — лишь сухая теория, «принципиальная схема», которая (как это явствует из актового материала) бесконечно варьируется в зависимости от местных условий. И здесь прежде всего следует отметить, что тот византийский нотариат, который демонстрируют нам византийские частноправовые акты, — это почти исключительно церковный нотариат, в значительной мере подменивший и вытеснивший (почти повсеместно) гражданский нотариат. Зепос, очевидно, прав, когда говорит, что «клирик-нотарий, который составлял частные письменные акты в поздневизантийскую эпоху, не мог быть тесно связанным с распоряжениями о нотариях официального юстиниановского и постюстиниановского византийского права: он чувствовал себя более свободным в своей деятельности, удовлетворяя нужды в оформлении контрактов в соответствии с традициями живого народного (по происхождению греческого) права. Номик — духовное лицо, исполняя обязанности нотария, был более любого другого близок как к живой традиции греческого права с диспозитивным характером частного акта, так и к каноническим правилам, которые также насаждали обязательство на основе письменно изложенной ὁμολογίας и ὑπογραφῆς» (ссылка на 13-й канон Карфагенского собора).[91]

Показателен в этом отношении и вопрос о назначении табуляриев и главы их корпорации (примикирия, экзарха), как он решался

---

88 Hexabiblos, I.8.13.

89 Ibid., I.8.14.

90 Уже цитировавшийся синопсис новелл Юстиниана также содержит эксцерпты преимущественно этой новеллы. См.: *Schminck A.—Simon D.* Eine Synopsis. . . S. 167—169.

91 *Zepos P. J.* Ἡ παράδοσις. . ., σελ. 223, καὶ σημ. 74.

в поздневизантийскую эпоху. Вот перед нами формуляр императорской простагмы как раз о назначении «экзарха табуляриев димархии» (т. е. городского квартала),[92] который «обязан составлять купчие, дарственные, брачные договоры и прочие гражданские акты (τἄλλα πολιτικὰ συμβόλαια) по точному смыслу законов, по господствующему благословенному и древнему обычаю и согласно образцу, указанному ему вселенскими судьями ромеев; обязан он также следить, исправлять и скреплять собственноручными подписями акты, писанные в любой такого рода димархии другими табуляриями, которые в свою очередь должны приходить к нему как к своему экзарху и советоваться о своих делах, показывать составленные ими документы и просить об исправлении всего того, что было неправильно (μὴ καλῶς) ими написано или сделано, с тем чтобы подписанные самим экзархом и каждым табулярием акты были верными и надежными (βεβαίως ἔχειν καὶ ἀσφαλῶς) и чтобы ни один из этих актов не имел законной силы (τὸ κῦρος) без подписи самого экзарха и других лиц, назначенных для этого указом моей царственности. И пусть делает и пишет все означенный (экзарх) без какого-либо умысла и злодейства, воздерживается от подлога и не допускает ничего вопреки точному смыслу законов и выданных ему образцов. Уличенный же в подобного рода деяниях, пишет ли он сам или подписывает написанное другим табулярием, сначала отстраняется от нотариальной службы, а затем наказывается по закону, будучи обязан дать отчет секрету моей царственности не только за то, что делает и пишет сам, но и за то, что писано другим, но скреплено его собственноручными подписями».[93]

Издатель датирует сборник образцов, среди которых и дошел до нас формуляр императорской простагмы, XII в.,[94] но уже Шильбах справедливо отметил, что по крайней мере этот формуляр (№ 7) не мог возникнуть раньше 1329 г., так как именно в этом году был введен институт «вселенских судей ромеев» (καθολικοὶ κριταὶ τῶν Ῥωμαίων), о которых упомянуто в простагме.[95] Конечно, формуляр —

---

[92] О синонимии терминов δημαρχία, γειτονία и ἐνορία для обозначения городских кварталов (как с точки зрения церковного административного деления, так и гражданского) см.: *Matschke K.-P.* Rolle und Aufgabe der Demarchen in der spätbyzantinischen Hauptstadt // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. 1977. 1. S. 214, 228. Пожалуй, только термин ἐξαρχία сохранил значение городского церковного округа (впрочем, также совпадавшего с гитонией), получив свое название от тех экзархов, которых специальным указом учредил для каждой гитонии патриарх Каллист I в 1350 г. с тем, полагает Мачке, чтобы «централизовать и сделать более эффективной церковную администрацию города» (Ibid. S. 228, Anm. 92; cf. *Darrouzès J.* Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1977. Vol. 5. № 2319. P. 261—262).

[93] *Sathas.* Τύποι. P. 645—646.

[94] Ibid. P. 100 sq.

[95] *Schilbach E.* Die Hypotyposis der καθολικοὶ κριταὶ τῶν Ῥωμαίων vom Juni 1398 (?) // BZ. 1963. 61. S. 64, Anm. 70a; о судебной реформе при Палеологах и введении института «вселенских судей ромеев» см. прежде всего не утратившую своего значения работу И. И. Соколова «Вселенские судьи в Византии» (Казань, 1915. 55 с.) и исследования Лемерля: *Lemerle P.* 1) Le juge général des Grecs et la réforme judiciaire d'Andronic II // Mémorial Louis

это еще не документ, но то, что это и не выдумка какого-нибудь нотария, показывает изданный Шильбахом в цитируемой работе так называемый «Ипотипосис» императора Мануила II Палеолога (датируется издателем предположительно 1398 г.), т. е. служебный регламент для все тех же вселенских судей ромеев.[96] Среди 25 параграфов, на которые условно расчленен издателем текст документа и которые регламентируют деятельность судей, нас в данном случае интересует § 20, трактующий вопрос о взаимоотношении судей и табуляриев и выдержанный в тех же тонах (и по содержанию, и по терминологии), что и формуляр простагмы.[97] Он предписывает, чтобы «табулярии находились под вашим (т. е. вселенских судей. — *И. М.*) надзором, и ни один табулярий не может считаться таковым и писать гражданский акт (πολιτικὸν συμβόλαιον), если у него нет простагмы святого моего властителя и императора, покойного блаженной памяти отца моей царственности, или же простагмы моей царственности, за исключением архонтов патриархата; но и последние пусть все соблюдают регламент и принятый у табуляриев порядок (τὴν τάξιν τῶν ταβουλλαρίων),[98] с одобрения и по указу (κατὰ τὴν ἀποδοχὴν καὶ τὸν ὁρισμόν) моей царственности,[99] в противном случае составленные ими грамоты будут недействительны, а сами они — отстранены от такого рода службы. Если же понадобится и наказать их за какой-либо проступок, то вы открыто доложите об этом моей царственности, и будет так, как она решит. Это относится к табуляриям, назначенным простагмой. Что же касается церковных архонтов, то, если кто-то из них допустит подобный проступок, пусть его грамота будет недействительной, а вы об этом доложите моей царственности, и она отдаст соответствующее ее воле распоряжение».

Мы, таким образом, сразу получаем массу уникальных сведений относительно нотариата в эту позднюю эпоху византийской истории:

Petit. Bucarest, 1948. P. 292—316; 2) Recherches sur les institutions judiciaires à l'époque des Paléologues I: Le tribunal impérial // Annuaire de l'Institut de Phil. et d'Hist. Orient. et Slaves. 1949. 9 (=Mélanges Henri Grégoire, 1). P. 369—384; II: Le tribunal du patriarcat ou tribunal synodal // Anal. Boll. 1950. 50 (=Mélanges Paul Peeters, II). P. 318—333; 3) Documents et problèmes nouveaux concernant les juges généraux // Δελτίον τῆς χριστιανικῆς 'Αρχαιολ. 'Ετ., Περ. IV, τ. 4 (=Mélanges G. Sotiriou). 1964, p. 29—44; *Ostrogorsky G.* Les juges généraux de Serrés // Mélanges offerts à René Crozet. Poitiers, 1966. P. 1317—25.

[96] *Schilbach E.* Die Hypotyposis. . . S. 44—70.

[97] Ibid. S. 53, Z. 15—27.

[98] Шильбах склонен как будто рассматривать это выражение в качестве обозначения цеха табуляриев (Ibid. S. 65), что нам кажется сомнительным: ни сам термин τάξις не зафиксирован нигде в этом значении (предпочитаются термины σύστημα и σωματεῖον, см. об этом: *Медведев И. П.* Был ли цех хартуляриев в Византии? // ПС. 1971. Вып. 23 (86). С. 64), ни контекст не требует подобного толкования.

[99] Существовал, таким образом, еще один документ — орисмос Мануила II Палеолога, специально адресованный табуляриям, возможно, аналогичный тому служебному регламенту — ипотипосису, который он адресовал вселенским судьям, и нам остается только пожалеть, что он не дошел до нас. Шильбах полагает, что этим орисмосом император подтвердил предписания прежних императоров в адрес табуляриев (в сноске указаны 44-я новелла Юстиниана, 115-я новелла Льва VI и Книга Эпарха), но об этом можно только гадать. (Ср.: *Schilbach E.* Die Hypotyposis. . . S. 65).

он и сейчас еще существует в своих двух главных ипостасях — как светский и церковный; и тот и другой подлежат государственному контролю, причем даже более строгому, чем прежде; если право назначения светского табулярия в IX—X вв. принадлежало главе корпорации (Книга Эпарха, новелла 115 Льва VI), а с 1043 г. — номофилаку, ректору высшей юридической школы в Константинополе[100] (правда, Шильбах полагает, что и в этих случаях назначение табуляриев могло совершаться также императорским кодициллом и только на практике производилось примикирием табуляриев или номофилаком от имени императора),[101] то теперь это — прерогатива самого императора, назначавшего императорской простагмой не только экзарха табуляриев, но и каждого табулярия персонально.

Отождествляя этих табуляриев с принадлежавшими, начиная с царствования Михаила VIII Палеолога, к штату императорской канцелярии «императорскими нотариями», которые к тому же (явно по западноевропейскому образцу) с 1406 г. используют формулу «императорской властью» (βασιλικὸς νοτάριος βασιλικῇ ἐξουσίᾳ=imperiali auctoritate notarius), Икономидис считает, что речь идет о создании в Византии в XIV в. «собственно имперского нотариата».[102] Однако такое отождествление представляется нам весьма проблематичным прежде всего потому, что упомянутые «императорские нотарии» участвовали в качестве секретарей в составлении публичных императорских документов (скажем, договоров с Венецией и Генуей), но ни в чем не проявили себя как лица, которым было бы доверено совершать частноправовые акты. Если их и можно было бы сравнить с западноевропейскими нотариями ad acta, составлявшими главным образом тексты публичных актов, то с нотариями ad instrumenta, занимавшимися составлением текстов всевозможных частных документов, вряд ли.[103] К тому же, будучи служащими императорской канцелярии и имея в этом качестве свое собственное «начальство» (согласно Псевдо-Кодину, во главе императорской канцелярии были два высших чина империи — великий логофет и месадзон; непосредственно же «нотариями» — секретарями руководил протонотарий),[104] «императорские нотарии» вряд ли подлежали контролю «вселенских судей ромеев». Нет, все же думается, что системы публичного, го-

---

[100] Novella Constitutio saec. XI medii qual est schola iuris Constantinopoli constituenda et legum custode creando / Ed. A. Salač. Pragae, 1954. § 20 (предписывается всем желающим заняться практической юриспруденцией, прежде чем записаться в корпорацию адвокатов или табуляриев, изучить у номофилака законы, выдержать у него экзамен и получить соответствующее удостоверение — ἐπιμαρτύρησις).

[101] *Schilbach E.* Die Hypotyposis. . . S. 64.

[102] *Oikonomidès N.* La chancellerie impériale de Byzance du 13e au 15e siècle // REB. 1985. T. 43. P. 172, 173.

[103] О нотариях ad acta и ad instrumenta см.: Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании АН СССР / Подг. текстов Е. Ч. Скржинской, А. М. Кононенко и В. И. Мажуги; под. ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987. С. 9.

[104] *Oikonomidès N.* La chancellerie impériale. . . P. 168—172 (здесь же указана соответствующая литература).

сударственного нотариата так и не было создано в Византии, хотя попытки усилить контроль государства над деятельностью лиц, совершавших частноправовые акты, «имели место».

ВИЗАНТИЙСКИЙ НОТАРИАТ ПО ДАННЫМ ЧАСТНЫХ АКТОВ

Соответствовала ли теоретическая модель нотариата, которую дают законодательные источники, повседневной византийской практике? Впрочем, назвав эту модель «теоретической», мы, пожалуй, несколько сгустили краски, так как и законодатели, формулируя свои предписания, «отталкивались» от реальной жизни (особенно это характерно для Юстиниана, исходным пунктом конституций которого всегда был какой-то конкретный случай), да и такие документы, как устав константинопольской корпорации табуляриев, который находим в Книге Эпарха, и «Ипотипосис» Мануила II Палеолога, в котором затронут вопрос о назначении нотариев и контроле за их деятельностью, не могли, очевидно, не отражать реального положения по крайней мере в столице, давая нам образ светского константинопольского табуляриата, находившегося под строгим контролем светских властей. Другое дело, что мы почти не в состоянии проверить и подтвердить эти сведения данными документального материала. С одной стороны, большинство рассмотренных законодательных памятников как раз приходится на период «темных веков» — период, от которого вообще не сохранилось документов. Тем самым у нас нет возможности уловить тот момент, когда последний греко-египетский папирус превратился в первый собственно византийский, написанный на пергамене частный акт. С другой стороны, хотя основная масса актовых источников по времени появления и относится к последним векам истории Византийской империи — XI—XV вв. и, казалось бы, можно сопоставить эти данные с пожеланиями императорской простагмы о назначении экзарха табуляриев и «Ипотипосиса» Мануила II Палеолога, но именно столица империи, к которой эти положения прежде всего относятся, прямо-таки «зияет отсутствием» актового материала даже в эту позднюю эпоху.

До нас дошли лишь единичные акты из Константинополя. Так, в константинопольском патриархате был составлен написанный в 987 г. «экзархом табуляриев» Михаилом Энгоном (Ἔγγονος) гарантийный акт по обмену имуществом между монастырями Лампония и св. Павла на горе Латрос (близ Милета), сохраненный картулярием монастыря св. Павла (акт составлен от лица одной из сторон — представителя монастыря Лампония монаха Варфоломея, который в своей пространной подписи пишет, что «собственноручно προέταξα καὶ ὑπέταξα», но тут же отмечает, что его ὑποταγὴ писана «табулярием Михаилом, написавшим и весь текст документа»; подпись самого Михаила Энгона отсутствует, и сведения о нем содержатся лишь в формуле корроборации и подписи монаха Варфоломея).[105] В 1081 г.

[105] MM, vol. 4, № 9, p. 308—312.

аналогичный акт,[106] по которому игумен и монахи столичного монастыря Космидион гарантировали игумену и монахам монастыря амальфитанов владение ранее проданной им местностью Платанос, был составлен в Константинополе (где конкретно, неизвестно), по-видимому, теми двумя нотариями, которые в одном месте упомянуты как «табулярии», в присутствии которых была передана «из рук в руки» условленная сумма (р. 233, l. 12), а в другом — как «табеллионы», по приглашению авторов акта зачитавшие им текст документа и разъяснившие каждое слово (р. 234, l. 41: ἀνερμήνευσαν κατὰ ῥῆμα); в конце акта, на месте, где обычно указывается нотарий, упомянут еще βασιλικὸς κληρικὸς καὶ νοτάριος монастыря Влахерны Иоанн, но был ли он одним из вышеназванных табуляриев — табеллионов (при тех странностях формуляра, выспренности стиля и смешении терминов, которые демонстрирует акт, это вполне возможно) и какова его роль в составлении документа, остается неясным (в качестве свидетелей акт подписали и другие представители Влахернского монастыря, бывшего соседом монастырю Космидион, но не все их подписи сохранены копией XII в., в которой дошел до нас акт, многие из них не были списаны копиистом, «будучи стерты временем», как он сам отметил). К Константинополю относится и акт, составленный в 1094 г. нотарием и табулярием Перама Иоанном и подписанный протопапасом и экономом церкви св. Ирины τοῦ Περάματος Николаем, другими клириками той же церкви и двумя спафарокандидатами, а также нотарием Иоанном Агиогеоргитом и Евлампием Агиоиринитом, судьей и табулярием, который, хотя и не был клириком, должен был каким-то образом быть связанным с церковью св. Ирины, по поручению которой он исполнял свою должность.[107]

Все прочие акты константинопольского происхождения относятся уже к позднейшему времени — к XIV—XV вв. Так, например, оба сохранившихся в копии «великого сакелария, дидаскала дидаскалов и архидиакона» Феодора Мелитениота и изданных Шрайнером акта (купчая 1388 г. и акт приема супругом приданого от 1387 г.)[108] были составлены грамотно и (что редко) почти без орфографических ошибок (не результат ли это обработки оригинального текста высокообразованным копиистом, принадлежавшим к ученой элите Константинополя во второй половине XIV в.?), в них нет никаких указаний на писца и нотария (правда, все подписи в копиях опущены, но ведь для этого существует еще формула корроборации!). То же самое можно было бы сказать о дарственной 1394 г. из Константинополя, которой монахиня Евгения дарит своему сыну, иеромонаху Феофану, виноградник.[109] В ней также нет упоминаний о писце и нотарии, но здесь выручает то, что это подлинный документ (есть свидетельские

---

[106] Actes de Lavra, t. 1, № 42, p. 233—236.

[107] MM, vol. 6, № 29, p. 90—94; cf. *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. T. 1 : Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. Paris, 1969. P. 107; *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento nell 'Italia Meridionale greca (X—XV secolo). Roma, 1982. P. 26.

[108] *Schreiner.* Zwei Urkunden. S. 187—199.

[109] *Hunger.* Zwei Urkunden. № 2, S. 304—308 und Taf. IV.

подписи, очень индивидуализированные) и что на основании сличения почерка, которым писан документ, и почерка скрепившего на обороте своей подписью акт «великого сакелария святейшей божьей Великой церкви (т. е. св. Софии) диакона» Димитрия Гемиста можно заключить, что как раз последний и был писцом текста дарственной.[110] То, что столь высокопоставленное в церковной иерархии лицо снисходит до собственноручного писания акта для какой-то монахини, как мы увидим далее, — не редкость. Пока что укажем еще на один аналогичный факт из константинопольской практики, но теперь уже из XV в. Имеются в виду две дарственные из архива Лавры, составленные в Константинополе в 1445 и 1447 гг., об одном и том же предмете — дарении мирянином Феодором Ватацем афонскому монастырю Всех Святых зданий мастерской в столице.[111] Из анализа их содержания и их палеографических особенностей (обе дарственные писаны на одном куске плохого пергамена) видно следующее: в октябре 1445 г. игумен и основатель монастыря Всех Святых Мелетий явился в столицу, чтобы получить необходимые для его существования пожертвования (впрочем, об этом известно еще из простагмы Иоанна VIII Палеолога от октября 1445 г., который жалует монастырю Всех Святых ежегодный взнос зерном и сухофруктами из доходов Лемноса[112]); Феодор Ватац также дарит ему здание мастерской по утерянному ныне акту 1445 г., сведения о котором узнаем из копии (наш первый документ — А), изготовленной и подписанной в 1447 г. «номофилаком и диаконом» Львом Атрапесом, деятелем, весьма известным в историографии.[113] В тексте дарственная названа самим дарителем «моя настоящая собственноручная

---

[110] Считаю в высшей степени вероятным, что этот Димитрий Гемист тождествен нотарию Димитрию Гемисту, составившему в 1368 г. патриарший акт (ММ, vol. 1, р. 497), а также протонотарию «Великой Церкви» Димитрию Гемисту, автору литургических сочинений, и, следовательно, является отцом выдающегося деятеля поздневизантийской культуры Георгия Гемиста Плифона (ср.: *Masai F.* Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956. P. 53). Из двух патриарших актов, хранящихся в архиве Кутлумушского монастыря на Афоне, которые Даррузес также по почерку приписывает руке нашего Димитрия Гемиста (№ 38 — акт патриарха Нила от 1386 г. и № 40 — акт патриарха Антония от 1393 г.; см.: Actes de Kutlumus, Album, pl. LVI et LIX; cf. *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia de l'église byzantine. Paris, 1970. P. 312, note), я бы с уверенностью признал принадлежащим его руке лишь акт № 38; в отношении акта № 40 у меня нет такой уверенности (см., например, несколько иное написание буквы ню и т. д.), хотя принадлежность обоих почерков одной школе несомненна.

[111] Acte de Lavra, t. 3, № 170, p. 190—191; Album, pl. CCXVII, CCXVIII.

[112] Ibid., № 169, p. 187.

[113] В марте 1426 г. Лев Атрапес был еще «папасом и диаконом» и преподавал в Константинополе риторику, как это можно заключить из записи его ученика в демосфеновском кодексе Caesen. D. XXVII 1, f. 16 v (*Mioni E.* Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane. Roma, 1964. Vol. 1. P. 57; *Harlfinger D.* Specimina griechischer Kopisten der Renessance. Berlin, 1974. Bd 1. S. 17). Известен Лев Атрапес и как писец греческих рукописей (им писаны рукописи венецианской Библиотеки св. Марка. — Cod. Marc. gr. Z. 37 и Z. 440, греческая рукопись № 535 в ГПБ и др.). Образцы почерка Льва Атрапеса опубликованы: *Медведев И. П.* Две поправки к каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. 1984. Т. 45. С. 215—217 и рис. 3—4; *Harlfinger D.* Specimina. . . Taf. 13.

грамота» (τὸ παρὸν οἰκειόχειρον μου γράμμα), не упомянуты ни писец, ни нотарий, а, напротив, подчеркнуто самим дарителем, что он, «собственноручно написав, подписал». Оригинал дарственной, следовательно, не был официальным нотариальным актом, это был чистой воды хирограф. Списав его, номофилак воспроизвел и подпись Феодора Ватаца, а также датировку месяцем и индиктом. После этого в копии следует запись Атрапеса о том, что документ «содержит собственноручное благочестивое дарение архонта Ватаца, которое, будучи (им самим) написано на пергамене, и подписано им, а после этого пергамен содержит и следующее», далее списывается дополнительная клаузула, которая рукой Ватаца была добавлена внизу основного текста оригинала дарственной на том же куске пергамена, не будучи датированной, но явно сделанной вскоре после 15 октября 1445 г., ибо, как об этом правильно замечают издатели,[114] в противном случае была бы обозначена новая дата. Этот документ — оригинал, который в обоих своих частях оформляет дарение post mortem, как уже отмечалось, утерян. Но в июне 1447 г. он еще существовал, так как номофилак Лев Атрапес, списав и вторую часть, уже известную нам по другим источникам (см. с. 32, примеч. 56) формулу о сличении копии с оригиналом, об идентичности текстов, о дате записи (июнь 1447 г.), помимо своей подписи, дал подписаться (причем первому) дарителю Феодору Ватацу, который, следовательно, присутствовал при снятии копии.

Издатели наших документов считают, что «имя номофилака и диакона Льва Атрапеса, который, должно быть, руководил всей этой операцией, фигурирует в конце документа A, но не как подпись, а как вписанное рукой того (не его ли?), кто писал текст».[115] Своим восклицанием «не его ли?» издатели показывают, что у них мелькнула мысль о принадлежности текста документа руке Льва Атрапеса, но, не будучи «в курсе» его известных теперь автографов, они и не продвинулись в правильном направлении; не способствовал этому и тот факт, что эта подпись Льва Атрапеса была сделана не монокондилом, как на втором документе, а его обычным почерком, которым написан и весь текст документа. И все же это подпись, ибо принадлежит она самому Льву Атрапесу, как и вся копия. К тому же издатели упустили из виду, что в формуле аутентификации копии сказано, что копия «подписана нами» (παρ' ἡμῶν), т. е. самим дарителем и номофилаком, а не «мной» (παρ' ἐμοῦ). Конечно, немного странно давать на подпись автору документа копию последнего (ведь тем самым копия превращается в оригинал!), но это объясняется особенностями дела, которые становятся яснее, если рассмотреть второй документ — B.

В июне 1447 г., неясно, по каким причинам (возможно, не без основания полагают издатели,[116] по настоянию игумена монастыря Всех Святых Мелетия, который уже смог добиться прибавки арендной платы к дарению post mortem и теперь, в приближении срока

---

[114] Actes de Lavra, t. 3, p. 190.
[115] Ibid.
[116] Ibid.

ее выплаты — 1 сентября 1447 г., смог добиться еще большего — превращения дарения post mortem в немедленное и окончательное), Феодор Ватац решил вместо дарения post mortem сделать дар немедленно и с этой целью обратился к номофилаку Льву Атрапесу, чтобы переоформить дар, причем составить новый документ в двух экземплярах (ἀντίγραφα),[117] что и было осуществлено, как это явствует из документа В, также писанного и подписанного (но теперь уже моноконадилом) номофилаком Львом Атрапесом. Последний дал акт также на подпись самому дарителю Феодору Ватацу (сразу после даты) и, кроме того, зачем-то (по мнению издателей, для возможных свидетельских подписей или же для возможной нотариальной записи, которые отсутствуют[118]) оставил много пустого места между подписью дарителя и своей. Нам остается лишь добавить, что в составленных номофилаком актах много своеобразного, я бы даже сказал «непрофессионального», писаны они по простому сокращенному формуляру, может быть, даже без всяких образцов.

Таковы известные нам скудные данные о практике константинопольского нотариата. Невольно начинаешь думать, уж не перевелись ли совсем в столице профессиональные нотарии — табулярии, если таким крупным церковным чинам, как великому сакеларию патриархата и номофилаку (впрочем, по мнению Даррузеса, номофилак занимал с XI в. промежуточное место между церковью и государством: титул и должность — светские по своему происхождению, но они часто отдаются церковникам[119]), приходится самим браться за перо. Надо думать, что дело все же обстояло не так. Ведь еще в 1357 г. среди собранных экзархами подписей всех священников и диаконов столицы под декретом патриарха Каллиста I содержатся имена 32 табуляриев (все иереи).[120] Некоторые из них исполняют по совместительству пресвитерскую должность экдика и катихита, но среди них нет ни одного «табулярия Великой церкви», титула, который связывал бы их с центральной церковной администрацией. Стало быть, все эти табулярии были членами приходского духовенства, рассеянного по всем кварталам столицы, и по-прежнему тру-

[117] «Несомненно для двух заинтересованных сторон — его самого и Мелетия»,— считают издатели (Ibid., p. 190), что, впрочем, нам кажется не бесспорным. Ведь финальная клаузула документа В свидетельствует, что «настоящая дарственная грамота была выдана монастырю в двух экземплярах» (Ibid., p. 191, l. 16 : ἐπεδόθη τῇ μονῇ ταύτῃ ἐν δυσὶν ἀντιγράφοις), да и обычная практика не предполагала при изготовлении дарственной грамоты экземпляра для самого дарителя. Может быть, в данном случае речь идет о том, что наряду с официальным документом по просьбе Мелетия была сделана еще официальная копия? А может быть, еще проще — речь идет о документе А и о документе В, писанных на одном и том же куске пергамена? По каким-то причинам монастырю захотелось, заполучая документ о немедленном дарении, сохранить и, казалось бы, отмененный им документ о дарении post mortem, возможно, в качестве своеобразной narratio настоящей сделки.

[118] Ibid., p. 190.

[119] *Darrouzès* J. Recherches sur les offikia. . . p. 314 (cf. p. 79, 82, 134, 287).

[120] Ibid. P. 382; *Darrouzès J*. 1) Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle: Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. P. 107—109, pl. 17—23 et 40; 2) Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. V. № 2402, p. 332—333.

дились в нотариальных конторах — «станциях», образуя корпорацию во главе со специальным экзархом и обслуживая население столицы. Вот имена лишь некоторых из них, зафиксированные весьма неудовлетворительным в этой части изданием Миклошича и Мюллера[121] (полный список табуляриев выверен по рукописи Даррузесом, но пока не опубликован): экдик и катихит Великой церкви экзарх и табулярий Михаил Вальсамон; экдик и катихит Великой церкви, экзарх и табулярий Иоанн Пелиот; экдик и катихит Великой церкви, экзарх и табулярий Михаил Кутариот; от царского клира Влахернского дворца эконом, табулярий и экзарх Патриот; иерей, экзарх и табулярий Георгий Комиан; экдик и катихит Великой церкви, табулярий и экзарх Феодор Апостол; экдик, экзарх и табулярий Иоанн Афиат; табулярий Хрисоверг; экдик, катихит и табулярий Иоанн Пунк; пресвитер Великой церкви и табулярий Христодул; референдарий Великой церкви и табулярий Михаил Панарет; от царского клира св. Апостолов иерей и табулярий Иоанн Старас.

Но как же все-таки обстояло дело на всей территории империи? Несмотря на относительно большое число греческих письменных частноправовых актов из разных областей и провинций империи, в нашем распоряжении и здесь имеются лишь весьма скудные сведения о византийском (и об итало-греческом, как его разновидности) нотариате этого периода. Благодаря тому что господствующим типом византийского частноправового акта был табеллионатный документ, в корроборационной клаузуле которого содержится упоминание о «писце» документа (т. е. о его составителе) или о нотарии, «совершившем» документ (часто и о том, и о другом), а также из подписи[122] выявляется множество имен нотариев и других лиц, за-

---

[121] MM, vol. 1, № 167, p. 369—375.

[122] Среди византийских частных актов провинциального происхождения есть, однако, многочисленная группа таких, которые, будучи явно подлинными, не содержат никаких сведений о писце и нотарии, ни их подписей: Actes de Lavra, t. 2, № 78, p. 44—45 (дарственная 1285 г., подписана самим дарителем); t. 3, № 130, p. 45 (дарственная 1350 г., подписана самим дарителем, очень своеобразен формуляр, интересна финальная клаузула с заявлением дарителя о том, что он «написал акт своим ртом», т. е. продиктовал его писцу, см. р. 45, 1. 30: ἔγραφα μετὰ τοῦ στόματός μου); № 143, p. 91—92 (купчая 1365 г., подписана тремя свидетелями); № 148, p. 110—112 (акт об отказе от эксцепций 1377 г., подписан авторами, членами клира Серрской митрополии); № 153, p. 126—128 (дарственная 1392 г., подписана самим дарителем, очень грамотно составленный и написанный акт); № 154, p. 130 (дарственная 1395 г., подписана дарителем, но не собственноручно, а «рукой прота»); № 169, p. 184—185 (арендный договор 1445 г., с сигноном арендатора и подписью протонотария Фессалоники, оставлены места для трех свидетельских подписей, которые, однако, отсутствуют, стоят только кресты); № 174, p. 199 (дарственная 1496 г., подписана восьмью свидетелями); Actes de Docheiariou, № 47, p. 251—252 (дарственная 1381 г., подписана тремя свидетелями); Actes de Chilandar, № 24, p. 52—53 (купчая 1307 г. скреплена подписью епископа); № 154, p. 324—326 (мировая 1374 г., подписана десятью церковными и светскими сановниками); MM, vol. 4, № 12, p. 52—54 (дарственная 1237 г., подписана дарителем и четырьмя свидетелями); № 35, p. 91—92 (дарственная 1261 г., подписана дарителем); № 58, p. 125—126 (завещание, не датировано); № 88, p. 161—163 (дарственная 1268 г., подписана тремя

нимавшихся составлением частноправовых актов, но из этого множества не вырисовывается достаточно ясной картины организации нотариата. Неизвестно, например, каковы были критерии отбора кадров для нотариата, каким было их «базовое образование» в условиях исчезновения светских ремесленных корпораций, в том числе и константинопольской светской корпорации табуляриев, находившейся под контролем эпарха столицы,[123] каким было социальное происхождение нотариев[124] и т. д. Мы не знаем даже и можем лишь догадываться о том, где именно составлен тот или иной акт, поскольку византийский формуляр частного акта не предполагал никаких data loci, столь характерных для латинского западноевропейского документа (см., например, «Акты Падуи», в которых не только указаны сам город Падуя, другие населенные пункты Падуанского дистрикта, но и то или иное официальное или неофициальное место: дворец коммуны — док. 4, епископский дворец — док. 33, монастырь — док. 34, кафедральная церковь — док. 48, зал городского совета — док. 56, часто дом одного из участников сделки или портик жилища нотария — док. 25 и др.[125]), а те немногие исключения из этого правила, которые все же имеют место (например, в купчей 897 г. из архива Лавры указано место составления документа: «в этом блестящем и прославленном городе фессалоникийцев»,[126] в купчей 1259 г. из Вазелонского монастыря указано, что документ составлялся в самом монастыре: ἐγεγόνει... ἐν τῇ μονῇ;[127] дарственная 1375 г. из архива Лавры «писана в городе Янине»;[128] и т. д.), свидетельствуют лишь о том, что составители этих актов или сознательно нарушали формуляр, или делали это по незнанию, возможно, находясь под влиянием латинской практики.[129] Во всяком случае даже

свидетелями); № 146, p. 232—236 (пять дарственных 1253 г., подписаны дарительницей); № 168, p. 263—265 (недатированная дарственная, подписана самим дарителем), и т. д.

[123] Об исчезновении ремесленных корпораций в поздней Византии см.: *Francès E.* La disparition des corporations byzantines // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines, II. Beograd, 1964 (русский вариант статьи Франчеса см.: ВВ. 1969. 30. С. 38—47.)

[124] Так, например, среди множества известных нам по актам писцов и нотариев нам не встретилось (да, я полагаю, и не могло встретиться) ни одного, который бы отрекомендовался рабом, хотя о рабах, сведущих в нотариальном искусстве, немало говорится в письмах Пселла, ради приработка готовившего и продававшего таковых (см.: *Weiss G.* Oströmische Beamte. . . S. 118—125). По-видимому, речь у Пселла идет все же о нотариях — писцах государственных канцелярий, не имевших дела с документальным оформлением частных юридических сделок. Но если это предположение верно, то Вайсу не следовало привлекать для характеристики их статуса данные о корпорации табуляриев, содержащиеся в Книге Эпарха. (Ibid. S. 121).

[125] Акты Падуи. . . С. 8—9. См. также акты из архива монастыря св. Михаила Архангела в Брондоло, подавляющее большинство которых составлено в Падуе: SS. Trinità e S. Michele Arcangelo di Brondolo / A cura di Bianca Lanfranchi Strina. Venezia, 1987.

[126] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 89, l. 5.

[127] Вазелонские акты, № 64, с. 39.

[128] Actes de Lavra, t. 3, № 146, p. 103—104.

[129] Отметив присутствие формулы о месте составления издаваемого ею арендного договора XIII в. из Мессины («писан в городе Мессине»), Е. Ч. Скржинская

единственного упоминания Димитрием Хоматианом в XIII в. нотариальной конторы (τῆς ταβουλαρικῆς στατίωνος) в г. Янине, принадлежавшей некоему табуларию-диакону,[130] достаточно, чтобы заключить, что и в эту позднюю эпоху деятельность нотариев протекала в стенах такого рода контор, где, следовательно, и могли составляться акты, но часто также и с выездом писца и нотария на место заключения сделки (например, в монастырь, в церковь, в митрополию и т. д.), «по приглашению» сторон.

И тем не менее совокупность изученных нами документальных материалов позволяет высказать некоторые наблюдения, имеющие определенное значение для воссоздания системы византийского нотариата. Прежде всего создается впечатление, что каждый город и каждое местечко (даже деревня) должны были в принципе иметь своих собственных нотариев (или своего собственного нотария), назначавшихся на неопределенный срок (далее мы увидим, что некоторые табуларии подвизались на этом поприще в течение десятилетий).[131] Если же таковые по каким-то причинам отсутствовали, то их замена каким-то должностным лицом могла оговариваться в акте: так, акт жителей Дриануверы 1271 г. и купчая 1271 г. из картулярия Макринитиссы писаны «по приглашению» сторон рукой архиерея Димитриады и Альмироса протосинкелла Михаила «по причине отсутствия табулария во всей хоре Димитриады».[132] Показательно, что в это же самое время в Альмиросе активно действует на нотариальном поприще анагност и табулярий Константин Рангаве,[133] которым, однако, не сочли возможным воспользоваться жители соседней Димитриады. По-видимому, анагност и табулярий города Альмироса (как и все прочие его собратья по профессии) не имел права

также считает, что это «признак нерешительности в умении применять греческие формулы и влияния латинских образцов». Любопытно и ее замечание о том, что в начале XIII в., напротив, встречается обратное явление: латинская канцелярия, еще не совсем окрепнув, составляла свои акты, руководствуясь греческим формуляром, и часто опускала data loci (*Skržinskaja E.* Esame e datazione del contratto di Messina conservato nel codice Sinaitico // SBNE. 1935. Vol. 4, P. 149).

[130] *Pitra J. B.* Analecta sacra et classica Specilegio Solesmensi parata. № 87, col. 389.

[131] Выражение «такой-то κατὰ τὴν ἡμέραν (или κατὰ τὸν καιρόν) табулярий (или номик)», иногда встречающееся в подписях нотариев, указывает не на временный характер такого рода занятий и не на тот факт замещения отсутствующего в данный момент «титулярного» нотария, как можно было бы подумать, а лишь на то, что во время заключения сделки и составления акта нотарием в данном местечке был «такой-то». По мнению Феррари, это выражение следует интерпретировать не как πρὸς καιρόν, а как κατὰ τοσοῦτον τὸν καιρόν, см.: *Ferrari G.* I documenti greci medioevali di diritto privato dell'Italia meridionale. Leipzig, 1910. P. 11—12; cf. *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento. . . p. 16, n. 11.

[132] MM, vol. 4, № 26—27, p. 391—396. По этой же причине, очевидно, писана рукой хартофилакса епископии Димитриады (имя не указано) еще одна купчая 1271 г., хотя отсутствие табулария здесь не оговорено. (Ibid., № 28, p. 396—399). В 1271 г. купчую составлял архиерей протосинкелл Михаил Панарет. (Ibid., № 32, p. 407—409).

[133] Известны три купчие, составленные им в этом году (MM, vol. 4, № 29—31, p. 399—407).

исполнять свою работу за пределами очерченной для него территории, и это как раз то, что дает нам возможность локализовать места изготовления того или иного документа, пользуясь топонимами, часто сопровождавшими обозначение нотария.

Второе впечатление от знакомства с документальным материалом: тот византийский нотариат, который демонстрируют нам византийские частноправовые акты, — это почти исключительно церковный нотариат, в значительной мере подменивший и вытеснивший (почти повсеместно) гражданский нотариат. Несмотря на то что в актах иногда встречаются и нотарии-миряне (например, номик деревни Геникон и Неохорион Константин Асканис[134]), подавляющее число нотариев, фигурирующих в актах, — это клирики разных рангов, которые, вопреки платоническим запретам канонического права, не только активно участвуют в совершении различных сделок, но по существу и монополизируют их документально-правовое оформление. Можно было бы подумать, что древние каноны св. апостолов (6, 81, 63), четвертого Халкидонского (3, 7), седьмого Никейского (10), первого и второго Константинопольских (11) соборов уже устарели для того времени, которым мы занимаемся, но нет — «Завещание» патриарха Матфея (1407 г.) снова и в категорической форме воспрещает монахам принимать участие в процессах, заключать торговые сделки, быть опекуном или куратором, выступать в суде в качестве свидетеля и т. д.[135] Правда, профессия нотария при этом не упоминается и, может быть, не случайно: возможно, она и не подпадала под запрет тех канонов, которые закрывали клирикам доступ к светским должностям, так как само это занятие было, скорее, свободной профессией, чем светской государственной должностью.[136]

Нам неизвестно ни одного закона, который был бы выпущен императорской властью и которым было бы юридически закреплено за церковниками право занятия нотариатом в империи. Феррари вообще склонен объяснять подмену светского нотариата церковным чисто практическими соображениями, тем фактом, что в эпоху широко распространенной неграмотности по необходимости приходилось обращаться к церковникам, которые были образованными и потому более пригодными для исполнения обязанностей табеллионов,[137] — довод, безусловно, идущий к делу, но вряд ли достаточный

---

[134] Ibid., № 169, p. 265—266 (s. d.).

[135] *Konidares I. M., Manaphes K. A.* Ἐπιτελεύτιος βούλησις καὶ διδασκαλία τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Ματθαίου Α′ (1397—1410) // EEBS, 1981—1982 (ἐκδ. 1983), τόμ. 45, σελ. 504—505.

[136] Нечто подобное было и с адвокатурой, о чем свидетельствует конфликт патриарха Луки Хрисоверга (1157—1169/70) с одним диаконом, которому запретили защищать дело в императорском суде, очевидно, со ссылкой на каноны. Диакон стал оправдываться, утверждая, что теперь каноны не запрещают представителям клира выступать в суде, поскольку адвокаты (οἱ συνηγοροῦντες) исполняют свое дело как некую свободную профессию (ἐλευθέριόν τι σπούδασμα) и не подлежат правилам того времени, когда адвокатура была светской должностью (ὀφφίκιον κοσμικόν), получавшей от государства содержание. См.: *Wolska-Conus W.* L’école de droit et l’enseignement du droit à Byzance au XI-e siècle: Xiphilin et Psellos // TM. 1979. T. 7. P. 7, n. 28.

[137] *Ferrari G.* I documenti greci. . . P. 80.

для того, чтобы объяснить причину явления во всей ее полноте. Последняя, может быть, станет яснее, если вспомнить о грамоте, приписываемой королю Сицилии Роджеру II (сейчас признается подделкой, вероятно, изготовленной после смерти Гильома I), которой якобы король в 1144 г. жаловал кафедральной церкви и архиепископу Палермо табуляриат (τὴν ταβουλαρίαν) города, т. е. право назначать в качестве пребенды на посты нотариев клириков по своему выбору, но тех из них, которые были этого достойны.[138] «Неизвестно, — говорит по этому поводу Фалькенхаузен, — благодаря ли этой подделке или независимо от нее табуляриат Палермо был передан церковной власти, но ясно, что архиепископская курия рассматривала табуляриат города как инструмент власти и источник дохода, достойные того, чтобы за них бороться, даже незаконными средствами».[139] Думается, что это суждение справедливо для всей империи, где повсеместно в самых различных сферах общественной жизни наблюдается стремление церкви занять ключевые позиции, «прибрать к рукам» источники дохода.[140] Данное явление не имеет смысла ставить в связь с франкским завоеванием 1204 г., как это делает Цахариэ фон Лингенталь,[141] так как и в дофранкский период византийские частные акты демонстрируют нам почти исключительно церковный нотариат.

В документах название нотария (номик, табулярий) почти всегда сопровождается определением его духовного чина — иерей, клирик, монах, диакон, иеромнимон, протэкдик, доместик и т. д. — еще одно (и, может быть, самое наглядное) проявление отмеченной уже Даррузесом тенденции к «совместительству» должностей и титулов в византийской церкви.[142] Считается, что чаще всего табулярием был архисвященник — «протопапас», на основании чего делается вывод о существовании особой связи между этими должностями.[143] В отношении южноитальянского греческого нотариата как будто так оно и есть. Но в собственно византийских областях дело обстоит иначе: из не полностью учтенных нами нотариев известны лишь два номика и один простой писец, которые были в то же время протопапасами, и ни одного табулярия. Что касается табуляриев, то 9 из них были иереями, 5 — чтецами-анагностами, 8 — диаконами, 3 — протэкди-

---

[138] *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Palermo, 1869. Vol. 1, № 1, P. 20—21; *Kehr K. A.* Die Urkunden der normannisch-sicilischen Könige: Eine diplomatische Untersuchung. Insbruck, 1902. S. 317—319; *Brühe C.* Urkunden und Kanzlei König Rogers II von Sizilien. Köln; Wien, 1978. S. 200—201; *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 34.

[139] *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 34.

[140] *Papayanni E. Sp.* Τὰ οἰκονομικὰ τοῦ ἔγγαμου κλήρου στὸ Βυζάντιο. 'Αθήνα, 1986 (впрочем, в данном исследовании «нашему» источнику доходов совсем не уделено внимания).

[141] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Urkundenwesens // Zachariae von Lingenthal K. E. Kleine Schriften zur römischen und byzantinischen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1973. Bd 2. S. 584.

[142] *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . . P. 134.

[143] *Ferrari G.* I documenti greci. . . P. 9; *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 27, 29, 31, 34.

ками, 5 — клириками, 1 — ипомниматографом, 1 — логофетом, 1 — сакеллиу, 1 — нотарием, 2 — протонотариями, 1 — иеромнимоном, 1 — референдарием, 1 — девтеревоном, 1 — экономом, 1 — великим скевофилаком, 1 — вторым скевофилаком, 1 — пресвитером, 2 — хартофилаками, 1 — судьей. Из номиков 6 были анагностами, 1 — протонотарием, 1 — кувуклисием, 5 — диаконами, 1 — архидиаконом, 6 — клириками, 25 — иереями, 1 — ипомниматографом, 1 — скевофилаком, 1 — девтеревоном, 1 — сакеллиу. Простыми писцами актов (без обозначения нотариального титула) выступили 5 иереев, 6 монахов, 2 иеромонаха, 2 клирика, 2 пресвитера, 1 иеромнимон, 1 анагност, 1 протонотарий, 1 сакеллиу, 1 хартофилак, 3 диакона, 1 великий эконом, 1 девтеревон, 1 чиновник по прошениям (ἐπὶ τῶν δεήσεων).

Как видим, почти все высокопоставленные сановники церкви (в том числе самые высшие на митрополичьем уровне, от эконома до хартофилака) совмещали титул своей церковной должности со званием номика или табулярия; они не гнушались даже взять в руки перо, в качестве простых писцов подписываясь в этом случае в конце акта, после свидетелей (например, в 1238 г. великий эконом Никита Калоинарис, «написав, подписал» акт на продажу хорафия; в 1208 г. скевофилак Константин Ксанф «написал и подписал» акт на продажу угодий; [144] и т. д.). Но все же основная масса нотариев — это представители рядового и низшего клира (священники, диаконы, чтецы), находившиеся в самом низу церковной иерархии.[145] Это подтверждается и табелью о церковных рангах, где нотарий фигурирует в самом конце списка, т. е. «отброшен слишком низко, чтобы рассматриваться в качестве принадлежащего к классу архонтов».[146] По мнению Даррузеса, в титулатуре церковников всякого ранга (иерей, диакон, анагност) название «клирик такой-то митрополии» означает прежде всего принадлежность к литургической службе в соборе; в случае же «совместительства» — исполнение должности сверх литургической службы, если только не напоминание о почетной принадлежности к митрополичьему клиру. «На практике клирик, связанный с богослужением, — говорит он, — может исполнять профессию табеллиона и законника (homme de loi) в городе, где он живет, и в близлежащих окрестных населенных пунктах, если служба в церкви обеспечена, как в св. Софии, недельным циклом».[147]

---

[144] MM, vol. 4, № 104, p. 184.

[145] К аналогичному выводу приходит Арвейлер, проанализировавшая титулатуру церковных сановников Смирнской митрополии по актам картулярия монастыря Лемвиотиссы и выделившая три класса (высший, средний и низший), к последнему из которых, согласно ее классификации, относятся номик и табулярий, см.: *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. 1. P. 103.

[146] *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . . p. 269. Списки табелей о рангах (список *L*) иногда смешивают примикирия «нотариев» с примикирием табуляриев или анагностов. (Ibid. P. 381, 564).

[147] Ibid. P. 121

Что касается номенклатуры обозначений византийских практиков-нотариев, то, судя по данным актов, из всего набора терминов удержались почти повсеместно лишь два — ταβουλλάριος и νομικός. В актах почти не фигурируют ни табеллионы (за единственным, если не ошибаюсь, исключением — в меновной 1117 г. из архива Дохиарского монастыря[148]), ни συμβολαιογράφοι (этот термин, столь часто встречающийся в византийских законодательных источниках как техническое греческое выражение табеллиона и усвоенный современной греческой юридической практикой для обозначения нотариуса, лишь в нескольких ранних византийских актах зафиксирован в значении нотария[149]), ни σημειογράφοι, ни συναλλαγματογράφοι, ни (за исключением южноитальянских актов) νοτάριοι,[150] ни хартофилаки и ни хартулярии,[151] только табулярии и номики, реальные взаимоотношения которых с трудом поддаются выяснению.[152] Еще Цахариэ фон Лингенталь считал, что речь здесь идет не о синонимах, а о двух различных категориях должностных лиц, хотя иногда и облеченных аналогичными функциями. В то время как табулярии были объединены в самостоятельную корпорацию под начальством примикирия, у номиков такая организация нигде не упоминается, они, скорее, назначались непосредственно государственной властью и ей же были подчинены (во времена Юстиниана — магистру ценза); номики имели более высокий ранг, в более позднюю эпоху они даже принадлежали к официалам префекта города; табулярии же занимали более низкое положение, так как в Книге Эпарха, например, им угрожает наказание битьем. В отношении занятий письменными документами о юридических сделках частных лиц, где табулярии и номики в общем были конкурентами, также, по мнению Цахариэ, имело место достойное внимания различие: прерогативой номиков было главным образом составление дарственных.[153] Это мнение Цахариэ оспаривает Феррари, который на первый взгляд весьма убедительно доказывает абсолютную эквивалентность (completa assimilazione) табулярия и номика (часто слово νομικός, свидетельствует он, вообще было прила-

---

148 Actes de Docheiariou, № 4, p. 86, l. 61, 64, 70.

149 Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 30, 34; Actes d'Iviron, t. 1, № 12, p. 178, l. 32.

150 В Мессине нотариальные акты писались обычно нотариями, которые обозначались всегда словом νοτάριος и часто были клириками по поручению стратига (затем стратигов) Мессины, которые всегда сами подписывали свои акты. Только акты, касавшиеся греческих духовных учреждений, писались и подписывались по поручению протопапаса Мессины табулярием или одним писцом, которые всегда были и священниками (*Falkenhausen V. von*, *Amelotti* M. Notariato e documento. . . P. 34—35).

151 О неудачной попытке М. Я. Сюзюмова рассматривать хартофилаков и хартуляриев как близких нотариату лиц (хартулярий, в частности, у Сюзюмова трактуется чуть ли не как эквивалент табулярия), см.: *Медведев И. П.* 1) Был ли цех хартуляриев в Византии? С. 63—67; 2) Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979. С. 137.

152 См.: *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie. . . P. 115—121; *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia . . . P. 120, n. 4.

153 *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge. . . S. 583.

гательным, в том числе и к существительному ταβουλάριος).[154] Действительно, тот пример, на который он ссылается (дарственная 1257 г. из картулярия монастыря Лемвиотиссы), позволяет сделать такой вывод: в клаузуле корроборации сказано, что по поручению сторон «акт писан рукой диакона, номика Смирны и логофета Иоанна Аргиропула», который затем в эсхатоколе подписался как «диакон, логофет и табулярий Смирнской митрополии».[155] Беда только в том, что лемвийские документы вообще «грешат» смешением функций и названий служб, внося большую путаницу в наши представления об известной по другим источникам «глобальной» византийской табели о рангах.[156]

Оставив на время в стороне вопрос о порядках в нотариальной практике Смирнской митрополии, попытаемся суммировать наши наблюдения в этой области, основываясь на реальных фактах. Как и Цахариэ, нам кажется, что речь здесь идет не о синонимах, но о двух различных категориях нотариев, хотя и близких, порой до смешения, но различных отнюдь не по принципу разделения компетенций. Ссылка на то, что в Книге Эпарха (1. 25) δωρεαί не упоминаются среди тех συμβόλαια, которыми должны были заниматься табулярии,[157] не представляется убедительной, так как у редактора Книги Эпарха и не было намерения дать исчерпывающую номенклатуру актов, находившихся в компетенции табуляриев. Что же касается реального актового материала, то он свидетельствует о том, что табулярии занимались составлением дарственных ничуть не меньше, чем номики, так же, впрочем, как последние, — составлением дарственных, купчих и всех прочих типов документов (например, в табелях о рангах дополнительно фигурирует определение «номика» как писца брачных контрактов и актов купли-продажи: ὁ νομικός + γράφων τὰ προικοσύμφωνα καὶ τὰς πράσεις).[158] Различие в другом: в то время как табулярии связаны прежде всего с митрополией, составляя корпорацию во главе с примикирием, образуя основное и официальное звено византийского церковного нотариата и обслу-

---

[154] *Ferrari G.* I documenti greci... P. 79. (со ссылкой на некоторые южноитальянские акты XIII в., в которых фигурирует νομικὸς ταβουλάριος, а также на § 13, 15, 16 главы 1 Книги Эпарха, где упоминаются знаменитые παιδοδιδάσκαλοι νομικοί). Однако определение здесь слова νομικοί в качестве прилагательного не бесспорно. Скорее, это существительное — приложение определения к другому существительному, и, может быть, права Вольска-Конюс, переводя выражение παιδοδιδάσκαλος νομικός словосочетанием «преподаватель — номик» (*Wolska-Conus W.* Les termes νομή et παιδοδιδάσκαλος νομικὸς du «Livre de l'Eparque» // ТМ. 1981. Т. 8. Р. 537).

[155] ММ, vol. 4, № 21, р. 69—72. Кстати, Иоанн Аргиропул еще раз (дважды!) расписался под гарантийным актом 1257 г. — первым и последним, причем в первой подписи он назвался «логофетом, табулярием митрополии Смирны, ничтожнейшим среди диаконов и писцов текста», а во второй — просто логофетом митрополии. (Ibid., № 32, р. 86—88). По-видимому, первая подпись заменяла собою отсутствующую клаузулу корроборации.

[156] Ср.: *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . . P. 119.

[157] *Zachariae von Lingenthal K. E.* Beiträge. . . S. 584.

[158] *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . . P. 569 (notice № 38 — см. критический аппарат).

живая церковно-монастырскую и светскую клиентуру в сравнительно широких территориальных пределах, совпадавших с границами митрополии, номики, как кажется, были предназначены для какого-либо конкретного местечка — епископии, хоры или «энории» (т. е. церковного прихода), совмещая обязанности и составителя (писца) актов, и нотария, и мыслились вспомогательным по отношению к табуляриату митрополии звеном, обслуживающим ту же самую клиентуру, но на местах.

Лучше всего, пожалуй, этот «нотариат на епископальном уровне» засвидетельствован в епископии Иериссос, суфрагане Фессалоникской митрополии, городке близ Афона, где мы не встречаем ни одного табулярия, только номиков.[159] Первым из них упомянут «архидиакон и номик Иериссоса» Константин, действовавший в этом качестве, если судить по дошедшим до нас нескольким купчим Ивирского монастыря на Афоне и одной дарственной из архива Лавры, с 1001 по 1014 г.;[160] гарантийный акт епископа Иериссоса Николая от 1032 г. писан «доместиком и номиком» епископства Феодосием;[161] в 1042 г. в качестве «клирика и номика» засвидетельствован еще один Феодосий (тождествен первому?);[162] с 1080 по 1085 г. зафиксирована актами деятельность «кувуклисия и номика» Георгия (им писан и «совершен» акт 1080 г. о разделе владений Лавры и Ксиропотамского монастыря;[163] среди других свидетелей он подписался в акте судьи Григория Ксероса от 1085 г.;[164] им писан и подписан акт 1085 г. отвода земли под мельницу Ксиропотамскому монастырю[165]); пять актов на продажу афонской Лавре земельных участков хорафиев, писанные рукой иерея Димитрия около 1290 г., удостоверены «иереем и номиком» Иоанном (его подпись, первая среди подписей еще трех свидетелей, срисована под каждым из пяти актов, скопированных на пергаменном свитке в сокращенном виде);[166] «иерей и номик епископства Иериссос» Димитрий был писцом купчей 1301 г., по которой пáрики Алексея Амнона продали Эсфигменскому монастырю на Афоне поле в 25 модиев (номик Димитрий плохо образован, часто коверкает формуляр, делая текст документа маловразумительным,

---

[159] Об епископии Иериссос см.: *Papachryssanthou D.* Histoire d'un évechê byzantin: Hiérissos en Chalcidique // TM. 1981. T. 8. P. 373—396. (О нотариях, должность которых автор считает «скорее публичной профессией, чем церковной службой», см. p. 386—387).

[160] Ibid.; Actes de Lavra, t. 1, № 19, p. 151, l. 55; Actes d'Iviron, t. 1, № 12, p. 178, l. 32; p. 179, l. 43; № 13, p. 182, l. 32, 43; № 16, p. 192, l. 46, 47, 57 (интересно, что в клаузуле корроборации документа № 12 Ивирского монастыря Константин упомянул о себе как «архидиаконе» и символеографе, а подписался после десяти свидетельских подписей своей обычной подписью «К., ничтожный архидиакон и номик, собственной рукой подписал»).

[161] *Papachryssanthou D.* Histoire d'un évechê. . ., P. 387, n. 138.

[162] Actes de Xéropotamou, № 4, p. 52—53.

[163] Actes de Lavra, t. 1, № 40, p. 226, l. 30, 37.

[164] Ibid., № 47, p. 254, l. 43—44.

[165] Actes de Xéropotamou, № 7, p. 66, l. 17; p. 67, l. 24.

[166] Actes de Lavra, t. 2, № 83, 85—88, p. 60, l. 16, p. 63, l. 22; p. 65, l. 22; p. 67, l. 26; p. 68, l. 22 (возможно, что и акт № 84 тоже был подписан номиком Иоанном, но при копировании документа подписи были опущены).

невежествен в вопросах орфографии до такой степени, что издателю пришлось дать транскрипцию документа в соответствии с нормами научной орфографии); [167] «диакон и номик епископства Иериссос» Михаил подписал серию купчих 1329—1332 гг., которые были оформлены без упоминания писца (писал сам номик?); [168] и т. д.

Обращает на себя внимание обычай номиков Иериссоса указывать лишь свое личное имя, опуская патроним. Так же, впрочем, поступил «иерей и номик» архиепископии Лемноса Иоанн, который наряду с другими шестью свидетелями, членами клира Лемносской архиепископии, «свидетельствуя, подписал» грамоту архиепископа островов Лемноса и Имвроса от 1321 г.[169] Но это абсолютно не свойственно номикам других епископий и церковных приходов, которые всякий раз указывают как свое личное, так и родовое имя. Так, иерей и номик епископии Приены Георгий Перистериот был «писцом текста» купчей 1246 (или 1248 г.); [170] другой иерей и номик этой же епископии — Николай Анкириан, «сам свидетельствуя, написал и подписал» купчую 1251 г.; [171] «писцом текста» купчей 1255/56 г. из того же картулярия монастыря Иеры-Ксерохорафион был «иерей и номик императорского домена» (τῶν βασιλικῶν χωρίων) Михаил Ампелит; [172] картулярием монастыря Лемвиотиссы сохранены тексты двух документов (завещание монаха Геронтия от 1192 г. и купчая 1232 г.), которые, «присутствуя, свидетельствуя и написав, подписал» иерей и номик деревни Приноварис Феодор Гунгуликис,[173] а также тексты двух купчих 1283 г., которые, «написав, подписал» анагност — номик деревни Геникон Лев Капатос; [174] по данным этого же картулярия можно восстановить деятельность иерея и номика деревни Мурмунды Георгия Каронита (он же Каринат, Коронит), который, «написав, подписал» пять документов (купчие, дарственную) с 1263 по 1276 г.,[175] а также деятельность Николая Филокинигита, который, начав свою карьеру иереем и номиком прихода Мантеи (в этом качестве он, «написав, подписал» купчую 1274 г. и дарственную 1278 г.[176]), закончил ее примикирием табуляриев митрополии Смирны, оставив после себя в картулярии монастыря Лемвиотиссы 18 составленных, написанных и подписанных им всевозможных актов и судебных бу-

---

[167] Actes d'Esphigménou, № 10, p. 79—80.

[168] Actes de Chilandar, № 119, p. 250—252 (сборная купчая 1329 г. из трех актов, каждый из которых подписан номиком Михаилом; нет записи о писце документа); № 121, p. 253—254 (купчая 1332 г. также подписана Михаилом, без записи о писце; по всей вероятности, так же завершалась и другая купчая 1332 г., конец которой не сохранился. (Ibid., № 122, p. 254—255).

[169] Actes de Lavra, t. 2, № 133, p. 290—291.

[170] *Darrouzès J.*, *Wilson I. N.* Restes du cartulaire de Hiéra—Xérochoraphion // REB. 1968. T. 26. № 12. P. 38.

[171] Ibid. № 11, p. 37.

[172] Ibid. № 13, p. 39.

[173] MM, vol. 4, № 114, 117, p. 198, 203.

[174] Ibid., № 173, 174, p. 270, 271. Ср. также купчую 1276 г., которую, «написав и свидетельствуя, подписал» иерей и номик деревни Оксус прихода Кордолеонт Ксен Модинос. (Ibid., № 96, p. 173).

[175] Ibid., № 86, p. 159; № 94, p. 171; № 95, p. 172; № 97, p. 174; № 98, p. 175.

[176] Ibid., № 29, p. 84; № 53, p. 117.

маг.[177] Благодаря картулярию Лемвиотиссы нам также известны клирик и номик Константин Стратиот (не указано, какого местечка), расписавшийся в числе свидетелей купчей 1208 г.; [178] номик деревни Силлиу Иоанн Пигин, который, «написав и свидетельствуя, подписал» дарственную 1265 г. (но после него под актом расписался еще зачем-то иерей и номик деревни Мурмунды Михаил Керамевс); [179] иерей и номик (без указания топонима) Георгий Гунаропул, который, «написав и свидетельствуя, подписал» три купчих — в 1280, 1286 и 1287 гг. (купчая 1286 г. подписана еще наряду с другими свидетелями номиком — иереем Мануилом Вестархом).[180]

Патмосские документы сохранили имена номика г. Эфеса и анагноста Николая Калоидиса, который написал и подписал купчую 1216 г.; [181] номика епископии о-ва Калимнос и анагноста Никиты Врамия, расписавшегося в числе свидетелей в одном недатированном завещании; [182] номика и клирика епископства Иеру Иоанна Комиса; [183] номика и клирика этого же епископства Константина Карантина, подписавшего купчую 1236 г.; [184] номика (крепости) Палатиев и ипомниматографа митрополии Милета Никиты Карантина, написавшего и подписавшего купчую 1250 г.; [185] номика крепости Палатиев и девтеревона митрополии Милета Константина Мирсиниота, которым составлены и подписаны пять купчих 1212—1213 гг.[186]

В отличие от епископий и других мелких местечек, имевших, как правило, одного номика (нам известен лишь один акт жителей малоазийской деревни Неохорий от 1293 г., который был подписан двумя иереями и номиками «этой деревни» — Константином Манном

---

[177] Изданы крайне неудовлетворительно, некоторые с опущением подписи Николая Филокинигита: Ibid., № 38, p. 94 («присутствуя на суде в качестве писца, написал и, свидетельствуя, подписал» судебный акт, не датирован — 1281 г.?); № 39, p. 94—96 (купчая 1274 г.); № 40, p. 97—98 (недатированная дарственная Михаила Тесаита); № 41, p. 98—99 (дарственная 1281 г.); № 42, p. 99—101 (купчая 1283 г.); № 51, p. 112—113 (завещание монахини Марфы Фракисины от 1281 г., которое Николай Филокинигит, «свидетельствуя и написав, подписал»; интересно, что среди свидетельских подписей есть подпись иерея и номика Константина Александроса, который, «свидетельствуя со всеми и написав, подписал». Одно из двух: или кто-то из них автоматически поставил слово «написав», или же писали акт оба. Последнего проверить мы не можем, так как акт дошел до нас в копии картулярия); № 52, p. 115 (завещание Феодора Комнина Враны от 1285 г.); № 56, p. 123—124 (купчая с ошибочной датировкой 1181 г., правильно 1281 г.?); № 60, p. 129 (недатированный судебный акт, 1280 г.?); № 61, p. 130 (купчая 1282 г.); № 62, p. 131 (купчая 1283 г.); № 63, p. 132 (купчая 1283 г.); № 68, p. 137 (купчая 1279 г.); № 69, p. 138 (завещание 1285 г.); № 72, p. 141 (дарственная 1291 г.); № 101, p. 178 (дарственная 1280 г.).

[178] ММ, vol. 4, № 104, p. 184.

[179] Ibid., № 80, p. 152; cf. № 148, p. 238. Иоанн Пигин не указывает своего духовного чина, но эпитет ταπεινὸς свидетельствует о том, что он все же был церковником.

[180] Ibid., № 141, p. 227; № 142, p. 228; № 143, p. 228.

[181] Ibid., vol. 6, № 61, p. 176.

[182] Ibid., № 67, p. 185.

[183] Ibid., № 57, p. 171; № 60, p. 174.

[184] Ibid., № 68, p. 188.

[185] Ibid., № 71, p. 193.

[186] Ibid., № 47—51, p. 156—165.

и Иоанном Мармарой),[187] работавшего, однако, неограниченное время и, по-видимому, имевшего даже возможность передавать свое ремесло по наследству (например, представители семьи Мосхиносов — Михаил, Феодор и Георгий — в разное время занимали пост номика в приходе Левки и Кукули),[188] митрополии располагали целым штатом табуляриев, организованных по цеховому признаку, во главе с примикирием (иногда — с экзархом). Впрочем, ни число табуляриев, ни условия их труда, ни принципы организации предполагаемой церковной «корпорации табуляриев» нам неизвестны, поэтому представляются несколько рискованными попытки ее реконструкции с помощью константинопольской светской корпорации табуляриев, известной по Книге Эпарха.[189] Может быть, правомочнее было бы сопоставить ее с одной из тех «схол», из которых, еще по свидетельству Иоанна Лида,[190] состояли некогда канцелярии различных служб при префектурах и в которых писцы различных категорий (exceptores=ταχυγράφοι) также исполняли свои обязанности не как государственные служащие (milites), получавшие содержание от государства (annona),[191] а как лица, занимавшиеся свободным промыслом и вознаграждавшиеся теми, кто извлекал из их услуг непосредственную пользу? Но, с другой стороны, упоминание Димитрием Хоматианом (XIII в.!) нотариальной конторы (τῆς ταβουλαρικῆς στατίωνος) в Янине (митрополичий город!), принадлежавшей некоему табулярию — диакону,[192] показывает, что и в эту позднюю эпоху деятельность табуляриев протекала в стенах такого рода контор, а это как будто напоминает условия работы табуляриев, известные по Книге Эпарха. Возможно, что обе эти формы организации труда табуляриев сосуществовали, и в этом случае оправданным оказывается мнение Дэльгера, который, говоря о должности πριμηκήριος τῶν ταβουλαρίων

---

[187] Ibid., vol. 4, № 145, p. 232. Неудивительно поэтому было бы, если бы оказался прав Цахариэ фон Лингенталь, полагавший, что у номиков цеховая организация нигде не упоминается. Удивительно, что она все же упоминается: в клаузуле корроборации купчей 1097 г. из архива Лавры сказано, что акт писан «рукой иерея Михаила Казика, нотария хартулярия Неи Стефана Аргира, клирика св. Софии и примикирия номиков (πριμικηρίου τῶν νομικῶν) в Фессалонике» (Actes de Lavra, t. 1, № 53, p. 278, l. 35—36); но апория тут же разрешается, ибо собственноручная подпись Стефана гласит: «Стефан, кувуклисий, клирик Великой Церкви в Фессалонике, хартулярий Неи, либелисий и примикирий табуляриев (πριμικήριος τῶν ταβουλαρίων) настоящую купчую, писанную нотарием, подтверждая, подписал». (Ibid., l. 42). Стало быть, мы имеем дело с непозволительным и произвольным смешением терминов, допущенным писцом документа; речь идет об обычной корпорации табуляриев Фессалоникской митрополии, и суждение Цахариэ фон Лингенталя остается в силе.

[188] MM, vol. 4, № 76, p. 144 (акт о границах полей, не датирован, 1231 г. ?); № 87, p. 160 (купчая 1266 г.); № 91, p. 167 (судебный акт, не датирован, 1285 г. ?).

[189] См., например: *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . p. 23—24; *Angold M.* A byzantine government in exile: government and society under the Lascarids of Nicaea (1204—1261). Oxford, 1975. P. 274.

[190] *Caimi J.* Burocrazia e diritto nel «De magistratibus» di Giovanni Lido. Milano, 1984. P. 44—46, 377, 418—419.

[191] C. Th. 8. 7. 17: Exceptores omnes judicibus obsequentes, qui neque militiam sustinent, neque ullas a fisco consequuntur annonas.

[192] *Pitra J. B.* Analecta sacra et classica. . . № 87, col. 389.

как о «начальнике (Vorsteher) табуляриев», понимает под последними «писцов документов, частично работавших в публичных канцеляриях, а частично находившихся в распоряжении населения».[193]

Следует сразу оговориться, что от многих митрополий, как и от Константинополя, дошли лишь единичные акты. Так, благодаря тем актам из архива Патмосского монастыря нам известно, что корпорация табуляриев в XII в. существовала на Крите, членом которой в 1193—1206 гг. был иерей Михаил Лименит, а примикирием в 1197 г. — Андроник Папандроникопулос; [194] из одной-единственной купчей 1246 г. из Диррахия, хранящейся ныне в Отделе рукописей ГПБ, мы узнаем, что подобного рода нотариальная служба существовала и в этой митрополии: акт писан рукой чтеца и примикирия чтецов-анагностов митрополии Диррахий и табулярия Николая Перегрина и, кроме него, подписан еще четырьмя представителями митрополии, два из которых тоже совмещают церковные должности с должностью табулярия (диакон и третий остиарий Иоанн Хил, анагност и протопсалт Феонас); [195] в митрополии Мельника действовал анагност и примикирий табуляриев Мануил, который, «написав, подписал» в 1355 г. купчую, хранящуюся в архиве Хиландарского монастыря (по ней Феодор Калохерет продал земельный участок Василию Воронтрицасу); [196] в митрополии Филадельфии (Малая Азия) действовал иерей и табулярий Иоанн Селларис, который в 1231 г. заверил своей подписью дарственную монахини Ксении Ангелины, составленную и написанную иереем и иеромнимоном митрополии Иоанном Конидисом; [197] табулярием Тивериуполя был (по совместительству) великий эконом епископства Струмицы Иоанн Нип, писец и нотарий купчих сборной копии 1286 г., которую он же и заверил своей подписью; [198] в митрополии Янины в 1375 г. трудился анагност и номик (!) Николай, составивший и написавший дарственную, по которой деспот Эпира Фома Комнин Преалимп и его жена василисса Мария Ангелина Дукена Палеологина принесли в дар Лавре церковь Богородицы Габалиотиссы в Водене и ряд других владений (подписей нет никаких, хотя акт подлинный).[199]

Известен ряд нотариев, трудившихся в митрополии Серры. В конце XIII в. здесь действовал протонотарий, анагност и примикирий табуляриев Феодор, писавший и подписавший купчую 1287 г., по которой Мануил Комнин Пелиарг продал монастырю τοῦ Λατόμου землю около Серр; [200] на рубеже XIII—XIV вв. — анагност и табулярий Иоанн Фалакр, который в 1301 г. писал и подписывал акт о продаже Мануилом Лигарасом иеромонаху Исааку Кидонису дома

---

193 *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des heiligen Berges. München, 1948. S. 169.

194 MM, vol. 6, № 34, p. 126; № 37, p. 136; № 44, p. 151.

195 См. с. 234, 235.

196 Actes de Chilandar, № 144, p. 305.

197 MM, vol. 4, № 9, p. 48.

198 *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 110, S. 298—301.

199 Actes de Lavra, t. 3, № 146, p. 104.

200 Actes de Kutlumus, № 4, p. 43.

близ Опсаромеси (при этом Иоанн Фалакр работал «в паре» с примикирием табуляриев Феодором Калигопулом, взявшим на себя труд разъяснения контрагентам текста документа),[201] а в 1305 г. — купчую о продаже Петром Карасой и его дочерью Ириной Косьме Панкалосу виноградника близ Серр (в клаузуле корроборации сказано, что акт писан «одним из табуляриев» митрополии Серр анагностом Иоанном Фалакром).[202] Несколько позднее «в паре» работали диакон и табулярий Алексей Лизик, писавший купчую 1308/09 г. на продажу Феодосиной родового дома Акиндину Филоматису, и примикирий табуляриев Георгий Триволис, подписавший ее наряду с писцом и другими четырьмя сановниками Серрской митрополии.[203] Примикирий табуляриев Феодор Калигопул, работавший совместно с Иоанном Фалакром (но, может быть, он тождествен еще и примикирию Феодору купчей 1287 г. из архива Кутлумушского монастыря?), обнаруживается продолжающим свою деятельность (если только речь идет об одном лице) еще в 1323 г., когда он — «почтеннейший (ἐντιμότατος) логофет и примикирий табуляриев» — по-прежнему выступает в роли «герменевта-объяснителя» контрагентам текста купчей, которую писал на сей раз анагност и табулярий Серрской митрополии Феодор Логариаст (интересно, что, «растолковав текст», Феодор Калигопул ни в случае с Иоанном Фалакром, ни в данном случае не расписался сам под актом).[204] Далее эстафету принимает его помощник, анагност и табулярий Феодор Логариаст, который с 1323 по 1326 г. самостоятельно, без какого-либо сотрудничества с другими нотариями, составляет и пишет серию актов продажи.[205] Завершает этот ряд известных нам табуляриев Серрской митрополии протэкдик и табулярий, диакон Михаил Калорризос, подписавший дарственную 1336 г. (данных о писце нет) из архива Хиландарского монастыря.[206]

Но наиболее полно засвидетельствована деятельность табуляриев Фессалоникской и Смирнской митрополий. Первая из них обязана сохранностью выпущенных ею документов афонским монастырям, которые она обслуживала. Правда, вплоть до XIII в. нам неизвестны табулярии Фессалоникской митрополии. Неоднократно упоминавшуюся купчую 897 г. из архива Лавры писал и заверял «клирик, ливелисий и символеограф нашего богохранимого города» (т. е. Фессалоники) Николай; [207] купчую, гарантийный акт и меновную 982 г.,

---

[201] Actes d'Esphigménou, № 9, p. 75.

[202] Actes de Kutlumus, № 7, p. 49.

[203] Actes de Lavra, t. 2, № 102, p. 158.

[204] Actes de Chilandar, № 89, p. 189—191.

[205] Ibid., № 93, p. 199—200 (крестьяне Загоры продают виноградник монахам Хиландарского монастыря); № 98, p. 206—207 (Анна Добренос продает сад и огород этому же монастырю); № 99, p. 207—208 (Михаил Пеларг из Серр продает дома Хиландару); № 107, p. 220—221 (крестьяне Загоры продают Хиландару виноградник); № 108, p. 222—223 (некая Стамматики из Серр продает дом Хиландару); № 109, p. 223—227 (крестьяне из Серр продают земли Хиландару).

[206] Ibid., № 127, p. 265.

[207] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 29—30.

а также дарственную 984 г. из Ивирского монастыря писали и совершали соответственно монах Евфимий, кувуклисий и ливелисий Фессалоники Николай, пресвитер Авксентий, монах Иоанн; [208] писцом одной мировой 942 г. между жителями Иериссоса и монахами Афона был кувуклисий и орфанотроф Фессалоники Димитрий (сделка заключалась в Фессалонике, перед стратигом Катакалоном, но акт скрепил своей подписью не он, а митрополит); [209] самый ранний акт из архива Зографского монастыря — купчая 980 г. — «писана рукой монаха и ὑποκτίτου φιλοσόφου» Симеона; [210] дарственную 996 г., гарантийный акт 1007 г. и протокол свидетельских показаний 1008 г. из Ивирского монастыря написали и совершили соответственно монах и пресвитер Никон, монах Василий и пресвитер и девтеревон «кафолической церкви» (св. Софии Фессалоникской?) Андрей, обнаруживший умение составить акт по обычному формуляру, но весьма низкую квалификацию писца (разговорные конструкции, анаколуфы, дикая орфография); [211] дарственная 1023 или 1038 г. из Зографского монастыря писана, как об этом говорит сам даритель монах Савва, «рукой монаха Игнатия, моего ученика»; [212] в Пантелеймоновом монастыре хранятся акт продажи келлии от 1030 г. и акт продажи земельного участка от 1033/34 г., писанные рукой монаха и пресвитера Иакова, а также мировая 1048 г., писанная «рукой монаха монастыря Сисойи Афанасия»; [213] монах Дионисий Вериот был писцом купчей 1034 г. из Эсфигменского монастыря; [214] и т. д.

Лишь в 1056 г. мы впервые встречаем в качестве номика клирика св. Софии Иоанна, который называет себя также «внуком маистора» и который написал и совершил в том году гарантийный акт, хранящийся ныне в архиве Дионисиевского монастыря.[215] Что касается табуляриев, то первым из них нам встречается Мануил Лампудий (назван просто табулярием, без совмещения с другими титулами, поэтому неясно, был ли он мирянин или церковник), который, «подтверждая, написал» в 1240 г. дарственную Матфея Пердикария, составленную по его, Мануила Лампудия, поручению диаконом и чиновником по прошениям Димитрием Пирром.[216] Представители фессалоникской семьи Пирров, чувствуется, вообще охотно подвизались в писании частных актов. Так, дарственную 1265 г. из Хиландарского монастыря писал по поручению протэкдика и табулярия Никифора Маллеаса «архонт кондаков» и представитель клира церкви св. Димитрия («агиодимитриат») Георгий Пирр,[217] а гораздо позднее,

---

[208] Actes d'Iviron, t. 1, № 3, p. 116; № 4, p. 123—129; № 5, p. 132—134; № 6, p. 138—140.
[209] Actes du Prôtaton, № 4, p. 191—192.
[210] Actes de Zographou, № 1, p. 1—3.
[211] Actes d'Iviron, t. 1, № 11, p. 174—175; № 14, p. 184—185; № 15, p. 188—189.
[212] Actes de Zographou, № 2, p. 4—7.
[213] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30; № 2, p. 34—35; № 4, p. 48—49.
[214] Actes d'Esphigménou, № 1, p. 41—42.
[215] Actes de Dionysiou, № 1, p. 41—42.
[216] Actes de Lavra, t. 2, № 71, p. 3—4.
[217] Actes de Chilandar, № 6, p. 15—17.

с 1310 по 1328 г., в качестве писца частных актов действовал, работая в паре с табулярием Димитрием Диавасимером, клирик Иоанн Пирр.[218] Но еще до них известны хартофилак Фессалоникской митрополии и табулярий Иоанн Ставракий, который, «подтверждая, подписал» в 1284 г. завещание экс-архиепископа Фессалоники Феодора Керамеаса, составленное по его, Иоанна Ставракия, поручению писцом Львом Фовином; [219] клирик и табулярий Димитрий Хинара, который, «подтверждая, подписал» три акта (1303, 1304 и 1306 гг., из них два писаны им самим, а один по его поручению рукой Георгия Хрисоверга),[220] клирик (позднее второй скевофилак церкви св. Димитрия) и табулярий Василий Веаск, который написал и, «подтверждая, подписал» акт о продаже 1295 г. из Ксиропотамского монастыря, а также купчую 1309 г. из Хиландарского монастыря, писанную по его, Василия Веаска, поручению рукой Феодора Пегалиса; [221] сначала сакеллиу, а затем великий скевофилак Фессалоникской митрополии, диакон и табулярий Иоанн Пердикарий, который в 1295 г. в числе других светских и церковных чиновников подписывает постановление светского суда в Фессалонике,[222] в 1296 г., «подтверждая, подписывает» купчую из Хиландарского монастыря, составленную по его поручению Иоанном Стримваком,[223] а в 1304 г. то же самое делает в отношении дарственной, хранящейся ныне в архиве Лавры, писцом которой по его поручению был Димитрий Диавасимер.[224]

Показательно, что Иоанн Стримвак и Димитрий Диавасимер, пройдя школу Иоанна Пердикария в процессе совместной с ним нотариальной деятельности, сами превращаются в дальнейшем из простых писцов (в актах Иоанна Пердикария у них даже нет никаких определений и званий, просто писцы) в табуляриев и сановников церкви. Так, Иоанна Стримвака мы встречаем в 1324 г. уже в чине протонотария Фессалоникской митрополии, табулярия и диакона, когда он, «подтверждая, подписал» акт о расторжении ранее заключенного контракта, хранящийся в архиве Хиландарского монастыря и писанный по поручению Стримвака рукой Иоанна Вриенния; [225] подписи хартофилака Фессалоникской митрополии и диакона Иоанна Стримвака (без указания на его профессию табулярия) фигурируют среди других удостоверительных подписей на оборотной стороне купчей 1327 г. и мировой 1328 г. из Хиландарского монастыря,

---

[218] Actes de Xénophon, № 9, p. 108—110 (купчая 1310 г.); Actes de Chilandar, № 27, p. 59—64 (завещание 1314 г.); № 29, p. 70 (купчая 1314 г.); № 85, p. 182—186 (мировая 1322 г.); № 112, p. 230—235 (купчая 1327 г.); № 117, p. 241—246 (мировая 1328 г.).

[219] Actes de Lavra, t. 2, № 75, p. 30—33.

[220] Actes de Chilandar, № 21, p. 46—49; Actes de Xénophon, № 6, p. 97; № 7, p. 100—101.

[221] Actes de Xéropotamou, № 12, p. 100—102; Actes de Chilandar, № 25, p. 53—55.

[222] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 59/60, S. 168.

[223] Actes de Chilandar, № 12, p. 29—31.

[224] Actes de Lavra, t. 2, № 98, p. 141.

[225] Actes de Chilandar, № 97, p. 204—206.

писанных клириком Иоанном Пирром и заверенных табулярием Димитрием Диавасимером.[226] Что же касается последнего, то по его многочисленным актам, хранящимся в архивах Лавры,[227] Хиландарского,[228] Ватопедского (неизданный акт 1327 г.), Эсфигменского,[229] Зографского,[230] Ивирского (неизданный акт 1324 г.), Дохиарского,[231] Ксенофонтова [232] монастырей на Афоне можно проследить его карьеру по меньшей мере с 1304 по 1352 г.: начав свою деятельность, как уже отмечалось, в качестве простого писца и помощника табулярия Иоанна Пердикария, он затем сам становится табулярием, будучи в то же время клириком и ведя дело главным образом самостоятельно, без помощников (т. е. сам и пишет акты, и скрепляет их своей подписью), но иногда и в сотрудничестве с писцами-помощниками (например, со своим родственником Феодором Диавасимером, с уже упомянутым писцом клириком Иоанном Пирром, который в 1322 г. совмещает свое занятие с должностью чтеца-анагноста, с Феодором Докианом). С 1321 по 1327 г. Димитрий Диавасимер действует уже как скевофилак церкви св. Димитрия («мегалонаит») и табулярий, а с 1328 г. — как эконом-«мегалонаит» и табулярий, заслужив эпитет «почтеннейшего» (πανεντιμότατος). Все эти долгие годы своей нотариальной деятельности Димитрий Диавасимер пользуется одним и тем же весьма квалифицированно составленным формуляром, приспосабливая его к различного рода сделкам и проявляя иной раз и правовую самодеятельность (как в уже упомянутом случае с пожертвованием проний — об этом далее). Для его актов характерно то, что они начинаются чаще всего с краткого изложения существа сделки («начальное резюме»), всегда весьма обстоятельны и развернуты, писаны грамотным, почти свободным от ошибок языком, почерком, который можно отнести к типичному Fettaugen-стилю.[233]

Из других нотариев, действовавших в Фессалоникской митрополии, известны эконом церкви св. Димитрия («мегалонаит») и табулярий Михаил Сарантин, который, «подтверждая, подписал» купчую

---

[226] Ibid., № 112, p. 230—235; № 117, p. 241—246.

[227] Actes de Lavra, t. 2, № 98, p. 138—141 (дарственная 1304 г.).

[228] Actes de Chilandar, № 27, p. 59—64 (завещание Феодора Каравы от 1314 г.); № 28, p. 64—67 (купчая 1314 г.); № 29, p. 67—70 (купчая 1314 г.); № 84, p. 178—181 (купчая 1322 г.); № 85, p. 182—186 (мировая 1322 г.); № 94, p. 200—202 (дарственная); № 106, p. 218—220 (купчая 1326 г.); № 112, p. 230—235 (купчая 1327 г.); № 117, p. 241—246 (мировая 1328 г.); № 123, p. 256—258 (купчая 1333 г.); № 125, p. 260—262 (купчая 1335 г.); № 126, p. 126—127 (дарственная 1335 г.); № 129, p. 269—272 (постановление о тяжбе, которое наряду с другими подписал и Димитрий Диавасимер, причем со своей обычной формулой μαρτυρῶν καὶ βεβαιῶν ὑπέγραψα, хотя в этом документе такая подпись была совсем неуместна).

[229] Actes d'Esphigménou, № 13, p. 97—98 (меновная 1316 г.).

[230] Actes de Zographou, № 28, p. 64—68 (купчая 1330 г.).

[231] Actes de Docheiariou, № 13, p. 125—126 (дарственная 1313 г.); № 14, p. 127 (дарственная 1314 г.).

[232] Actes de Xénophon, № 8, p. 103—105 (купчая 1309 г.); № 9, p. 108—110 (купчая 1310 г.); № 10, p. 113—116 (акт дарения и продажи 1315 г.); № 20, p. 164—166 (дарственная 1324 г.); № 28, p. 206—207 (дарственная 1352 г.).

[233] См., например: Actes de Lavra, t. 2, № 28, pl. CXX.

1326 г. из архива Ивирского монастыря, писанную по его поручению рукой клирика Иоанна Анастасопула,[234] который сам спустя много лет (в 1341 г.), уже будучи ὁ ἐπὶ τῶν γονάτων Фессалоникской митрополии, табуларием и диаконом, пишет и подписывает акт на продажу зевгилатия (формуляр акта почти буквально совпадает с формуляром документа, совершенного Михаилом Сарантином); [235] Никита Сотириот, клирик и табуларий (в этом качестве он в 1349 г. пишет и подписывает купчую из Ксиропотамского монастыря [236]), сделавший карьеру при дворе императрицы Анны Савойской во время ее пребывания в Фессалонике и позднее — в годы правления в Фессалонике сначала деспота, а потом императора Мануила II Палеолога, при которых Никита становится протонотарием императорского дворца и вселенским судьей Фессалоники, сохраняя за собой и должность табулария, т. е. право составлять и скреплять своей подписью частные акты,[237] имея в качестве своего помощника писца клирика Иоанна Сгуропула (так, по его поручению Иоанн Сгуропул написал в 1373 г. купчую Дохиарского монастыря, проявив при этом немало умения и ловкости, чтобы облечь непростой правовой случай в соответствующую документальную форму, а также мировую 1374 г. из Лавры); [238] канстрисий Великой церкви (т. е. св. Софии Фессалоникской), диакон и табуларий Иоанн Оловол, который, «написав, подписал» дарственную 1374 г. из Хиландарского монастыря (Константин Ласкарь дарит русскому монастырю св. Пантелеймона деревню Вресницу близ Струмицы).[239] Можно было бы подумать, что в XV в. табуларии Фессалоники куда-то исчезают (так, купчая 1402 г. из архива афонского монастыря св. Павла составлена и подписана протопапасом и дикеем Андроником, а дарственная 1405 г. — оттуда же — скреплена подписью митрополита Фессалоники Гавриила, и т. д.[240]), если бы дарственная 1471 г. из Лавры не была снова подписана сакеллиу, табуларием и пресвитером Михаилом (впрочем, составлен ли документ в Фессалонике, еще неизвестно).[241]

Вернемся, однако, к Смирнской митрополии, которая, с одной стороны, дает благодаря картуларию Лемвиотиссы богатейший просопографический материал для истории византийского нотариата, с другой же — путает нам карты в наших попытках воссоздать систему этого нотариата (в митрополиях — табуларии, в епископиях и других мелких местечках — номики). Ведь именно здесь был писан уже упоминавшийся акт, нотарий которого в клаузуле корроборации был обозначен как номик, а в эсхатоколе расписался как табуларий. Выше нашего понимания и купчая 1272 г., содержащая уникальную

---

[234] *Dölger F.* Aus den Schatzkammern. . . № 112. S. 306—307.
[235] Actes de Lavra, t. 3, App. XII, p. 208—209.
[236] Actes de Xéropotamou, № 26, p. 193—195.
[237] Actes de Docheiariou, p. 211.
[238] Ibid., № 42, p. 237—240; Actes de Lavra, t. 3, № 145, p. 99.
[239] Actes de Chilandar, № 155, p. 326—329.
[240] *Chrystochoidi K.* Ἱερὰ μονὴ Ἁγίου Παύλου: Κατάλογος τοῦ Ἀρχείου // Σύμμεικτα, 1981, τόμ. 4, № 26—27, σελ. 276.
[241] Actes de Lavra, t. 3, № 173, p. 197.

подпись нотария: «Я, ничтожный иерей, номик и примикирий примикириев табуляриев (πριμμικήριος τῶν πριμμικηρίων τῶν ταβουλλαρίων) за пределами эпархии святейшей митрополии Смирны, написав, как это явствует из текста, настоящий акт продажи и свидетельствуя, подписал» (при этом нотарий не указывает своего имени, оставаясь анонимным).[242] Логично было бы предположить на основании подписи, что сами примикирии корпораций табуляриев были собраны в особую корпорацию во главе с примикирием более высокого ранга.[243] Но что сие означало в действительности? Что означает выражение «за пределами эпархии» (τῆς πέραν ἐνορίας)? Может быть, имеется в виду особый экзарх при патриархате, в ведении которого был контроль за деятельностью примикириев нотариальных корпораций всех митрополий? Но причем в таком случае «пределы митрополии Смирны»? Непонятно [244] — так же, впрочем, как существование наряду с табуляриями номиков крепости и митрополии Смирны. Так, известны «иерей и номик крепости Смирны» Феодор Полея, составивший и подписавший дарственную 1210 г.[245] (среди трех свидетелей акт подписал также иерей, скевофилак и примикирий табуляриев Константин Ксанф, известный и по своим собственным актам [246]); иерей, номик, клирик и управляющий (архонт) монастырями митрополии Смирны Николай Сиропул, составивший и подписавший акт 1231 г., по которому Анна Комнина продала монастырю Лемвиотиссы поле; [247] диакон и номик митрополии Смирны Георгий Каллист, составивший и подписавший недатированную купчую (1235?); [248] иерей и номик митрополии Смирны и эпархии Мантеи Феодор Каллист, деятельность которого прослеживается по составленным и подписанным им актам с 1213 (правда, здесь он фигурирует как номик и анагност) по 1251 г.; [249] иерей и номик митрополии Смирны и эпархии Мантеи

---

[242] MM, vol. 4, № 90, p. 165.

[243] Ср.: *Ferrari G.* I documenti greci. . . P. 82.

[244] Арвейлер вообще считает, что выражение πριμμικήριος τῶν πριμμικηρίων — это ошибка писца, списывавшего текст документа в картулярий, и что читать следует πριμμικήριος τῶν ταβουλλαρίων (*Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie. . . P. 118, n. 185).

[245] MM, vol. 4, № 55, p. 121.

[246] В купчей 1207 г., которую Константин Ксанф, «написав, подписал», он называет себя «иерей, скевофилак и номик Смирны» (MM, vol. 4, № 106, p. 187), в купчей 1208 г. — просто скевофилак (Ibid., № 104, p. 184), а в 1210 г. он уже, как мы видели, стал примикирием табуляриев.

[247] Ibid., № 11, p. 51—52.

[248] Ibid., № 19, p. 64—65.

[249] Ibid., № 7, p. 32—33 (дарственная 1234 г.); № 15, p. 56—57 (дарственная 1232 г.); № 16, p. 58—59 (завещание 1233 г.); № 17, p. 60—61 (купчая 1231 г.); № 24, p. 76—77 (недатированная дарственная, 1225 г. ?); № 25, p. 77—79 (купчая 1232 г.); № 28, p. 80—84 (судебный приговор 1251 г., почему-то писанный и подписанный иереем и номиком митрополии Смирны и эпархии Мантеи Феодором Каллистом; любопытно, что этот приговор, особенно в своей заключительной части, составлен по формуляру частного акта, в чем, по-видимому, сказался опыт нотариальной деятельности Феодора Каллиста); № 54, p. 119 (купчая 1213 г., которую, «свидетельствуя, подписал» номик-анагност митрополии Смирны и эпархии Мантеи Феодор Каллист); № 109, p. 191—192 (купчая 1225 г.); № 118, p. 204 (дарственная 1246 г.).

Иоанн Лаодикин, который, «написав и свидетельствуя, подписал» купчую 1259 г.; [250] диакон и номик «патриаршей эпархии» Василий Цикапит, который также, «свидетельствуя и написав, подписал» купчую 1263 г.; [251] диакон и номик Михаил Лист, который не оставил нам собственных актов, но он то расписывается среди свидетелей на купчей 1274 г., составленной и подписанной примикирием табуляриев Николаем Филокинигитом, то ставит свой сигнон среди свидетельских сигнонов на дарственной 1274 г., то подписывает судебный акт (недатированный, 1280?); [252] анагност и номик митрополии Смирны и эпархии Мантеи Иоанн Фока, который, «написав и свидетельствуя, подписал» купчую (не датирована, 1293 г.?).[253] Есть ряд смирнских документов со всеми признаками нотариальных документов, составленных и подписанных иереями (Лев Копадис, Лев Липарин, Стефан Левкатис, диакон и великий эконом Никита Калоинарис), которые вообще не были ни номиками, ни табуляриями.[254]

Однако и в Смирнской митрополии табуляриат как будто лежал в основе нотариата.[255] Так, помимо уже упоминавшихся табуляриев, известны иерей, номик, сакеллиу митрополии и примикирий табуляриев Иоанн Кампанис, написавший и подписавший дарственную 1230 г. (акт подписали еще три мирянина — севаста, великий эконом митрополии Лев Лист и диакон, номик, протонотарий Феодор Астрагалин); [256] Георгий Алифин, который в качестве иерея и табулярия митрополии Смирны в 1242 г., «написав и свидетельствуя, подписал» дарственную,[257] а в 1257 г., став к тому же еще и ипомниматографом, поставил свою подпись под другой дарственной наряду с другими свидетелями (среди них диакон, иеромнимон и табулярий митрополии Смирны Михаил Астрагал, уже упоминавшийся диакон, логофет и табулярий Иоанн Аргиропул, а также протэкдик и табулярий Иоанн Куналис).[258] В 1239 г. последний, будучи еще просто доместиком митрополии, уже занимался составлением актов, в частности, «свидетельствуя и написав, подписал» купчую; [259] в 1254 г. он действует аналогично, уже будучи протэкдиком и табулярием,[260] а в одном не-

---

[250] Ibid., № 64, р. 133. Возможно, что с ним идентичен иерей и номик митрополии Смирны и эпархии Мантеи Лаодикин (без пренома), который, «написав, подписал» купчую в 1237 г. (Ibid., № 34, р. 89—91). Иоанн Лаодикин упоминается также среди свидетелей в одном судебном акте 1251 г., где среди свидетелей упомянут еще номик деревни, находившейся в пронии у рыцаря Сиргариса, иерей Николай Лаодикин, несомненно, родственник Иоанна. (Ibid., № 28, р. 81—83).

[251] Ibid., № 57, р. 125.

[252] Ibid., № 39, р. 96; № 49, р. 109; № 60, р. 129.

[253] Ibid., № 65, р. 134.

[254] Ibid., № 112, р. 196; № 113, р. 197; № 116, р. 201; № 119, р. 205; № 110, р. 194.

[255] Ср.: *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie. . . P. 118—120; *Angold M.* A byzantine government in exile. P. 273—274.

[256] MM, vol. 4, № 10, р. 48—51 (Феодор Астрагалин расписался также в числе свидетелей в купчей 1225 г. — Ibid., № 108, р. 190).

[257] Ibid., № 20, р. 66—69.

[258] Ibid., № 21, р. 72.

[259] Ibid., № 85, р. 158.

[260] Ibid., № 81, р. 153.

датированном (1258?) акте он упомянут среди свидетелей как клирик митрополии, протэкдик, референдарий и табулярий.[261] Известны также иерей, клирик и табулярий Роман Калоидас, подписавший купчую 1256 г., писавший и подписавший купчую 1263 г., расписавшийся в числе свидетелей в купчей 1266 г.; [262] девтеревон диаконов, клирик и табулярий Георгий Хрисоверг, подписавшийся в числе свидетелей в купчей 1256 г. и в купчей 1263 г.; [263] анагност и табулярий Георгий Воловондис — писец и нотарий дарственной 1267 г.; [264] сакеллиу митрополии и табулярий Алексей Маруллис, писавший, подписавший и еще раз скрепивший документ на обороте, на месте склейки, дарственную 1274 г.; [265] диакон и табулярий Поликарп, сын Дорофея, который, «свидетельствуя и написав, подписал» акт об обмене 1287 г.[266] Как видим, многие табулярии Смирнской митрополии занимались нотариальной деятельностью долгие годы, порою десятилетия, посвящая этой профессии всю жизнь.

Аналогичную картину являет нам византийская и поствизантийская Южная Италия, где даже скромные местечки имели собственного табулярия.[267] Так, в конце X в. подвизался в составлении документов «протопапас и табулярий крепости Таранто» Куртикис, по поручению которого неким Григорием был написан самый ранний греческий частный акт на южноитальянской почве — дарственная 981 г. и который подписался первым среди свидетелей, а также в 984 г. сам писал акт о разделе имущества.[268] Правда, в XI в., т. е. во время, когда в Таранто существенно увеличивается количество документов, их составители, как кажется, не носили здесь никакого нотариального звания (нет упоминаний ни о табулярии, ни о номике; пять документов с 1029 по 1040 г. писаны рукой иерея Василия,[269] один акт 1035 г. — рукой Николая,[270] семь документов за 1043—1054 гг. — рукой Иоанна Куркуаса [271]), акты по их формуляру, каллиграфии и грамматике демонстрируют редкую компетентность и высокий профессионализм. Дукт письма и некоторые нотариальные приемы (например, особый способ написания предлога ἐν в словах ἐν ὀνόματι, инвокации) передавались от одного нотария к другому. Более того, само это занятие передавалось от одного члена семьи к другому; целую династию нотариев основал уже упомянутый Иоанн Куркуас

[261] Ibid., № 14, p. 55.
[262] Ibid., № 89, p. 164; № 84, p. 157; № 87, p. 160.
[263] Ibid., № 89, p. 164; № 84, p. 157.
[264] Ibid., № 93, p. 170.
[265] Ibid., № 49, p. 106—109.
[266] Ibid., № 44, p. 103.
[267] *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 29. Весь очерк о южноитальянском нотариате написан нами на материалах обстоятельной статьи Веры фон Фалькенхаузен. (Ibid. P. 9—39).
[268] Syllabus. № 8, p. 6—7; № 9, p. 7—9; *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento. . . Tav. I—II.
[269] Syllabus. № 22, p. 23—24; № 24, p. 26—27; № 26, p. 29—31; № 31, p. 36—38; № 32, p. 38—39.
[270] Ibid. № 30, p. 35—36.
[271] Ibid. № 27, p. 31—32; № 34, p. 41—42; № 35, p. 42—43; № 36, p. 44—45; № 39, p. 48—49; № 41, p. 51—52.

(несколько документов с 1084 по 1086 г. писаны его сыном Панкальо; в актах 1143—1145 гг. встречаем писца Куркуаса, сына Иоанна; акт 1182 г. писан также Куркуасом, сыном судьи Иоанна, которого не следует отождествлять с предыдущим).[272] Ни один из Куркуасов не определяется как табулярий, но несомненно то, что эта семья имела почти наследственное право на нотариальную деятельность, практикуя эту профессию свыше ста лет.[273]

Связь нотариальных функций с церковной должностью протопапаса, о которой говорилось выше, прослеживается по актам Калабрии (так, в епископстве Оппидо 13 документов 1051—1057 гг. подписаны «протопапасом Сицилии»; [274] в Стило большая часть документов, составленных в норманнский период, писана или скреплена протопапасами,[275] которые часто называются номиками; аналогично — в Кротоне, где, однако, в конце XII—начале XIII в. функцию табулярия исполняют и другие высокопоставленные сановники епископской церкви, например, в 1199 г. девтеревон, т. е. заместитель протопапаса,[276] а с 1219 по 1228 г. — один протопсалт [277]), Базиликаты (так, дарственная 1043/44 г. из Виджано писана протопапасом Урсолеоне по поручению иерея Николая, табулярия Виджано; [278] два акта из Карбоне — 1055/56 и 1058/59 гг. — писаны протопапасом Николаем; [279] дарственная 1053 г. писана протопапасом церкви св. Кирика Феофилактом [280]) и т. д. Но в то же время акты Черсосимо (провинция Потенца) и Меркуриона (Южная Калабрия) писаны табуляриями, а протопапас не упомянут ни разу (интересен случай, когда иерей Хрисафий, написавший в 1057/58 г. дарственную по поручению табулярия Хрисоиоанна, становится затем преемником табулярия [281]).

Таким образом, и в византийской Южной Италии нотариат находился в ведении церкви. Но в то же время (и особенно позднее) здесь весьма ощутима традиция светского нотариата. Так, в Стило сложный акт раздела имущества пишет в 1054 г. императорский спафарокандидат Иоанн; [282] другой спафарокандидат написал в 1065/66 г. дарственную в калабрийской деревне Макерицы; [283] в 1086 г. спафа-

---

[272] Ibid. № 48, p. 62—63; № 135, p. 178—179; № 140, p. 186—187.

[273] Ср.: *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 29.

[274] *Guillou A.* La Théotokos de Hagia-Agathé (Oppido) (1050—1064/1065). Città del Vaticano. 1972. № 5, 7, 9—11, 14, 22—24, 26, 30, 39, 41.

[275] *Mercati S. G.*, *Giannelli C.*, *Guillou A.* Saint-Jean-Théristès (1054—1264). Città del Vaticano. 1980. № 2, p. 46; № 5, p. 68; № 8, p. 76; № 19, p. 125; № 22, p. 138; № 25, p. 149; № 30, p. 168; № 42, p. 219; № 45, p. 232.

[276] Syllabus. № 247, p. 335—336.

[277] Ibid. № 271, p. 372; № 278, p. 383—384.

[278] *Robinson G.* History and cartulary of the greek monastery of St. Elias and St. Anastasius of Carbone // Orientalia Christiana. 1930. 19 (1). P. 145—149.

[279] Ibid. P. 163—170.

[280] Syllabus. № 40, p. 49—51.

[281] Ibid. № 43, p. 55—57; № 46, p. 60—61.

[282] *Mercati S. G.*, *Gianelli C.*, *Guillou A.* Saint-Jean-Théristes. № 1, p. 41.

[283] Actes de S. Maria di Messina. № 22, p. 167—168. Издатель читает дату документа как 6774 год от сотворения мира, но Фалькенхаузен предлагает,

рий Андрей подписал в Россано дарственную в пользу монастыря Кавы.[284] И если здесь не совсем ясно, исполняли ли эти должностные лица обязанности нотариев «профессионально» или же «окказионально» (акты, впрочем, составлены ими вполне компетентно), то в других местах прямо указывается на их профессиональную принадлежность к нотариату: в Таранто в первое тридцатилетие XII в. все известные документы писаны мирянином Калосом, сыном Думнендо (лишь в акте 1131 г. он квалифицирован как протопапас, возможно, потому, что в конце своей долгой карьеры нотария он возглавил еще и греческую религиозную общину в Таранто [285]); мирянами же были и преемники Калоса — табулярии Таранто Иоанн сын Льва (1155 г.),[286] Урсо сын Анастасия (1157 г.),[287] Стефаницес сын Петра (1171—1177 гг.),[288] Константин сын Николая и Агапит сын Никифора (два последних вместе составили в 1193 г. дарственную в пользу греческого монастыря св. Ильи ди Карбоне [289]); в Галлиполи, где в 1111/12 г. встречаем еще в качестве номика иерея и протосинкелла Григория, а в 1172 г. в качестве табулярия города — иерея Георгия, все прочие известные табулярии города с середины XII в. и вплоть до 1208 г. были миряне [290] (но в 1227 г. «табулярием и номиком» был снова церковник — протопапас Лев Унгрелис). Следует также отметить тесную связь, которая в этих местах существовала между профессией светского табулярия и профессией судьи (κριτής): хотя совмещение обеих служб в одном лице и крайне редко (например, в 1154/55 г. табулярий τῶν Μεσῶν Илья был в то же время ὁ τῆς περιχώρου Μεσῶν κριτής),[291] известно немало табуляриев — детей судей и судей — детей табуляриев. Так, табулярий Галлиполи в 1203 г. Пасхалий был сыном судьи Иоанна; [292] табулярий Таранто в начале XIII в. Георгий был сыном судьи Петра; [293] в 1148 г. в Трикарико греческий судья был сыном табулярия Константина; [294] в начале XIII в. в том же городе греческий судья Капуанос был сыном табулярия [295] и т. д. — примеры, которые показывают, что в некоторых семьях профессии юристов были наследственными.

как ей кажется, более правильное чтение — 6574, т. е. 1065/66. См.: *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 30, n. 76.

[284] Syllabus. № 49, p. 64—65.

[285] Ibid. № 109, p. 144.

[286] *Robinson G.* History and cartulary. . . P. 65—67.

[287] Taranto Archivio Capitolare — не издано.

[288] *Robinson G.* History and cartulary . . . P. 81—83, 92—95; Syllabus. № 189, p. 248—249; Taranto Archivio Capitolare — не издано.

[289] *Cotroneo R.* Pergamene greche del secolo XIII // Rivista stor. calabrese. 1902. 10. P. 40—42.

[290] Syllabus. App. 1, № 1, p. 511—512; № 4—8, p. 515—521; № 10—13, p. 523—528.

[291] Cod. Vat. Lat. 8201, f. 204 (не издано).

[292] Syllabus. App. 1, № 10—12, p. 523—527.

[293] Ibid. App. 1, № 14, p. 529.

[294] *Guillou A., Holtzmann W.* Zwei Katepansurkunden aus Tricarico // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1961. 41. P. 11.

[295] Napoli, Archivio di Stato, Pergamene di Tricarico, I (не издано).

Что касается Сицилии, то здесь картина нотариата представляется более запутанной. В Палермо, например, контроль за нотариатом, как кажется, был поделен между церковными и гражданскими властями. Если два нотариальных греческих акта (1138, 1146 гг.) были писаны иереем Константином по поручению протопапаса Василия,[296] то в то же время (вернее, с 1133 по 1177 г.) прочие акты писались табуляриями-мирянами по поручению судей Палермо, причем как те, так и другие нередко были несицилийского происхождения (так, судьи Петр Калуменос и Лев были из Реджо, калабрийцем был и табулярий Феодор).[297] С 1177 г. (видимо, после смерти или отставки табулярия — мирянина Калокира, который занимался нотариальной деятельностью 22 года, с 1155 г.)[298] акты снова пишутся по поручению протопапаса, а табулярии набираются среди диаконов и священников — иереев. В Мессине же нотарии, которые, как уже отмечалось, обозначались всегда термином νοτάριος и которые чаще всего были клирики, писали частноправовые акты по поручению стратига, позднее — стратигов Мессины, всегда самолично скреплявших документы подписями (местопребыванием последних был «преторион», где, по-видимому, находился необходимый штат греческих писцов — нотариев).[299] Только акты, касавшиеся греческих религиозных учреждений, писались и подписывались по поручению протопапаса Мессины табулярием или одним писцом, которые всегда были священниками. Налицо, таким образом, своеобразное «сращивание» светского нотариата с церковным.

Положение в Южной Италии меняется в 1231 г., когда Фридрих II, вознамерившийся создать публично-государственный институт нотариата, издал указ (так называемые «конституции Мельфи») о недопущении к функциям судей и нотариев клириков и их детей,[300] после чего сразу же повсеместно (и в сельской местности, и в городах) распространилась сеть «публичных нотариев» — мирян (πούβλικοι νοτάριοι). Мы встречаем их, в частности, в Смирне,[301] Кротоне,[302] Сквиллаче,[303] Умбриатико,[304] Катанцаро.[305] Только в Палермо традиция церковного нотариата не прервалась с промульгацией конституций Фридриха II: за иереем и табулярием Василием, действовавшим до декабря 1239 г., последовал в ноябре 1243 г. диакон и

[296] *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1, № 1. P. 60, 73.

[297] Ibid. № 1. P. 38, 108; № 2. P. 664, 666; *Garufi C. A.* I documenti inediti dell'epoca normanna in Sicilia. Palermo, 1899. Vol. 1. № 30. P. 75; № 36. P. 87.

[298] *Garufi C. A.* I documenti. . . № 30. P. 75; *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 1. P. 121.

[299] *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 34—35.

[300] Конституции сохранились в латинской и греческой версиях: Die Konstitutionen Friedrichs II von Hohenstaufen für sein Königreich Sizilien / Hrsg. von H. Conrad, Th. von der Lieck—Buycken, W. Wagner, Köln; Wien, 1973; Ergänzungsband, 1: Der griechische Text / Hrsg. Th. von der Lieck-Buycken. Köln; Wien, 1978.

[301] Syllabus. № 284, p. 391—393; № 290—291, p. 402—406.

[302] Ibid. № 289, p. 400—402.

[303] Ibid. № 292—294, p. 406—414.

[304] Ibid. № 295, p. 415—416; № 305, p. 437—438.

[305] Ibid. № 297—298, p. 418—423; № 301, p. 427—430.

πούβλικος ταβουλάριος Николай.[306] Лишь в 1259 г. мы обнаруживаем мирянина в лице «публичного табулярия города Палермо» Бенедикта, который, впрочем, составлял документы как на греческом, так и на латинском языке (notarius Benedictus publicus tabellio grecus et latinus).[307] Подобного рода двуязычные нотарии существовали в это же время и в Мессине: Григорий из Гарафало в 1265 г., Лев из Сан Маттео в 1267 г., Пагано Коллура в 1267 г. По мнению Фалькенхаузен, они были и в Калабрии, и в Терра д'Отранто, хотя документов и не сохранилось.[308] Вообще с XIV в. подлинный византийский нотариальный формуляр практически исчезает с южноитальянской почвы, а писцы актов переводят с помощью словаря текст латинского формуляра на греческий язык.[309]

Возвращаясь в собственно Византию, отметим, наконец, еще две митрополии, которые (от них сохранились интересующие нас частные документы) блистательно демонстрируют всякое отсутствие нотариата как особой профессии, — это митрополии Зихны и Трапезунда. Правда, от первой до нас дошло лишь несколько поздних (XIV в.) актов: так, купчая 1321 г. писана по поручению продавца рукой диакона и хартофилака Георгия Каломена и скреплена на обороте подписью епископа Кесарополя Мелетия;[310] далее эстафету принимает другой представитель семьи Каломенов — анагност и протонотарий митрополии Иоанн Каломен, известный по нескольким актам из Хиландарского монастыря: купчей 1329 г., писанной и подписанной им, но на обороте опять же скрепленной подписью епископа Кесарополя Мелетия (среди свидетелей фигурирует и Георгий Каломен);[311] купчей 1353 г., которую Иоанн Каломен написал и подписал, будучи уже в чине сакеллиу митрополии Зихны;[312] сборному подлинному документу из двух актов продажи 1355 г. крестьянами Зихны виноградника и других земель Хиландару («сакеллиу митрополии Зихны Иоанн Каломен, писец настоящего акта, подписал»);[313] другому такому же сборному — из двух купчих 1355 г. — документу.[314] Не исключено, конечно, что мы случайно имеем дело с актами, которые составлены непрофессионалами (есть в клаузулах некоторая путаница, как будто подтверждающая это), но в то же время кажется, что Каломены вряд ли случайно на протяжении десятилетий подвизались на поприще составления частноправовых актов, не нося, однако, звания табулярия, номика и т. д. Еще сложнее обстоит дело с Трапезундской митрополией. Ведь здесь мы имеем целый картулярий Вазелонского монастыря, в документах которого

---

[306] *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 1. P. 94—97.
[307] *Garufi C. A.* I documenti. . . P. 27—28; *Cusa S.* I diplomi greci ed arabi di Sicilia. Vol. 1. № 2. P. 678—681.
[308] *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 36.
[309] Ibid. P. 47; Actes de S. Maria di Messina, p. 32.
[310] Actes de Chilandar, № 69, p. 155—158.
[311] Ibid., № 118, p. 246—250.
[312] Ibid., № 141, p. 297—298.
[313] Ibid., № 142, p. 299—301.
[314] Ibid., № 143, p. 301—303.

отразилась не только вся церковная табель о рангах, но и светская (скажем, очень важны сведения о распространении и в этой отдельной митрополии института вселенских судей), и при этом ни одного упоминания табулярия, номика или какого-либо иного обозначения нотария! Во многих трапезундских (вазелонских) актах вообще не указаны даже писцы. Из указавших все же себя известны «слуга императора Великого Комнина» (Ὁ δοῦλος τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ Μεγάλου Κομνηνοῦ) Никита Пафлагон, который подписался под купчей 1264 г. (текст документа не сохранился), назвав себя к тому же «писец и свидетель»; [315] как писец он указан в клаузуле корроборации еще одной купчей 1264 г., хотя подпись его отсутствует; [316] иеромонах Феоктист Маврон, написавший и подписавший несколько необычную по формуляру купчую в 1349 г.; [317] Константин Мурму, написавший и подписавший дарственную (XIII в.?), [318] бывший, очевидно, мирянином; иеромонах Косьма Лалатцис, «писец текста» двух купчих (1273 и 1275 гг.), которые он, «свидетельствуя, подписал»; [319] иерей Константин Диплоит, написавший и подписавший дарственную (второй половины XIII в.) и купчую этого же времени; [320] монах Лазарь, написавший и подписавший дарственную в 1397 г., [321] — скудные сведения, на основании которых трудно сделать какое-либо заключение.

Таковы приблизительные «количественные» характеристики повседневного практического нотариата, которые прослеживаются в разное время и в разных районах и провинциях империи. В чем же конкретно заключалось совершение нотариальных действий и совпадало ли оно с теми предписаниями законов о нотариате, о которых говорилось выше? На основании рассмотренного актового материала можно сделать вывод, что правилом (из которого, впрочем, делались многочисленные исключения) считалось участие в удостоверении сделок двух нотариев — нотария-писца и полномочного нотария, причем инициатива в их приглашении для совершения нотариальных действий исходила от самих участников сделки, что чаще всего фиксировалось в клаузуле корроборации словами «по нашему (ибо клаузула, как и весь документ, писана от лица автора. — *И. М.*) поручению» (τῇ προτροπῇ или ἐκ προτροπῆς ἡμῶν), «по нашей воле» (τῇ ἡμῶν θελήσει), «по нашему требованию» (τῇ ἀξιώσει ἡμῶν), «по нашей просьбе» (τῇ παρακλήσει ἡμῶν) или «по нашему приглашению» (τῇ προσκλήσει ἡμῶν), т. е. греческим эквивалентом латинских mandatu, iussu. Нередко, правда, ангажированность нотариев участниками сделки подразумевалась, а в клаузуле корроборации оговаривалось, что «текст писан таким-то писцом по поручению такого-то нотария». Это означало, что сторонами (или одной из сторон, которая высту-

---

[315] Вазелонские акты, № 40, с. 21.
[316] Там же, № 39, с. 20.
[317] Там же, № 48, с. 25.
[318] Там же, № 55, с. 31.
[319] Там же, № 75, с. 44; № 92, с. 54.
[320] Там же, № 77, с. 45; № 91, с. 53.
[321] Там же, № 81, с. 48.

пала в качестве автора документа) конкретно был ангажирован один нотарий, который уже сам подбирал себе «напарника» — писца, как правило, того, с кем он уже привык работать. Иногда же в клаузуле корроборации подчеркивалось, что документ «писан по нашей (т. е. участников сделки) воле рукой такого-то и по поручению табулярия такого-то»,[322] а иногда и в своей подписи под документом писец или нотарий давал знать о том, кем именно он ангажирован. Например, писец дарственной, совершенной в 1231 г. в митрополии Филадельфии, подписался под актом так: «Иеромнимон святейшей митрополии Филадельфии Иоанн Конидис, приглашенный (προσκληθείς) той, которая выше собственноручно проставила крест (имеется в виду автор документа — монахиня Ксения Ангелина, пожертвовавшая обители великомученика Георгия Эксокастрита поле. — *И. М.*), написав текст настоящего акта и свидетельствуя, сам же и подписал».[323] Смысл концовки подписи в том, что писец берет на себя и функции нотария, но часто бывало и наоборот: нотарий брал на себя функции писца, и это следует иметь в виду во всех тех немалочисленных случаях, когда и писец, и нотарий выступают в одном и том же лице.

Но мы здесь рассматриваем тот случай, когда в совершении нотариальных действий принимали участие двое — писец и собственно нотарий, функции которых (это чувствуется) принципиально различались, отнюдь не ограничиваясь полномочиями, представленными им Исагогой (Eis. 13. 16), в которой говорится о том, что табулярии (речь идет об участии двух табуляриев) должны писать (Что именно? Сам акт, сигноны, подписи?) вместо неграмотного или малограмотного автора документа (ἵνα οἱ μὲν γράφωσιν ὑπὲρ τοῦ ἀγραμμάτου ἢ ὀλιγογραμμάτου καθεστῶτος) и выступать в качестве свидетелей. И только продумывая этот неясный текст, можно прийти (вслед за Цахариэ фон Лингенталем и Феррари) к выводу, что речь здесь идет о том, чтобы один из двух табуляриев действовал как συμβολαιογράφος, т. е. исполнял обязанности полномочного нотария, а второй — как χειρόχρηστος, т. е. в качестве писца, и расписывался за безграмотного.[324] Конечно, γραφεὺς τοῦ ὕφους, который пишет акт от имени одной из сторон — участниц сделки, о самом себе сообщает в клаузуле корроборации в третьем лице (впрочем, некоторые все же сбивались на первое лицо, выдавая тем самым себя и внося путаницу в формуляр акта)[325] и лишь подписывает акт в личной форме, это

[322] Именно эта формула фигурирует в актах, писанных писцами Димитрием Пирром и Георгием Пирром, хотя табулярии, с которыми они работали, были разные, да и акты того и другого разделены промежутком в 25 лет. Очевидно, мы имеем здесь дело с семейным формуляром. См.: Actes de Lavra, t. 2, № 71, p. 3—4 (дарственная 1240 г.); Actes de Chilandar, № 6, p. 15—17 (дарственная 1265 г.).

[323] MM, vol. 4, № 9, p. 48.

[324] *Zachariae von Lingenthal K. E.* // Zeitschrift für Rechtsgeschichte der Savigny — Stiftung: Romanistische Abteilung. 1892. Bd 13. S. 19; *Ferrari G.* I documenti greci. . . P. 88.

[325] Так, писец купчей 1263 г. из Смирны Роман Калоидас отмечает в клаузуле корроборации, что «текст писан моей рукой» (διὰ χειρὸς ἐμοῦ — MM, vol. 4, № 84, p. 156). Аналогично — писец Иоанн Фалакр в купчей

отнюдь не «простой писец». Именно в его компетенцию входило решение не столь уж легкой задачи: ознакомившись с обстоятельствами дела, возможно и с проектом сделки, с краткой записью ее, сделанной нотарием (уж не этими ли проектами — «схедами» — и являются те «начальные резюме», которыми предваряются некоторые акты и которые вкратце воспроизводят суть сделки и основные части акта,[326] — своего рода минуты, подобные западноевропейским notulae или imbreviaturae), и выбрав соответствующий образец — формуляр, составить письменный акт как таковой, т. е. облечь документ в соответствующую форму. Для этого мало было иметь под рукой все необходимые «инструменты работы» и владеть навыками пользования ими, нужно было еще хорошо знать действующее законодательство, чтобы не допустить ошибки и не вступить с ним в конфликт, не нарушить законность и правопорядок и тем самым не нанести ущерб своим клиентам, т. е. быть в полном смысле слова юристом. Γραφεὺς τοῦ ὕφους — это прежде всего составитель, редактор акта,[327] которого справедливее было бы обозначать συντάκτης τοῦ ὕφους, и уже в последнюю очередь его писец. И хорошо, если подлежащая удостоверению сделка ясна по характеру нового, рождающегося правоотношения и укладывается в обычные, предусмотренные законом рамки, а если нет?

Такого рода «нестандартных», не предусмотренных законодательством случаев византийская действительность давала немало, ставя составителей актов в весьма сложное положение и заставляя их проявлять порой правовую самодеятельность, известное правотворчество. Так случалось при отчуждении имуществ, принадлежавших несвободным, в частности пáрикам.[328] Известно, что пари-

---

1301 г. из Эсфигменского монастыря (τῇ ἐμῇ χειρί — Actes d'Esphigménou, № 9, p. 75) и номик деревни Геникон и Неохорий — дарственная (не датирована) «писана и подписана мной» (παρ' ἐμοῦ — ММ, vol. 4, № 169, p. 266). Особенно интересно, что выражение διὰ χειρὸς ἐμοῦ рекомендует и формуляр акта, изданный Зимоном, хотя тут же говорится, что акт (купчая) писан «по нашему (т. е. продавцов, авторов акта. — *И. М.*) поручению» (ἐξ ἐπιτροπῆς ἡμετέρας). Несовместимость этих двух выражений в одной клаузуле побудила Зимона дать ошибочный совет: вместо ἡμετέρας читать ὑμετέρας, т. е. «по вашему (чьему именно? — *И.М.*) поручению», что сделало бы текст еще более невразумительным (на самом же деле в подобном случае надо просто убрать ἐμοῦ). См.: *Simon*. Kaufformular. S. 159, Z. 42; S. 173.

[326] Дэльгер говорит о них следующее: «Около середины XIII в. мы находим в многочисленных частных актах (но далеко не во всех!) перед προταγή добавленное самим писцом текста субъективно сформулированное, регестообразное резюме документа, в котором опущены все формальные элементы и говорится все существенное о юридической сделке, включая краткое описание предмета, установление цены, перечисление свидетелей. . . Это резюме служило, очевидно, для зачтения документа перед автором, дестинатором и свидетелями и должно было сократить длительную служебную процедуру» (приводятся примеры, которые можно было бы многократно умножить). См.: *Dölger F*. Aus den Schatzkammern. . . S. 285.

[327] Соответственно французские издатели актов афонских монастырей при передаче содержания документов с полным основанием обозначают писца такого акта словами le redacteur de l'acte (примеры бесчисленны).

[328] Из огромной литературы о парикии укажу только следующие работы: *Хвостова К. В*. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии

кия представляла собой своеобразную византийскую форму феодальной крестьянской зависимости, а парическое право формировалось как обычное, при котором господин имел известные права на частное имущество этого последнего и даже мог быть его наследником, а пáрик мог продать, дарить или отказать по завещанию свое имущество только с предварительного разрешения господина. Именно такой случай зафиксирован дарственной 1311 г. из архива Дохиарского монастыря на Афоне.[329] Из нее явствует, что пáрики Георгий и Михаил Аретосы, принадлежавшие некоему Дукопулосу по наследству, совершили дар Дохиарскому монастырю в виде их доли (две трети половины) водяной мельницы в местечке Каприникея (вторая половина принадлежала Лавре). Одобряя сделку своих пáриков (ἀποδεχόμενος τὴν τούτων πρᾶξιν),[330] Дукопулос в присутствии трех свидетелей также совершает дар в виде той трети половины мельницы, которая к нему перешла после смерти бездетного брата названных пáриков Иоанна и которой тот владел по наследству. Далее акт строится по обычному формуляру дарственной, причем Дукопулос обязывается сам и обязывает своих наследников никогда не возбуждать пересмотра не только своего настоящего дарения (αφιέρωσις), но и ранее совершенного дарения своих пáриков.

Таким образом, этот уникальный акт демонстрирует нам парикию в чистом виде, он показывает, до какой степени феодальный обычай возобладал над официальным законодательством: ведь данный случай не опирается ни на какой законодательный текст, и речь здесь идет об имуществах, являвшихся, казалось бы, полной собственностью пáриков, на которые господин теоретически не имеет никаких законных прав. Соответственно и собственники — прониары, защищая свои права, были лишены возможности апеллировать к закону; они в таких случаях удовлетворяются тем, что указывают на отсутствие закона, который бы противоречил этому.[331] Осознавалась ли в нашем случае редактором акта или нотарием щекотливость ситуации? Не свидетельствует ли каким-то образом об их смущении то, что дарственная составлена не по форме (нет протаксиса или сигнона автора документа, клаузулы инвокации, не выдержан формуляр), что писец или нотарий, отредактировавший акт, пожелал остаться анонимным, не упоминать о себе (дарственную подписал сам даритель, на обороте — два свидетеля)?

Аналогичным образом обстояло дело, когда удостоверению подлежал договор на отчуждение не полной частной, а условной, напри-

---

(XIV—XV вв.). М., 1968. Passim; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. Passim; *Weiss G.* Die Entscheidung des Kosmas Magistros über das Parökenrecht // Byz. 1978. T. 48. P. 477—500; *Oikonomidès N.* Οἱ βυζαντινοὶ δουλοπαροίκοι // Σύμμεικτα, 1983, τόμ. 5, σελ. 295—303; Actes de Docheiariou, p. 116—118.

329 Actes de Docheiariou, № 11, p. 118—119; Album, pl. XVII.

330 Был ли при этом составлен письменный документ, как думает Икономидис (Ibid,. p. 116), неизвестно, скорее всего, нет, так как в противном случае документ был бы, мне кажется, обозначен соответствующим термином: πρᾶξις здесь не может означать документ.

331 См., например: Actes de Docheiariou, № 40, p. 230, l. 15.

мер прониарской, собственности, о чем можно судить хотя бы на основании двух дарственных из архива того же Дохиарского монастыря — от 1313 и 1314 гг., составленных уже известным нам табулярием Димитрием Диавасимером.[332] В них фиксируются факты дарений прониарами монастырю земельных угодий, которые они держали на правах пронии от императора, не в полную собственность, а на срок, на то время, пока они, прониары (в первом случае даритель и его дети), будут держателями проний. Естественно, что нотарию пришлось отказаться от привычных формул и сочинять новые, прежде всего ключевую клаузулу, идущую вразрез с традицией — μέχρις ἂν παρ' ἐμοῦ καὶ τῶν παίδων μου (во втором случае παρ' ἡμῶν ἀμφοτέρων) ἡ πρόνοια κατέχηται. Интересна также дальнейшая судьба этих дарений, прослеженная Икономидисом: несмотря на их временный характер, Дохиар упорно и терпеливо добивался окончательного присвоения подаренных владений. Сначала монахи соглашаются уплачивать налоги, которыми облагалась часть этих владений, и таким образом продолжают держать их непрерывно; затем, пользуясь расположением вестиария Мануила, они добиваются их окончательного и безусловного присвоения, освобождения от налогов и, наконец, получения на них в мае 1343 г. подтвердительной жалованной грамоты императора Иоанна V Палеолога.[333]

Интереснейший случай демонстрирует нам еще один дохиарский документ — купчая 1112 г., писанная рукой иерея, клирика и номика Кириака Стравомита и удостоверяющая сделку на продажу Евдокией, дочерью патрикия Григория Вуриона и женой протоспафария Стефана Расополиса, проастия монастырю.[334] Необычность ситуации — в особом статусе отчуждаемого имущества, которое является приданым и, следовательно, по закону не может быть ни продано, ни заложено мужем, если даже имеется на то согласие жены.[335] Трудно сказать, кто (уж не номик ли Кириак Стравомит?) подсказал выход из положения, указав на норму, разрешающую супруге продавать недвижимые имущества, входящие в состав приданого, в некоторых особых случаях, в частности из-за нужды и в целях прокормления детей и других членов семьи (обнищавших родителей, мужа).[336] И вот, принадлежа к высшему и привилегированному классу общества (титул протоспафария гарантирует ранг сенатора) и явно располагая немалыми богатствами, супруги начинают эксплуатировать эту версию: жена обращается к севасту Андронику Дуке, претору и дуке Фессалоники, с прошением об издании, согласно закону, декрета, разрешающего продать пресловутое приданое с тем, чтобы она на вырученные деньги смогла накормить умирающих с голоду детей и себя; был опубликован λύσις, предписывавший проэдру и логариасту Хандреногу издать соответствующий декрет, что и было

[332] Ibid., № 13, p. 125—126; № 14, p. 127.
[333] Ibid., № 21, p. 161—162.
[334] Ibid., № 3, p. 67—73.
[335] B.29.1.119, § 15; 29.64; 29.6.11—13; 29.7.
[336] B.28.8.20; cf. Proch. 9.1; Eis. 18.18.

сделано на особом судебном заседании в присутствии многочисленных сановников, которые единодушно подтвердили, что муж просительницы — совершеннейший бедняк, у которого нет пропитания на каждый день и дети которого просят подаяния; прошение Евдокии признается соответствующим законом (делается ссылка, несколько неточная, на указанное распоряжение Василик), и она получает разрешение продать владения. Вообще вся эта история выглядит, как мистификация: с одной стороны, постоянные (и признаваемые властями!) жалобы на крайнюю бедность и отсутствие пропитания, с другой — достаточно высокий имущественный ценз продавцов и (опять же!) обладание высокими титулами. Впрочем, издатель документа (Н. Икономидис) также задается вопросом о правдивости заявлений Евдокии и полагает все же не лишенными значения ссылки на «трудные времена», на «многие неурожайные годы», на заброшенность владений, подтвержденную описанием их, причем запустение проастия Исон он склонен объяснить удаленностью его от фессалоникской резиденции Расополиса и нехваткой рабочих рук в данном районе.[337]

Здесь нас интересует прежде всего поведение составителя акта. Он находит выход в том, что в непомерно разросшейся narratio воспроизводит in extenso и в их временной последовательности тексты всех основных документов, предшествовавших совершаемой им купчей, а именно — прошения Евдокии к претору и дуке Фессалоники Андронику Дуке; λύσις этого последнего; декрета логариаста Хандреноса, который по существу был протоколом судебного заседания. Купчая составлена от имени Евдокии, но завершается (перед клаузулой корроборации) сигноном и дополнением ее мужа Стефана Располиса, который подтверждает факт сделки и со своей стороны дает гарантии против возможного ее пересмотра. Отмечается также, что с тем, чтобы не возникало никакого повода к опротестованию сделки, оба супруга пригласили табулярия Николая Кондопавла, кувуклисия и архидиакона церкви св. Димитрия, который и разъяснил им детально содержание акта; они, следовательно, не смогут ссылаться в будущем на то, что не поняли зачитанного им текста. Таким образом, и здесь работают два нотария, из которых один был «писцом», а другой — полномочным нотарием.

Наконец, еще одной и весьма своеобразной формой «правотворчества» составителей актов были вводимые ими юридические новшества, проистекавшие от непонимания используемых образцов или соответствующих законов. Вот такой случай. В двух дарственных из картулярия Лемвиотиссы — от 1210 (иерей Иоанн Полея и его сын Фома дарят оливковые деревья Льву Музифре; акт писан и подписан иереем и номиком крепости Смирны Феодором Полеей) и от 1246 гг. (монах Матфей Хиотис с сыновьями дарят пресвитеру Стефану поле; акт писан и подписан иереем и номиком митрополии Смирны и энории Мантеи Феодором Каллистом) — в клаузуле отказа от эксцепций содержится следующая оговорка: «Если дарители и

---

[337] Actes de Docheiariou, p. 65.

могут, передумав перед смертью (ἐκ μεταμελείας θανάτου), аннулировать (ἀνατρέπειν) дар, то мы ныне отказываемся от этого права и никогда не придем к пересмотру нашего настоящего дара».[338] Поскольку и в том, и в другом актах речь шла о даре при жизни, т. е. о «простом даре», совершаемом без каких-либо условий и немедленно (ἀπεντεῦθεν ἁπλῆ δωρεά), то оказывается, что составители актов сознательно или, скорее всего, бессознательно (например, следуя за образцом, который был у них под руками) создают прецедент, новую концепцию, согласно которой сделанный при жизни дар мог быть отменен умирающим дарителем по его «главному слову», т. е. завещанию, в то время как по римско-византийскому праву свободно мог быть отмененным только дар, совершенный по случаю смерти (ἡ αἰτίᾳ θανάτου δωρεά = donatio causa mortis).[339] И мы были бы введены в весьма серьезное заблуждение, если бы не остроумная догадка греческого ученого Матцеса, показавшего (мне, кажется, бесспорно), что вышеизложенная клаузула возникла из-за ошибочного понимания одного места в Василиках.[340] Последнее выглядит так: Ὁ δωρησάμενος θανάτου αἰτίᾳ μεταμελόμενος ἔχει ἀγωγὴν εἰς τὸ ἀπαιτῆσαι τὸ δωρηθέν.[341] Поскольку два причастных оборота, входящих в состав предложения (δωρησάμενος и μεταμελόμενος), пунктуационно не обособлены (что представляется вполне допустимым с точки зрения греческой грамматики), то создаются возможности для перевода фразы за счет отнесения слов θανάτου αἰτίᾳ или к первому причастному обороту (и тогда получается правильный и контролируемый соответствующим местом из Дигест [342] перевод: «Совершивший дар на случай смерти, передумав, имеет право иска на истребование подаренного»), или ко второму («Совершивший дар, передумав перед смертью, имеет право иска на истребование подаренного»). Этот-то второй (ошибочный) путь и избрали для себя составители актов, создав немыслимую норму. Благодаря Матцесу мы избежали заблуждения, но избежали ли его сами византийцы?

Вернемся к вопросу о разделении труда между писцом документа и нотарием как таковым. Как бы ни была важна роль, которую писец документа играл при совершении нотариальных действий, все же даруемое государством право или концессия (αὐθεντία, auctoritas) на удостоверение сделок, следовательно fides publica, т. е. ключ нотариата, принадлежало «другому» нотарию (он так иногда в актах и называется — ἕτερος), облеченному общественным доверием. В его обязанность входило, как мы видели, выяснить характер юридической сделки, составить проект акта (так называемую scheda), а после того как писцом составлен и переписан набело самый акт (καθαρογραφή, mundum), в присутствии свидетелей зачитать его контраген-

---

338 MM, vol. 4, № 55, p. 121; № 118, p. 204.

339 *Bales G.* Ἐγχειρίδιον κληρονομικοῦ δικαίου. Ἀθῆναι, 1925, σελ. 655.

340 *Matses N. P.* Ζητήματα βυζαντινοῦ δικαίου. Ἔκδ. Β′, Ἀθῆναι, 1976, σελ. 39—42.

341 B.47.3.30.

342 D.39.6.30; Qui mortis causa donavit, ipse ex paenitentia conditionem vel utilem actionem habet.

там, раъяснить их права и обязанности, предупредить их о последствиях совершаемых нотариальных действий, чтобы юридическая неосведомленность и другие подобные обстоятельства не могли быть использованы во вред одной из сторон (как в современном нотариате!), дать акт на подпись свидетелям, писцу (который в этом случае выступал также в качестве свидетеля) и, наконец, скрепить его собственноручной подписью. В отличие от подписи его западноевропейского коллеги, сложной и обычно перегруженной клаузулами, подпись византийского нотария проста: помимо данных о нем самом (имя, фамилия, чины и звания), в нее входит лишь глагол ὑπέγραψα (= subscripsi), которому, впрочем, часто предпосылаются причастия βεβαιῶν («утверждая» или «подтверждая»), μαρτυρῶν или συμμαρτυρῶν («вместе с тем свидетельствуя»), иногда παρὼν (аналог латинскому presens interfui) или же, если нотарий выступает и в качестве писца, γράψας («написав»), — примеры бесчисленны. Лишь единичные и наиболее ранние из дошедших до нас актов подписаны нотарием с использованием формулы, содержащей completio (в форме γράψας ἐτελείωσα).[343]

Тем самым еще больше подчеркивается полное пренебрежение византийских нотариев к предписаниям законов. Вполне возможно, что реальный смысл такого абстрактного понятия, как τελείωσις (а также его синонимов πλήρωσις, τέλεσμα, κομπλάτιον), ускользал от них (и еще больше от их клиентов!), и это понятие само собой вышло из употребления. Нотарий, таким образом, лишил себя единственной возможности придания авторитета своим действиям, так как никакого другого средства для этого, в том числе и своего личного нотариального знака (signum tabellionis), которым столь рано стал располагать его западноевропейский коллега, у него как будто не было.

Сказав это, мы тут же вспоминаем о том месте в Книге Эпарха, где говорится о церемонии назначения нового табулярия в секрете Эпарха соответствующим должностным лицом «посредством печати» (1, § 3: σφραγῖδι τοῦτον προχειρίζεσθαι ἐν τῷ ἐπαρχικῷ σεκρέτῳ παρὰ τοῦ τὴν ἡγεμονίαν ἔχοντος). В латинском переводе Николя фраза передана так: per sigillum (vel signum crucis), in tribunali praefecti a praeside tribunalis eligatur.[344] Но что сие значит? Чья печать и на каком документе она должна фигурировать? Должны ли мы предположить, что вновь избранный получал какой-то документ, скрепленный печатью эпарха? А если имелся в виду «знак креста» (слово σφραγίς вполне может означать и это), то кто его ставит и на каком документе? Может быть, прав М. Я. Сюзюмов, предположивший, что под словом σφραγίς могло пониматься вообще всякое утверждение в должности

---

[343] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 91; Actes d'Iviron, t. 1, № 4, p. 129, 1.79; № 5, p. 134, 1.59; № 15, p. 189, 1.54; № 26, p. 243, 1.41. Поскольку completio практически означала подтверждающую подпись нотария, то, по мнению Зимона, следует принять, что позднее получившая распространение формула βεβαιῶν ὑπέγραψα и означала собой более позднюю completio. См.: *Simon*. Kaufformular. S. 173.

[344] Τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον, p. 15, 1. 15—17.

или звании, как, впрочем, и скреплена присяга крестным знамением?[345] Или, напротив, прав Даррузес, склонный видеть во σφραγίς печать табулярия, которую эпарх вручает кандидату, прошедшему испытания?[346]

Печати табуляриев (моливдовулы) действительно существовали в Византии.[347] Так, известны печать императорского табулярия (βασιλικὸς ταβουλάριος) Феодора, датируемая 550—650 гг.;[348] печать ипата и императорского табулярия Леонтия (VII в.);[349] печать табулярия г. Авидоса Иоанна;[350] печать табулярия Никифора (не датирована);[351] печать анфипата, патрикия постельничего (ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος), эконома Великой церкви и табулярия Василия (первая половина IX в.).[352] Особо отметим моливдовулы табуляриев, хранящиеся в составе богатейшей коллекции моливдовулов Государственного Эрмитажа: еще один экземпляр печати императорского табулярия Феодора (М 7657);[353] печать императорского табулярия Григория (М 7404, датируется Шлюмберже VIII или IX в.);[354] неизданные и неизученные печати «великого табулярия» (μέγας ταβουλάριος — М 7508) и просто табуляриев (М 7746, М 7769, М 7811), все без имени. Беда лишь в том, что в Византии (как и в Западной Европе, например в Италии) на частноправовых нотариальных актах никогда не бывает печатей, так что монотонная фраза «Следов печати не обнаружено», которая сопровождает все современные издания такого рода актов, представляется совершенно излишней и возбуждает желание задать издателям вопрос: «Разве вообще было возможно, чтобы к частному акту прикладывалась или подвешивалась печать?».[355] Правда, дарственная 1023 (или 1038) г. из архива Зографского монастыря снабжена свинцовой печатью судьи Волерона, Стримона и Фессалоники, протоспафария

---

345 Византийская Книга Эпарха. С. 114—115. Кстати, перевод данного отрывка М. Я. Сюзюмовым (с. 46: «После скрепления печатью клятвенных поручительств утверждение избранного производится в секрете эпарха» и т. д.) представляется весьма произвольным.

346 *Darrouzès J.* Recherches sur les offikia. . ., P. 381.

347 За помощь в их выявлении сердечно благодарю В. С. Шандровскую.

348 *Zacos G., Veglery A.* Byzantine lead seals. Basel, 1972, Vol. 1. № 538, P. 468.

349 Ibid. № 914, P. 625.

350 Ibid. №. 2805. P. 1611 (экземпляр «а»); экземпляр «в» издан: *Konstantinopoulou K. M.* Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλα ἐν τῷ ἐθνικῷ νομισματικῷ μουσείῳ Ἀθηνῶν. Ἐν Ἀθήνησιν, 1904, № 554, σελ. 255.

351 *Konstantinopoulou K. M.* Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλα. . ., № 554a, σελ. 125.

352 *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin. Paris, 1963. T. V, 1 partie. № 53. P. 47.

353 *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884. P. 598.

354 Ibid. P. 599.

355 В Древней Руси, впрочем, частные акты удостоверялись печатями тех или иных представителей публичной власти, но, как кажется, не ранее конца XIII в., а в XIV в. появляется и упоминание о печатях в формулах корроборации частных актов. См.: *Каштанов С. М.* Древнерусские печати: Размышления по поводу книги В. Л. Янина // История СССР. 1974. № 3. С. 182, 183. То же самое наблюдалось и в средневековой Франции. См., например: *Мажуга В. И.* Грамоты XIII в. монастыря Бельруа: Архив ЛОИИ СССР АН СССР // Средние века, 1980. Вып. 43. С. 241, 242.

Андроника, но, во-первых, ни об участии последнего в совершении акта, ни о его печати в тексте документа ничего не говорится, стало быть, такая печать, по средневековым понятиям, не могла приниматься во внимание, являла собой testis mutus;[356] во-вторых, сам протоспафарий и судья указанных фем Андроник — личность известная, его деятельность на этом посту датируется временем после 1044 г. и до 1049/50 г.,[357] т. е. его печать не могла скреплять дарственную 1023 (или 1038) г. и была кем-то подвешена позднее.

Не может изменить сложившегося у нас представления об отсутствии опечатания частных актов и то место из Пиры (14.11), где содержится подробное описание процедуры распечатывания (ἀνασφραγισμός) завещания, так как упоминаемые там σφραγῖδες — это печати свидетелей, в то время как нет никакого упоминания о печати нотариев. «Продираясь» сквозь неясности текста,[358] можно заключить, что у завещания различались внутренняя (ἔσωθεν τῆς διαθήκης) и внешняя (ἔξωθεν) стороны. Внутренняя сторона, содержавшая текст документа, оставалась скрытой в результате того, что документ, очевидно, был свернут в трубочку, ошнурован и скреплен печатями «первых» свидетелей, присутствовавших ранее при оформлении завещания и отсутствовавших сейчас при распечатании (имелись ли в подписях этих «первых» свидетелей необходимые упоминания об их печатях, не отмечено). Автор Пиры рассказывает, что магистр Евстафий призвал квестора, антиграфевсов, «нотариев» (τοὺς νοταρίους, т. е., вероятно, секретарей канцелярии квестория, которых не следует путать с нашими нотариями, — символеографами) и «других свидетелей» (специально подчеркнуто, что при процедуре не присутствовал ни один из свидетелей, подписавших завещание); «нотарии квестория» пометили (на чем именно, не указано) число, когда производилось распечатание, место, где это происходило, свидетелей, в присутствии которых они заседали, и свидетелей, сделавших пометы о своих печатях на (внешней стороне?) завещании (так мы интерпретируем слова καὶ τοὺς μάρτυρας τοὺς γεγραμμένους σφραγῖσιν ἐν τῇ διαθήκῃ, ведь речь идет о действиях, которые предшествовали вскрытию документа, поэтому имена «первых» свидетелей, не будь они отмечены на внешней стороне, были бы еще неизвестны). Затем магистр разрезал шнур (λίγανον) вместе с печатями, зачитал весь текст документа (ἡ πᾶσα ὑφὴ τῆς γραφῆς), после чего и была изготовлена копия — дубликат (τὸ ἴσον). Тогда же были сняты (букв.: сброшены) и печати «первых» свидетелей, скреплявших внутреннюю сторону завещания (так по смыслу мы интерпретируем слова καὶ τότε ἐνεβλήθησαν καὶ πρῶται σφραγῖδες ἔσωθεν ταύτης τῆς διαθήκης), а с внешней стороны завещание перевязали другим шнуром вместе с нанизанными (на него?) печатями «первых» свидетелей. Документ

---

356 *Dumas Au.* Etude sur le classement des formes des actes // Moyen-Âge. 1933. T. 43. P. 94.

357 Actes de Lavra, t. 1, p. 221.

358 Не удалось их преодолеть, мне кажется, и авторам имеющихся в литературе попыток интерпретации текста. См., например: *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 155.

скрепили печатями ныне приглашенные свидетели, причем каждый сделал помету о своей печати (так по смыслу интерпретируем слова ἔγραψαν ἕκαστος ἐν τῇ σφραγῖδι), указав: «Печать моя, такого-то», чтобы было ясно, что он сам пометил свое имя. На внутренней же стороне документа они ничего не добавляли (οὐχ ὑπεῖραν, считаем предложенную Цахариэ конъектуру ὑπέγραψαν излишней). Наконец, завещание скрепил своей печатью (ἐβούλλωσε) и квестор.

«Вещественным доказательством» действительности подобного способа оформления завещания является «открытое завещание» (φανερὰ διατύπωσις) Луки, игумена монастыря св. Иоанна Продрома (Галеагра), от 1036 г. из архива Ивирского монастыря на Афоне. Это единственное завещание из всех, хранящихся в архивах афонских монастырей, которое было свернуто в трубку, ошнуровано и «опечатано»: на шнур были нанизаны печати четырех свидетелей, подписавшихся под текстом завещания, и еще трех, не оставивших своих подписей. Печати и шнуры в настоящее время исчезли (по мнению издателей, они были сняты в момент вскрытия завещания), но на обороте документа писцом его были сделаны семь помет с упоминанием печатей и их владельцев. Пустоты в этих пометах указывают на те места, через которые проходили шнуры.[359] Для нас в данном случае важно констатировать, что, как и в Пире, здесь также нет никакого упоминания о печати нотария, вернее, писца документа пресвитера Иакова, который один только и упомянут в клаузуле корроборации.

Более сложным на первый взгляд кажется случай с «мистическим» завещанием и дополняющим его «кодициллом» Христодула соответственно от 10 и 15 марта 1093 г. из архива Патмосского монастыря, составленными в Эврипе и сохранившимися в подлиннике.[360] Дело в том, что они были подписаны и опечатаны не только свидетелями, но и тем лицом, которое писало тот и другой документы и которое в конце кодицилла, после подписей самого Христодула и свидетелей, подписалось следующим образом: «Георгий, ничтожный пресвитер и нотарий Эврипа (νοτάριος Εὐρίπου), писец, который сам, упрошенный (προτραπεὶς) монахом кир Христодулом, подписал и скрепил печатью (ὑπέγραψα καὶ ἐσφράγισα), как писец и всего текста». Именно слово νοτάριος показывает, что писец документов не был профессиональным нотарием (последний был бы назван или номиком, или табулярием, или символеографом, или табеллионом), что он, как многие свидетели, подписавшие завещание Христодула и скрепившие его своими печатями (они тоже называют себя «нотариями»), относился к служащим канцелярии епископства Эврипа и в этом своем качестве, конечно же, располагал личной печатью (печати такого рода «нотариев» сохранились, как известно, в значительном количестве). За отсутствием по каким-то причинам на месте номика

---

[359] Actes d'Iviron, № 25, p. 239.

[360] MM, vol. 6. № 20 (1), p. 81—85 (Μυστικὴ διαθήκη); № 20 (2), p. 85—90 (Κωδίκελλος); Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς μονῆς Πάτμου: Α' — Αὐτοκρατορικά / Ἐκδ. ὑπὸ Ε. Λ. Βρανούση. Ἀθῆναι, 1980, σελ. 5—8.

г. Эврипа к составлению завещания и кодицилла был привлечен «пресвитер и нотарий» Георгий, который, скрепляя кодицилл, воспользовался по примеру свидетелей своей печатью,[361] т. е. совершил действие, которое не допустил бы номик. Правда, он оговорился, что сделал это как «писец текста», а не как номик. Поэтому, если наша интерпретация верна, и этот случай не может рассматриваться как типичный. Да, но как быть с печатями табуляриев, о которых говорилось выше? Одно из двух: или эти печати не были инструментами нотариальной деятельности и использовались в других целях, или же речь шла о таких категориях табуляриев, которые не имели отношения к профессии нотария. Табуляриат как институт отличался, особенно на ранних стадиях развития, сложной и неоднородной структурой, допускал параллельное существование различных категорий лиц с совершенно различными функциями (например, табулярии как финансово-счетные чиновники при пресидах провинции, называемые также нумерариями (C. 12.49.2.4); чиновники, приставленные к канцелярским архивам с функциями, почти аналогичными функциям хартофилаков; [362] табулярии как persona publica, присутствие которой необходимо при некоторых юридических действиях, например при усыновлении, равно судебному акту и заменяет его [363]), но выступавших под одним названием. Это последнее предположение подтверждается как будто и тем, что в актах вообще не фигурирует такой встретившийся нам на печатях титул, как «великий табулярий» (μέγας ταβουλάριος), и лишь на одном из 1225 принятых нами во внимание актов (а именно, на дарственной из архива Ватопедского монастыря, составленной в Фессалонике в 1405 г.) значится подпись «императорского табулярия» Димитрия Катавлаттаса (+ Δημήτριος ὁ Καταβλατὰς καὶ βασιλικὸς ταβουλλάριος βεβαιῶν καὶ μαρτυρῶν ὑπέγραψα), личности весьма загадочной и, как мы увидим далее, обвинявшейся в подделках.[364]

И еще одна констатация, что касается подписи нотария: в ней, в отличие от западноевропейской нотариальной практики, самым решительным и последовательным образом отсутствует какая бы то ни было absolutio — ἀπόλυσις (ср. почти повсеместно в западноевропейских актах конечное absolvi). Как мы видели, считается (Аме-

---

[361] Следует отметить, что и в этих дошедших до нас в подлинном виде документах следов самих печатей «нотариев» (в том числе и «нотария» Георгия) как будто не обнаружено (во всяком случае Эра Врануссл, описывая акты, ничего не говорит о самих печатях). Видимо, и они были сняты при распечатании документов.

[362] *Schlumberger G.* Sigillographie. . . P. 598.

[363] *Sachers E.* Tabularius // PWRE. Stuttgart. 1932. Bd 4. S. 1972.

[364] Документ с большим количеством ошибок был опубликован Аркадиосом Ватопединосом в журнале: Gregorios Palamas. 1919. T. 3. P. 337—339. Cf.: *Canivet P. — Oikonomidès N.* (Jean Argyropoulos). La comédie de Katavlattas: Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα, 1982—1983, Τόμ. 3, σελ. 12. Отметим также, что титул βασιλικὸς ταβουλάριος появляется и в южноитальянских поствизантийских (савойского периода) актах (например, в Таранто): Syllabus. № 269—270. P. 370—371; № 281. P. 387—388; *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 32.

лотти, Зепос), что ἀπόλυσις в византийских актах перенесена в текст документа и встречается в конце «текста» или в разделе подписей контрагентов. Следовало бы уточнить, во-первых, что подобная формула действительно появляется во многих византийских частноправовых актах, но в замещение клаузулы корроборации и на ее месте. Пожалуй, только один акт можно было бы указать, где эти две клаузулы соседствуют, возможно, по незнанию правил обе внесенные в текст писцом акта.[365] Обычно же формуляр акта четко разграничивает: или клаузула корроборации с упоминанием писца и нотария, или же клаузула ἀπόλυσις, причем обе клаузулы появляются в актах примерно с одинаковой частотностью. Во-вторых, есть ли тут полное тождество с тем, что понимается под absolutio — ἀπόλυσις? Ведь глагол ἀπολύειν (= absolvere) в той клаузуле византийских актов, которую мы имеем в виду, отсутствует, он заменен на глагол ἐπιδίδωμι, который лишь предположительно синонимируется с первым,[366] выступая в форме пассивного сказуемого (ἐπεδόθη) к подлежащему, которым является сам акт. Субъектом действия при этом подразумевается сторона, выпускающая акт, и поскольку глагол ἐπιδίδωμι выступает здесь к тому же в паре с глаголом γίγνομαι, то вся формула принимает следующий вид: «Акт (или заменяющие его слова и обозначения) совершен и передан (ἐγένετο καὶ ἐπεδόθη) тебе и твоей стороне (т. е. контрагенту, причем вместо дательного падежа может употребляться аккусатив с предлогом εἰς) для надежности (εἰς ἀσφάλειαν, могут добавляться еще слова καὶ δήλωσιν или καὶ βεβαίωσιν)».[367] Смысл клаузулы, таким образом, предельно ясен: сторона, отчуждающая свою собственность и выпускающая по этому поводу соответствующий документ, заявляет о совершении последнего и о передаче («отпуске») его своему контрагенту-правопреемнику. Логически это последнее действие автора или авторов документа, а все последующие элементы эсхатокола (подписи свидетелей, писца и нотария) удостоверяют не только факт юридической сделки и совершения документа, но и факт «отпуска» последнего, чему не противоречит и то (в этом мы полностью согласны с Амелотти), что, будучи последним, кто подписывал акт, на практике именно нотарий вручал совершенный документ заинтересованной стороне. Насколько

---

[365] Речь идет о купчей 1301 г. из архива Эсфигменского монастыря, составленной уже упоминавшимся иереем и номиком епископства Иериссу Димитрием и поражающей несовершенствами и искажениями не только языка и орфографии, но и формуляра. См.: Actes d'Esphigménou, № 10, p. 79—80.

[366] Обычно указывают при этом на концовку «ипомнимы» патриарха Исайи от 1324 г., где вместо обычной ἐπεδόθη употреблен глагол ἀπελύθη. См. издание «ипомнимы»: Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. H. Hunger und O. Kresten. Wien, 1981. 1. Teil. № 80, S. 476, Z. 105. Cf: *Dölger F.* Zur mittelalterlichen Privaturkunde // Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 342, Anm. 5; *Hunger*. Zwei Urkunden. S. 303, Anm. zur Z. 27.

[367] Знание этой стандартной клаузулы делает весьма легкой задачу реконструкции испорченной и лишь частично и неверно прочитанной Шрайнером фразы из изданной им купчей 1388 г.: τοῦ παρόντος πρατηρίου τοῦ γεγονότος ἐξ ἐπιτροπῆς ἡμετέρας καὶ ἐπιδοθέντος σοὶ κυρῷ Ἰωάννῃ Ἀγγέλῳ τῷ Ἐξωτρόχῳ καὶ παντὶ τῷ μέρει εἰς τὴν περὶ τούτου βεβαίωσιν καὶ ἀσφάλειαν (Ср.: *Schreiner*. Zwei Urkunden. № 1, S. 189, Z. 19—21).

верно это соответствовало духу Юстинианова законодательства и кто адекватнее понял смысл распоряжения C.4.21.17 с его пресловутым и двусмысленным partibus — византийцы ли, отдавшие инициативу absolvere стороне, выпускающей документ, или западноевропейцы, закрепившие ее за нотарием, сказать трудно. Возможно, что конституция Юстиниана вообще имела в виду архаическую форму двустороннего римского документа с двойным текстом,[368] вышедшую из употребления и вызвавшую непонимание относящегося к ней распоряжения, — непонимание, послужившее питательной средой для зарождения двух различных концепций «отпуска» документов — византийской и западноевропейской.

Вообще говоря, если исключить подпись нотария под актом, то круг его прав и обязанностей, связанных с совершением нотариальных действий, почти никак не отражен в самом акте, остается, так сказать, за кадром. Лишь иногда в клаузуле корроборации вскользь упоминается о том, что текст (ὕφος) был «зачитан»[369] и «растолкован» нотарием или другим должностным лицом, выступающим в роли такового (например, в купчей 1193 г. из архива Патмосского монастыря: «после зачтения нам его и разъяснения со стороны приглашенного нами табулярия мы поставили вверху честные кресты; текст же писан по нашему поручению рукой Михаила Лименита, иерея и табулярия о. Крит»).[370] Последнее из указанных действий — «растолковать», «разъяснить» текст (т. е. опять же разъяснить содержание акта, права и обязанности контрагентов, юридические последствия сделки, оказать помощь юридически неосведомленным и т. д.) — выражалось всегда глаголом ἑρμηνεύειν или ἐφερμηνεύειν в форме пассивного причастия к ὕφος или к другим словам, обозначающим самый документ.[371] Сколь важное значение придавалось этим действиям, мы почти случайно узнаем из тех актов, составители которых по каким-то соображениям решили все же не ограничиваться стандартным формуляром, а ввести в структуру акта раздел narratio и рассказать вкратце о перипетиях оформления сделки. Так, в уже упоминавшейся купчей 1112 г. из архива Дохиарского монастыря о продаже приданого говорится, что продавцы — супруги Расополы (Евдокия и ее муж протоспафарий Стефан), — чтобы не было никакого предлога к опротестованию сделки, пригласили (προσεκαλεσάμεθα) табулярия Николая Кондопавла, «который, — говорят продавцы, — детально растолковал (ἐφηρμήνευσεν) нам всю юридическую силу (πᾶσαν τὴν δύναμιν) настоящего акта. Так что если кто-

[368] *Dölger F.* Zur mittelalterlichen Privaturkunde. S. 344. О такого рода документах см.: *Talamanca M.* Documentazione e documento (Diritto romano) // Enciclopedia di Diritto. 1964. T. 13. P. 548 segg.; *Amelotti M.*, *Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . P. 6—7.

[369] MM, vol. 6, № 34, p. 126; cf. № 37, p. 136; vol. 4, № 9, p. 312.

[370] MM, vol. 4, № 20, p. 69; Actes de Chilandar, № 69, p. 158; № 89, p. 191.

[371] Поэтому оставлять в издании купчей 1301 г. из архива Эсфигменского монастыря чтение τοῦ ὕφ(ους) ἑρμηνευθ(ὲν), как это сделал Лефор (причем без всяких пояснений в критическом аппарате), было нельзя, только ἑρμηνευθ(έντος)! См.: Actes d'Esphigménou, № 9, p. 75, l. 27.

либо из нас двоих когда-либо скажет, что документ был нам прочитан, но мы его не поняли, — пусть нас не слушают».[372]

Еще более показателен другой дохиарский документ — меновная 1117 г., согласно которой проэдр Никифор Вурцис и его жена Анна уступают Дохиарскому монастырю половину проастия Росеон в обмен на семь лавок со двором в Фессалонике.[373] «По закону, — говорит Вурцис, явно имея в виду В.22.4.8. и соответствующую схолию, § 3, — я должен был бы пригласить другого (в смысле «второго» — *И. М.*) табеллиона с тем, чтобы он разъяснил содержание настоящего письменного акта, так как я малограмотен и неопытен в том, что касается письменных документов. Но я внимательно прочитал этот акт, хорошо понял все содержавшиеся в нем клаузулы (τὰ ῥητά) и, ни в чем из этого не сомневаясь и не нуждаясь в каком-либо разъяснении, признаю, что отныне у меня нет и не будет права раскаяться в отношении чего бы то ни было или поставить под сомнение под предлогом того, что это мне не было разъяснено другим табеллионом».[374] Думаю, можно не сомневаться, что Никифор Вурцис рассчитывал таким образом сэкономить на «другом табеллионе», однако это ему не удалось, как можно понять из заявления его жены Анны, тут же приведенного писцом акта, о том, что она как неграмотная (ἀγράμματος) подробно проконсультирована (ἑρμηνευθεῖσα) о юридической силе настоящей меновной «другим табеллионом», а именно — клириком Великой церкви табулярием Константином Влизимой.[375] И еще далее, уже в постскриптуме, она отказывается от права ссылаться на закон, который запрещает продажу владений из предбрачного дара во время брака, ибо настоящая сделка — это не продажа, а обмен, совершенный к тому же в интересах ее стороны; в конце Анна подчеркивает, что все это также было подробно разъяснено ей приглашенным и вышеназванным табулярием.[376] По-видимому, монахи Дохиара (одна из договаривающихся сторон), обеспокоенные решением самого Вурциса не приглашать табеллиона-«герменевта» и опасаясь, что из-за этого договор будет уязвимым, настояли на том, чтобы супруга была тоже привлечена к сделке, и поскольку она была полностью неграмотна, Вурцисам в конце концов пришлось прибегнуть к услугам второго табулярия.

Акт, таким образом, самой своей структурой отражает различные этапы заключения и удостоверения сделки: между заявлением Вурциса и заявлением его жены должно было пройти какое-то более или менее продолжительное время, в течение которого предприняли свой демарш монахи Дохиара, был приглашен второй табулярий, выполнивший свои профессиональные обязанности, и даже сам Вурцис за это время повысился в чине (в начале акта, вернее, в протаксисе, он обозначен как магистр; в тексте же акта он уже проэдр,

---

[372] Actes de Docheiariou, № 3, p. 72, l. 69—70.
[373] Ibid., № 4, p. 82—88.
[374] Ibid., p. 86, l. 61—64.
[375] Ibid., l. 70—71.
[376] Ibid., p. 87, l. 86—91.

жена — проэдрисса [377]). Курьез в том, что составитель акта не зачеркнул начало документа, уже не соответствующее ходу дела, не выбросил его в корзину и не засел за новый акт, а продолжил старый с учетом происшедших за это время изменений.

И еще один, последний, пример на эту тему. По поручению уже упоминавшегося Никиты Сотириота (οἰκείου императрицы Анны Савойской и протонотария) в 1373 г. рукой клирика Иоанна Сгуропула была написана интересная и сложная по содержанию купчая (хранится в архиве Дохиарского монастыря [378]), согласно которой великая доместикисса Анна Кантакузина Палеологина (с согласия своего мужа, великого доместика Димитрия Палеолога) продает Дохиару свое приданое — владение Марианну — за 600 иперпиров и гарантирует, что сделка не будет опротестована монахами соседнего Ватопедского монастыря со ссылкой на право предпочтения или «чего-либо иного». Для этого Анна прибегает даже к «юридическому шантажу», зафиксированному купчей. Дело в том, что в составе проданного дохиаритам владения находилась мельница одного пáрика (μύλων παροικικός), собственником которой была Анна и ее семья. Незадолго до этого монахи Ватопедского монастыря добились от ее мужа, великого доместика, акта, делающего их собственниками этой мельницы (кстати, в нарушение закона). Анна, которая является ее подлинной собственницей (ἡ ἀληθὴς κυρία), не возражает против этого, но при условии, что и ватопедцы признают настоящий акт и никогда не станут беспокоить дохиаритов. Если же монахи Ватопедского монастыря попытаются причинить вред дохиаритам, то Анна заявляет, что акт о мельнице будет аннулирован, дохиариты получат ее в полную собственность, возместив ватопедцам сумму, которую те заплатили. «Ибо если я и расписалась в акте, — говорит Анна, явно имея в виду не дошедший до нас акт продажи мельницы Ватопеду, — то сделала это, будучи введена в заблуждение и застигнута врасплох, не получив соответствующего объяснения и не наученная никем, в отличие от того, что сейчас было сделано в отношении этой купчей».[379]

Из этих примеров мы видим, что юридическая помощь (νομικὴ βοήθεια), оказывавшаяся «вторым» табулярием отдельным гражданам и целым учреждениям (монастыри) путем дачи квалифицированных консультаций по смыслу заключавшихся договоров и сделок, разъяснения юридической силы акта, его содержания, всех возможных правовых последствий, вытекавших из факта подписания акта, была одной из важнейших среди прочих его профессиональных действий. По существу она рассматривалась в качестве предпосылки законности сделки и самого документа, а ее отсутствие могло послужить основанием для пересмотра сделки и аннулирования акта. Нотари-

---

[377] По мнению Икономидиса, Вурцис написал свой протаксис тогда, когда он был еще магистром, а акт как таковой был оформлен позднее, когда он получил повышение в чине (Ibid., p. 77).

[378] Ibid., № 42, p. 237—240.

[379] Ibid., p. 239, l. 51—53.

альное делопроизводство шло иногда извилистыми путями, порой на грани нарушения закона, редко укладываясь в рамки, предписанные законодательством. Византийские нотарии, самый массовый отряд юристов-практиков, выполняли важную работу, удовлетворяя потребность общества, всего населения империи, в осуществлении его прав и законных интересов.

Табеллионатный документ представляется доминирующим типом частноправового акта уже в ранневизантийскую эпоху, а в период, от которого до нас дошла основная масса частных актов, т. е. от X—XV вв., ему по существу нет альтернативы. Действительно ли он «не имеет ничего общего с публичностью»? [380] Конечно, если связывать fides publica с отправлением государственной и прежде всего судебной власти, носителей которой отличало обладание печатью (так было, по-видимому, в Европе вплоть до XII в.), то в этом смысле fides publica не была свойственна византийскому нотариату и тогда нужно было бы ставить вопрос об отсутствии нотариата в Византии вообще, ибо fides publica — ключ нотариата.[381] Но если под этим понятием иметь в виду достоверность документа, его удостоверительную силу (ибо, как и на Западе, византийский табеллионатный документ может быть определен как instrumentum publice confectum, не будучи, однако, публичным документом), то тогда придется признать, что и византийскому нотариату была присуща fides publica.

Вопреки Шереметису,[382] мы полагаем несомненным, что византийский нотарий не достиг того высокого положения в обществе, которое его, скажем, итальянскому коллеге обеспечивала fides publica, основанная прежде всего на том, что выданный им документ можно было сверить по книге имбревиатур. Византийский частноправовой акт, скорее, объединял черты как западноевропейской средневековой грамоты, подлинность и надежность которой гарантировались наличием подписей автора акта и свидетелей, а также процедурой traditio cartae, так и instrumentum итальянских городских коммун, юридическая действенность которого создавалась исключительно участием нотария, и, может быть, именно поэтому он отнюдь не был чужд публичности, обладая всеми свойствами полноправного средства доказательства в случае судебного разбирательства (см. следующую главу). Византия не родила своего Роландино Пассаджери, в ней не было детально разработанной теории нотариата, нотариального права, но ведь в конце концов у каждого общества свои представления о публичном доверии (на Руси, например, вообще не было никаких нотариев),[383] об удовлетворении потребностей в доку-

---

[380] *Dölger F.* Zur mittelalterlichen Privaturkunden. S. 341, Anm. 4.

[381] *Costamagna G.* Il notaio a Genova tra prestigio e potere. Roma, 1970. P. 7—32; cf.: Il notaio nella civiltà fiorentina (secoli XIII—XIV). Firenze, 1984; Il notariato nella civiltà toscana. Roma, 1985.

[382] *Seremetis D. G.* The notarios in the byzantine society // The 17-th International Byzantine Congress: Abstracts of Shot Papers. Washington, 1986. P. 315—317.

[383] Лишь с середины XVI в. на Руси зародился весьма своеобразный институт площадных подьячих, выполнявший (до конца XVII в.) некоторые нота-

ментах, оформлявших юридические сделки, — представления, соответствующие уровню развития производительных сил и производственных отношений данного общества.

ИНСТИТУТ СВИДЕТЕЛЕЙ

Известная незрелость византийского нотариата по сравнению с западноевропейским явствует, помимо всего прочего, еще и из той огромной роли, которую при заключении сделок и их документальном оформлении играл институт свидетелей. Если в Западной Европе начиная с XII в. повышение статуса нотария и авторитета нотариального акта как такового привело к упадку значения института свидетелей и к почти повсеместному исчезновению свидетельских подписей из акта [384] (хотя в самом тексте акта присутствие свидетелей отмечается всегда), то в Византии частноправовой (и в том числе нотариальный) акт до самого конца получал силу не столько от участия нотария, который составлял акт, сколько от присутствия свидетелей, которые акт подписывали и в случае спорности акта могли снова подтвердить его главнейшие части перед судьей. Большое внимание институту свидетелей уделяло, как мы видели, законодательство, определявшее как количественный, так и качественный состав свидетелей; не меньшее внимание уделялось ему и в практической деятельности византийских юристов, в частности нотариев.

Структурой акта предусматривалась специальная клаузула упоминания «подписавшихся ниже свидетелей», в присутствии которых (παρουσία, ἐνώπιον, реже — ἐπ' ὄψεσι [385]) была совершена уплата цены. Эта древняя формула, фигурирующая еще в папирусах начиная с VI в. (например, папирусы С. Masp. 67126.15; SB. 5175.10),[386] по своей функции относится к клаузуле корроборации, хотя чаще всего и оторвана от последней, помещаясь обычно после даты, непосредственно перед свидетельскими подписями, но иногда примыкая вплотную к клаузуле уплаты цены.[387] Стандартная формулировка «в присутствии нижеподписавшихся свидетелей», наличествующая в подавляющем числе актов, иногда варьируется, и эти вариации — не без некоторого значения. Так, причастие ὑπογραφάντων заменяется на καθ-, παρ-, или просто εὑρεθέντων, и это отражает то обстоятельство, что упомянутые свидетели, по-видимому, случайно оказались

риальные функции в соответствовавших, конечно, тому времени формах. См:. *Злотников М. Ф.* Подьячие Ивановской площади: К истории нотариата Московской Руси // Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 82—130.

[384] Образцы латинских актов IX—начала XII в. со свидетельскими подписями см.: *Amelotti M., Costamagna G.* Alle origini del notariato. . . Tav. IV—VI; *Casamassima E.* Scrittura documentaria dei «Notarii», e scrittura libraria nei secoli X—XIII: Note paleografiche // Il notariato nella civilta toscana. Roma, 1985. Tav. I—VII.

[385] Именно это редкое словосочетание рекомендовано формуляром: *Simon.* Kaufformular. S. 158, Z. 20.

[386] Ibid. S. 165.

[387] См., например: Actes de Lavra, t. 3, № 143, p. 92, l. 10—12.

в то время и в том месте, когда и где составлялся акт[388] (особенно ясно это значение видно по вазелонским актам, где оно подчеркнуто глаголом τυχόντων, например в купчей 1245 г.: κατὰ μαρτυρίας τῶν ἐκεῖσε τυχόντων[389]). Введение же клаузулы в купчей 897 г. из архива Лавры в форме παρασκευάσαντες καὶ μάρτυρας ἐν αὐτῇ καθυποσημήνασθαι[390] или в калабрийском акте 1036 г. в форме παρακαλέσαντος δέ μου καὶ ἀξιοπιστοὺς μάρτυρας[391] ясно показывает, на ком лежала обязанность обеспечения необходимых свидетелей, — на самих авторах (или авторе) акта. Иногда, помимо общего указания на присутствие свидетелей, в клаузулу вводятся и конкретные имена свидетелей, не обязательно всех (но в последнем случае может следовать приписка «и многих других»[392]).

Далее идут собственноручные подписи свидетелей, сформулированные в субъективной форме: «Я, такой-то, свидетельствуя, собственноручно подписал». Кроме этих обязательных элементов,[393] свидетели часто считали нужным заявить, что они присутствовали при заключении сделки, путем введения в свою подпись причастия παρών, иногда с обозначением вида сделки или типа акта в дательном падеже, а в меновной 1117 г. из архива Дохиарского монастыря семь свидетелей (члены солунского клира) заявляют (все по одному шаблону, вероятно, каждый копировал подпись предыдущего коллеги), что они присутствуют при обмене недвижимостями и при уплате 50 иперперов цены.[394]

В количественном отношении чаще всего встречаются 5 и 7 свидетелей, но немало и других чисел (6, 9), причем с тенденцией к увеличению. Создается впечатление, что считалось: чем больше свидетелей, тем лучше.[395] Избыточное количество свидетельских подписей

---

[388] Ibid., t. 1, № 19, p. 154, l. 27; № 20, p. 160, l. 78; № 22, p. 167, l. 25; Actes d'Iviron, t. 1, № 14, p. 185, l. 35; № 15, p. 189, l. 44; № 19, p. 207, l. 6; № 22, p. 224, l. 36; *Vranoussi E.* Δύο ἀνέκδοτα ἀφιερωτήρια ἔγγραφα ὑπὲρ τῆς μονῆς Θεοσκόπου τῶν Κριβιτζῶν (ΙΓ′ — ΙΔ′ αἰ.) // Σύμμεικτα, 1981, τόμ. 4, σελ. 28—29.

[389] Вазелонские акты, № 49, с. 27, строка 32; cf. Syllabus, № 193 (a. 1179), № 178 (a. 1171): ἐμπαρουσία, καὶ ἐπόψεσιν τῶν ἐντυχόντων ἀξιοπίστων...

[390] Actes de Lavra, t. 1, № 1, p. 90, l. 30—31.

[391] Actes de Dannoso, № 2, p. 32, l. 25—26.

[392] Вазелонские акты, № 49, с. 27, строка 32; Actes de Zographou, № 19, p. 45, l. 51; Actes de Lavra, t. 3, № 143, p. 92, l. 12.

[393] Впрочем, есть немало подписей, в которых свидетели считали достаточным сообщить свое имя и положение: Actes d'Iviron, t. 1, № 14, p. 185 (первые 3 свидетеля из 9); № 22, p. 224 (из 7 свидетелей лишь один отметил, что он «собственноручно подписал»); Actes de Docheiariou, № 47, p. 252 (свидетель Мануил Касандрин); и т. д.

[394] Actes de Docheiariou, № 4, p. 88. Один из 7 свидетелей, подписавших купчую 1097 г. из архива Лавры, а именно Иоанн Арменис, также счел нужным отметить, что он присутствовал при даче 45 номисм цены, см.: Actes de Lavra, t. 1, № 53, p. 278, l. 39.

[395] Меньшее число свидетелей (например, 3) обычно встречается в актах, сохранившихся в копиях или в картуляриях, поэтому всегда возникает подозрение, что их редакторы опускали подписи. См., например: Вазелонские акты, № 52, с. 29; № 64, с. 39 (в последнем акте — купчая 1259 г. — отмечено, что он составлялся вообще в присутствии одного свидетеля, подпись которого к тому же опущена. Но ведь unus testis — nullus testis, по средневековым представлениям!),

демонстрирует, например, дарственная 1274 г. из картулярия Лемвиотиссы, которую, помимо писца и табулярия Алексея Марулла, подписали 10 высокопоставленных сановников Смирнской митрополии, 7 свидетелей поставили свои сигноны, да еще на обороте акта есть подпись митрополита Смирны и еще одна скрепа табулярия.[396] Аналогичную «субскрипционную инфляцию» наблюдаем мы и в других актах, например в купчей 1030 г. из архива монастыря св. Пантелеймона на Афоне, которую подписали 12 свидетелей (все монахи и игумены афонских монастырей, из которых только один употребил формулу — «свидетельствуя, собственноручно подписал»); [397] в меновной 982 г. из архива Ивирского монастыря, подписанной 10 свидетелями (собственно говоря, подписей под актом 16, но из них 6 подписей принадлежат не свидетелям, а авторам акта, каждый из которых отмечает, что он, «прочитав написанный текст, собственноручно προέταξα καὶ ὑπέταξα»),[398] в дарственной 1101/02 г. из архива Лавры, подписанной 12 свидетельскими подписями; [399] и т. д.

Чаще всего свидетелями выступают духовные лица, но также и миряне, среди которых следует прежде всего отметить родственников и соседей: в тех случаях, когда право предпочтения не было ими использовано, они зачастую выступали в качестве свидетелей совершавшейся сделки, выражая свое согласие на отчуждение собственности.[400] Среди свидетелей часто фигурируют высокопоставленные персоны, представители высшей гражданской и церковной администрации, и поскольку, расписываясь, они всякий раз тщательно указывают свои звания и должности, акты становятся ценнейшим источником по просопографии и администрации. Участие должностных лиц иногда особо оговаривается и в клаузуле, они как бы выделяются из общего числа свидетелей. Так, в дарственной 1101/02 г. из архива Лавры говорится, что она совершается «в присутствии святейшего прота и нижеподписавшихся свидетелей» (действительно, список 12 свидетельских подписей начинает подпись прота св. Горы Косьмы, который отметил только, что ὑπέγραψα, не употребив слова μαρτυρῶν; впрочем, из остальных 11 свидетелей только двое употребили слово μαρτυρῶν в своих подписях); [401] в дарственной 1291 г. монастыря Лемвиотиссы сказано, что сделка совершена «в присутствии достойных доверия местных архонтов» (поскольку редактор картулярия опустил свидетельские подписи, нам неизвестно, какие именно «архонты» имеются в виду); [402] дарственная 1381 г. из архива Дохиарского монастыря была совершена «в присутствии архонтов

---

[396] MM, vol. 4, № 49, p. 106—109.
[397] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 1, p. 30.
[398] Actes d'Iviron, t. 1, № 5, p. 134.
[399] Actes de Lavra, t. 1, № 54, p. 281.
[400] *Вин Ю. Я.* Право предпочтения в поздневизантийской деревне // ВВ. 1984. Т. 45. С. 226—227 (здесь же указание источников, прежде всего вазелонских актов).
[401] Actes de Lavra, t. 1, № 5, p. 281.
[402] MM, vol. 4, № 72, p. 140.

Мануила Девлицина, Георгия Ангела и Мануила Касандрина, которые и расписались как свидетели (других подписей нет);[403] при совершении купчей на ветряную мельницу (1436 г.) сделка получает особый вес от присутствия «всесвятейшего митрополита Кизикского и экзарха всего Геллеспонта» Митрофана.[404] В качестве таких «архонтов» часто присутствуют при изготовлении документов, оформляющих частные сделки, такие церковные чины, как проты Афона, игумены монастырей, скевофилаки, протэкдики, великие экономы, иеромнимоны, девтеревоны и т. д., а из светских — спафарокандидаты (примеры бесчисленны). При этом, как уже заметила Арвейлер, порядок подписей и упоминания сановников в документах отражает иерархию церковных должностей и санов: как правило (которое, впрочем, не без исключений), они подписывались или упоминались в актах в соответствии с их иерархическим рангом; случалось, правда, что престарелые священнослужители подписывались раньше своих настоятелей, когда среди них не было большой разницы в ранге.[405] Если же под актом подписывались и духовные лица, и миряне, обычно (и это правило было не без исключений) сперва расписывались свидетели духовного состояния. Один только пример: мировую 982 г. из архива Ивирского монастыря подписали, не считая писца, 10 свидетелей в таком порядке: епископ Иериссоса Феодот (он, кстати, употребил не обычный глагол ὑπέγραφα, а более торжественный ὑπεσημήναμεν — sic!), игумен Лавры Афанасий, игумен Даниил, монах Дорофей, игумен Петр Калиукас, «царский спафарокандидат, назначенный турмархом» Николай, некий Димитрий сын Ламари (по-видимому, мирянин), игумен Кирилл, спафарокандидат Кириак Катава, некий Павел сын Феофана (без сомнения, тоже мирянин).[406]

Известно, что именно участие (помимо писца и нотария) должностных лиц, большей частью церковных «архонтов», а также и светских (например, судей и местных стратигов в южноитальянских актах),[407] в совершении актов, когда они наряду с автором документа и официальными свидетелями тоже ставят свою подпись в эсхатоколе, побудило Феррари выступить с предположением о связи этого явления с практикой совершения instrumentum publicum по римскому праву, реализуемого путем его инсинуации в gesta muni-

---

[403] Actes de Docheiariou, № 47, p. 252.

[404] *Hunger*. Zwei Urkunden. № 1. S. 300, Z. 19—20.

[405] *Ahrweiler H.* L'histoire et la géographie. . . P. 103, n. 173.

[406] Actes d'Iviron, t. 1, № 4, p. 128—129. — Тут же укажем в качестве исключения гарантийный акт 1008 г. из архива Лавры, где список семи свидетелей начинает спафарокандидат, а продолжают пресвитер, диакон, анагност и др. (Actes de Lavra, t. 1, № 14, p. 138), а также дарственную 1016 г. из этого же архива, в которой также сначала подписались светские свидетели (спафарокандидаты), а за ними — клирики. (Ibid., № 20, p. 160—161).

[407] В мельфитанских конституциях 1231 г. это санкционировано государством: Фридрих II создает институт судей, официально назначаемых центральной властью для участия в сделках (iudices ad contractus=κριταὶ ἐπὶ τῶν συναλλαγμάτων): *Falkenhausen V. von, Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 59.

cipalia,[408] — мнение, которое раньше разделяли и мы.[409] Сейчас, однако, еще раз проанализировав доступный нам материал, мы склонны присоединиться к точке зрения Фалькенхаузен и Амелотти, что такого рода лица упоминаются в тексте актов и затем расписываются «как нормальные свидетели», хотя, может быть, и наиболее желанные, более «достойные доверия» и авторитетные, так как принадлежат к местной чиновной знати, гражданской и церковной.[410] Именно поэтому им отдается предпочтение и оказывается особое уважение путем выделения из общего числа свидетелей. Но это уже имеет, скорее, моральное, нежели юридическое значение. Что же касается insinuatio частноправовых актов ad gesta municipalia, то этот институт, как кажется, отсутствовал в византийской юридической практике вплоть до самого конца империи.

И еще одно: выше (см. с. 116) мы имели возможность убедиться, что новелла Ирины, определяя различные категории свидетелей, «достойных доверия», исходила прежде всего из их социального статуса, а не из культурного уровня. Лев VI своей 43-й новеллой также прямо и недвусмысленно предписывал, что «как в сельской местности, так и в городах завещания (а значит, и все прочие частные акты. — *И. М.*) могут быть скреплены и неграмотными свидетелями (*καὶ ὑπ' ἀμαθῶν κυροῦσθαι τὰς διαθήκας*), лишь бы их образ жизни свидетельствовал о том, что они достойны доверия».[411] Надо сказать, что юридическая практика буквально следовала этим предписаниям: среди свидетелей действительно встречается много и малограмотных, и просто неграмотных. Последние в таких случаях ограничивались собственноручной постановкой креста, а расписывался за них от их лица или писец акта, или один из грамотных свидетелей, что всякий раз оговаривалось следующей формулой: «Я, такой-то, присутствуя при такой-то сделке, свидетельствуя, подписал (честной) крест собственноручно, текст же (τὸ δὲ ὕφος) — рукой такого-то» или «. . .честной крест и имя мое собственноручно, остальное — рукой такого-то».[412]

Особого внимания в этом смысле заслуживает вспыхнувший в рамках круглого стола на конференции по греко-византийской палеографии (Париж, октябрь 1974 г.) спор о письме «олигограмматов» (малограмотных) на материалах их свидетельских подписей в актах XI—XV вв. Андре Гийу, в частности, оперируя неизданным актом из архива Ватопедского монастыря на Афоне, воспроизводит факси-

---

[408] *Ferrari G.* I documenti greci. . . P. 15ss., 83 ss.

[409] *Медведев И. П.* Дипломатика частного византийского акта. С. 132.

[410] *Falkenhausen V. von*, *Amelotti M.* Notariato e documento. . . P. 60.

[411] Les novelles de Léon VI le Sage / Ed. P. Noailles et A. Dain. Paris, 1944, p. 177.

[412] См., например: Actes de Lavra, t. 1, № 14, p. 138, l. 36, 37; № 53, p. 278, l. 39; Actes d'Iviron, t. 1, № 4, p. 129, l. 75, 77; № 5, p. 134, l. 45; № 11, p. 175, l. 38; № 13, p. 182, l. 40, 41; etc. Наиболее разительным является случай с Филиппом Мессинским и Иоанном Сфамменосом из греческих местечек Рокка и Мавроианнис (район Рометты), которые сознаются в неумении писать и довольствуются тем, что ставят крест, прося священника Андрея поставить формулу, изобличающую их невежество. (Actes de S. Maria di Messina, № 6, p. 32).

мильно и публикует 31 свидетельскую под ним подпись (все «монахи и игумены»), из которых 14 выполнены унциалом.[413] Был сделан общий вывод, что унциалом расписались «олигограмматы». Однако внимательное ознакомление с унциальными свидетельскими подписями как этого акта, так и других, нам известных,[414] заставляет нас усомниться в общезначимости этого вывода; ведь их орфография, как правило, ничем не уступает орфографии минускульно-курсивных подписей. Не имеем ли мы здесь дело с элементарными попытками удовлетворить существовавшее в те времена (как, впрочем, и сейчас) требование «читабельности» подписи (ср. нередко встречающееся и ныне требование заполнять какой-либо бланк «печатными буквами»), что имело важное значение в случае судебного разбирательства, ибо позволяло апеллировать как к свидетелям, так и к автору документа, чтобы гарантировать его подлинность? В пользу этого говорит как будто и нарочитая читабельность минускульных подписей.

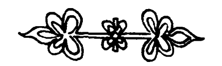
---

413 La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 529—531.

414 Actes de Lavra, t. 1, pl. IV, № 9; pl. VIII, № 13; pl. IX, № 14; pl. XI, № 17/II; pl. XIII, № 18/II; pl. XIV, № 19; pl. XVIII, № 22; pl. XIX, № 24; pl. XX, № 25/II; pl. XXI, № 30; pl. XXII, № 28; pl. LV, № 53; pl. LXV, № 59/II; t. 2, pl. CXLVI, № 113B; t. 3, pl. CLXVII, № 130; Actes de Prôtaton, pl. XIX, № 7/IX; Actes d'Esphigménou, pl. I, № 1/I; pl. II, № 1/II; pl. XXXIII, № 27/I; Actes de Saint-Pantéléèmôn, pl. II, № 2; pl. X, № 5; Actes de Docheiariou, pl. XII, № 7/A/II; pl. XXX, № 24/A/II; Actes d'Iviron, t. 1, pl. XIV, № 5; pl. XVI, № 6; pl. XVIII, № 7; pl. XIX, № 7; pl. XXVI, № 11; pl. XXVII, № 12.

ГЛАВА IV

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЧАСТНОПРАВОВОЙ АКТ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

АКТ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Что бы мы ни говорили, исходя из самого частноправового акта, из анализа его структуры и удостоверительных признаков и клаузул, о его «диспозитивном» или «апробативном» характере (на русский язык эти выработанные западноевропейской дипломатикой и трудные для перевода понятия попытался передать не очень, на наш взгляд, удачно еще А. С. Лаппо-Данилевский, введший в нашу науку соответственно термины «удостоверительный акт» и «осведомительный акт» [1]), все же подлинная роль акта становится ясной только в ходе его реализации в судебном процессе, причем реализации как через суд гражданский, так и уголовный, функции которых в Византии не были столь строго отграничены друг от друга, как в позднейшем праве, могли осуществляться одним и тем же судьей и даже протекать в одном и том же судопроизводстве.[2] В сложившейся еще в ранней Византии системе судопроизводства (причем независимо от вида суда, от того, был ли суд светский или церковный) государственная регламентация охватывала и вопрос о характере и относительной ценности доказательств, приносимых сторонами. Доказательства оценивались как по характеру (письменным свидетельствам отдавалось как будто предпочтение перед устными), так и по социальной принадлежности лиц, приносивших доказательства, свидетельские показания. Судьи могли пользоваться консультацией юристов-адвокатов, присутствовавших в суде в качестве асессоров, привлекать экспертов и вызывать в суд свидетелей для удостоверения подлинности документов; разрабатывается система клятв, приносимых сторонами, свидетелями и даже судьями.[3]

---

[1] *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 15.

[2] *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 172. К использованной в этой работе литературе о римско-византийском судебном процессе следует добавить труды греческого ученого Сп. Трояноса о церковном суде в Византии, компетенции которого, как известно, подлежали не только церковные правонарушения, но и гражданские дела. См.: *Troianos S. N.* 1) Ἡ ἐκκλησιαστικὴ δικονομία μέχρι τοῦ θανάτου τοῦ Ἰουστινιανοῦ. Ἀθῆναι; 1964, 170 σελ; 2) Ἡ ἐκκλησιαστικὴ διαδικασία μεταξὺ 565 καὶ 1204 // ΕΚΕΙΕΔ, 1966 (ἐκδ. 1969), τόμ. 13, σελ. 3—146.

[3] *Липшиц Е. Э.* Право и суд. . . С. 174, 186 и др.

Хотя процесс судебного разбирательства носил бюрократический, отличавшийся обязательным требованием письменной документации на всех его этапах характер, ни в законодательстве, ни в правовых документах нет точного описания порядка процесса. Мы не располагаем протоколами судебных процессов, и все наши познания о практике византийского суда (в частности, в поздней Византии, что для нас особенно важно), о том, как протекал тот или иной процесс и главное — как в нем реализовались привлеченные в качестве средств доказательства частные акты, мы получаем из дошедших до нас постановлений судов по тому или иному делу. Составленные нередко по формуляру, сходному с формуляром актов, эти документы содержат более или менее пространный нарративный раздел с изложением обстоятельств дела и хода его рассмотрения, а иногда и ценных сведений о фигурировавших при этом документах. Разумеется, постановления судов, отражающие преимущественно заключительный процедурный этап судебного процесса, не могут заменить подробных судебных протоколов, отсутствие которых весьма ограничивает возможности исследования действительной роли частноправового акта в судебном процессе и его полноценной интерпретации.

Те сведения, которыми мы располагаем, в своей совокупности заставляют нас думать, что при нормальных условиях аутентичный письменный, надлежащим образом оформленный и засвидетельствованный акт был в глазах любого суда вполне достаточным средством доказательства, которое могло быть положено в основу выводов по делу. Конечно, доказательственной силой обладали прежде всего документы публичного характера, т. е. выпущенные каким-либо должностным лицом, представителем власти (императорские жалованные грамоты и указы, патриаршие сигиллии, составленные чиновниками финансового ведомства кадастры и описи — практиконы, судебные решения и т. д.), ибо «какое лицо, маленькое или большое, может осмелиться пренебречь императорским актом», — высокомерно говорится в грамоте Андроника II Палеолога от 1295 г. по поводу жалобы игумена Ватопедского монастыря на вымогательства налогов со стороны одного влиятельного сановника Провонеагоса.[4] Доказательственная и диспозитивная сила императорской грамоты ясно подчеркнута и в простагме Иоанна III Дуки Ватаца от 1237 г., адресованной дуке фемы Фракии Мануилу Контофресу по поводу освобождения от налогов париков монастыря Лемвиотиссы: «Передай настоящий орисмос моей царственности монастырю с тем, чтобы он мог его представить чиновникам, которые взимают налоги, и чтобы эти последние действовали согласно его содержанию».[5]

---

[4] *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. München, 1960. 4. Teil. № 2180 (Дэльгер, впрочем, именно в этой части считает документ поддельным, полагая, что такой неуклюжей фразы не могли сочинить в императорской канцелярии, — подозрение, на мой взгляд, не очень-то обоснованное).

[5] Ibid. № 175. На оба эти примера было указано в сообщении А. Гийу во время коллоквиума по греко-византийской палеографии, на заседании, спе-

Действительно, если взять, например, постановление вселенских судей от 1334 г. по делу о тяжбе между монахами Эсфигменского монастыря и жителями крепости Рендины, то увидим, что права на оспариваемую землю доказываются исключительно наличием у тяжущихся сторон древних хрисовулов, простагм, актов описи — практиконов, но не упомянуто ни одного частного акта.[6] В тяжбе между монастырями Лемвиотиссы и Стилла (1281 г.) по поводу оливковых деревьев и хорафиев решающим оказалось обращение судей к писцовой книге — практикону (частные документы не фигурируют).[7] Спор монастыря Лемвиотиссы с неким Михаилом Комнином Враной в 1286 г. (в издании Миклошича и Мюллера ошибочно — 1386 г.) решался судом на основе публичных документов, в частности хрисовула императора Иоанна Дуки Ватаца, которыми располагал монастырь и которым ничего не мог противопоставить Михаил Комнин Врана, кроме ссылок на старый обычай и долгое пользование (сомнений в подлинности представленных документов высказано не было, и монастырь получил полное признание прав на свои земли).[8]

Чаще, однако, публичные документы фигурируют в суде совместно с частными, причем их рассмотрение ведется в комплексе с другими видами доказательств, в частности со свидетельскими показаниями, нередко с выездом к местоположению объекта спора или к месту проживания свидетелей, что, впрочем, мы не склонны, в отличие от А. Гийу,[9] считать показателем «недостаточности» письменного документа (ведь целью этого было подтвердить подлинность документа). Так, в тяжбе 996 г. между монастырем Полигирос, выступившим в роли истца, и «турмархом болгар» Василием судьба спорного земельного участка решалась предоставлением монахами завещания ктитора монастыря протоспафария Димитрия Птелеота (частноправовой документ) и подтверждающей его выпиской из выпущенного гениконом регистра (ἰσοκώδικον ἐκ τοῦ γενικοῦ παρεκβληθέν — публичный документ). Правда, письменные свидетельства были все же подкреплены устными показаниями свидетелей — местных жителей и сидящих на этих землях крестьян, а также клятвами присяжных заседателей. Кроме того, ведший этот процесс судья Николай, желая составить более четкое представление о существе дела, но будучи не в состоянии «из-за труднодоступности места» своими глазами увидеть указанные в документах границы участка, посылает с этой целью группу местных деревенских жителей, которые (в присутствии заседателей, другой высокопоставленной публики, монахов и самого ответчика — болгарина Василия) с крестами в руках определили границы участка в точном соответствии с периорисмосом, указанным

циально посвященном теме «Доказательственная сила (valeur probatoire) письменного акта», см.: La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977, P. 532.

[6] Actes d'Esphigménou, № 19, p. 133—134.

[7] MM, vol. 4, № 38, p. 93—94. О дате этого недатированного документа см.: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП. 1880. Т. 210. С. 154.

[8] MM, vol. 4, № 177, p. 278—284.

[9] La paléographie grecque et byzantine. P. 532.

в завещании ктитора и в исокодике, а также в соответствии с их собственными устными свидетельствами. Процедура установления границ явилась, таким образом, не столько подтверждением документальных данных, сколько реализацией ставшего очевидным постановления суда. Ответчику турмарху Василию не оставалось ничего другого, как дать монахам отступную грамоту.[10]

Точно так же в тяжбе между монастырем Лемвиотиссы и неким Фокой в 1280 г., который выступил в роли истца, пригласив местных стратиотов и «домохозяев» селения Мантея для разбирательства спора, судьи первым делом потребовали от монахов документов. Те сначала вообще не захотели иметь дела с Фокой, удалившись в монастырь, но затем вышли с документами в руках, а именно — с хрисовулом императора («ктитора монастыря», имеется в виду Иоанн Дука Ватац), актом описи — практиконом и завещанием покойного иерея Алексея Тесаита. Присутствовавший при этом сын Алексея Михаил (тоже иерей) опознал документ своего отца. Судьи и свидетели, которые тоже осмотрели хрисовул, практикон и завещание Алексея, признали несправедливость притязаний Фоки.[11] В решении суда вообще не упоминается предмет спора, и создается все же впечатление, что частному акту (завещанию Алексея Тесаита) уделено здесь даже больше внимания, чем официальным документам.

Нечто аналогичное мы наблюдаем в уже упоминавшемся деле из Трапезунда, когда по случаю тяжбы в 1367 г. между монастырем и священником прихода Хортокопия Георгием о спорных участках пахотной земли на место прибыл судья области Мацуки, который осмотрел спорные участки, выслушал доводы той и другой стороны в присутствии «заслуживающих доверия старцев», исследовал «документы и кодик» монастыря (т. е., как мы уже знаем, копийную книгу — картулярий, в которой списаны в основном частные акты) и вынес приговор в пользу монастыря, которому и выдал соответствующую судебную грамоту (τὸ κρισιμόγραφον), засвидетельствованную и другими лицами.[12] Доказательственное свойство частного акта expressis verbis признано и простагмой Иоанна VIII Палеолога от 1447 г., в которой, подтверждая права Кутлумушского монастыря на различные участки в Лонге и в Рендине, которыми он владеет вот уже 30 лет, император делает существенную оговорку: «Если же найдется кто-либо, у кого есть письменный акт, дающий ему право владения одним из этих участков, то тогда не отдавать этот участок монахам, но пусть он будет за тем, у кого есть акт».[13] Приговором церковного суда в Фессалонике в 1404 г. (синод под председательством митрополита Гавриила слушает дело о тяжбе между Димитрием Скампавлом и его сестрой Кали Фаласоиной) было отказано брату в иске на том основании, что он ошибочно интерпретировал слово «половина» спорного имущества (владение в мест-

---

[10] Actes d'Iviron, t. 1, № 10, p. 169—172.

[11] MM, vol. 4, № 60, p. 128—129. О дате этого недатированного документа см.: *Васильевский В. Г.* Материалы. . . С. 157.

[12] Вазелонские акты, № 120, с. 89.

[13] Actes de Kutlumus, № 47, p. 162.

ности св. Мария), значащееся в кадастре. Для этого суду потребовалось поднять все документы, относившиеся к владению, начиная с первоначальной покупки (зачитываются купчая, другие акты), провести их сопоставление, обнаружить ошибку истца (который, кстати, признал ее и попросил прощения за ту опасность, которой он подверг права сестры).[14] И еще одно интересное с точки зрения доказательственной силы частноправовых документов дело, о котором мы узнаем из одного акта об отказе от эксцепций (1377 г.): [15] авторы акта сестры Анна и Фомаида Ласкарины и их брат Константин Ласкарь (императорский чиновник) рассказывают, что их покойная мать «великая папена» Анна много лет назад по купчей (πρατηριῶδες γράμμα, πρατηριώδης γραφή), составленной с согласия их зятя «великого архонта» Кавасилы (имеется в виду известный по другим источникам архонт Фессалоники Димитрий Дука Кавасила) и их дяди великого примикирия Факрасиса, в присутствии других архонтов царского и церковного ведомства, которыми и была совершена купчая, уступила Лавре наследственное владение, включавшее дома близ ворот Форики г. Серры (один из них был пекарней), право на получение арендной платы (ἀνακαμπτικὸν τέλος),[16] сады близ крепости, причем сделала она это «двойным способом, как продажу и как благочестивое дарение» (τρόπῳ διπλῷ, τῷ μὲν πράσει, τῷ δὲ ἀφιερώσει); лавриоты, получив эти владения добросовестно (πίστει καλῇ), осуществили в них усовершенствования и, как это у них принято, построили там церковь. По прошествии многих лет наследники Анны (авторы настоящего акта) сочли, что имеют законные права на эти владения, и обратились с прошением к императору «как якобы претерпевшие несправедливость»,[17] и получили орисмос, предписывавший рассудить их с монахами; в свою очередь монахи, явившись в суд, предъявили имевшиеся у них грамоты (δικαιώματα). Состоялся большой процесс (ὁ ἀγὼν πολύς), в котором победу одержали монахи.

Документы, таким образом, сделали свое дело, и истцам во всех этих случаях, очевидно, даже не к чему было придраться, чтобы поставить под сомнение их подлинность. Не всегда, однако, все шло столь гладко. Вот один из примеров — решение суда в Калабрии от 1042 г. под председательством стратига Лукании Евстафия Скепидиса по делу о тяжбе между игуменом монастыря св. Николая Климом Мулецисом и его племянниками монахом Фантином и священником Львом.[18] Последние возбудили иск против своего дяди

---

[14] Actes de Lavra, t. 3, № 156, p. 139—140.

[15] Ibid., № 148, p. 110—112.

[16] Об этом виде долгосрочной эмфитевтической аренды см.: *Medvedev I. P.* Une espèce mal étudiée du bail à long terme byzantin // XVe Congrès Intern. d'Etudes Byz. (в печати).

[17] Обращает на себя внимание то, что акт, составленный от лица наследников — истцов и подписанный ими, написан в тоне, осуждающем их самих.

[18] Actes de Dannoso, № 3, p. 44—49. Этот случай как показательный рассматривал А. Гийу и на упоминавшемся заседании коллоквиума, посвященном проблеме доказательственного значения письменного акта (La paléographie grecque et byzantine. P. 532).

(по матери), обвиняя его в том, что он завладел виноградниками, которые были родовой собственностью. Ответчик оправдывался тем, что мать истцов была его сестрой; что их отец, выдавая ее замуж, разделил свое наследство и дал ей ее часть от виноградников и другого имущества; что спустя много лет трое братьев (т. е. сам Клим и два его брата) тоже получили свою долю наследства от отца. Истцы возразили, что у Клима есть 3000 футов виноградника сверх доли (*κατὰ περίσσειαν*) и что они требуют из этого свою долю. Клим ответил, что дело обстоит совсем не так, и уточнил, что участки, о которых говорят истцы, куплены им у Сильвестра, Хриматаса и Никандра, что он их обработал и насадил на них на свои средства виноградники, что он потратил на это свое состояние и что отец со своим наследством тут ни при чем. Поскольку истцы настаивали на том, что речь идет об отцовском наследии, а не о купленных владениях, то игумен предъявил купчие (*τοὺς ἀγοραίους χαρτόους*), которые были осмотрены членами суда и признаны подлинными, имевшими силу и засвидетельствованными достойными доверия свидетелями (*εὕρομεν αὐτοὺς κυρίους και ἰσχυροὺς καὶ ἀπχρασάλευτους, μεμαρτυρημένους καὶ ὑπὸ ἀξιολόγων μαρτύρων*). Истцов не убедили и купчие (*οὐκ ἐπείσθησαν εἰς τοὺς ἀγορχίους χάρτους*), поэтому стратиг принял решение направить на место нотария Льва, чтобы все шло по закону, и обязал Клима представить свидетелей, которые клятвенно могли бы гарантировать истцам законность купчих. Клим представил четырех свидетелей, которые, приняв Евангелие из рук истцов, подтвердили под присягой границы виноградников, купленных Климом, такими, какими они были зафиксированы в купчих, и поклялись, что они помогали игумену сажать эти виноградники, что он потратил на это свое состояние, что эти участки куплены у Хриматоса, Сильвестра и Никандра, а также у жены пресвитера 600 футов виноградника по ту сторону крепости Меркурий, в местечке «Мельницы», что от наследства ему досталось только 630 футов виноградника и в районе крепости еще 700 футов — владения, которые принадлежат нераздельно Климу и его двум братьям — Иоанну и Никите. Свидетели добавили, что сестра последних Евгения отделилась от своих братьев много лет назад, получив свою долю от отца, и что жалоба истцов безосновательна. В свою очередь и вся сторона Клима поклялась на Евангелии, что он купил эти участки под виноградники, засадил их, взрастил и что ни его отец Николай, ни сестра Евгения не помогали ему. Истцы, упорствуя, потребовали свидетельства священника Филиппа, который, как выясняется далее, был писцом документов. Тот, серьезно больной, подтвердил под присягой и письменно, что виноградники были куплены, что это именно он, Филипп, писал купчие, что раздел имущества был осуществлен много лет назад и только из стяжательства истцы затеяли этот спор.

Казалось бы, все выяснилось, иск был явно безосновательным. Тем неожиданнее постановление суда, согласно которому, правда, за Климом и его братьями подтверждалось владение спорными землями, «которые они держат по праву покупки или наследства», но

тут же предписывалось часть наследства, эквивалентную доле Евгении, матери Фантина и священника Льва (т. е. 1000 футов виноградника), «отмерить и передать двум истцам». При этом их иск аннулировался, «так как владения Клима, им купленные или унаследованные, были подтверждены стратигом».[19] Спрашивается, где тут логика? «Мне кажется ясным, — говорит по этому поводу издатель акта А. Гийу, — что расследование, проведенное представителем стратига, убедило этого последнего в обоснованности иска. Здесь остались верными общему принципу, сформулированному императором Константином в 317 г. „В судебных процессах письменные документы имеют ту же ценность, что и показания свидетелей“.[20] Процедура исчерпана, юридические последствия процесса признаны, но справедливость не торжествует, а ее следует удовлетворить во что бы то ни стало. Социальное положение ответчика (игумен монастыря) может объяснить то, что он собрал свидетелей, более или менее введенных в заблуждение тем фактом, что он владел спорным имуществом уже давно. Но что поражает здесь, так это качество представленных документов, трех купчих, которые были признаны судом подлинными и которые были наверняка подделками, если не в дипломатическом отношении, то по крайней мере в юридическом (sinon diplomatiquement, du moins juridiquement), поскольку спорные владения были проданы людьми, которые не были их собственниками. С привлечением свидетелей и принесением присяги письменный акт в глазах дипломатиста является последним доказательством, требуемым византийским судом. Зато историки, позволив себе увлечься этим, были бы неправы, так как он (письменный акт?) отражает лишь частичку формальной реальности. Этот последний пример имеет, может быть, то преимущество, что он в провоцирующей форме напоминает историкам, каковыми мы все тут являемся, что никакой источник не может быть объективным и что он может быть понят только в контексте той среды, которая его породила».[21]

Все это верно, но именно поэтому предположение о том, что купчие, при помощи которых отстаивал свое право ответчик, были «наверняка подделками», кажется нам необоснованным (ведь недоказанным является и то, что люди, продавшие земли ответчику, не были их собственниками). Скорее всего, мы имеем и здесь дело с проявлением приверженности византийцев к принципу «экономии», т. е. компромиссному решению судебных споров. То, что при первой представлявшейся возможности византийские судьи предпочитали именно этот путь (отсюда обилие такого рода частных актов, как «мировые» — διαλύσεις), кажется нам бесспорным. Так, в споре 1048 г. между игуменом монастыря св. Апостолов Дометию Григорием и игуменом монастыря Ксилургу Иоанникием (оба на Афоне) пострадавшая сторона обратилась с жалобой к императору Константину IX

---

[19] Actes de Dannoso, p. 49, l. 40—45.
[20] C. 4. 21.15: In exercendis litibus codem vim obtinent tam fodes instrumentorum quam depositiones testium. Cf. B. 22. 1.74 cum scholiis; Hexabiblos, 1.8.15.
[21] Actes de Dannoso, p. 40; La paléographie grecque et byzantine. P. 533.

Мономаху. И хотя последний специальным рескриптом (βασιλικὴ γραφὴ) предписал проту Афона произвести расследование и примерно наказать виновного, афонский суд, состоявший из игуменов (καθολικὴ σύναξις), отдал предпочтение мировой сделке [22] — случай отнюдь нередкий как на Афоне, так и в других местах империи, когда в ответ на обращенные к ним жалобы (по существу исковые заявления) византийские императоры повелевают передать дело в суд, но все заканчивается компромиссом из соображений «экономии».[23] Этим же руководствовался патриарх Филофей в 1375 г., рассматривая в синодальном суде иск монахов Акапнийского монастыря, опротестовавших продажу великим доместиком Димитрием Палеологом (на самом деле его женой Анной, но с его согласия) Дохиарскому монастырю владения Марианна со ссылкой на их право предпочтительной покупки.[24] Синодальное постановление интересно тем, что в ходе разбирательства были нарушены все правовые принципы, чтобы решить дело не в пользу истцов, которые по существу были правы: бралось на веру объяснение этого дела могущественным ответчиком (помимо того, что Димитрий Палеолог занимал один из самых высоких чинов в придворной иерархии, он приходился еще и дядей императору), не был затребован даже сам документ, не были заслушаны ни составитель акта, ни нотарий, ни свидетели. По верному замечанию Икономидиса, во всей той аргументации, которая приводится в постановлении синодального суда, ощущается некоторая неловкость со стороны его составителя, которому пришлось облекать юридическими аргументами решение, принятое из принципа «экономии»: он предпочел «полуправду» Димитрия Палеолога стяжательству акапнитов.[25]

«Византийская Фемида», которая в принципе строила свою деятельность на основе признания равенства сторон перед законом и судом, утверждения законности в общественной жизни и в судопроизводстве, давала порою явные сбои. Показательно в этом смысле дело, по которому было вынесено даже два почти идентичных, но подписанных разными судьями судебных решения, не датированных,[26] но сохраненных все тем же картулярием монастыря Лемвиотиссы:[27] некто Николай Критик продал свое пахотное поле некоему Кутулу, крестьянину (пáрику) монастыря Лемвиотиссы, и выдал надлежащий акт со своим собственноручным сигноном (ἐπιστήσατο τὰ τοῦ γράμματος ὁ Κρητικὸς δι' οἰκειοχείρου σιγνογράφου). Шесть лет Кутул

---

[22] Actes de Saint-Pantéléèmôn, № 4, p. 48—50.
[23] Ibid., p. 41.
[24] Actes de Docheiariou, № 43, p. 243.
[25] Ibid., p. 242.
[26] В. Г. Васильевский датирует их временем «несколько ранее 1285 г.», что кажется несколько странным, так как он сам даже возобновление этого старого спора относит к 1270 г., см.: *Васильевский В. Г.* Материалы. . . С. 158—159. Но, безусловно, дело рассматривалось примерно в эти времена, так как сохранилась датированная 1272 г. купчая одного из действующих лиц процесса Николая Критика. (ММ, vol. 4, № 90, p. 162—165).
[27] ММ, vol. 4, № 91, p. 165—166 (писано и подписано протопапасом Гуделисом Катакалоном); № 92, p. 167—169 (подписано Георгием Скутариотом).

владел купленным беспрепятственно, но потом случилось следующее: номику Керамарису, соседу, понравился хорафий, и он, пользуясь авторитетом и властью тогдашнего великого друнгария Гавалы, «человеком» которого Керамарис был, насильственно вступил во владение полем и засеял его. Кутул, не имея возможности противоречить (μὴ ἰσχύων ἀντειπεῖν), ушел к куманам[28] и при их помощи со своей стороны прибег к насилию, захватил упряжку волов (ζευγάριον) Керамариса и увел с собою. Тот в свою очередь, очутившись в затруднительном положении, обратился к некоему Фариссею с просьбой о помощи, чтобы он отправился туда и постарался выручить упряжку, что тот и сделал. И так как не было возможности умилостивить куманов каким-то иным способом, кроме вина (ибо «род этот был привержен к пьянству так, как никакой другой»), то он вместе с Кутулом стал торговаться с ними об угощении, в результате чего было пропито целых два иперпира. Упряжка, по-видимому, была выкуплена, и Керамарис стал считать себя владельцем присвоенной земли, и с того времени до «сегодняшнего» дня владел хорафием беспрепятственно (но без надлежащего письменного документа, скрепленного крестом Кутула). Но в 1270 г. (дата, указанная Васильевским) дело было поднято на крестьянском местном суде. Со стороны монастыря Лемвиотиссы, пáриком которого был Кутул, явился монах Марк, со стороны Керамариса — его сын и некий Михаил Фелогос. Керамарис предъявил поддельный документ, якобы выданный ему Критиком (ἔγγραφον φάρσον δῆθεν παρὰ τοῦ Κρητικοῦ γεγονός), о том, что тот продал этот хорафий Керамарису. В конце концов суд пришел к заключению, что имением должен владеть монастырь, так как Кутул был его пáриком, а Керамарису было объявлено, что он должен вернуть то, что было несправедливо захвачено его отцом. Справедливость, таким образом, как будто восторжествовала, но не для крестьянина Кутула: победой воспользовался монастырь.

В целом же создается впечатление, что письменный частноправовой акт (как и письменный акт вообще) выполнял свое назначение, был одним из важнейших средств доказательства в судебном процессе. Об этом парадоксальным образом свидетельствует и такой весьма распространенный в Византии деликт, как подлог (crimen falsi), ибо именно признававшаяся процессуальным правом доказательственная сила документов толкала лиц, посягавших на чужие права (этих falsadori, которых Данте обрекает на вечные муки, поместив в Аду — Inferno, XXIX, 56—57), или на подделку подлинных, или на изготовление с самого начала подложных актов. Конечно, это не специфически византийское явление: длинный ряд фальсификатов (а мы назовем только самые громкие подделки) начиная от

---

[28] Под «куманами» здесь выступают знаменитые и в русской истории половцы. В 1241 г. император Никеи Иоанн III Дука Ватац разрешил бегущим под натиском татар куманам поселиться на византийских территориях в Македонии, Фракии, но также и в Малой Азии, в частности во Фригии (на землях, орошаемых Меандром), к северо-востоку от Сард и Филадельфии: *Savvides A. G. K.* Οἱ Κομάνοι (Κουμάνοι) καὶ τὸ Βυζάντιο, 11 ος—13 ος αἰ. μ. χ. // Βυζαντινά, 1985, τόμ. 13 [=Δώρημα στὸν Ι. Καραγιαννόπουλο], σελ. 949.

позднеантичных симмахиевых подделок через так называемый Константинов дар, Псевдо-Исидоровы Декреталии, вплоть до бесчисленных подложных документов известных и неизвестных авторов позднего средневековья и поддельных «житий», т. е. подделок, совершенных с мошенническими намерениями, из политических соображений, генеалогических амбиций, «из страсти к подражанию или из желания указать подлинные или ложные реликвии, но также из благородных побуждений»,[29] расцвечивает все средневековье. Поэтому discrimen veri ac falsi — это одна из важнейших задач, стоящая не только перед нынешней исторической наукой, прежде всего перед дипломатикой,[30] но и весьма остро беспокоившая самих современников, людей средневековья, в том числе и правоохранительные органы Византийской империи. Прежде чем рассмотреть конкретный материал византийской судебной практики по обнаружению подлогов, представляется целесообразным выяснить, как трактовался вопрос о подлоге в византийском законодательстве.

ПОДЛОГ ПО ДАННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА [31]

Само собой разумеется, что основу византийского, как, впрочем, и всего западноевропейского средневекового законодательства о подлоге, который с самого начала повсеместно имел тенденцию рассматриваться как crimen publicum, составляло римское законодательство об этом деликте, представление о котором в те отдаленные времена, оказывается, мало чем отличалось от наших нынешних представлений. В древнем римском праве наказанием подделывателю документов угрожали Lex Cornelia и Senatusconsultum Libonianum.[32] До Суллы не было еще точных определений подлога, в законах XII таблиц говорилось лишь о лжесвидетельстве (falsum testimonium), за которое уже тогда полагалась смертная казнь: виновного сбрасы-

---

[29] *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht bei der Verfolgung des Fälschungsdelikts im Mittelalter // Traditio. 1965. Vol. 21. P. 291; cf.: *Silvestre H.* Le problème des faux au moyen âge: A propos d'un livre récent de M. Saxer // Le Moyen-Âge, 1960. T. 66. P. 351 sq.; *Bagnani G.* On fakes and forgeries // Phoenix. 1960. T. 14; *Fuhrmann H.* Die Fälschungen im Mittelalter: Überlegungen zum mittelalterlichen Wahrheitsbegriff // HZ. 1963. Bd 197. S. 529—554; *Brooke C. N. L.* Approaches to medieval forgery // *Brooke C. N. L.* Medieval Church and Society: Collected Essays. London, 1971; *Constable G.* Forgery and plagiarism in the Middle Ages // Archiv für Diplomatik. 1983. Bd 29. S. 1—41; *Delle Donne R.* I falsi nel Medioevo // Quaderni medievali. 1987. T. 23. P. 159—200.

[30] *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd 1. S. 6 ff.

[31] Вопрос уже освещался в обстоятельных статьях Дэльгера и особенно Трояноса: *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz // Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 384—402; *Troianos S.* 1) Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας ἐν τῷ βυζαντινῷ δικαίῳ // EEBS, 1972/73, τόμ. 39—40, σελ. 181—200; 2) ''Εγγραφα καὶ πλαστογραφία στὸ Βυζάντιο // 'Αρχαιολογία, 1982, τεῦχ. 5, σελ. 48—51.

[32] Будучи дополненными другими материалами, эти нормы содержатся главным образом в Феодосиевском кодексе (C. Th. 9.19), в Дигестах (D. 49.10) и Кодексе Юстиниана (C. 9.22—23). Ср.: *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Graz, 1955. S. 668 ff.; *Kunkel W.* Untersuchungen zur Entwicklung des römischen Kriminalverfahrens in vorsullarischer Zeit. München, 1962. S. 64.

вали с Тарпейской скалы. Закон же Суллы (lex Cornelia testamentaria nummaria, позднее обозначаемый просто как lex Cornelia de falsis) был направлен, как явствует уже из названия, преимущественно против подделок завещаний и монет (среди них — незаконное устранение или подделка подлинного, а также изготовление и умышленная легализация фальшивого завещания, за что полагалось наказание ссылкой и конфискацией имущества для honestiores, ссылкой в рудники или смертной казнью для humiliores и исключительно смертной казнью через распятие для рабов). Завещательное право было, таким образом, исходным пунктом законодательства против документального crimen falsi, так как более поздние постановления сената и императорские конституции уравняли с завещаниями и другие документы. Расширился и круг родственных документальному подлогу деликтов, попавших в поле зрения юристов (приговоры судей в нарушение недвусмысленных законов, подкуп судей с целью добиться вынесения несправедливого или неисполнения справедливого приговора, выдача документов доверителя противной стороне по процессу, использование заведомо подложных административных указов и конституций, изготовление или использование подложных мер и весов, использование фальшивых имен, титулов или званий, двойная продажа одной и той же вещи и т. д.). При этом «строгое отграничение подделок от родственных уголовных деликтов римское право знало столь же мало, сколь и испытавшая его влияние средневековая юридическая теория и практика».[33]

Не существовало и единого, общего для всех разновидностей этого преступления определения понятия falsum. Только в 538 г. своей знаменитой 73-й новеллой Юстиниан вводит, казалось бы, совсем незамысловатое, но, как оказалось, очень живучее определение: «Подделка — это не что иное, как подражание истине» (μηδὲν ἕτερόν ἐστι παραποίησις εἰ μὴ τῶν ἀληθῶν μίμησις)[34] — фраза, которая в латинском Автентикуме передана как «nihil aliud est falsitas nisi imitatio veritatis», а позднее в трудах западноевропейских легистов и канонистов (среди них Азо, Бернгард из Павии, Готфрид из Трани, Альберт Гандинский и другие, даже Данте) переосмыслена как «подделка — это искажение истины» (Falsum est veritatis immutatio).[35] Но если на Западе римское законодательство о подделках широко рецепировалось как в светском праве, так и в церковно-каноническом (почти все в них в трактовке crimen falsi через Кодекс Феодосия, Дигесты и Кодекс Юстиниана восходит к Lex Cornelia de falsis, как, впрочем, и к новелле 73 Юстиниана),[36] то в Византии

---

[33] *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht. . . S. 298.

[34] Nov. 73 pr.; cf.: *Schminck A.* und *Simon D.* Eine Synopsis der Novellen Justinians // FM. 1981. 4. P. 167.

[35] *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht. . . S. 299, 324 und Anm. 214.

[36] Именно в каноническом праве католической церкви римское законодательство о подделках получило наиболее оригинальное претворение, вспомним только декреталии Иннокентия III с их каталогом критериев, с помощью которых следовало отличать подложный документ от подлинного, — кульминация папского законодательства о подлоге. Немало изобретательности папские декре-

оно почти не затронуло канонического права, но, будучи кодифицированным в Юстиниановом Corpus Iuris Civilis, через греческие обработки последнего полностью вошло в Василики (IX в.), обогатившись интересными схолиями,[37] а позднее (в середине X в.) будучи еще раз резюмированным в Синопсисе Василик.[38]

Это рецепированное византийское законодательство охватило в основном тот же круг, с одной стороны, довольно-таки разношерстных, с другой же — недостаточно дифференцированных деликтов, а именно: [39] изготовление какого-либо подложного акта; подделка любого подлинного акта (византийцы сознавали, что преступление может быть совершено и самим должностным лицом, но понятия «должностного подлога» как будто expressis verbis не сформулировали); изготовление поддельной печати или поддельных государственных мер и весов; использование неподлинных документов (среди них — проезд на основании такого рода документов по государственным дорогам; представление на суде свидетельственных документов, подлинность которых предъявившая их сторона не смогла доказать; пользование всяким актом любого содержания, законодательным или административным, не скрепленным подписью издавшего его органа; использование подложного императорского документа; посягательство на чужую собственность, основанное на подложных документах); сокрытие судебного решения из корыстных побуждений; утаивание документов с целью замалчивания истины; ложное обвинение и лжесвидетельство; раскрытие содержания доказательственных правовых документов их хранителем стороне, тяжущейся с лицом, поместившим документы на хранение, и т. д.

Особое внимание по традиции уделено завещаниям, их хищению, утайке, распечатанию, уничтожению, внесению писцом завещания в его текст заведомо ложных сведений, с помощью которых он прямо или косвенно извлекает пользу (среди этих добавлений — завещание части имущества ему самому, его господину или лицу, подвластному им; распоряжение, благодаря которому наследник обязывается предоставить какое-либо имущество писцу; распоряжение, которым подтверждаются прежние кодициллы завещания в пользу писца; распоряжения об отпуске на свободу раба писца или другого лица). Документ может быть признан недействительным и в том случае, если писец опускает какие-то сведения с прямым умыслом, но в то же время оговариваются такие действия писца, которые не ведут к признанию завещания подложным как не приносящие никакой дополни-

---

талисты проявили, чтобы согласовать предусмотренную римским правом смертную казнь для подделывателей с церковным принципом «Ecclesia non sitit sanguinem».

[37] B. 60, 41.1—64 cum scholiis.

[38] SMB, П 17, 1—7; cf.: Νομικὸν Πρόχειρον συνταχθὲν ὑπὸ Μιχαὴλ Φωτεινοπούλου εἰς Βουκουρεστίον (1765—1777) / Ἐκδ. Π. Ι. Ζέπος, V. A. Georgescu, Α. Σιφωνίου-Καραπάς. Ἀθῆναι. 1982, σελ. 252—254 (B 55, 1—17).

[39] Детальные ссылки на статьи Василик, так же как и на loci paralleli других памятников, мы считаем здесь излишними, отсылая к соответствующему разделу специального исследования Трояноса: *Troianos N.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας . . . σελ. 182—186.

тельной выгоды писцу (например, в таких случаях, когда в результате добавочной записи определяется наследником писец, являвшийся и так свободным сыном завещателя, и т. д.). Не подпадают под обвинение в подлоге и действия, совершаемые в какой-либо из вышеуказанных форм несовершеннолетним (у мужчин — до 14 лет, у женщин — до 12 лет), так как здесь действовало общее правило, согласно которому во всех уголовных делах учитывается возраст виновного и его юридическая неосведомленность.[40]

Вообще же византийская юриспруденция делала различие между «подлогом» (πλαστόν = falsum)[41] и «квазиподлогом» (ὡσανεὶ πλαστόν = quasi falsum), хотя среди схолиастов подобных определений и не было единогласия в понимании их содержания. Так, согласно одной схолии, «подлог — это все совершенное рукой кого-либо: подражание почерку (τὸ μιμήσασθαι χεῖρα), выскабливание текста (τὸ ξέσαι), вырывание (τὸ διαρρῆξαι), изменение в нем (τὸ μεταγράψαι), вымарывание (τὸ ἀπαλεῖψαι), удаление (τὸ ὑφελέσθαι) каких-либо частей текста; квазиподлог же — это сообщение ложных сведений при вынесении приговора (? τὸ ἐν συμψηφισμῷ ψεύσασθαι), сокрытие какого-либо документа (τὸ ἀποκρύψαι δικαίωμα), препятствование кому-либо составлять завещание (τὸ μὴ ἐᾶσαί τινα διαθέσθαι)».[42] Схолиаст, таким образом, включает в понятие подлога как изготовление фальшивого акта, так и искажение подлинного, а в понятие «квазиподлога» — все прочие действия обманного характера, совершаемые с прямым умыслом из корыстных или иных личных побуждений, что вполне отвечает и современным представлениям о такого рода преступлении (введя понятие «квазиподлога», византийские юристы даже в какой-то степени обнаружили способность к более тонкому пониманию правовой материи, нежели современные юристы). И наоборот, излишне ригористичным представляется определение, содержащееся еще в одной схолии к тому же самому распоряжению Василик,[43] согласно которому «„подлог" — это изготовление фальшивого акта или чего-то такого, чего в принципе не было совсем; а „квазиподлог" — это подчистка в завещании или в других документах, вырывание, сожжение или уничтожение каким-либо иным способом, и когда в завещании записан какой-либо наследник, а другой вычеркнет его имя и впишет свое, чтобы быть наследником; и когда кто-либо сделавший дарение без свидетелей представит свидетелей как якобы присутствовавших при дарении; и когда кто-либо совершит при дарении оформление сделки задним числом; и когда кто-либо совершит письменное волеизъявление от лица кого-либо и представит сви-

---

40 B. 2.3.108 = D. 50.17.108; cf.: Ecl. B. 129.15—28; 130.1—18.

41 Помимо таких технических терминов, для обозначения подлога, как πλαστόν, πλαστογραφία (и соответственно πλαστογράφος), а также заимствованного из латыни φάλσευμα или φαλσογραφία, в греческом языке византийского времени можно встретить еще немало обыденных слов, обозначавших подделку: παραποίησις, νόθευσις и т. д. Ср. такой «лингвистический бандерлог», как ψευδοπλαστογραφία: Actes d'Esphigménou, № 27, p. 163, l. 25.

42 B. 60.41. 1 sch.; cf.: Ecl. B. 493.12—13.

43 Ibid. Cf.: Νομικὸν Πρόχειρον. . ., σελ. 254.

детелей, якобы присутствовавших; и когда кто-либо будет пользоваться фальшивыми весами».

Такое противоречие могло бы быть существенным, если бы за подлог и квазиподлог полагались различные наказания. Но различие в наказании происходило совсем по другому принципу — в зависимости от социального статуса преступника[44] (и это при том, что официально краеугольным камнем всей концепции римско-византийского права был принцип aequitas = ἰσότης!). Использование подложных документов влекло за собой для любого свободного подделывателя или квазиподделывателя высылку с полной конфискацией имущества, а если он был рабом, то даже смерть (Ἡ τοῦ πλαστοῦ καὶ τοῦ ὡσανεὶ πλαστοῦ τιμωρία περιορισμός ἐστι καὶ τελεία δήμευσις. κατὰ δὲ δούλων ἐσχάτη).[45] То, что «высшая мера наказания» (ἐσχάτη τιμωρία) означает именно смертную казнь, указано в другом месте Василик (μόνος ὁ θάνατός ἐστιν ἐσχάτη τιμωρία),[46] а еще в одном отрывке из этого свода конкретизируются и способы исполнения казни: «Высшая мера наказания — это повешение, сожжение, обезглавливание, но также ссылка в рудники и высылка (τὸ περιορισθῆναι), так как это сближается со смертью и имитирует ее».[47] Действительно, в отличие от простой высылки за пределы города или провинции, или даже ссылки на острова, вечной или на срок, но без утраты гражданства и имущества, обозначавшейся термином ἐξορία (в латинском тексте Дигест ему соответствует relegatio),[48] περιορισμός (deportatio) — это тоже ссылка, но ссылка совсем иного рода, сопровождавшаяся обычно заточением на каком-либо острове, утратой свободы, гражданства и имущества («молчаливая конфискация»![49]) и не без оснований уподоблявшаяся смерти или во всяком случае включавшаяся в понятие «высшей меры наказания». Тем не менее

---

[44] См. об этом: *Tourtoglou M.* Κοινωνικαί τινες ἐπιδράσεις ἐπὶ τὸ βυζαντινὸν δίκαιον // EKEIED, 1965, τομ. 12, σελ. 169—198; *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα. 'Αθήνα, 1987, σελ. 80 ἐπ.

[45] B. 60.41.1=D. 48.10.1, § 13; SMB, П 17. 1; SM, П 61.

[46] B. 60.51.20=D. 48.19.21.

[47] B. 60.51.26; cf. B. 60.51.27=D. 48.19.29.

[48] B. 60.54.5 = D. 48.22.5; cf.: *Kukules Ph.* Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. 'Αθῆναι, 1955, τόμ. 6, σελ. 57 ἐπ.; *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα, σελ. 106—107.

[49] D. 48.22.6—14. Cf.: *Bourdara K. A.* 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία (867—1056). 'Αθῆναι, 1981, σελ. 160—162; 2) Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα, σελ. 106, не без оснований поэтому Троянос считает, что рассмотренное выше предписание Василик, упоминая в числе наказаний «полную конфискацию имущества», содержит явный плеоназм (*Troianos S.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 187, σημ. 6), хотя, может быть, этот «плеоназм» и не был столь уж лишним. Интересно, что Νομικὸν Πρόχειρον Михаила Фотинопулоса, воспроизводя вышеуказанное распоряжение Василик (B. 60. 41. 1 = Νομικὸν Πρόχειρον, B 55. 1, σελ. 252), вместо слова περιορισμὸς использует именно термин ἐξορία, вообще не упоминая о конфискации. Сделано ли это Михаилом Фотинопулосом с полным осознанием всей этой юридической проблемы, сказать трудно.

это все же не смерть и даже не лишение свободы,[50] не тюрьма, так что пластограф из свободных имел некоторое преимущество перед своим коллегой из несвободных. Впрочем, и более мягкая форма ссылки — ἐξορία — также применялась, но ограниченно, угрожая только виновнику двойной продажи вещи [51] и использователю фальшивых мер и весов,[52] которых, по-видимому, можно обоих зачислить в разряд квазиподделывателей. Зато отягчающим вину обстоятельством для пластографа было использование подложного документа в уголовном суде и особенно для обоснования обвинения в «величайшем преступлении», когда независимо от его статуса и социального положения пластограф присуждается к смертной казни.[53] С целью упразднить всякую неясность в толковании этого предписания Лев VI издает свою 77-ю новеллу, разъяснившую, что высшая мера наказания налагается на пластографа, если она предусмотрена и для преступления, совершив которое, он сделал попытку обвинить другого, предъявив подложные письменные свидетельства. «Мы предписываем, — говорит Лев VI, — чтобы пластограф, подделавший такого рода документы, вследствие которых подделка обретает силу привести к смерти того, против кого она направлена, пусть сам, преданный каре, которую замыслил совершить против другого, будет подвергнут обезглавливанию».[54] Это ярчайший пример применения известного принципа «таутопафии» (ταυτοπαθεία) или «талионы» (talio), т. е. тождественности вида наказания характеру преступления.[55]

Зато сплошной загадкой для нас (как и для других исследователей) является наличие в юридической компиляции, известной под названием Частной Распространенной Эклоги (далее — ЕРА) и возникшей, возможно, в период с 829 по 870 г.,[56] статьи о наказании пластографов отсечением руки (ЕРА, 17.45: Οἱ πλαστογράφοι χειροκοπείσθωσαν). Е. Э. Липшиц, комментируя эту статью, высказала мнение, что ее автор использовал содержащиеся в Дигестах «высказывания Маркиана (14-я кн. Институций) о законе Корнелия Суллы о фальсификаторах (de falsis) и Ульпиана (7-я кн. De officio proconsulis). . . Однако краткая формулировка принадлежит автору

---

[50] D. 48.22.15: Deportatus civitatem omittit, libertatem retinet et ture civili caret, gentium vero utitur=B. 60.54. 15 cum scholiis. Cf.: *Bourdara K. A.* Καθοσίωσις. . ., σελ. 161.

[51] B. 60.41.21=D. 48.10.21.

[52] B. 60.41.32=D. 48.10.32, § 1; cf.: Ecl. B. 73. 2—3.

[53] B. 60.41.56=C. 9.22.22.

[54] Предписание Льва VI было включено в состав «Распространенной Эпанагоги» (Ep. A. 52. 111).

[55] *Dölger F.* 1) Urkundenfälscher in Byzanz. S. 391; *Troianos N.* 1) Περὶ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 188; 2) Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου: Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐξελίξεως τοῦ ποινικοῦ δικαίου ἀπὸ τοῦ Corpus Iuris Civilis μέχρι τῶν Βασιλικῶν. Frankfurt-am-Mein, 1980, σελ. 104—107; *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα, σελ. 97.

[56] *Goria F.* Sulla data e l'origine dell'Ecloga privata aucta // Studi Parmensi. 1977. 20. P. 305—329.

ЕРА».[57] Но, во-первых, в тех предписаниях Дигест, которые имеются в виду (а имеются в виду, безусловно, знаменитые D. 48. 10. 1 и 8), или ничего не говорится о пластографах и речь идет о фальшивомонетчиках, или же вообще ничего не говорится о наказании отсечением руки; во-вторых, исключалась сама возможность прямого обращения автора ЕРА к латинскому тексту Дигест. В науке последнего времени, на мой взгляд, вполне убедительно показано, что основой для создания этого сборника послужили Эклога и одна из ее первых переработок — Распространенная Эклога (Ecloga Aucta), известная также под названием Эклогадион (датируется предположительно самым началом IX в., временем царствования императора Никифора I, 802—811 гг.).[58] Парадокс, однако, в том, что и в них отсутствует какая бы то ни было статья о пластографах и об их наказании отсечением руки. Высказано даже сомнение, сохранился ли целиком в единственной венской рукописи Эклогадиона «пенальный» титул и не пропустил ли писец статью о пластографах, что психологически было бы вполне объяснимо из-за полного совпадения концовки этой статьи с концовкой предыдущей статьи о фальшивомонетчиках, которым также угрожает наказание отсечением руки (статья наличествует во всех трех компиляциях).[59] Но нельзя ли все же предположить, что здесь мы имеем дело не с простой ошибкой писца, а с влиянием, которое оказал на компилятора ЕРА такой памятник лангобардского права, как Эдикт Ротари (643 г.), в 243-й статье которого как раз и говорится о подделках документов и о наказании подделывателей отсечением руки (De cartola falsa. Si quis cartolam falsam scripserit aut quodlibet membranum, manus ei incidatur).[60] Ведь это был бы еще один и притом весьма важный аргумент в пользу уже высказанного в историографии мнения о южноитальянском происхождении ЕРА.[61]

---

[57] *Липшиц Е. Э.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981. С. 40.

[58] *Simon D.* und *Troianos S.* Eclogadion und Ecloga privata aucta // FM. 1977. II. P. 45—86. Авторы и публикаторы так объясняют происхождение ЕРА: некий компилятор, вознамерившись соединить вместе Эклогу и Эклогадион, в свой экземпляр Эклогадиона выписал из Эклоги те разделы, которые были выпущены автором Эклогадиона, или же, что еще лучше, он в свой экземпляр Частной Эклоги внес те разделы Эклогадиона, которые в ней отсутствовали, в результате получилась ЕРА. Ср.: *Troianos S. N.* Ἡ διαμόρφωση τοῦ ποινικοῦ δικαίου στὴ μεταβατικὴ περίοδο μεταξὺ Ἰσαυρῶν καὶ Μακεδονῶν // Βυζαντιακά, 1981, τόμ 2, σελ. 87—93.

[59] *Troianos S. N.* Ὁ «Ποινάλιος» τοῦ Ἐκλογαδίου, σελ. 104 καί σημ. 15.

[60] *Beyerle F.* Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947. S. 98; Ср.: *Osenbrüggen E.* Das Strafrecht der Langobarden. Schaffhausen, 1863. S. 156. Впрочем, наказание увечьем — типичная черта варварского германского права: именно отсечением руки (вместо смертной казни) карает подделывателей более низкого социального происхождения Lex Visigothorum (7.5.1); по франкскому праву писец поддельного частного акта терял большой палец правой руки (но мог и уплатить штраф в 50 солидов): Lex Ribvaria, 62.3; и т. д.

[61] *Goria F.* 1) Sulla data e l'origine. . . P. 312 ss., 320 ss.; 2) Tradizione romana e innovazioni bizantine nel diritto privato dell' Ecloga privata Aucta. Frankfurt-am-Main, 1980. P. 4.

Неясно также, каких именно «пластографов» имела в виду ЕРА. Варварское западноевропейское право применяло наказание увечьем, если не ошибаемся, только или по преимуществу к виновным за подлог частных актов, за подлог же королевских документов (как и за обвинение королевского указа в подлоге!) полагалась смерть. Во всяком случае по закону Роджера II в «Ассизах Ариано» (1140 г.), qui litteras regias aut mutat aut eas noto sigillo signat, capitali sententia feriatur,[62] — закон, который в 1231 г. был включен в Liber constitutionum regni Sicilie Фридриха II, причем даже с усилением наказания, так как угроза наказания смертной казнью распространялась с подделывателей королевских документов на всех нотариев и судей, которые подделывали публичные документы (император подчеркнул, что прежние наказания увечьем уже недостаточны).[63] В Византии же как будто не существовало предпочтительной защиты от подлога императорских документов — таково мнение, недвусмысленно высказанное Дэльгером,[64] но и вызвавшее в последнее время энергичный протест Трояноса. Согласно последнему, наказания, угрожавшие в Византии подделывателям любого рода документа, были настолько тяжки, «что в запасе по существу не оставалось никакой более серьезной уголовной санкции для этого особого случая».[65] Очень интересен в этом отношении отрывок из поэмы византийского писателя XII в. Михаила Глики о подделывателях царских документов, которые, «как подделавшие царственную руку и дерзко воспользовавшиеся пурпурными подписями, сами (находясь в тюрьме. — *И. М.*) имели руки, закованные в железо».[66]

В отличие от Трояноса, считающего, что здесь имеется в виду предварительное заключение, содержание под стражей до начала судебного процесса,[67] *мы вполне могли бы подумать, что у Глики* речь идет о пластографах императорских документов, лишенных свободы с содержанием в тюрьме в железных оковах.[68] В этой связи обращает на себя внимание то распоряжение Василик, согласно которому «лицо, издавшее подложные грамоты от имени архонта (под «архонтом» можно понимать вообще государственную власть,

---

[62] Liber August. 3.61. Цит. по: *Herde P.* Römisches und kanonisches Recht. . . S. 311, Anm. 129.

[63] *Huillard-Bréholles J.-L.-A.* Historia diplomatica Friderici secundi. Parisiis, 1854. Vol. IV, 1. P. 188 (Nov. Const. 1.95, p. 3).

[64] *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 391.

[65] *Troianos S.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 189—190.

[66] *Tsolakes E. Th.* Μιχαὴλ Γλυκᾶ στίχοι οὓς ἔγραψε καθ' ὃν κατεσχέθη καιρόν. Θεσσαλονίκη, 1959, σελ. 20.

[67] *Troianos S.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 190.

[68] Против мнения некоторых исследователей о том, что тюремное заключение вплоть до XII в. было мерой предварительной и означало содержание обвиняемого под стражей до суда, справедливо, на наш взгляд, возражает Бурдара (*Bourdara K. A.* Τὸ ἔγκλημα καθοσιώσεως στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081—1185) // Ἀφιέρωμα στόν Νίκο Σβορωνὸ, τόμ. 1. Ῥεθύμνο, 1986, σελ. 227). О тюрьмах в Византии см. также: *Bourdara K. A.* Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα, σελ. 111—124.

в том числе и императора, хотя латинский подлинник Дигест имеет в виду претора. — *И. М.*) или выпустившее фальшивый эдикт, подлежит уголовному наказанию по иску in factum и по иску о подлоге» (B.60.41.25=D.48.10.25). In factum agere — это, как известно, иск о фактических обстоятельствах данного дела, не имеющий строго определенной формулы.[69] Но что это означает в данном конкретном случае? Не то ли, что изготовление и использование фальшивых публичноправовых (а стало быть, и императорских) актов может квалифицироваться не только как подлог, но и в зависимости от «фактических обстоятельств данного дела» как καθοσίωσις, преступление против государственной власти, crimen maiestatis: впрочем, данное рассуждение может показаться излишним, так как в Василиках среди делинквантов, подпадавших под обвинение в καθοσίωσις, прямо упоминается «написавший или зачитавший нечто поддельное (τι πλαστόν) в публичном документе»,[70] а за καθοσίωσις, как показали исследования Каллиопы Бурдары, в Византии полагались самые тяжкие кары, среди которых мы встречаем и смертную казнь в разных вариантах, и тюремное заключение, и увечье (излюбленным было, правда, ослепление).[71]

Сказанное, возможно, поможет объяснить и тот «оксиморон» (выражение Трояноса), который наблюдается в одном весьма любопытном византийском памфлете XV в. Его автор Иоанн (издатели отождествляют его с известным деятелем византийской культуры XV в. Иоанном Аргиропулом), изобличая своего противника Димитрия Катавлаттаса в пластографии, отмечает, что тот рисковал быть осужденным на смерть (περὶ ψυχῆς ἔτρεχες) и в то же время подвергнуться отсечению правой руки (важное само по себе подтверждение и даже уточнение действительности нормы, зафиксированной в ЕРА—17.45).[72] Троянос при объяснении этого несколько необычного на первый взгляд сочетания двух контрастирующих видов наказания за одно и то же правонарушение исходит из того, что

---

[69] См., например: *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1890. С. 199; Heumanns Handlexicon zu den Quellen des römischen Rechts / 9. Aufl. neu bearb. von E. Seckel. Jena, 1926. S. 205—206.

[70] B. 60. 36. 2=D. 48. 4. 2. Cf. *Bourdara K. A.* Καθοσίωσις καὶ τυραννίς... σελ. 143. В интересной схолии к указанному предписанию Василик в качестве примера приводится случай оглашения умышленно искаженного текста мирного договора, в результате чего вместо мира возникает еще более ожесточенная война. Схолиаст подчеркивает, что если бы документ был частный, то виновник подлежал бы обвинению в подлоге, но поскольку речь идет о публичном документе, искажение которого наносит тяжкий ущерб государству, то возникает дело о καθοσίωσις.

[71] *Bourdara K. A.* 1) Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: Μακεδονικὴ δυναστεία, σελ. 164—165; 2) Καθοσίωσις καὶ τυραννὶς κατὰ τοὺς μέσους βυζαντινοὺς χρόνους: 1056—1081. Ἀθήνα, 1984, passim; 3) Τὸ ἔγκλημα καθοσιώσεως..., σελ. 211—229.

[72] *Canivet P.—Oikonomidès N.* [Jean Argyropoulos], La comédie de Katablattas: Invective byzantine du XVe s. // Δίπτυχα, 1982—1983, τόμ. 3, σελ. 29, 28—31; *Troianos S.* Ἔργα καὶ ἡμέρες ἑνὸς δικαστῆ τοῦ 15 ου αἰῶνα ἢ ἡ τεχνικὴ τῆς λιβελλογραφίας // Βυζαντιακά, 1985, τόμ. 5, σελ. 64—66.

κεφαλικὴ ποινὴ отнюдь не всегда означала смертную казнь, но также ослепление, увечье и т. д., и тем самым снимает контрастность, присущую свидетельству Иоанна Аргиропула. Но, может быть, сто́ит принять во внимание и характер деликта: ведь, судя по словам Иоанна Аргиропула (см. с. 75—77, строки 675—713), Димитрий Катавлаттас предъявлял какие-то подложные рекомендательные с похвалами ему и с назначением его попечителем школ г. Фессалоники письма императора (по предположению издателей, имеется в виду или Иоанн VII или Мануил II Палеолог) и митрополита Фессалоники. Если за подлог первых он действительно мог поплатиться жизнью, то подлог вторых, не подпадавший под квалификацию crimen maiestatis, мог стоить ему правой руки. Не это ли и имел в виду Иоанн Аргиропул?

Как бы то ни было, у византийских правоохранительных органов были еще в резерве меры, чтобы бороться против наиболее тяжкого вида подлога — фальсифицирования императорских грамот.

Выполнялись ли все эти законодательные предписания? Это будет яснее видно на том материале повседневной судебной практики, который мы намерены рассмотреть далее. Пока отметим, что, с одной стороны, в Византии как будто существовал принцип неотвратимости наказания. Во всяком случае добровольное возмещение убытков пострадавшему в результате подлога не давало основания для снятия подсудности с виновного в подлоге. «Совершивший однажды подделку не может избежать своего осуждения, утверждая, что он не воспользовался ею», — говорится в Василиках.[73] Факт смерти виновного до начала уголовного преследования или перед вынесением судебного приговора не влиял на судебное разбирательство гражданских исков против наследников (хотя с самого виновника преступления наказуемость, естественно, снималась); [74] смерть в подобных обстоятельствах одного из соучастников преступления не влекла за собой благоприятного исхода судебного разбирательства для других; [75] и т. д. Даже положение о сроке давности отредактировано в весьма примечательных тонах: «Преступление в подлоге не подлежит сроку давности, разве что в 20 лет, как и все прочие преступления».[76] Но, с другой стороны, в Византии широко применялась практика «всеобщего помилования» (γενικῆς συγχωρήσεως) или «всеобщего прощения» (γενικῆς ἀφέσεως), которая вполне соответствует современному институту амнистии (кстати, и сам термин ἀμνηστία в его правовом значении тоже, кажется, византийского изобретения), т. е. частичного или полного освобождения от наказания и его правовых последствий тех или иных категорий осужденных, причем

---

[73] B. 60.41.43=C. 9.22.8.

[74] B. 60.41.4=D. 48.10.4; B. 60.41.12=D. 48.10.12; B. 60.33.6=D. 48.1.6.

[75] B. 60.41.34=C. 9.6.2.

[76] B. 60.41.47=C. 9.22.12. Процитированное место обладает особой ценностью, так как дает нам единственное указание на общий срок давности, имеющий силу при преступлениях. См.: *Troianos S.* Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 190, σημ. 4.

в Византии это было исключительным правом императора.[77] «Часто император из-за каких-либо успешно сложившихся у него дел дарует всем прощение преступлений», — говорится в Василиках.[78]

ЭКСПЕРТИЗА ПОДЛИННОСТИ ДОКУМЕНТОВ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ[79]

Расследование подлогов в Византии в принципе было делом претора. Однако в порядке применения общего правила, согласно которому занятый рассмотрением какого-либо гражданского дела судья имеет компетенцию расследования и наложения санкций на всякое родственное наказуемое действие (совмещение гражданского и уголовного процессов в одном и том же судопроизводстве, о котором говорилось в начале главы), было определено, что если во время процесса в присутствии «хамедикаста» (т. е. лица, которое, не будучи судьей и не получив этого права от императора, тем не менее облечено архонтом фемы правом вести судебное разбирательство) какой-либо письменный документ будет оспорен как подложный, то он, судья, берет на себя и рассмотрение преступления по подлогу. Как показывает практика, именно это-то как раз и имело место в жизни, в то время как о деятельности претора в этой сфере нам ничего неизвестно. Обстоятельством, весьма осложняющим наше исследование, является то, что нам приходится иметь дело с материалом из практики главным образом церковных (епископских, митрополичьих, синодальных) судов, которые, с одной стороны, не располагают компетенцией применять санкции общего уголовного права,[80] а с другой — не имеют на этот счет никаких предписаний со стороны корпуса канонического права. Как мы увидим, выручали те

---

[77] *Troianos S.* 1) Περὶ τοῦ ἐγκλήματος τῆς πλαστογραφίας. . ., σελ. 191—192; 2) Συμβολὴ εἰς τὴν ἔρευναν τῶν ὑπὸ τῶν βυζαντινῶν αὐτοκρατόρων παρεχομένων ἐνορκῶν ἐγγυήσεων // ΕΚΕΙΕΔ, 1965 (ἐκδ. 1968), τόμ. 12, σελ. 134—147; cf. *Waldstein W.* Untersuchungen zum römischen Begnadigungsrecht. Innsbruck, 1964. S. 198 ff.

[78] B.60.41.44 = C.9.22.6.

[79] Помимо наших собственных наблюдений, в настоящем разделе использованы материалы статей Сп. Трояноса: *Troianos S. N.* 1) Ὁ ἔλεγχος τῆς γνησιότητος τῶν ἀποδεικτικῶν ἐγγράφων ἐν τῇ βυζαντινῇ δίκῃ // Ξένιον : Festschrift für Pan. I. Zepos. Athen, 1973. Bd 1. S. 693—716; 2) Ἔγγραφα καὶ πλαστογραφία, σελ. 51—52.

[80] О том, что принцип «Ecclesia non sitit sanguinem» фактически применялся и в византийской церкви, expressis verbis засвидетельствовано патриархом Геннадием Схоларием в связи с делом «отступника от веры» Ювеналия. Согласно Схоларию, церковь не только сама воздерживается от «права меча», но и не может «открыто поручать светским властям карать еретиков смертью, так же как она, например, не может передать им для покарания смертью фальшивомонетчика. Если какой-то архонт, изловив такого человека, пожелает узнать у церкви, что ему надлежит сделать с ним, то церковь не скажет, что человека нужно убить. Если же архонт посадит пойманного на кол и обрубит ему конечности в соответствии с установленными и действующими законами, то церковь не разгневается на этого архонта, а скорее похвалит его, а ушедшего из жизни осудит». См.: *Медведев И. П.* Дело вероотступника Ювеналия с юридической точки зрения // The 17th Intern. Byz. Congress: Major Papers. N. Y., 1986. P. 37.

процессуальные нормы, которые сложились в ходе обычной судебной практики. Кроме того, существовал разный с точки зрения процедурного принципа подход к документам публичноправового и частноправового характера. В то время как первый из них пользуется презумпцией подлинности и в отношении его в законах не предусматривается никакой процедуры подлинности (это не означает, однако, что сторона, противоположная по отношению к лицу, представившему во время какого-либо процесса для доказательства публичноправовой акт, лишена права заподозрить этот документ в подлоге, но она обязана доказать его, а лицо, представившее документ, освобождается от необходимости доказывать его подлинность), то второй, если исход судоговорения неясен, подлежит предусмотренной законодательством процедуре impositio fidei (о ней — далее).[81] Другими словами, «бремя доказывания» подлинности или подложности документа перемещается в зависимости от характера документа. И хотя нас интересуют здесь прежде всего частноправовые акты, начнем мы с рассмотрения на судах вопросов о подлоге публичноправовых актов.

Так, хорошо известен из Пиры (64.6) довольно-таки курьезный случай, когда суду было предъявлено постановление судьи фемы Пелопоннеса и Эллады, подлинность которого оспаривалась на том основании, что в подписи судьи у буквы ε слова ἑλλάδος было тонкое придыхание вместо густого. Магистр Евстафий Ромей (1025 г.), однако, отклонил протест, сказав, что описка судьи возникла от рассеянности при подписывании документа и это обстоятельство не может причинить ущерба подлинности документа. «Впрочем, — добавляет магистр, — предъявившая документ сторона могла бы доказать его подлинность и другими средствами». Характерно заключительное замечание магистра: «Ибо рассудок видит и рассудок слышит», что, по всей вероятности, являлось обычным оборотом речи.[82] Из этого простого в общем-то случая Троянос тем не менее делает два важных вывода: 1) для выдвижения обвинения в неподлинности обратились к внешним признакам документа; 2) представившая акт сторона не несла бремени доказывания его подлинности, хотя и могла это сделать.[83]

Более сложным представляется дело, слушавшееся в императорском суде в Константинополе в 1216 г. по поводу спора монастыря св. Павла на горе Латрос с жителями деревень Сампсон и Амазонокораккий об одном имении.[84] В то время как агиопавлиты предъявили суду целый пакет документов, как публичных, так и частных, в обоснование своих прав на имение (кроме того, они представили и свидетелей), сампсониты предъявили документ, выпущенный дукой фемы Миласси и Меланудий, который сразу же был изобличен как подложный, во-первых, из-за того, что в текст акта была вставлена императорская простагма, язык которой был к тому же неправильным

[81] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 694.
[82] *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 394.
[83] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 695.
[84] MM, vol. 4, № 1, p. 290—295. Документ не датирован, о хронологии см.: *Dölger F.* Regesten. . . № 1693, S. 396.

и совершенно варварским, а письмо — неровным; во-вторых, из-за того, что все подписи якобы присутствовавших при этой процедуре архиереев, из которых ни одного уже не было в живых, явно были писаны одной и той же рукой. И в то время, как сампсониты еще упорствовали в отстаивании подлинности акта, жители Клисуры и Амазонокоракия, зная человека, изготовившего подложный акт, и уговорив его, привели в суд и фактически изобличили махинацию. А человек этот, житель Клисуры Феодосий, «глубокий старец, от возраста клонящийся к земле и уже призывающий как благодетеля смерть, выступив в суде, вывел на свет божий все свое деяние и попросил прощения за свой проступок, объяснив, что пошел на эту подлость из-за нужды, ибо, подделав акт, взял за это 14 иперпиров». Но даже это явное изобличение «не заткнуло рта» (οὐδέ... ἐπεστόμισεν) сампсонитам, и суду пришлось заставить стороны принести клятвы о клевете (ὅρκος συκοφαντικὸς καὶ τέλειος), которые приведены в приговоре полностью. Постановление, естественно, было вынесено в пользу агиопавлитов, а что при этом пришлось на долю пластографа и подвигнувших его на подлог жителей указанных деревень, сказать трудно. Здесь важно отметить, что для отклонения доказательственного документа как подложного суд принял во внимание не только его внешние признаки (письмо, подписи), как в предыдущем случае, но и внутренние (вставной текст простагмы).[85] Как заметил Троянос,[86] различие между этими двумя случаями выявляется и на процедурном уровне: если в первом обвинение в подлоге было выдвинуто одной из сторон, то во втором — это инициатива самого суда.

Аналогичным образом обстояло дело с расследованием в 1193 г. катепаном Смирны жалобы игумена монастыря Лемвиотиссы Леонтия на жителя Мантеи Николая Казана, захватившего несколько масличных деревьев, принадлежавших монастырю.[87] Казан, вызванный для дачи показаний, представил суду документ (ἀποκατάστασιν), выданный ему на владение деревьями неким Лангидой, которого уже не было в живых. Но в тексте этого «апокатастасиса» судьи нашли включенную в него докладную записку (ὑπόμνημα), которую раньше Леонтий отправил патриарху, и вынесенное на ее основании решение (λύσις) патриарха, предписывавшее стоявшим тогда у кормила митрополии Смирны и самому Лангиде произвести расследование и составить соответствующий документ. И поскольку дело было сделано одним Лангидой, да и сам документ был совершен им и «дикеем» митрополита по поручению последнего, то, хотя совершенные им (документы?) правильны и должны с полным основанием причисляться ему, «мы, — говорят судьи, — не приняли этого апокатастасиса из-за того еще, что он не содержит подписи митрополита, и поэтому признали право монастыря на владение этими масличными деревьями». Разумеется, многое остается «за кадром» этого краткого

---

[85] Это обстоятельство подчеркнуто Дэльгером: *Dölger F.* Regesten... № 1693, S. 396.

[86] *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος..., σελ. 696.

[87] MM, vol. 4, № 18, p. 62—63. Документ не датирован, о хронологии см.: *Васильевский В. Г.* Материалы... С. 153.

постановления, но важно отметить, что оно выносилось на основе констатации внутренних данных документов, их «текстологического» анализа.

Скандальную известность своими подделками императорских документов приобрели монах Лавры Феодул и пресвитер Андроник Василик. Первый из них отличился в ходе распри, вспыхнувшей в 1267 г. между монахами афонской Лавры и Зографского монастыря по поводу земельных угодий в местечке Проавлакс. Из постановления по этому делу севастократора и правителя Фессалоники Константина Торника[88] мы узнаем, что Феодул, который назван «коварным и хитрым», изготовил фальшивый хрисовул (далее документ обозначен «орисмосом») от лица императора и представил его Константину Торнику, введя тем самым его в заблуждение и добившись от него грамоты (фальшивка, таким образом, была узаконена!), порицавшей сторону Зографского монастыря и оправдывавшей сторону Лавры. Позднее, когда выяснилось, что документ был фальшивым и не исходил от императора, когда Феодул сознался, что подделал его с тем, чтобы сокрушить монахов Зографского монастыря и уничтожить их права, судья (Константин Торник) объявил недействительным свой первый документ, как «выданный лавриотам по обману коварного Феодула». В постановлении опущены все подробности о том, как обнаружился подлог, какой была процедура экспертизы подлинности и какие санкции за этим последовали. Вполне возможно, что и никаких, так как вслед за этим постановлением, датированным августом 1267 г., вскоре последовало второе (от сентября того же года)[89] как результат расследования этой тяжбы по поручению Константина Торника Никифором Малеасом и Василием Эпархом. Было констатировано, что «монах Лавры Феодул, упорствуя, собственноручно изготовлял в Константинополе (!) фальшивые орисмосы (προσκαρτερήσας ὁρισμοὺς ψευδεπιπλάστους αὐτοχειρὶ ἐνεχάραξε) и скреплял пурпурными подписями (καὶ δι' ἐρυθρῶν ὑπογραφῶν ἐβεβαίωσε) — орисмосы, якобы предписывающие севастократору все документы агиогеоргитов (т. е. монахов Зографского монастыря. — *И. М.*) порвать и сжечь (διαρρῆξαι καὶ κατακαῦσαι), а лавриотов установить хозяевами спорных хорафиев ... Позднее выяснилось, что ἐρυθροσήμαντα γράμματα поддельны, монах Феодул на допросе перед севастократором сознался, что они писаны и подписаны им, так что его обман был изобличен и заклеймен позором».[90]

Только «заклеймен позором»? А как же «тяжкие наказания», предусмотренные законодательством? Ведь и состав суда был, как кажется, не церковным, но светским. Зато лишением сана поплатился за подобную деятельность второй из названных пластографов — пресвитер Андроник Василик, осужденный в 1392 г. синодальным судом за подлог императорской простагмы.[91] Остается, правда, неизвестным, каким образом использовалась фальшивая простагма,

[88] Actes de Zographou, № 6, p. 16—18.
[89] Ibid., № 17, p. 19—24.
[90] Ibid., p. 22, l. 103—112.
[91] MM, vol. 2, № 433, p. 160—161.

но сообщается, что подложность документа, который имел обычную, писаную красными буквами подпись, установлена, помимо прочего, и тем, что почерк пластографа был хорошо известен всем, так что Андронику Василику не оставалось ничего другого, как сознаться.[92] Вообще говоря, столь высокий «процент раскрываемости» пластографов не может не вызвать удивления. Так, еще один, не названный по имени подделыватель документов был выявлен в 1365 г. в ходе разбирательства в Серрах тяжбы Кастамонитского и Эсфигменского монастырей по поводу прав на церковь св. Георгия с ее людьми, землями, зевгариями и т. д. судом смешанного состава: наряду с церковными деятелями (председатель суда — митрополит Савва, присутствуют другие клирики) в него входили и светские должностные лица (представитель чельника Родослава, зять деспины (правительницы Серр) Елены-Елизаветы, двоюродный брат деспины Алексей Асан, вселенские судьи Орест и Димитрий Комнин Эвдемоноиоанн, члены сената).[93] В постановлении суда говорится, что кафигумен Кастамонитского монастыря выдвинул ложные утверждения, преисполненные всяческого святотатства, согласно которым спорные земли принадлежали некоему Хаварону, и предъявил хрисовул, якобы исходящий от блаженной памяти василевса Стефана Душана и подтверждающий это. Акт был фальшивым и поддельным (ψευδὲς καὶ ἐπίπλαστον), также исполненным святотатства и хулиганства (как позднее и было признано самим кафигуменом). Предъявил он и какую-то другую грамотку (ἕτερόν τι γραμμάτιον), являвшуюся якобы копией завещания того Хаварона, имеющую внизу подпись покойного митрополита Иериссу Иакова. «Взяв ее в руки и развернув, — говорят судьи, — мы увидели, что подпись на ней только что поставлена, так что и чернила еще не высохли, а изучив ее, мы определили и час, когда была поставлена подпись, и мужа, который ее написал и который был вынужден сознаться. Пристыженный и полностью проигравший, он с величайшей поспешностью бежал от нас». Дело было подробно изложено деспине, которая потребовала найти пластографа и судить за такую дерзость. Постановление завершается угрозой наказать всякого за подлог, но был ли наказан пластограф, осталось неизвестным. Во всяком случае в приказе деспины содержится намек на нечто новое — на попытку выделить дело о подлоге в особое производство с возбуждением против виновного уголовного преследования. Сомнительно, однако, чтобы этот план был реализован.

Спустя почти 10 лет после процесса над Андроником Василиком (в 1401 г.) тот же синодальный, проходивший под председательством патриарха суд снова столкнулся с подложным доказательственным документом: [94] монахиня Каллона для отклонения иска о приданом,

---

[92] Важно отметить, что за шесть лет до этого процесса, т. е. в 1386 г., Андроник Василик уже давал письменное обещание воздерживаться от совершения каких-либо преступлений, в том числе и от подлогов (ММ, vol. 2, № 385, p. 89 sq.).

[93] Actes d'Esphigménou, № 27, p. 162—164.

[94] ММ, vol. 2, № 652, p. 502—505.

возбужденного ее зятем Кондодукой, представила публичноправовой документ. Истец подверг его сомнению как поддельный и (явно за неимением всякой иной возможности доказать свое утверждение) выдвинул требование к суду, чтобы тот отправил подозрительный документ выпустившему его государственному чиновнику Вриеннию Леондарису с тем, чтобы тот подтвердил, подложный это документ или нет. Требование было удовлетворено, и документ отправлен с нарочным (с протонотарием Великой церкви диаконом Мануилом Вальсамоном) к Вриеннию Леондарису, который заявил, что не признает его. Поскольку подлог был изобличен, то документ не был принят во внимание судом в ходе дальнейшего слушания дела. Здесь показателен способ экспертизы подлинности доказательственного документа, а именно — отправка его к должностному лицу, выпустившему его, что не было предусмотрено никаким предписанием римско-византийского права. Как уже верно заметил Троянос, этот способ напоминает по содержанию процедуру impositio fidei частноправовых актов, хотя и с весьма существенной оговоркой: он не обременяет доказательством подлинности сторону, представившую документ, а осуществляется, как мы видели, стараниями самого суда.[95]

Несомненный интерес с точки зрения методов экспертизы подлинности доказательственных документов представляют два акта прота Исаака, хранящиеся в архиве Кастамонитского монастыря на Афоне. Согласно первому из них,[96] в 1317 г. протат был занят разрешением спора между Кутлумушским и Ксенофонтовым монастырями по поводу оливковой рощи метоха Скамандрену, в свое время отданного в запустелом состоянии кутлумушцам протом Косьмой, который выдал им по этому поводу дарственную, снабженную его собственноручной подписью и подписями других старцев и игуменов. В течение 50 лет монахи Кутлумушского монастыря беспрепятственно владели этим имением, построили здания, обработали и засадили заброшенную землю, взрастили прекрасную оливковую рощу у моря, приносившую большие доходы монастырю до тех пор, пока «изобретатель зла» не побудил монахов Ксенофонтова монастыря «возжелать» пресловутую оливковую рощу. Воспользовавшись тем, что она находилась по соседству с их владениями, ксенофонтовцы, «не боясь Бога и не стыдясь людей», попытались присоединить ее к ним, презрев документы протов (помимо акта прота Косьмы, кутлумушцы испросили позднее еще грамоту прота Иоанникия с подтверждением владения), подписанные игуменами, в том числе и игуменом Ксенофонтова монастыря, презрев даже давность владения. Не считаясь со всем этим, ксенофонтовцы представили в качестве документа грамоту (γράμμα ὡς δικαίωμα) некоего афонского прота Павла, которая была, скорее, каким-то черновиком предписания (μᾶλλον ὑποτύπωσις τὶς ἦν καὶ παραγγελία) и к тому же обязывала их не причинять ущерб соседним монастырям, изобличая в злокозненности (тем не ме-

[95] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος..., σελ. 696.
[96] Actes de Kastamonitou, № 3, p. 41—45.

нее в грамоте оговаривалось, что ксенофонтовцы, хотя и не должны были изгонять монастырь Скамандрену из владения оливковой рощей, могли получить компенсацию — 15 литров масла за 15 деревьев). Монахи Ксенофонтова монастыря, не зная всего этого, представили документ в доказательство своих прав на рощу. «Мы, — говорится в постановлении суда, — внимательно рассмотрев документ, нашли его (видимо, по дате. — *И. М.*) даже несколько более древним, чем в 230 лет, в течение которых монастырю Скамандрену никто не докучал; мы приняли также во внимание время, когда кутлумушцы его приобрели (прошло уже 50 лет, к которым следует добавить время, в течение которого монастырь оставался заброшенным, в результате — более 100 лет), и поэтому решили отдать предпочтение кутлумушцам. Но чтобы избежать всяких неожиданностей, мы оставили аргумент о давности владения и прибегли к другой аргументации. Сначала мы затребовали подлинную грамоту прота Павла, ее оригинал (τὸ κύριον γράμμα. . . τὸ πρωτότυπον), так как тот, который мы держали в руках, вызывал нехорошие подозрения формой букв, четкостью чернил и нетронутостью пергамена (ἥ τε γὰρ τῶν γραμμάτων εἰκὼν καὶ ἡ τούτων ὑποπεμπομένη τοῦ μέλανος αὐγὴ καὶ αὐτὸ δὴ τὸ τῶν μεμβράνων μονονουχί).[97] Они ответили, что это оригинал (τὸ κύριον), но не смогли нас убедить: другие документы того же возраста и за подписью прота Павла изобличали ложь, ибо они ни в чем не походили на их документ. Но поскольку они настаивали, заявляя, что это и есть оригинал, мы подошли к делу с другой стороны: «Почему же, — спросили мы, — в течение стольких лет никто не предъявлял этого документа, хотя вы видели, что монастырь Скамандрену и все его владения, среди которых и роща, переходят в другие руки? Вы не можете сказать, что отсутствовали или были принуждены к этому, так как подпись вашего игумена подтверждает дарственную (прота Косьмы)». На это они ответили: «Мы ведь тоже не знали, что роща принадлежала нам; мы узнали об этом из этого акта, который мы полагали утерянным и который был нам передан одним из наших добрых друзей, нашедшим его». На вопрос о том, где именно хранился этот акт, так долго будучи спрятанным, они дали расходящиеся ответы. Один сказал, что документ находился в скевофилакие Фессалоникского монастыря Василикон; другой — что он был найден в келье монахини этого монастыря, сестры Ферентина, прежнего игумена императорского монастыря Хортиат, который был также настоятелем Ксенофонтова монастыря и очень хорошо знал его дела; он-то и доверил ей, жившей с ним, урегулировать его дела после его смерти; сейчас, когда она занялась актом, она узнала, кому он принадлежал и отдала его нам; третий утверждал, что он был найден за Вардарием. Раздраженные этими абсурдными расхождениями, мы им сказали: «Как же так получилось, что никто никогда не занялся поисками этого акта, несмотря на тщательность, с которой хранятся акты и передаются со сменой хранителя? И если акт находился в келье, как он не передавался со сменой монахинь? И если

[97] Ibid., p. 43, l. 55.

он находился в другом месте, кто его принес и кто его получил? Впрочем, разве сам документ не изобличает вашу жадность, поскольку он предписывает вам не беспокоить больше Скамандрену по поводу его оливковой рощи, его, а не Ксенофонтова монастыря? Они продолжали настаивать и потребовали расследования на месте; мы отправились туда в сопровождении нескольких лиц (список дается) и единодушно констатировали, что Ксенофонтов монастырь был не прав, потому что не оставалось ни малейшего следа от тех 15 оливковых деревьев. Но поскольку они продолжали настаивать, мы передали дело всеобщей сходке, на которой присутствовали вышеуказанные старцы, исихасты, многие игумены императорских монастырей и др. После разбирательства мы все подтвердили акт прежних протов и старцев о том, чтобы Кутлумушский монастырь всегда владел метохом Скамандрену со всем его имуществом, включая предмет спора, и чтобы ни один монах Ксенофонтова монастыря не осмеливался беспокоить монахов-кутлумуситов и нарушать мир общины. Кто будет поступать иначе, будет подвергнут епитимье».

Просим прощения за столь пространное изложение дела, но это представлялось нам необходимым в интересах исследования: перед нами случай, когда для установления подлинности доказательственного документа используются данные графологии (сличение подписи прота Павла), палеографии (форма букв, «образ письма» в целом), текстологии и дипломатики (определяется тип документа), кодикологии (материал и состояние документа, чернила), учитываются все обстоятельства, связанные с выпуском документа. Обращает на себя внимание тот факт, что хотя документ и отклоняется судом, но не по обвинению в его подложности, а в связи с тем, что он не был оригиналом. И действительно, мы знаем теперь, что речь шла о копии с подлинного акта 1083 г. из архива Ксенофонтова монастыря, о существовании которого почему-то не знали монахи этого монастыря, а представили копию, считая ее оригиналом.[98] Все это говорит о достаточно компетентном рассмотрении дела и даже об известной строгости в подходе к оценке средств доказательства. Неудивительно поэтому, что и много лет спустя (в 1333 г.) суд под председательством того же самого прота Исаака, рассматривая спор между монастырями Неакиту и Зографским, продемонстрировал тот же свой «почерк». Здесь, правда, говорится о том, как один из представленных зографитами публичноправовых документов был признан φαλσόγραφον на том основании, что был написан двумя почерками.[99]

Что же касается частноправовых, в том числе нотариально оформленных, актов, то, не будучи снабженными теми гарантиями подлинности, которыми обладал публичноправовой документ, следовательно, не располагая презумпцией подлинности, они по этой причине с известной долей настороженности встречались как римско-

---

[98] Ibid., p. 41 (voir Actes mentionnés).
[99] Ibid., № 4, p. 49—52.

византийским законодательством, так и судебными правоохранительными органами. Сторона, представившая частный акт для доказательства своих прав, должна была (в случае оспаривания другой стороной его подлинности, причем для этого не требовалось даже какого-то особого заявления о подлоге, достаточно было просто усомниться в его подлинности) доказать его подлинность с помощью одного из предусмотренных законом средств доказательства, а именно — свидетельских показаний, сличения почерка или принесения присяги, — судебная процедура, которая как раз и называется в законодательных источниках impositio fidei.[100] Правда, Троянос и в отношении частноправовых актов констатирует если не презумпцию подлинности, то во всяком случае некую предпосылку (προϋπόθεσις), при соблюдении которой акт мог быть принят судом к производству: наличие у акта характерных особенностей, свойственных именно данному типу акта, причем выяснение соблюдения этого условия суд брал на себя.[101] Само собой разумеется, что при подобных обстоятельствах в более выгодном положении оказывался тот акт, который был оформлен по всем правилам и нотариально заверен.

Вполне типичен с точки зрения процедуры подтверждения подлинности нотариального акта изданный в 1251 г. сельским судом приговор, в котором говорится следующее:[102] много лет назад иерей Иоанн Полея из селения Мантея вместе с сыном Фомой подарил своему племяннику (тоже иерею) Льву Музифре из Смирны через посредство дарственной грамоты 30 масличных деревьев.[103] Позднее упомянутый иерей Иоанн Полея по наущению сатаны выдвинул притязания на эти масличные деревья перед своим господином, ленным рыцарем (λίζιος καβαλλάριος) Сиргарисом, причем Полея в то время (1229 г. — *И. М.*) принял уже монашескую схиму под именем Илариона, как и иерей Музифра — под именем Леонтия. Полея утверждал, что он подарил своему племяннику Музифре только 20 масличных деревьев, а десятью тот владеет, мол, несправедливо. Ленный рыцарь Сиргарис поручил «домохозяевам своей пронии»

---

[100] *Simon D.* Untersuchungen zum justinianischen Zivilprozess. München, 1969. S. 289 und Anm. 71; *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος..., σελ. 700.

[101] *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος ...,σελ. 700.

[102] ММ, vol. 4, № 28, p. 80—84.

[103] Имеется в виду дарственная 1210 г., текст которой также сохранен картулярием Лемвиотиссы, см.: ММ, vol. 4, № 55, p. 119—121. Не подозревая о существовании в картулярии этого документа, Троянос предполагает, что в приговоре суда имеется в виду частный не скрепленный подписями свидетелей и нотария акт, и поэтому помещает рассмотрение приговора в тот раздел своей статьи, где анализируются именно такого рода документы (*Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος..., σελ. 704—705). Между тем речь идет о составленном по всей форме акте, заверенном подписями трех весьма высокопоставленных свидетелей: великого эконома митрополии Смирны Михаила Манасси, скевофилака этой же митрополии и примикирия табуляриев Константина Ксанфа и номика крепости Смирна Феодора Полеи, из которых последний, «свидетельствуя и написав, подписал» акт, выступив таким образом и в качестве нотария. Этот недосмотр привел, как мы увидим далее, Трояноса к ошибочным положениям в отношении оценки процессуальных приемов, к которым прибег суд.

(πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότας τῆς προνοίας αὐτοῦ), чтобы они тщательно разобрали дело и примирили тякущихся. Наиболее влиятельные люди пронии (οἱ κρείττονες τῆς προνοίας αὐτοῦ),[104] а также номик этой деревни иерей Николай Лаодикин, собравшись и рассмотрев старинный документ (τὸ παλαιγενὲς ἔγγραφον), выпущенный в свое время Полеей и его сыном Фомой (имеется в виду все та же дарственная 1210 г.), решили, что Полея говорит несправедливо и не имеет права на них. Но Полея изъявил готовность присягнуть (ἤθελεν ὀμόσαι) из-за 10 масличных деревьев. Увидев эту его дерзость, его племянник иерей Музифра сказал судьям: «Пусть владеет 10 деревьями, но только не клянется», и настоял на этом. И вот теперь, когда прошло 23 года (все это время 20 деревьями владел зять Музифры Константин Воловонт, а 10 — сторона Полеи, а именно — его сын Фома), по наущению сатаны Фома, брат его иерей Георгий и их мать захотели аннулировать старинный документ их отца (т. е. дарственную 1210 г.) и пересмотреть принятое во времена Сиргариса лучшими домохозяевами их деревни решение (т. е. они захотели вернуть себе и остальные 20 деревьев) и предъявили притязания на эти деревья своей госпоже благороднейшей Комнине Вранине. Последняя, услышав об этом «постыдном пробуждении памяти» и предприятии Фомы и его брата иерея Георгия, изъявила желание завладеть этими масличными деревьями, но к ней же обратилась и сторона Воловонта, и она, своими ушами выслушав обе стороны и своими глазами увидев старинные документы (τὰ παλαιγενῆ δικαιώματα) Воловонта, решила, чтобы снова Фома, его брат и их мать судились со стороной Воловонта, где хотят. И вот сегодня, т. е. 15 октября ныне текущего 10 индикта (1251 г.), явились Фома, его брат и их мать в деревню Панарет, обратившись к здешним и внизу документа по имени обозначенным домохозяевам. Явилась и «сторона Воловонта» судиться с ними. «Сторона Фомы» заявила, что письменные документы их отца не подлинны (μὴ εἶναι τὰ χαρτῷα δικαιώματα... ἀληθῆ), но ложны и бесполезны (ἀλλὰ ψευδῆ εἰσί τε καὶ μάταια). Домохозяева же, рассмотрев документы стороны Воловонта, а также судебное решение жителей села Аврилий (прония Сиргариса), сказали, что Фома и его сторона говорят не дело (κακῶς λέγειν) и что судебное решение и старинный документ, выпущенный отцом Фомы, подлинны. После долгого спора предложено было Фоме Полее под страхом принятия отлучения (ἀφορισμός) от архиерея (поклясться), что документы не истинны, а лживы, и тогда он получит масличные деревья. Тот не захотел и тотчас скрылся. Сторона же Воловонта изъявила желание под страхом принятия отлучения (принести присягу) о том, что документы

---

[104] Как мы видим, документ важен, помимо прочего, еще и тем, что в нем наглядно отразилась феодальная структура византийской деревни того времени. Как уже отметил Дэльгер, λίζιος — это западноевропейское ligius, вассал; καβαλλάριος=eques, Ritter; οἰκοδεσπόται=Vögte (все эти термины и понятия, полагает он, проникли на византийскую почву во времена крестовых походов, и даже сам Συργάρης — это не кто иной, как Sire Henry, под которым следует понимать одного из рыцарей IV крестового похода). См.: *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 395, Anm. 41.

подлинны и что отец Фомы отдал их Музифре, его племяннику. В результате сельский суд решает спор в пользу стороны Воловонта и отклоняет иск Фомы Полеи, причем судебный акт, «написав, подписал» не кто-нибудь, а уже известный нам иерей и номик митрополии Смирны и прихода Мантеи Феодор Каллист.

В отличие от Трояноса, который усматривает в процессуальных приемах, примененных судом, «не простое видоизменение законной судебной процедуры. . ., а в высшей степени значительное отклонение от нее», приписывает какую-то особую роль «отлучению от церкви», примененному здесь якобы вместо обычной клятвы сторон о клевете,[105] мы не видим здесь никакого существенного отхода от буквы и духа закона. Опрос свидетелей совершения первоначального дара и нотария, совершившего его, исключался за давностью лет: ведь с тех пор минуло более 40 лет и их, возможно, не было уже в живых, как например самого дарителя Иоанна Полеи. По каким-то причинам (возможно, не желая усложнять это в общем-то простое дело) решили не проводить графологической экспертизы, а ограничились тоже вполне законным требованием принести клятву о клевете (Calumnien — Eid), предполагавшую отлучение от церкви в том случае, если клятва окажется ложной.[106] Почему-то писец и составитель судебного постановления Феодор Каллист сделал акцент именно на последствиях клятвопреступления, не упомянув самой клятвы, но весь контекст этой части приговора говорит, нам кажется, в пользу именно такого понимания: клятва о клевете подразумевается.

Показательно в этом отношении дело, которое в 1348 г. слушал синодальный суд Константинопольского патриархата,[107] — о тяжбе братьев Стронгилов с Каломисидом, вторым супругом их умершей сестры Марии, в связи с наследованием имущества последней (жилые постройки в Константинополе, половина виноградника в деревне Тракада). Братья Стронгилы выступили в этом деле истцами, представив какой-то частный акт (γράμμα), не принятый во внимание судом на том основании, что он не был удостоверен, как полагалось по его природе, подписями нотария и свидетелей (διὰ τὸ μὴ τὸ πιστὸν ἔχειν ἀπὸ εὐλόγου καὶ νομίμου τινὸς παραστάσεως). Зато было составлено по закону предъявленное другой стороной (Каломисидом) завещание (γράμμα διαθηκῷον) умершей супруги, заверенное нотарием («табеллионом») и свидетелями. Тем не менее оно было подвергнуто процедуре impositio fidei с вызовом для дачи показаний записанных в нем свидетелей, которые, «будучи допрошенными в присутствии обеих сторон под страхом епитимьи», подтвердили, что своими ушами слышали слова, сказанные умиравшей на последнем дыхании (ἐν ταῖς

---

[105] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 704—705.

[106] Именно так понимает это место и Дэльгер, с которым полемизирует Троянос, см.: *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 396 und Anm. 42. О подобного рода практике см. также: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. 3. Auflage. Aalen, 1955. S. 398.

[107] MM, vol. 1, № 126, p. 276—279; *Darrouzès J.* Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Paris, 1977. Vol. 1, fasc. 5. № 23. P. 244—245.

τελευταῖς ἀναπνοαῖς) и действительно завещавшей Каломисиду спорное имущество (следует перечисление). Обращает на себя внимание то, что свидетели удостоверяют своими показаниями действительность самого юридического акта, последнего волеизъявления завещательницы, высказанного ею на смертном одре, а не подлинность акта. Возможно, что их показания в чем-то и расходились с содержанием письменного завещания, представленного Каломисидом, иначе откуда это странное и совершенно необычное решение суда: считать «гарантированное» показаниями свидетелей волеизъявление умершей «неписанным завещанием» (ἄγραφος διαθήκη),[108] в то время как существовал уже по всем правилам оформленный и нотариально заверенный акт, по содержанию совпадавший, если верить Трояносу, с устным волеизъявлением завещательницы.[109]

Не менее поучительно и продолжение этого дела, известное нам из того же самого приговора суда. Оказывается, позднее братья Стронгилы возбудили новый иск против Каломисида, ссылаясь на какой-то кадастр (κατάστιχον), сохраненный сестрой, и на письменную расписку (? ἀποληπτικὴν ἔγγραφον ἀπόδειξιν), заверенную подписями свидетелей, из которых вытекало, что она дала из своего приданого 72 иперпира ее свояченице (сестре Каломисида) в счет выкупа принадлежавшей ей части дома (по-видимому, попавшему в число жилых помещений, отошедших Каломисиду). Для отражения этих притязаний Каломисид предъявил документ (τὸ γραμμάτιον), в котором в качестве свидетелей значились два приближенных к императору (οἰκεῖοι) лица — Монастириот и Севастиан, которые, будучи приглашенными судом для дачи показаний, не явились, сославшись на занятость на императорской службе, однако подтвердили письмом, что никогда не расписывались в качестве свидетелей в подобного рода акте, оказавшемся, таким образом, подложным. Выявилось также, что документ по поручению Каломисида был подделан неким Опсикианом, который в этом сам полностью признался, «приняв всю тяжесть епитимьи», определенную синодом и патриархом.[110]

Трояноса поразило также, что суд не вспомнил ни о нотарии, который совершал документ, ни о его помощниках, ни о писце. Действительно, это странно, и единственное тому объяснение, которое я могу предложить, — это то, что ни его, ни их уже не было в живых, и вместо того чтобы воспользоваться той сложной процедурой, которая предусматривалась в этом случае соответствующими нормами византийского законодательства,[111] суд предпочел более простое решение. Кстати, с аналогичной проблемой еще раньше (1220 г.) сталкивался архиепископский суд Охрида (Юстиниана Прима) под председательством небезызвестного Димитрия Хоматиана, разбиравший иск выходцев с о-ва Керкиры братьев Сергия и Никифора

---

[108] MM, vol. 1, p. 277, l. 24—25. О завещаниях такого типа см.: B.35.2.16= =C.6.23.27, § 2; B.35.9.1=D.28.5.1. § 5; Nov. 42 Leonis VI.

[109] *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος..., σελ. 714.

[110] MM, vol. 1, № 126, p. 278, l. 1—4.

[111] См.: B.22.4.6. = N.73.7. § 2.

против своего родственника Феодора Косея по делу о наследстве.[112] В то время как истцы представили суду оригинал завещания, составленный по всем правилам и заверенный нотарием (ἡ πρωτότυπος διαθήκη. . . ἀμέμπτως συστᾶσα καὶ κατὰ τὴν νομικὴν παρατήρησιν),[113] ответчик предъявил копию, снятую, по его утверждению, с оригинала завещания, но, как оказалось, не заверенную «каким-либо официальным лицом из тех, кто обычно удостоверяет своими подписями копии, снятые с оригиналов, так как обычно требуется, чтобы суду представлялся если не оригинал, то по крайней мере заверенная копия» (δέον ὂν εἰ μὴ τὸ πρωτότυπον, ἶσον γοῦν πεπιστωμένον συνήθως ἐμφανισθῆναι).[114] Из-за разночтений, которые обнаружили оба документа и вследствие обвинения в подлоге, которое выдвинул «упрямый Косей», утверждая, что предъявленная им копия была снята с другого оригинала,[115] возникла проблема подтверждения подлинности завещания, т. е. проведения процедуры impositio fidei. При создавшихся обстоятельствах суд не стал пунктуально следовать той процедуре, которая предписана Василиками, но довольствовался присланным суду письмом некоего иеромонаха Варлаама, отца табулярия, составившего завещание. Варлаам, в частности, подтвердил подлинность акта («Не нахожу я в завещании ни умысла, ни подлога, ни интриги», — говорит он), который он подписал раньше как свидетель, хотя и не присутствовал при его изготовлении, «будучи прикован к постели из-за сквозняка». Сочтя это свидетельство достаточным для доказательства подлинности завещания,[116] суд принял иск братьев как «законный и обоснованный», но с оговоркой, что проигравший процесс Феодор Косей может, «когда и где захочет, в пределах определенного законами отрезка времени» опротестовать подлинность завещания, на котором основывается решение суда,[117] т. е., очевидно, подать апелляцию в вышестоящую инстанцию.

В судебной практике Димитрия Хоматиана был еще один подобный случай,[118] когда в ходе слушания тяжбы о винограднике предъявленный одной из сторон (истцом, жителем Веррии Корифином) для доказательства его утверждений нотариальный акт продажи

---

[112] *Pitra J. B.* Analecta sacra et classica spicilegio Solesmensi parata. Parisiis, 1891. Vol. VI. № 31. Col. 135—142. О Хоматиане как юристе см.: *Matses N. P.* Νομικὰ ζητήματα ἐκ τῶν ἔργων Δημητρίου Χωματιανοῦ. Ἀθῆναι, 1961.

[113] *Pitra J. B.* Analecta. . ., col. 137, l. 2—6.

[114] Ibid., p. 136, l. 21—29.

[115] Ibid., p. 138, l. 4—8.

[116] Ibid., p. 140, l. 1—10. Любопытен аргумент, выдвинутый судом (скорее, самим Димитрием Хоматианом) в обоснование бесспорности свидетельства иеромонаха Варлаама: «Никогда имеющий ум не толкнет сам себя на преступление подлогом и не подвергнет законным карам, каковыми, по предписанию закона, являются ссылка и полная конфискация имущества». (Ibid., l. 13—18). О том, что главным источником для Хоматиана были Василики, которые он здесь и цитирует (характерно, впрочем, и опущение концовки предписания B.60.41.1, касавшейся смертной казни рабам) и которыми, очевидно, располагал как в виде полного экземпляра, так и в виде синопсиса, см.: *Matses N. P.* Νομικὰ ζητήματα . . ., σελ. 21.

[117] *Pitra J. B.* Analecta. . ., col. 140, l. 31—39.

[118] Ibid., № 89, col. 393—396.

был объявлен другой стороной (ответчиком Львом Каппадокисом) подложным на том основании, что купчая (ἐκμαρτύριον περὶ τῆς ἀγορασίας), как это явствовало из другого акта (мировой — διαλυτέον ἔγγραφον), совершенного тем же табулярием и между теми же контрагентами (продавцом спорного виноградника был медник Никифор, а покупателем — наш истец Корифин), что эта купчая была оформлена задним числом: она была датирована мартом 1213 г., а мировая — июнем того же года, в то время как примирение предшествовало продаже. Налицо явный προχρονισμός, т. е. оформление задним числом, столь «противный закону» и свидетельствующий о том, что и вся купчая «состоит из хитрости и обмана».[119] Для отклонения этого обвинения представивший подозрительный акт Корифин предъявил два письменных свидетельства (ἐκμαρτύρια ἔγγραφα), содержащих клятвенные показания табулярия, составившего их в присутствии светских и церковных архонтов и подтвердившего, что оба акта, т. е. как обвиненная в подложности купчая, так и мировая, на которой это обвинение основывалось, подлинны («без всякого умысла и хитрости») и что оформление задним числом было кажущимся, а не настоящим, так как при их составлении не была соблюдена по уважительным причинам обычная хронологическая последовательность.[120] Суд счел это объяснение достаточным и признал подлинность купчей, хотя, как считает Троянос, и здесь имело место известное несоблюдение предписанных законодательством процессуальных норм (требовать сначала доказательств от предъявившего документ, а после этого от утверждающего, что этот документ поддельный [121]), «так как, кажется, здесь не проводилось процедуры доказательства подлинности акта о продаже (т. е. купчей. — *И. М.*) посредством impositio fidei стороной, предъявившей его; вместо нее вследствие перемещения бремени доказывания развернулся спор о подлоге, при котором, возможно, присутствовавшие при изготовлении актов свидетели совсем не опрашивались (а ведь упоминания об их отсутствии не было), и суд удовлетворился вышеупомянутыми подтверждениями табулярия».[122]

Думается все же, что не следует «ставить на одну доску» частноправовой, нотариально заверенный акт и частноправовой же, но составленный самим автором с привлечением свидетелей, без обращения к нотарию — профессионалу, облеченному государством «концессией» составлять акты, даже если процедура impositio fidei требовалась в принципе и для первого, и для второго. Все-таки указание имени совершившего акт табулярия/табеллиона в клаузуле корроборации и наличие его собственноручной подписи не могли не внушать доверия и делали излишним проведение процедуры impositio fidei в полном объеме, иначе вообще не было бы смысла в существовании института нотариата: обычное право, как всегда,

---

[119] Ibid., col. 394, l. 18—21.
[120] Ibid., col. 395, l. 22—37.
[121] B.60.41.58=C.9.22.24.
[122] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος... σελ. 713.

оказывалось более живучим, чем официальное писанное. Об этом, кстати, говорит и тот факт, что, хотя нотариальный акт был господствующим типом частноправового византийского акта, число судебных дел с оспариванием подлинности именно такого рода документов относительно невелико;[123] пальму первенства здесь держат, бесспорно, частные акты, составленные без участия нотариев, хотя их «вес» в общей массе византийских актовых источников, как мы видели, был незначителен.

Но что конкретно имелось в виду под процессуальными действиями, из которых складывалась процедура impositio fidei? Возьмем, к примеру, доказательство подлинности поставленного под сомнение акта показаниями записанных в нем и подписавшихся под ним свидетелей. Оно регулировалось распоряжением Василик, которое в свою очередь буквально воспроизводит некоторые положения 73-й новеллы Юстиниана.[124] Но, будучи выхваченными из контекста новеллы, эти положения приобретают первоначально не свойственную им жесткость и императивность, а местами даже и невразумительность. Например, как должен был понимать судья слово ἑκατέρωθεν, от которого «дело получает доверие» (λαμβάνει τὸ πρᾶγμα τὴν πίστιν ἑκατέρωθεν)? В новелле (мы это видели сами, приведя текст новеллы почти целиком в русском переводе) это совершенно ясно: дело получает доверие «и от того и от другого», т. е. и от сличений почерка, и от свидетельских показаний, так как о сравнительной силе этих способов доказательства подлинности документа как раз и идет здесь речь, причем именно документа, составленного без обращения к нотарию. При всей своей «регламентомании» Юстиниан не навязывает окончательного решения; отдавая некоторое предпочтение при верификации «голых договоров» свидетельству «живого голоса», он, в целом скептически относясь к методу сличения почерков, тем не менее не призывает от него отказаться, так как, по его мнению, «и рассмотрение почерков не является полностью негодным, но лишь недостаточным, нуждающимся в подкреплении свидетелями».[125] В конечном счете Юстиниан предоставляет судье, ведущему дело, ре-

---

[123] Разумеется, высокая репутация табеллионатного документа могла оказаться сильно «подмоченной» такими эксцессами, как например тот, о котором сообщается в постановлении синодального суда от 1315 г.: суд не признал за представленным одной из сторон письменным актом (дарственной) никакой доказательственной силы на том основании, что хотя вверху документа, «как это принято», и были написаны формулы протаги (προταγάς) его авторами (отцом и остальными родственниками судящейся по имени Дукена Феодора Вальсамина), но внизу он «не был засвидетельствован подписями свидетелей, не был утвержден и удостоверен подписью какого-либо другого (должностного) лица, и даже сам табеллион не подписался, который, впрочем, неоднократно изобличался в подделках и фальсификациях совершаемых им договоров, будучи за это осужден на увольнение с должности табулярия (ἀργίαν καταδικασθέντος τῆς τοιαύτης ταβουλλαρικῆς ὑπουργίας). См.: Das Register des Patriarchats von Konstantinopel / Hrsg. von H. Hunger und O. Kresten. Wien, 1981. 1. Teil. № 23, S. 234, Z. 36—44.

[124] B.22.4.2=Nov. 73.1—2; cf.: B.22.3.1; 22.4.1, где также воспроизводится Nov. 73 наряду с C. 4.21.20, § 1 и Nov. 49.2.

[125] Nov. 73.2. Возможность применения метода сравнения почерков признается Юстинианом и в других его законах (C. 4.21. 20; Nov. 49.2. Ср.: *Wal van*

шать, какой способ доказательства принять за основу и какой результат расследования считать за истину.[126]

Подобной гибкости мы не обнаруживаем в Василиках (ведь нельзя же назвать гибкостью противоречия, не столь уж редко встречающиеся в этом законодательном своде), которым склонны были слепо следовать некоторые догматически мыслящие судьи, прежде всего чересчур ученые и эрудированные юристы типа Евстафия Ромея. Из четырех зафиксированных в Пире случаев экспертизы подлинности доказательственных актов первый — это буквальное воспроизведение предписания Василик о проведении в ходе процедуры impositio fidei свидетельских опросов с выездом на место проживания свидетелей;[127] второй и третий — более или менее верные цитаты из соответствующей статьи Василик об условиях выдвижения в суде обвинения в подложности акта, подлинность которого уже была доказана с помощью свидетелей или путем сличения (в этом случае разрешалось настаивать на подложности, только принеся присягу о клевете и не иначе как с обязательством представить доказательства подложности раньше вынесения обвинительного приговора или слушания дела в апелляционном суде).[128] Ценность этих трех приговоров из Пиры, таким образом, тем и исчерпывается, что они свидетельствуют о применимости норм Василик в первой половине XI в., не давая ясного представления о том, как это претворялось в судебной практике (историческая часть этих приговоров в Пире полностью опущена).[129] Зато для нашего исследования представляет значительный интерес четвертый приговор, отмеченный в Пире, в котором регламентируется судебная процедура доказательства подлинности завещания, когда некоторых из свидетелей в момент проведения судебного расследования уже не было в живых: «Когда рассматривается завещание и оказывается, что свидетели умерли, то оно должно получить подтверждение, и если живы пять свидетелей, то они только и подтверждают его и не нужно сличения подписей умерших. Но если нет в живых пяти свидетелей, то тогда живущие сами подтверждают свои подписи, а за умерших сторона, представившая завещание, должна предъявить еще один акт с их подписями (ἀντισύγγραφον), и тогда они подтверждаются та-

---

der N. Manuale novellarum Iustiniani. Groningen; Amsterdam, 1964. P. 138, № 1119—1121), но именно благодаря его 73-й новелле этот метод (comparatio litterarum) получил широчайшее распространение на Западе, отразившись в лангобардском и франкском праве, найдя признание у легистов и канонистов, и т. д. (см.: *Herde P*. Römisches und kanonisches Recht. S. 306—308, 321).

[126] Этот вывод, завуалированный у Юстиниана риторикой и гипотетической интонацией, резюмирован в позднейшем синопсисе Юстиниановых новелл совершенно категорически и безапелляционно: «Если сличение (почерков) говорит одно, а свидетели — другое, то решение находится на усмотрении судьи» (ἡ διάκρισις ἔσται τῆς τοῦ δικάζοντος ἀγχινοίας): *Schminck A*. und *Simon D*. Eine Synopsis der Novellen Iustinians // FM. 1981. 4. S. 168, Z. 1002—1003.

[127] Peira 47.6=B. 22.1.77.=C. 4.21.18.

[128] Peira 56.1; 64. 3; cf. B. 22.1.79=C. 4.21.21.

[129] Ср.: *Troianos S. N*. Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 703.

беллионами и их примикирием путем сличения почерков. Для сличения каждой подписи нужно иметь (как минимум? — *И. М.*) две подписи одного и того же лица, которые он поставил на такого рода документах, где он, подписывая, говорит: „И, свидетельствуя, подписал собственноручно“».[130] Как уже отметил Троянос, из текста этого приговора можно вывести по крайней мере три наблюдения: 1) он предполагает присутствие при составлении завещания большего числа свидетелей, чем пять, что соответствует требованиям Юстинианова права, воспринятым Василиками,[131] но отходит от особого правила, более терпимого к завещаниям и введенного новеллами Ирины (для завещаний достаточно и трех свидетелей) и 41-й новеллой Льва VI (пять свидетелей в городе и три — вне его); 2) описанная в нем процедура подтверждения подписей умерших свидетелей значительно строже предусмотренной Юстиниановым законодательством;[132] 3) в качестве экспертов для проведения графологической экспертизы использовались табеллионы (табулярии) и их примикирий, что обусловлено их привычкой и опытом работы с почерками.[133]

В точном соответствии с предписаниями Василик и цитируя их, решает тяжбу между должником иереем Константином Калловелоном, выступившим в этом процессе в качестве истца, и кредитором Константином Костомиром (оба выходцы из г. Веррии) архиепископский суд Охрида (Юстиниана Прима) под председательством Димитрия Хоматиана.[134] Им было постановлено, что возможно расторжение соглашения сторон, заключенного истцом под страхом насилия (βίᾳ καὶ φόβῳ), оказанного на него, с одной стороны, кредитором, который, пользуясь тем, что должник не смог своевременно погасить долг (он должен был расплачиваться плодами со своего виноградника, но из-за неурожая не смог этого сделать), потребовал самый виноградник, предъявив в «практорский суд» документ, где это якобы было оговорено, а с другой стороны — самим этим «практорским судом», принявшим документ кредитора к производству, невзирая на то, что должник опротестовал его как подложный, и приговорившим должника к заключению в долговую тюрьму. В результате, уже находясь в тюрьме, должник Константин Калловелон вынужден был уступить и, хотя и против своей воли (ἄκων), выполнил все, что хотел кредитор Костомир, «начертав в начале бумаги честной крест со своим именем», отдав Костомиру виноградник и будучи выпущен из тюрьмы, но позднее обратился с этим делом в архиепископский суд, о содержании решения которого мы уже знаем. Важно, однако, отметить то, что суд сделал существенную оговорку: обратившийся к нему с вопросом иерей Константин Кал-

---

130 Peira 14.3.

131 C.6.23.31=B.35.2.25; cf.: Ecloga 5.2 (семь свидетелей); Proch. 21.12 et Eis. 29.8 (семь или пять свидетелей).

132 Nov. 73.7=B.22.4.6.

133 *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος. . ., σελ. 704.

134 *Pitra J. B.* Analecta. . . № 92, col. 403—408.

ловелон обязан будет перед судом, которому придется слушать его иск,[135] любым законным средством («голосами или клятвами достойных доверия свидетелей или каким-либо другим законным средством») доказать, во-первых, факт примененного к нему насилия, во-вторых, факт совершенного кредитором подлога. Содержание приговора, таким образом, полностью соответствует нормам византийского законодательства как в том, что касается бремени доказывания, которое несет сторона, оспаривающая достоверность акта, поскольку тот не предъявляется больше с целью доказательства, так и в отношении того, что не существует какого-либо ограничения для возможности нового оспаривания того же самого акта как подложного, поскольку в ранее происшедшей между сторонами тяжбе это не было подтверждено с помощью процедуры impositio fidei.[136]

Но здесь мы опять-таки имеем дело с ученой консультацией ученого юриста, с «Пирой XIII в.», с приверженцем Василик в XIII в., а нам небезынтересно проследить, какую именно картину рисует жизненная повседневная практика. В этом отношении обращает на себя внимание изданный в 1330 г. синодальным судом Константинопольского патриархата приговор по поводу тяжбы между монахиней Агафоники и «стороной» умершего «чернильничего» (ἐπὶ τοῦ κανικλείου) Никифора Хумна о монастыре Богородицы Крионеритиссы в Гераклее.[137] Приговор гласит следующее: пришла в синод монахиня Агафоники и сообщила, что ее дядя по матери, монах Феодосий, бежавший из Скамандры от нашествия вражеских варваров вместе с нею и с ее матерью, монахиней Анастасией, в Гераклею, где он и поселился, воздвигнул внутри ее своими трудами и на свои средства монастырек Богоматери Крионеритиссы, в который ввел обеих женщин и в котором они и жили. По прошествии нескольких лет Феодосий заболел и пожелал видеть епископа Δανείου, чтобы тот исповедал его и чтобы при его и его клириков свидетельстве было составлено завещание. Епископ Дания пришел к нему и исповедал его, а Феодосий сказал и о монастырьке, и о своем намерении владение им передать этим монахиням. Но вскоре после этого пришел Георгий Куналис, который всячески препятствовал и не разрешал составлять завещание, а после смерти монаха Куналис сам предъявил завещание, которое написал его собственный сын и которое он составил, как ему было угодно; посредством его он «передал и отпустил» этот монастырек (вопреки намерению и воле ктитора) «стороне» покойного чернильничего, шурина императора, которая с того времени владела им, не очень заботясь о нем, из-за чего он пришел в полнейшее запустение. Патриарх, сочтя себя должным рассмотреть дело и выслушать сторону чернильничего, имеет ли она что-либо сказать о монастырьке, потребовал, чтобы они явились в суд. Они же передали только завещание, не имея предъявить в свое оправдание

---

[135] Следует оговориться и нам, что настоящий приговор — это пока гипотетическое решение вопроса, ответ на вопрос, консультация в форме судебного постановления.

[136] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 706.

[137] Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. № 103, S. 586—588.

ничего другого, кроме одного только его. И когда, как было сказано, монахиня сказала, что Куналис подделал его, сторона чернильничего заявила, что только эта монахиня Агафоники надоедает из-за монастырька, а ее мать, монахиня Анастасия, признала и одобрила завещание, поэтому она также должна прийти в суд; будучи, однако, вызванной и допрошенной в синоде, и Анастасия сказала, что завещание подделано (πεπλασμένην ὁμοίως καὶ αὐτὴ τὴν διαθήκην ἔλεγεν). Да и епископ Дания написал и засвидетельствовал, что дело обстояло так, как описала монахиня, т. е. что Феодосий передал монастырек монахиням и что позднее Куналис подделал завещание, подписав его сам так называемыми «подписями» епископа и других лиц. Все это было письменно засвидетельствовано, и суд, согласно воле основателя монастырька, присудил его монахиням. Тем самым синодальный суд во главе с патриархом Исайей в известной мере отошел от предписанных законом процессуальных норм, не обеспечив явку в суд стороны ответчика, не обязав ее на impositio fidei и по собственной инициативе взяв на себя сбор показаний свидетелей, которые присутствовали при устном завещании, причем не вследствие их самоличной явки в суд, а посредством получения от них соответствующего письменного документа, вероятнее всего, полагает Троянос, составленного в форме письма.[138]

Любопытным как в отношении способа экспертизы подлинности, так и с точки зрения приемов подделки документа представляется сложное и запутанное дело о тяжбе двоюродных сестер по поводу наследства (хозяйственные постройки, мастерские), которое в 1360 г. слушал все тот же синодальный суд Константинопольского патриархата:[139] во второй фазе слушания этого дела ответчица предъявила для доказательства своих утверждений акт соглашения (купчую), который уже представлялся в первой инстанции перед тем же самым судом. Однако неоднократное внесение на рассмотрение этого доказательственного документа закончилось для ответчицы плачевно: у судей создалось убеждение, что на сей раз ответчица «предъявила не тот акт соглашения (σύμφωνον), который она предъявляла раньше, но другой, измененный и неидентичный первому, так как первый документ был на постаревшей багдадской бумаге (ἐκ χαρτίου βαγδαϊτικοῦ πεπαλαιωμένου), а ныне представленный — на обычной новой бумаге, но закопченной и от этого кажущейся темной и древней (ἐκ χαρτίου νέου συνήθους κεκαπνισμένου καὶ διὰ τοῦτο δοκοῦντος μέλανος καὶ παλαιοῦ), каковой документ не только наша умеренность, говорит патриарх, взяв в руки, признала совершенно иным в сравнении с прежним, так как видела и рассматривала его во время неоднократных предъявлений синоду, но и другие почтеннейшие церковники, возлюбленные во святом духе сыны моей умеренности, такие, как великий сакелларий и дидаскал дидаскалов диакон Феодор Мелитениот и сакеллиу и дикеофилак диакон Георгий Пердикис, решительно утверждали и заверяли, что ныне предъявленный акт со-

[138] *Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 707.
[139] MM, vol. 1, № 173, p. 391—397.

глашения действительно иной, нежели прежний».[140] Ответчица, стало быть, по каким-то своим соображениям (возможно, потому, что текст подлинного документа не способствовал благоприятному для нее исходу апелляционного суда) совершила подлог, представив документ, написанный на другом, новом, но искусственно состаренном материале, с заведомой целью ввести суд в заблуждение.

Шесть лет спустя (в 1366 г.) суд Серрской митрополии занимался выяснением подлинности завещания, на которое опирался великий примикирий Исарис в своей тяжбе с Хиландарским монастырем.[141] Когда во время судебного процесса был зачитан акт, монахи поставили под сомнение денежную сумму, записанную в нем. «Поэтому, — говорят судьи, — каждый из нас, взяв представленный документ в руки и рассмотрев его поближе, констатировал, что знак, обозначавший сумму, выскоблен из завещания и что совершен явный подлог, так как одними чернилами писан весь текст и то, что было выскоблено, другими — то, что добавлено; одна рука писала весь текст, другая — добавление. И когда это обнаружилось, то было признано всеми, что завещание и в целом не имеет доверия, как обманчивое и вероломное, а так как в соответствии с божественными и священными законами, предписывающими, что „лицо, скрывшее завещание, или вычеркнувшее что-либо из него, или подменившее, или распечатавшее, или подделавшее, или коварно подстроившее, чтобы это случилось, подлежит обвинению в подлоге“,[142] то мы вынесли решение уничтожить его как фальшивое. Поэтому, разрезав его на мелкие кусочки (λεπτὰ τεμόντες) перед всем синодом, мы уничтожили его».[143] Всегда ли имела место подобная процедура элиминации признанного подложным документа? Это важно было бы знать, но приходится констатировать уникальность данного свидетельства,[144] как, впрочем, и уникальность факта дословного цитирования в XIV в. Василик.

Наконец, еще несколько случаев из практики синодального суда Константинопольского патриархата, представляющих интерес для нашего исследования: в 1400 г. сочетание графологической экспертизы и доказательства с помощью свидетельских показаний при разрешении одного брачного спора привело членов суда к отклонению предъявленного истцом акта соглашения как поддельного, в котором «то, что было написано вверху, не совпадало с тем, что было написано в конце его, к тому же написано другими чернилами и другой рукой, причем на акте не было вообще подписей свидетелей, хотя в начале его их имена были записаны»;[145] в этом же 1400 г. суд, разбирая другое дело по соответствующему протесту одной из сторон, вынес решение, что подпись женщины нельзя считать поддельной,

---

[140] Ibid., p. 394, l. 14—28.
[141] Actes de Chilandar, № 151, p. 316—321.
[142] Цитата соответствующего отрывка из Василик, ср.: B. 60.41.2=D.48.10.2.
[143] Actes de Chilandar, № 151, p. 319, l. 99—110.
[144] Впрочем, как отмечает Троянос, сходным было принятое на 14-м заседании VI Вселенского собора решение о судьбе подложных актов V Вселенского собора (*Troianos S. N.* Ὁ ἔλεγχος. . ., σελ. 710).
[145] MM, vol. 2, № 582, p. 401—404.

если при написании ее рука поддерживалась третьим лицом, ибо таким образом подписывавшейся просто оказывалась помощь, а она сама сохраняла графические особенности своего почерка;[146] в 1401 г. отклонено притязание одной из сторон о том, чтобы предъявленное другой стороной завещание было подвергнуто процедуре подтверждения его свидетелями на том основании, что она не имела никакого права для требования пересмотра завещания;[147] без даты — по требованию одной из сторон ей был дан четырехмесячный срок для того, чтобы собрать необходимые данные для доказательства подложности акта, предъявленного противоположной стороной.[148]

Из рассмотренного в главе материала явствует, что как в гражданских, так и в церковных судах Византии использование письменных актов, в том числе и частноправовых, как средств доказательства было очень широко распространено, ему практически нет альтернативы.[149] Троянос прав, подчеркивая, что не в последнюю очередь это связано с тем, что акты свободны от тех известных недостатков, которые были присущи устному свидетельствованию, но он, нам кажется, не прав, тут же умаляя доказательственную силу актов и утверждая, что за исключением случаев, когда закон прямо требует доказательства письменным актом (указывается канон 120-й Карфагенского собора), из источников не вытекает их бо́льшая доказательственная сила по сравнению с доказательством при помощи свидетельствования.[150] Нельзя забывать, что судебные постановления, с которыми мы имеем дело, фиксируют, как правило, конфликтные ситуации, при которых привлечение разного рода способов доказательства вполне естественно. В нормальных же условиях документы, в том числе частноправовые и нотариальные, достаточно надежно гарантировали владельческие права на собственность.[151] Конечно, преступная деятельность пластографов наносила ущерб авторитету письменных актов в глазах судей, но она же — повторим

---

146 Ibid., p. 361—366.

147 Ibid., p. 509—510.

148 Ibid., p. 416—417.

149 Пожалуй, мы смогли бы назвать лишь один-два случая судебных разбирательств без упоминания письменных документов. Так, в картулярии Вазелонского монастыря сохранился текст судебного приговора (II половина XIV в.) по делу о хорафии, права на который доказывались тяжущимися сторонами не документами, а ссылкой на одного свидетеля, клятвенные показания которого и стали основой постановления (Вазелонские акты, № 132, с. 97—98. О подобном случае см. также, № 134, с. 100—101 (1415 г.)).

150 *Troianos S. N.* Ἡ ἐκκλησιαστικὴ διαδικασία μεταξὺ 565 καὶ 1204, σελ. 114.

151 К тем примерам, которые уже были рассмотрены, нам хотелось бы «подключить» еще один, весьма, на наш взгляд, характерный — приговор церковного суда в г. Серры от 1360 г., который восстанавливал Хиландарский монастырь в правах на некоторые хорафии метоха Каменикия, захваченные соседями. Расследование производилось с выездом суда на спорные места, причем в отношении тех владельцев хорафиев, которые предъявили купчие (τὰ πρατήρια), было решено, что в их собственности останется то количество земель, которое в этих актах записано, а «все лишнее», т. е. выходящее за пределы записанной в актах суммы имуществ, возвращается монахам метоха Каменикия; при этом вопроса о подлинности актов вообще не возбуждалось. См.: Actes de Chilandar, № 146, p. 307—310.

эту мысль — парадоксальным образом свидетельствовала о наличии такого авторитета; в противном случае небезопасная деятельность пластографов (прежде всего небезопасная для них самих) была бы лишена смысла.

Создается впечатление, что в общем и целом суды справлялись со своими обязанностями, достаточно объективно и в соответствии с законами ведя разбирательство дел, проявляя компетентность в выявлении подлогов и в их классификации. Впрочем, это и неудивительно при том общем высоком уровне филологической и дипломатической культуры, которую мы наблюдаем в Византии во все времена ее существования и которую особенно наглядно продемонстрировали византийцы на VI Вселенском соборе (680 г.) в ходе экспертизы подлинности актов V Вселенского собора и на Флорентийском соборе (1438 г.) в ходе экспертизы подлинности некоторых патристических текстов.[152] Привлечение лучших научных сил для решения этих не столько теологических, сколько научных вопросов, сосредоточение для этого значительного рукописного и актового материала не могли не способствовать как развитию филологии вообще (и в Византии, и на Западе), так и судейской методики изобличения подлогов. Но в то же время на практике «византийская Фемида» была, кажется, весьма благосклонной к такого рода делинквантам: по крайней мере нам неизвестно ни одного случая, когда суд применил бы к пластографу, казалось бы, иногда обязательную и предписанную законом «высшую меру наказания». Не в этом ли причина того, что, несмотря на борьбу с ними, подделки продолжали появляться все снова и снова, а многие из них (и это, как заметил Дэльгер, достойно удивления), несмотря порой на весьма грубую работу (аляповатая орфография, прочие ошибки), не привлекли к себе внимания византийских правоохранительных органов, обращаясь наряду с подлинными документами.[153] Не может не вызвать удивления то, что в 1358 г. судьи — великий стратопедарх Алексей и великий примикирий Иоанн (несомненно, те самые, «моление» которых изображено на знаменитой эрмитажной иконе Пандократора — ГЭ № I—515) — оказались в затруднительном положении перед двумя императорскими хрисовулами по одному и тому же делу, но противоположного содержания, и император специальной простагмой разъясняет им, какой хрисовул подлинный, а какой — недействительный, так как выпущен по ложному иску

---

[152] *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 386—387; *Troianos S. N.* 'Ο ἔλεγχος... σελ. 698—700; *Медведев И. П.* Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском соборе // ВИД. 1976. 8. С. 274—285.

[153] *Dölger F.* Urkundenfälscher in Byzanz. S. 392 f. Примеры подделок отмечены почти во всех публикациях монастырских актов, прежде всего, конечно, во французской серии «Архивы Афона», а также в капитальном издании регест императорских документов: *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453. München und Berlin. Bd I—V. Образцы подделок см. также: *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. Taf. 83—85; cf. S. 26, 125—136; *Troianos S.* ''Εγγραφα καὶ πλαστογραφία στὸ Βυζάντιο..., σελ. 48—49 (цветные фотоснимки подлинного и подложного хрисовулов Андроника II Палеолога).

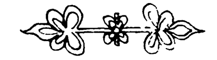
(ἐκ ψευδοῦς ἀναφορᾶς),[154] что в 1570 г., разбирая тяжбу митрополита Монемвасии Макария Мелиссена с митрополитом Христианополиса Софронием по поводу нескольких епископств — суффраганов, константинопольский синод принял к рассмотрению целую серию хрисовулов византийских императоров, подделанных и фальсифицированных первым из указанных тяжущихся лиц.[155] Остается надеяться что эта тема, увлекательная для любого исследователя, найдет еще свое освещение.

---

[154] Actes de Zographou, № 40, p. 94—95.

[155] *Dölger F.* Ein literarischer und diplomatischer Fälscher des 16. Jahrhunderts // Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 371—383; *Медведев И. П.* О подделке византийских документов в XVI в. // ВИД, 1969. 2. С. 277—286.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще раз оговоримся: данная работа — не учебник по византийской дипломатике, она не претендует на исчерпывающий и всесторонний анализ всех проблем, связанных с формальным изучением византийского частноправового акта. В силу ограниченного объема книги нам не удалось, например, осуществить в полной мере задачу юридической и исторической классификации актов по типовым группам с вычленением «идеального формуляра» каждого из типов (пришлось даже исключить уже готовый раздел о дипломатике завещаний). Скрупулезное исследование региональных особенностей отдельных групп актов, а внутри их — типовых особенностей отдельных разновидностей частноправового акта, связи их с эллинистическим и ранневизантийским папирусом, более нюансированное изображение эволюции формуляра во времени, наконец, лишь слегка затронутая в нашем исследовании, но нуждающаяся в фундаментальной разработке проблема языка и палеографии частных актов — все это дело будущего, которое, несомненно, внесет коррективы и в выводы настоящей работы.

На основании рассмотренных в книге внешних и внутренних характеристик, дипломатического состава, его информационных и функциональных свойств можно прийти к выводу, что византийский частноправовой акт представлял собою документ определенного образца, в своих основных чертах единого для всей территории империи, унаследованного от эллинистического папирусного частноправового акта — хирографа, составлявшегося в личной форме; письменно запечатленное сложное действие, которое определяло собою существо закрепляемой актом сделки, а также те второстепенные, побочные действия, которые неразрывно слиты с совершением данной сделки;[1] запись юридической сделки, рассчитанную на то, чтобы служить доказательством определенных обстоятельств, влекущих за собой юридические последствия. Целью акта было удостоверение и закрепление возникающих, изменяющихся или прекращающихся вследствие указанных правовых действий имуществен-

[1] Ср. аналогичное определение древнерусского частноправового акта в ст.: *Веретенников В. И.* К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов // Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 9.

ных прав граждан византийского государства — функция, фактически аналогичная той, которую и в наше время выполняет какой-либо юридический, заверенный нотариусом документ.

В обществе господства частной собственности, где земля и другая недвижимость были предметом товарного обращения (купли-продажи), займа, аренды, дарения, обмена, завещания, роль частноправового акта как посредника социально-экономических отношений не могла быть незначительной, тем более в обществе, основанном на развитом писаном праве. Частноправовой акт — это как раз та «территория», на которой многообразие обычных и повседневных социально-экономических и правовых отношений приходило в соприкосновение с нормами действовавшего в государстве официального гражданского законодательства, причем именно живая повседневная практика зачастую одерживала верх над юридической догмой, заставляя составителей актов выступать здесь в роли подлинных «пионеров права». В принципе государство не вмешивалось в сделки частных лиц, но и не упускало эту сферу общественной жизни из поля зрения, контролируя ее с помощью такого важного правового института, как нотариат, носители которого занимались своей деятельностью хотя и в виде свободного промысла, но не иначе, как получив от государства соответствующую концессию. Собранный в работе просопографический материал о византийских нотариях (табуляриях и номиках) позволил, как нам кажется, «нащупать» в хаосе отрывочных сведений о нотариях, их подписей под актами определенную закономерность, воссоздать структуру византийских нотариальных служб: главное звено — табуляриат митрополий, вспомогательное — номикат епископий, городов, деревень и местечек. Интересные, на мой взгляд, результаты дал и анализ конкретных функций писца документа и нотария, их взаимодействия в процессе изготовления акта, характера их нотариальных действий (подчеркнем здесь одно недостаточно четко отмеченное в работе новшество по отношению к символеографу эллинистической и ранневизантийской эпохи — утрату в заключительной клаузуле формулы δι' ἐμοῦ).

Материал судебной практики по использованию документов в судебных процессах позволил поставить и в какой-то мере решить вопрос о сравнительной доказательственной силе документов и показаний свидетелей, публичноправовых и частноправовых актов. Он свидетельствует о том, что письменные документы имели в судебных процессах ту же ценность, что и показания свидетелей (случаи судебных разбирательств без упоминания письменных документов единичны), что письменный частноправовой акт был одним из важнейших и наиболее распространенных средств доказательства в судебном процессе. Небезынтересна в этой связи и практика проведения судами процедуры проверки подлинности документов, выявления подделывателей актов, методов их преступной деятельности, формирования законодательства о подлоге.

Частные акты — это тот своеобразный род исторических источников, при котором народные элементы, почти полностью лишенные доступа к письменным средствам выражения и права представи-

тельства в других типах исторических источников, здесь имеют возможность заявить о себе как о субъекте истории, выразить свою волю, сказав свое гордое «я» и поставив собственноручно крест, хотя бы и в отношении клочка земли или пары оливковых деревьев. Конечно, в отличие от других типов исторических источников, в том числе и документальных (скажем, жалованных грамот или писцовых книг — «практиконов», в которых действительно затрагиваются важнейшие вопросы феодального землевладения: рентное и налоговое право, иммунитет, формы зависимости, характер держания, структура поместья и т. д.), частные акты, оформлявшие юридические сделки в понятиях полной римской собственности, обладают несравненно более узким информативным диапазоном, почти не отражая (ни в своей терминологии, ни в своих формулах) норм феодального права.[2] Очевидно, данное явление следует понимать в том смысле, что социальной сферой возникновения частных актов являлось по преимуществу свободное население империи, как горожане, имевшие полную свободу в сделках по купле, продаже, дарению объектов собственности, что вполне соответствовало развитию товарного хозяйства, так и свободное крестьянство, весьма многочисленное вплоть до конца Византии и распоряжавшееся своими землями как своей собственностью, даже с учетом земельных связей с крестьянской общиной.[3] Доказывается это, между прочим, и тем, что акты, «авторами» которых явно были представители феодально-зависимого крестьянства (а такие акты хотя и весьма немногочисленны, но есть), выделяются из общей массы актов сложностью и запутанностью своего формуляра, словаря, дипломатики в целом. И это в общем-то понятно: ведь составители актов в этих случаях оказывались перед необходимостью найти соответствующие нетрадиционные и нестандартные клаузулы, чтобы учесть и права собственников, возможно даже феодальных сеньоров этих крестьян. Кстати, именно это относительное единство социальной среды возникновения и функционирования частноправового акта (свободное население империи) наряду, конечно, с унифицирующей ролью имперской

---

[2] Этот вопрос затронут А. Гийу в одной из его публикаций: Actes de S. Maria di Massina, p. 29 sq. В опубликованных Гийу актах лишь однажды упоминается лен (φίον), встречаются термины, отражающие формы зависимости; ἄνθρωπος (№ 3), βελλάνος (№ 18), αὐθέντης (№ 3, 10).

[3] Любопытную в этой связи мысль высказывает Ю. Г. Алексеев: древнерусский письменный земельный акт «возникает именно в момент разрыва земельных связей с общиной и фиксирует этот разрыв. При этом грамотчик не обязан порывать с общиной лично, он порывает с ней только как владелец земли, полученной по грамоте. Грамота возникает — исторически и географически — на границе общины» (*Алексеев Ю. Г.* Частный земельный акт средневековой Руси: (от Русской Правды до Псковской Судной грамоты) // ВИД. 1974.6. С. 135—136). Нечто аналогичное наблюдалось, по-видимому, и в Византии, хотя в ней роль письменного акта и была неизмеримо более универсальной. О византийской общине см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 178—181; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 7—42; *Вин Ю. Я.* Развитие теории византийской общины в трудах русских византинистов (первые десятилетия XX в.) // Социальные движения и развитие общественной мысли. М., 1981. С. 68—88.

идеологии и политики обусловили, по-видимому, не только фактическую и юридическую взаимосвязь актов разных типов в разных частях империи, но и относительное единство, а иногда и прямое слияние их формуляров.[4]

Несмотря на уже отмеченную некоторую информативную узость, частные акты тем не менее представляют собой весьма важный исторический источник, непосредственно отражающий бытовавшую историческую реальность, процессы движения и перераспределения земельной собственности, как правило, совершавшихся в направлении дробления мелкой крестьянской и укрупнения, концентрации феодальной собственности, как светской, так и монастырской. Адекватное раскрытие стандартных и «клишированных» выражений, формул и клаузул, из которых состоит «условный формуляр» византийского частного акта, позволяет выявить их конкретный и социальный смысл, их реальное содержание, помогая тем самым осмыслить социально-экономические явления истории Византии. А поскольку такое «раскрытие» неплохо обеспечено богатым материалом юридических (законодательных) источников, то ценность проделанного анализа дипломатического состава византийского частного акта состоит и в том, что он может облегчить понимание особенностей, скажем, древнерусского акта, где подобного обеспечения как будто не имеется, расширяя, таким образом, возможности его полноценной интерпретации. Мы уж не останавливаемся специально на том, что греко-византийские частные акты содержат и иную, достаточно обильную информацию, имеющую существенное значение для исследования социально-экономической истории Византии (стоимость земельных участков и другой недвижимости, состав хозяйственных комплексов, историческая топография, топонимия и просопография и т. д.). Остается надеяться, что изучение византийских частных актов получит со временем новый, соответствующий их значению для истории размах, и если настоящая книга будет хоть в какой-то мере этому способствовать, то автор будет считать свою задачу выполненной.

---

[4] Ср. аналогичный вывод о связи единой социальной среды возникновения актов с единством их формуляра на материале двинских актов XVI в.: *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. 1974. 6. С. 161.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ФРАГМЕНТ ЗАВЕЩАНИЯ 1289 г. В КОПИИ XIX в.

В Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится поздняя греческая рукопись (греч., № 615), содержащая полный список «Алфавитной синтагмы» Матфея Властаря, известного византийского канониста XIV в. Рукопись бумажная, размером 330×236, 34 строки, в кожаном тисненом переплете, содержит 236 листов, из них 232 нумерованы арабскими цифрами и 4 (пустых, по два листа у передней и задней крышек переплета) — римскими цифрами (I—IV), писана несколькими писцами, темно-коричневыми чернилами, с цветными заставками и рубриками. Согласно «Отчету Императорской Публичной библиотеки за 1899 г.» (с. 93), рукопись происходит из собрания Петрова, датируется началом XIX в. и представляет собою список с печатного издания (все эти данные нуждаются в проверке).

На чистом листе I есть помета, резюмирующая содержание рукописи: ἅπαντες οἵ κανόνες τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησία(ς) ἐκκλησιαστικοὶ καὶ πολιτικοί μετὰ τῶν νεαρῶν καὶ αὐτοκρατορικῶν διαταγῶν δι' ἑκάστην πολιτικὴν καὶ ἐκκλησιαστικὴν ὑπόθεσιν μετὰ ἀποστολικῶν συνοδικῶν τοπικῶν καὶ ἰδιωτικῶν.

Есть еще две владельческие пометы, сделанные одинаковыми сиреневыми чернилами, но разной рукой и свидетельствующие о том, что рукопись принадлежала сначала митрополиту Афин и всей Эллады Венедикту (с не вполне мне понятной датой — «в 1612 г.»), а затем (в 1857 г.) — митрополиту о. Керкиры Афанасию:

1) вверху л. I — πάσης 'Ελλάδος καὶ 'Αθηνῶν μητροπολίτου Βενεδίκτου... Τὸ παρὸν ἀνήκει εἰς τὴν μητρόπολιν τῶν 'Αθηνῶν, κατὰ τὸ ἔτος 1612 (!?);

2) на свободном листе II — τοῦ 'Αθανασίου μητροπολίτου Κερκύρας κτῆμα, ἔτος 1857.

Внизу л. I рукой первого писца рукописи и теми же чернилами записан текст документа (расположение строк — параллельно ориентации листа), правый край текста внизу листа обрезан при переплете рукописи (стало быть, текст документа был записан еще раньше, до переплетения рукописи). Если верить транскрибированной арабскими цифрами дате документа и согласно тому, что удается извлечь из краткого и поврежденного текста, речь идет о поздней копии какого-то загадочного завещания (διαθήκη), составленного неизвестным «нотарием» 31 сентября 1289 г. (индикт опущен) «в доме господина Виниери» (греческая транскрипция венецианской фамилии Venier?) в присутствии свидетелей иеромонаха, бывшего протосинкелла Агапия и монаха Клима Пласкасовита. Завещательница, имени которой в настоящем фрагменте не встречается, почувствовав себя больной и боясь, что из-за внезапной смерти не сможет распорядиться своим имуществом, назначает своим главным наследником сына, оставляя ему земельные угодья и виноградники, но не забывает она и завещать на помин души виноградник церкви св. Харлампия и дом церкви какой-то святой, не названной по имени.

Некоторые особенности формуляра завещания (писан от имени «нотария», датирован годом от Рождества Христова) говорят о том, что за основу был взят формуляр латинского западноевропейского акта. Возможно, что акт происходит

с территории, находившейся в XIII в. во владении венецианского рода Venier, но, не располагая в достаточной мере справочной литературой, нам трудно ответить на этот вопрос полнее.

ТЕКСТ

1. Εἰς τὴν οἰκίαν τοῦ κὺρ Βινιέρη δίπλα ἡ παροῦσ
2. εὑρίσκεται ἀσθενὴς καὶ φοβουμένη τὸν θάνατον μ
3. τὰ παντοῖα της ἀγαθὰ ἀδιώρθωτα μείνωσιν, ὕπο
4. κε ἔκρατε ἐμὲ τὸν ὑπογεγραμμένον νοτάριον, ε
5. ρας δῆλον τὸν ἐν ἱερομονάχοις κὺρ 'Αγάπιον πρ
6. μοναχοῦ Πλασκασοβίτη, οἱ ὁποίοι μελοὺν (!) ὑπογρά
7. ἡ ὁποία ἤρξατο λέγειν· ἀφίνω τὴν ἐμὴν ψυχὴν εἰς χειρ
8. σι χριστιανοῖς τὴν ὀφειλομένην ἀγάπην καὶ τελείαν ευ
9. νω διὰ κληρονόμον μου τὸν υἱόν μου εἰς ὅλον μου τ
10. τερεῖ χωράφια, ἀμπέλια καὶ πρᾶγμα καὶ τὸ ἀμπελ
11. σιν εἰς τὸν ἅγιον Χαραλάμπη διὰ μέρος τῆς ψυχῆς
12. καὶ τὸ σπήτι εἰς τὴν ἁγίαν, ἀκόμι νὰ ἔχῃ ὁ υἱός μου
13. χω προίκα νὰ εἰσὶν τὸν κίτζου τοῦ υἱοῦ μου ἀντ
14. λον μου τὸ ἀπὸ δὲ λοιπὸν πρᾶγμα, ἡ ὁποία λέγ
15. φια ὁ 'Αθανάσις καὶ ὁ Πάσχος τοῦ υἱοῦ μου νὰ
16. λέγει, ὅτι ἄλλη διαθήκη ἢ κονδήκυλλον εὑρεθῇ να
17. κὴ ἡ παροῦσα μου νὰ ἔχῃ τὴν ἐνέργει
18. πιον ὡς ἄνωθεν καὶ ὑπογράφουν.

19. ≈ 'Αγάπιος ἱερομόναχος πρώην πρωτοσύγκελος μα
20. ≈ Κλήμης μοναχὸς Πλασκασοβίτης μάρτυρας
21. 1289 σεπτεμβρίου 31. Εὐγάλθη ἡ παροῦσα κόπια ἀπ
22. δεσίλα διὰ χειρός ἐμοῦ.

2. КУПЧАЯ 1246 г. ИЗ ДИРРАХИЯ

В Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится (под шифром греч. № 389) подлинный документ — купчая 1246 г., согласно которой некий Иоанн, зять покойного врача Иоанна Скины, продал усадьбу (ὀσπητοτόπιον) Симеону Вране за 11 иперперов. Документ из числа тех рукописей, которые привезены с Востока Порфирием Успенским (см.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 г. СПб., 1885. С. 143; *Гранстрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5: Рукописи XIII в. // ВВ. 1964. Т. 24. С. 169, № 440 — с ошибочной датировкой 1249 г.). Писан на тонком, хорошей выделки пергамене, размер 540×300, хорошей сохранности, если не считать нескольких потертостей на сгибах (строки 13, 14, 27), сгибы старинные — три по вертикали и три по горизонтали (стало быть, документ был сложен, а не свернут в трубочку). Чернила темно-коричневые, то темнее, то светлее. Весь текст документа писан одним писцом, ему же принадлежит и сигнон, только крест, возможно, начертан самим продавцом. На оборотной стороне документа есть три пометы, из которых две древние: 1) + πρατ(ή)ρ(ιον). . . . 'Ιω(άνν)ου Γομάτου (последнее слово транскрибируем без уверенности в правильности); 2) латинская (не читается); одна новейшая: 3) «6754 года» (карандашом).

Текст документа дважды публиковался: *Papadopoulos-Kerameus. A.* Δυρραχηνά // BZ. 1905. Bd 14. S. 569—571; *Zereteli G.* et *Sobolevsky S.* Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum. Vol. 2: Codices petropolitani. M., 1913. P. 13—14+tab. XXXV. Снимок акта был также

† [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] | [illegible]
[illegible]

† [illegible]
[illegible]

[illegible] Καὶ ὡς [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Купчая 1246 г. из Диррахия (ГПБ, греч. № 389).

воспроизведен (с ошибочным указанием, что документ «публикуется впервые») в кн.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М.; Л., 1948. Т. 3. С. 480—481.

Публикации эти представляют собой библиографическую редкость, не соответствуют современным принципам издания документов, не свободны от пропусков и неверных чтений. Поскольку нам важно дать образец типично византийского частного акта (а именно таким является купчая 1246 г. из Диррахия), то мы решили остановиться именно на этом акте. Наше издание основано на оригинале, выполнено дипломатическим способом, т. е. с воспроизведением всех особенностей подлинника, и издается в соответствии с общепринятыми в настоящее время принципами:

— πρᾶσις (l. 10) — ἀπόπρασις (l. 19) — πρατήριον ἔγγραφον (l. 31).	январь, инд. 4 6754 (1246)

Содержание. Вверху — резюме наиболее существенных частей акта (строки 1—3). — Сигнон (писан рукой писца — строки 4—5). — Тринитарная инвокация (строка 6). — Диспозитивная часть: Иоанн, зять покойного врача Иоанна Скины, по своей доброй воле (клаузулы добровольности — строки 11—12) продает Симеону Вране усадьбу (ὀσπητοτόπιον), расположенную в «декархии» ворот, (находящихся в ведении?) некоего рыцаря (?καβαλλαρίου), близ дороги с востока, государственного тракта — с севера, проулка у церкви Честного и Животворного Креста — с запада, имения жены покойного Феодора Опсары — с юга (строки 14—15); половина усадьбы была подарена ему, а половина куплена им у двоюродного брата Лазаря, родного сына покойного Андрея Макелариса (строка 16). — Цена на усадьбу установлена в 11 иперпиров, которые продавец получил от покупщика в присутствии подписавших купчую свидетелей (клаузула установления цены и передачи денег — строки 17—18). — Следуют клаузулы прав, передаваемых правопреемнику (строки 19—27), гарантии против эвикции (строки 27—30), отказа от эксцепций (строки 30—32), штрафа (двойная цена покупщику, законная доля в казну и двойное возмещение расходов покупщику — строки 33—35). — Акт был разъяснен продавцу канстрисием митрополии Диррахия Димитрием Кавасилой (строки 35—36), писан по просьбе продавца рукой анагноста, примикирия анагностов митрополии Диррахия и табулярия Николая Перегрина (строка 37). Дата, собственноручные подписи пяти свидетелей: диакона и канстрисия митрополии Диррахия Димитрия Кавасилы; диакона, третьего остиария митрополии Диррахия и табулярия Иоанна Хила; анагноста, протопсалта митрополии Диррахия и табулярия Феоны; анагноста митрополии Диррахия Феодора Ригопула; примикирия анагностов митрополии Диррахия и табулярия Николая Перегрина, который, «написав текст (документа) и вместе с тем свидетельствуя, сам и подписал».

Примечания. В целом акт является типичнейшим образцом византийского формуляра купчей. Пожалуй, только квалификация ее как ἀπόπρασις несколько необычна. Загадочно обозначение местонахождения продаваемой усадьбы — ἡ δεκαρχία τῆς Πόρτας τοῦ καβαλλαρίου, нигде больше, если не ошибаемся, не встречающееся. Нет ли связи между этой δεκαρχία и единственный раз упомянутым титулом δέκαρχος: в акте 1395 г. прота Иоанна Каливита из архива Дионисиевского монастыря среди прочих подписей значится подпись «декарха Михаила» (Actes de Dionysiou, № 8, p. 76, l. 28). «Из этой подписи, — говорит Икономидис, — мы можем заключить, что этот декарх был христианином, поскольку назвал себя Михаилом. Но ничто не говорит за то, что он был монахом. Следует ли видеть в нем начальника, поставленного во главе местной полиции?» (Ibid., p. 75). Может быть, и в Диррахии это не квартал, а какой-нибудь «полицейский участок», а загадочный «кавалларий» — не фамилия, а «рыцарь», находящийся на службе у городской общины? (О том, что именно словом καβαλλάριος обозначались западноевропейские рыцари, явствует и из некоторых актов Лемвиотиссы. См., например: MM, vol. 4, № 17, p. 61; № 46, p. 135).

Просопография. Из всех лиц, упомянутых в акте или подписавшихся под ним, нам известен лишь «герменевт» акта канстрисий митрополии Дир-

рахия Димитрий Кавасила, несомненно, отпрыск известной не только в Диррахии, но и вообще в истории поздней Византии фамилии, из которой происходил и митрополит Диррахия Константин Кавасила (см.: *Kaplaneres S. N.* Drei grosse byzantinische Familien im Dienst der Megale Ekklesia: Diplomarbeit. Wien, 1985. S. 108, № 10; S. 109—110, № 13). Тем ценнее наш акт, давший просопографические данные для скудно освещенной источниками истории Диррахия.

Упомянутые акты — строка 16 — дарственная (χαριστική) и купчая (πρᾶσις) Лазаря Макелариса — утеряны.

† Πέπρακα πρό(ς) σὲ τ(ὸν) κ(ῦρ) Συμεὼν τ(ὸν) Βρανᾶν τὸ ὀσπητότοπ(ον) ὅπερ μοι ἐχάρισε τὸ ἥμισυ τούτ(ου), (καὶ) τὸ ἕτερ(ον) ἥμισυ ἐπώλη(σεν) ὁ ἐξά- |[2] δε(λφ)ός μου Λάζαρο(ς) ὁ γνή(σι)ος υἱὸς Ἀνδρέου ἐκείνου τοῦ Μακελ(ά)ρ(η), ὅπερ ἔχω ἐν τῇ δεκαρχ(ίᾳ) τ(ῆς) Πόρτ(ας) τοῦ καβαλλ(α)ρ(ίου), καθὼς (καὶ) τὸ ἔγγρα(φ)ον |[3] αὐτοῦ δηλοῖ, μη(νὶ) ἰαννουαρ(ίῳ) ιη, (ἰνδικτιῶνος) δ̄ + εἰς ὑπέρπ(υ)ρα ἕνδεκα.

|[4] σίγν(ον) | Ἰω(άννου)

|[5] τοῦ ἐπὶ | θυ(γα)τρ(ὶ) γαμβροῦ τοῦ ἰατροῦ Σχηνᾶ ἐκείνου

|[6] † Ἐν ὀνόμ(α)τ(ι) τοῦ π(ατ)ρ(ὸ)ς (καὶ) τοῦ υἱοῦ (καὶ) τοῦ ἁγίου πν(εύματο)ς. Ἰω(άννης) ὁ ἐπὶ θυγατρὶ |[7] γαμβρό(ς) Ἰω(άνν)ου ἰατροῦ ἐκείνου τοῦ Σχηνᾶ· ὁ ἄνωθεν τοῦ παρόντο(ς) |[8] ὕφ(ους) τὸν τίμιον (καὶ) ζωο(ποιὸν) στ(αυ)ρὸν οἰκειοχείρως ποιήσας, τὴν παροῦσαν ἔγγρα(φ)ον, καὶ ἐνυπόγρα(φ)ον, κυρί(αν), βεβαί(αν), ἀμετάτρεπτον, ἀναλ- |[9] λοί(ω)τ(ον), ἀραδιούργ(η)τ(ον), (καὶ) πᾶσαν τὴν τ(ῶν) θεί(ων) καὶ φιλευσεβῶν νόμ(ων) ἰσχὺν (καὶ) δύναμιν ἔξουσαν καθαρὰν καὶ φανερὰν μετὰ καθολικοῦ δεφεν- |[10] σίωνο(ς) πρᾶσιν· ἔτι δὲ ἀπεντεῦθεν ἀπόδοσιν (καὶ) σωμ(α)τικὴν παράδοσι(ν) τοῦ ῥηθησομέ(ν)ου ὀσπητοτοπ(ίου), (καὶ) τ(ῶν) δικαί(ων) αὐτοῦ. τίθημι (καὶ) ποιῶ |[11] ἑκουσί(ως), ἀβι(άσ)τ(ως), ἀμεταμελήτ(ως), (καὶ) οὐκ ἐξ ἀνάγκ(ης) τινό(ς), ἢ βί(ας), ἢ ῥαδιουργί(ας), ἢ χλεύ(ης), ἢ δόλ(ου), ἢ φόβου, ἢ φάκτ(ου) (καὶ) νόμ(ου) ἀγνοί(ας), ἢ αὐθεντ(ι)κ(ῆς) |[12] (καὶ) πρακτορι(κῆς) ἐξουσί(ας), ἢ ἑτέρ(ας) αἰτί(ας), τ(ῶν) τοῖς θεί(οις) νόμ(οις) ἀπηγορευμέ(νων)· συμπροθ(υ)μ(ία) δὲ μᾶλλον (καὶ) μετὰ πολλ(ῆς) μου θελή(σεως) (καὶ) ἀποδοχ(ῆς), πρό(ς) σὲ |[13] τὸν κ(ῦρ) Συμεὼν τὸν Βρανᾶν, (καὶ) πρό(ς) ἅπαν τὸ μέρος σου, καθῶς δηλ[ωθ]ήσ(ε)τ(αι), (καὶ) γὰρ τῇ πολλῇ μου θελήσει (καὶ) ἀρεσκεία, πέπρακα πρὸς σὲ |[14] ἀπεντεῦθ(εν) τὸ προσόν μοι ὀσπητοτόπ(ιον) κ(α)τὰ τὴν δεκαρχ(ίαν) τῆς Πόρτ(ας) τοῦ [καβ]αλλ(α)ρ(ίου), πλη(σίον) ὡς πρό(ς) ἀνατ(ο)λ(ὰς) τ(ῆς) ὁδοῦ· ὡς πρό(ς) ἄρκτου τ(ῆ)ς δημοσί(ας) |[15] ὁδοῦ· ὡς πρό(ς) δυσμ(ᾶς) τοῦ στενοριμίου τ(ῆς) ἐκκλη(σίας) τοῦ τιμίου (καὶ) ζωοπ(οιοῦ) στ(αυ)ροῦ· ὡς πρὸ(ς) νότ(ον) τ(ῆς) γυναικό(ς) Θεοδ(ώ)ρου τοῦ Ὀψαρᾶ ἐκείνου, |[16] (καὶ) περιελθόν μοι ἀπὸ χαριστικ(ῆς) (καὶ) πρά(σεως) ἀπὸ τοῦ ἐξαδέ(λφ)ού μου Λαζάρου τοῦ γνησίου υἱοῦ Ἀνδρέου ἐκείνου τοῦ Μακελ(ά)ρη, κατὰ τὴν περίληψιν |[17] τοῦ δοθέντ(ός) σοι παρ' ἐμοῦ περὶ τούτου δικαιώμ(α)το(ς), μετὰ πάντ(ων) τ(ῶν) δικαί(ων) αὐτοῦ (καὶ) προνομί(ων), (καὶ) ἔλαβον ἀπὸ σοῦ ὑπὲρ τούτου, τὸ ἀναμεταξὺ ἡμ(ῶν) |[18] συμφωνηθ(ὲν) (καὶ) ἀρεσθ(ὲν) τούτου τίμημα, ἤγουν νομίσμ(α)τα ὑπέρπ(υ)ρα ἕνδεκα, ἀπὸ χειρ(ῶν) σου εἰς χεῖρ(ας) μου παρουσία καὶ ἐπόψει τ(ῶν) ἐν τῷδε τῷ |[19] ὕφει ὑπογραψάντ(ων) μαρτ(ύ)ρ(ων), (καὶ) ἐξεθέμεν πρό(ς) σὲ τὴν παροῦσαν καθ(α)ρ(ὰν) (καὶ) φανερ(ὰν) τελείαν ἀπόπρα(σιν)· δι' ἧς (καὶ) ὀφείλ(εις) κατέχειν τὸ τοιοῦτον |[20] ὅλον ὀσπητοτόπ(ιον) μετὰ παντὸς τοῦ μέρους σου τ(ῶν) κληρονόμ(ων) δηλο-

l. 12 lege: σὺν προθυμίᾳ

νότ(ι) (καὶ) διαδόχ(ων) σου, δεσπόζειν τὲ αὐτὸ ἀνεπικωλύτ(ως) ἀπὸ τοῦ παρόντο(ς) |[21] (καὶ) εἰς τοὺς ἑξῆς ἅπαντ(ας) καὶ διηνεκεῖς χρόνους, κατὰ τελείαν (καὶ) ἀναφαίρετον δεσποτ(είαν), λόγ(ω) (καὶ) κυριότ(η)τ(ος), ἔχων αὐτὸ ἐπ' ἐξουσί(αν) πᾶσαν· |[22] ἤγ(ουν) πωλεῖν, δωρεῖσθαι, ἀνταλάττειν, νέμεσθαι, προικοδοτεῖν, εἰς εὐαγοῦς οἴκους ἀφιεροῦν, οἰκεί(οις) κληρονόμ(οις) (καὶ) διαντόχοις |[23] ἀναπέμπειν, (καὶ) πάντ(α) ποιεῖν (καὶ) πράττειν σὺ (καὶ) τὸ μέρο(ς) σου ἐπὶ τῷ τοιούτω ὀσπητοτοπίω, ὅσα τὸ δόξαν σοι ἐστὶ (καὶ) ὅσα ἐφεῖται |[24] τοῖς ἀληθέσι δεσπόταις ἐν τοῖς ἑαυτ(ῶν) διαπράττεσθαι πράγμα(σιν), ὡς τέλειο(ς) δεσπότ(ης) καὶ κύριο(ς), ὡς τὸ κῦρο(ς) (και) τὴν ἐξουσίαν |[25] παρ' ἐμοῦ εἰληφ(ώς,) (καὶ) μὴ ὅλως παρά τ(ι)νο(ς) ἐμποδιζόμε(ν)ος ἢ κωλυόμε(ν)ος ἢ ἐνοχλούμε(ν)ος, οὔτε παρ' ἐμοῦ αὐτοῦ, οὔτε παρὰ τῶν μετ' ἐμοῦ |[26] εὑρεθησομ(έ)ν(ων) μοι γνη(σίων) παίδ(ων), ἢ ἀδε(λφῶν), ἢ θεί(ων), ἢ ἐξαδέ(λφων), ἢ ἀνεψιῶν, ἢ ἐγγόν(ων), ἢ ἀπογόν(ων), ἢ παρ' ἑτέρου τινό(ς) προσώπ(ου) τὸ σύνολον |[27] συγγε(νι)κοῦ τὲ (καὶ) ἐξωτ(ερι)κοῦ μείζονός τε (καὶ) ἐλάττονο(ς). Εἰ δ' ὅπερ οὐχ ἡγοῦμαι φανεῖ τίς ποτὲ τ(ῶν) καιρ(ῶν) ἢ χρόν(ων) ὅλως τὴν οἱανοῦν ζήτησιν |[28] ἢ ἀγωγὴν ποιῆσαι κατὰ σοῦ ἢ κατὰ τοῦ μέρους σου χάριν τοῦ τοιού(του) ὀσπητοτοπ(ίου), (καὶ) τ(ῶν) δικαί(ων) αὐτοῦ, ἐγὼ ὀφείλω ἵστασθαι τοῦ διεκδικᾶν |[29] (καὶ) δεφενδεύειν σὲ τὲ (καὶ) ἅπαν τὸ μέρο(ς) σου (καὶ) ἀζήμιον πάντη (καὶ) ἀνενόχλητον διατηρῶ ἀπὸ παντό(ς) προσώπ(ου), τοῦ ἴσ(ως) κατά τι περὶ τούτου |[30] ἐνοχλύσοντό(ς) σε ἢ τὸ μέρος σου, εἰ δ' ἴσ(ως) τοῦτο οὐ ποιήσω (καὶ) οὐ διαφυλάξω ταῦτα πάντα βέβαια (καὶ) ἀπαράθραυστα· ἀλλὰ καθ' οἷον δή τ(ι)να |[31] τρόπ(ον) καὶ πρόφασιν ἀναβάλλω τοῦ παρόντο(ς) μου πρατ(η)ρ(ίου) ἐγγρά(φ)ου, ἄχρι (καὶ) μιᾶς κεραί(ας) τ(ῶν) ἀναγεγραμμέ(νων), προβαλλόμ(ε)νο(ς) βίαν, ἢ ἀγροικίαν, |[32] ἢ ἀναργ(υ)ρ(ί)αν), ἢ ἑτέραν τινὰ δικαιολο(γίαν) τοῖς νόμοις δεκτὴν ἢ (καὶ) ἄδεκτον; οὐ μό(ν)ον πρό(ς) τὸ μὴ εἰσακούεσθαί με ἐφ' οἷς ἂν (καὶ) ἔχω |[33] λέγειν, ἐκβαλλόμ(ε)νο(ς) δὲ (καὶ) ἀπὸ παντὸς δικαστ(η)ρ(ίου), πρό(ς) δὲ καὶ λόγ(ω) προστ(ί)μ(ου) ζημιωθήσομ(αι) καγὼ (καὶ) τὸ μέρος μου πρό(ς) σὲ (καὶ) τὸ μέρος σου, τὰ ἄνωθεν |[34] δηλούμ(ε)νχ ὑπέρπ(υ)ρα εἰς τ(ὸ) διπλά(σιον) καὶ τὸ κατὰ νόμ(ον) πρό(ς) τ(ὸν) δημό(σιον)· ὡσαύτ(ως) (καὶ) τ(ὰς) ἐξόδ(ους) (καὶ) βελτιώσ(εις) ἅς ἔχεις καταβαλλεῖν ἐπὶ τῷ |[35] τοιούτω ὀσπητοτοπίω, ἐν διπλῇ ποσότ(η)τα πρό(ς) τὸ (καὶ) οὕτ(ως) ἐρρῶσθαι τὸ παρὸν ἔγγρα(φον), τὸ (καὶ) ἑρμηνευθέν μοι παρὰ τοῦ θ(εο)φιλ(ε)στ(ά)τ(ου) κανστρι(σί)ου τ(ῆς) |[36] ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(εως) Δυρραχ(ίου), Δημητρ(ίου) τοῦ Καβασ(ι)λ(ᾶ), καὶ ἀρεσθεὶς προέτρεψα ὑπογραφῆναι παρὰ τ(ῶν) προκληθέντ(ων) μαρτ(ύ)ρ(ων)· τοῦ ὕφ(ους) |[37] γραφέντο(ς) προτροπ(ῇ) ἐμὴ χειρὶ Νικολ(άου) ἀναγνώστου πριμμικ(η)ρ(ίου) τ(ῶν) ἀναγνω(σ)τ(ῶν) τ(ῆς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(εως) Δυρραχ(ίου) (καὶ) ταβουλλ(α)ρ(ίου) τοῦ [Περεγρίν]ου |[38] μη(νὶ) ἰαννουαρ(ίω) ιη, (ἰνδικτιῶνος) δ, ἔτει ,ςψνδ † †

|[39] † Ὁ εὐτε(λὴς) διάκον(ος) (καὶ) κανστρί(σιος) τ(ῆς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(εως) Δυρραχ(ίου) Δημήτρ(ιος) Καβασ(ι)λ(ᾶς) παρὼν καὶ ἑρμ(η)ν(εὺς) γεγονὼς μ(αρτυ)ρῶν ὑπ(έγραψα).

|[40] † Ὁ Ἰωάννης ὁ εὐτελὴς διάκονος (καὶ) τρίτος ὀστιάρ(ι)ος τῆς ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπόλ(ε)ως Δυρραχίου καὶ ταβουλλ(ά)ρ(ι)ος ὁ Χειλᾶς παρὼν καὶ μ(αρτυ)ρ(ῶν) ὑπ(έγραψα) †

---

l. 15 lege: στενορρυμίου
l. 30 lege: ἐνοχλήσοντος
l. 35. lege: ποσότητι

|[41] † Ὁ εὐτελὴς ἀναγνώστ(ης) πρωτοψάλτ(ης) τῆς ἁγιωτάτης μ(ητ)ροπό-λ(ε)ως Δυρραχίου καὶ ταβουλλ(ά)ριος Θεων(ᾶς) παρὼν καὶ μαρτ(υρ)ῶν ὑπ(έγ-ραψα).

|[42] † Ὁ εὐτελὴς ἀναγνώστης τῆς ἁγ(ιω)τ(ά)της μ(ητ)ροπόλ(εως) Δυρραχίου Θεόδωρος ὁ Ῥιγόπ(ου)λο(ς) παρὼν καὶ μαρτ(υ)ρῶν ὑπ(έγραψα).

|[43] † Νι(κο)λά(ος) ὁ εὐτελὴς (καὶ) πριμμι(κ)ήρ(ι)ο(ς) τ(ῶν) ἀναγνω(σ)τ(ῶν) τ(ῆς) ἁγιωτ(ά)τ(ης) μ(ητ)ροπ(ό)λ(εως) Δυρραχ(ίου) καὶ ταβουλλ(ά)ρ(ι)ο(ς) ὁ Περεγρῖνο(ς) ὁ (καὶ) τὸ ὕφος γράψ(ας), συμμ(α)ρ(τυρῶν) (καὶ) αὐτὸ(ς) ὑπ(έ-γραψα) †

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник (Москва).
БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Вазелонские акты — *Успенский Ф. И.* и *Бенешевич В. В.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927. 124+CL р.+11 табл.
ВВ — Византийский временник (Москва).
ВИ — Вопросы истории (Москва).
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины (Ленинград).
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЭ — Государственный Эрмитаж (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (С.-Петербург).
ЗРВИ — Зборник радова Византолошког института (Белград).
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
Купчая 1246 г. из Диррахия — см. настоящее издание, приложение 2, с. 229—235.
ПС — Палестинский сборник (Ленинград).

AAASH — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest).
Actes de Chilandar — Actes de Chilandar (=Actes de l'Athos, V) / Ed. L. Petit et B. Korablev. СПб., 1911. (Приложение № 1 к XVII тому ВВ). 368 с.
Actes de Dannoso — *Guillou A*. Saint-Nicolas de Dannoso (=Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 1). Città del Vaticano, 1967.
Actes de Dionysiou — Actes de Dionysiou (=Archives de l'Athos, IV) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1968. 250 p.+album de XLV pl.
Actes de Docheiariou — Actes de Docheiariou (=Archives de l'Athos, XIII) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1984. 397 p.+album de LXXVII pl.
Actes d'Esphigménou — Actes d'Esphigménou (=Archives de l'Athos, VI) / Ed. dipl. J. Lefort. Paris, 1973. 250 p.+album de XL pl.
Actes d'Iviron — Actes d'Iviron (=Archives de l'Athos, XIV) / Ed. dipl. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, avec la collaboration d'H. Métrévéli. Paris, 1985. T. 1. 318 p.+album de LXIV pl.
Actes de Kastamonitou — Actes de Kastamonitou (=Archives de l'Athos, IX) / Ed. dipl. N. Oikonomidès. Paris, 1978. 128 p.+XVI pl.
Actes de Kutlumus — Actes de Kutlumus (=Archives de l'Athos, II²) / Ed. dipl. P. Lemerle. Paris, 1988². 478 p.+album de LXXVI pl.
Actes de Lavra — Actes de Lavra (=Archives de l'Athos, V, VIII, X, XI) / Ed. dipl. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Paris. 1970. T. 1. 447 p.+album de LXXX pl.; 1977. T. 2. 316 p.+album de LXXII pl.; 1979. T. 3. 230 p.+album de LXII pl.; 1982. T. 4 (avec la collaboration de S. Ćircović). 413 p.+XVI pl.
Actes du Pantocrator — Actes du Pantocrator (=Actes de l'Athos, II) / Ed. L. Petit // ВВ. 1903 (Приложение № 2). 77 с.

Actes de Philotheou — Actes de Philothée (= Actes de l'Athos, VI) / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // BB. 1913. T. 20 (Приложение № 1); *Kravari V.* Nouveaux documents du monastère de Philothéou // TM. 1987. 10. P. 261—356+XIII pl.
Actes du Prôtaton — Actes du Prôtaton (=Archives de l'Athos, VII) / Ed. dipl. D. Papachryssanthou. Paris, 1975. 320 p.+album de XL pl.
Actes de Saint-Pantéléèmôn — Actes de Saint-Pantéléèmôn (=Archives de l'Athos, XII) / Ed. dipl. P. Lemerle, G. Dagron et S. Ćirković. Paris, 1982. 238 p.+ album de LVI pl.
Actes de S. Maria di Messina — *A. Guillou.* Actes de S. Maria di Messina: Enquête sur les populations grecques d'Italie du Sud et de Sicile (XIe—XIVe ss.). Palermo, 1963.
Actes de Xénophon — Actes de Xénophon (=Archives de l'Athos, XV) / Ed. dipl. D. Papachryssanthou. Paris, 1986. 298 p.+album de LX pl.
Actes de Xéropotamou — Actes de Xéropotamou (=Archives de l'Athos, III) / Ed. dipl. J. Bompaire. Paris, 1964. 293 p.+album de LIV pl.
Actes de Zographou — Actes de Zographou (=Actes de l'Athos, IV) / Ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev // BB. 1907. T. 13 (Приложение № 1). 213 c.
B. — Basilicorum libri LX. Ser. A. Textus / Ed. H. J. Scheltema, N. van der Wal, D. Holwerda. Groningen, 1953 sq. (lib. 1—59); G. E. et C. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833 sq. (lib. 60).
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique.
BNJ — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher.
B. S. — Basilicorum libri LX. Ser. B. Scholia / Ed. H. J. Scheltema, D. Holwerda. Groningen, 1953 sq.
Byz. — Byzantion (Bruxelles).
BZ — Byzantinische Zeitschrift (München).
C. — Codex Iustinianus (=C. I. C., vol. 2) / Ed. P. Krüger. Berolini, 1959.
C. I. C. — Corpus Iuris Civilis / Ed. Th. Mommsen, P. Krüger, R. Schöll, G. Kroll. Berolini, 1954—1959. Vol. 1—3.
C. Th. — Codex Theodosianus / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. Berolini. 1954.
D. — Digesta (=C. I. C., vol. 1) / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1954.
E. — Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt-am-Main. 1983.
Ecl. B. — Ecloga Basilicorum / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt am Main. 1988.
EEBS — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.
Eis. — Epanagoge (corrigendum: Eisagoge) Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1892.
EKEIED — Ἐπετηρὶς τοῦ Κέντρου ἐρεύνης τῆς ἱστορίας τοῦ ἑλληνικοῦ δικαίου τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν.
Ep. A. — Epanagoge aucta / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal.
EPA — Ecloga privata aucta.
Epit. — Epitome legum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Berolini, 1884.
Ferrari. Formulari — *Ferrari G.* Formulari notarili inediti dell' età bizantina. Roma, 1912. 88 p.
FM — Fontes Minores (Frankfurt am Main).
Hexabiblos — Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον Νόμων ἢ Ἑξάβιβλος / Ἐπ. Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθήνα, 1971.
Hunger. Zwei Urkunden — *Hunger H.* Zwei byzantinische Urkunden des späten Palaiologenzeit aus der Österreichischen Nationalbibliothek // Hunger H. Byzantinische Grundlagenforschung. London, 1973. Art. VI.
HZ — Historische Zeitschrift.
IGR (Zach.) — Ius graeco-romanum, I—VII / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1884.
IGR (Zep.) — Ius graeco-romanum (I—VIII) / Ed. J. Zepos, P. Zepos. Aalen, 1962.
L. V. — Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer. Hannover; Leipzig, 1902.
MM — *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1890. Vol. 1—6.

N. — Novelle (=C. I. C., vol. 3) / Ed. R. Schöll, G. Kroll. Berolini, 1959.
NDI — Novissimo digesto italiano.
OChA — Orientalia Christiana Analecta.
Peira — Peira / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856.
Proch. — Prochiron imperatorum Basilii, Constantini et Leonis / Ed. C. E. Zachariae. Heidelbergae. 1837.
PWRE — Paulys Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft, neue Bearb. von G. Wissowa.
REB — Revue des Études byzantines (Paris).
RESEE — Revue des études sud-est européennes (Bucharest).
RH — Revue historique (Paris).
RHDFE — Revue historique du droit français et étranger (Paris).
RJ — Rechtshistorisches Journal (Frankfurt am Main).
RSBS — Rivista di studi bizantini e slavi (Bologna)
Sathas. Τόποι — *Sathas C. H.* Τύποι βυζαντινῶν συμβολαίων // Sathas C. H. Bibliotheca graeca. 1877. Vol. 6. P. 607—640.
SBNE — Studi bizantini e neoellenici.
Schreiner. Zwei Urkunden — *Schreiner P.* Zwei Urkunden aus der Feder des Theodoros Meliteniotes (1387—88) // OChA. 1977. Vol. 204. P. 187—199.
Simon. Kaufformular — *Simon D.* Ein spätbyzantinisches Kaufformular // Flores legum, H. J. Scheltema antecessori groningano oblati. Groningen, 1971. P. 155—181.
Simon, Troianos. Geschäftsformulare — *Simon D.* und *Troianos S.* Dreizehn Geschäftsformulare // FM. 1977. Vol. 2. P. 262—295.
SM — Synopsis Minor / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856.
SMB — Synopsis Maior Basilicorum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1869.
Syllabus — *Trinchera Fr.* Syllabus graecarum membranarum. Neapoli, 1865.
TM — Travaux et mémoires du Centre de recherches d'histoire et civilisation de Byzance (Paris).
Weiss. Dialysisformulare — *Weiss G.* Kitantza: Zwei spätbyzantinische Dialysisformulare // FM. 1976. Vol. 1. P. 175—186.
ZSSRA — Zeitschrift des Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ

УКАЗАТЕЛЬ АКТОВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Acta

Formulari

Papyri

Fontes juridici

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЦОВ И НОТАРИЕВ

УКАЗАТЕЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ МЕДВЕДЕВ

ОЧЕРКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

(частноправовой акт)

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института
истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. К. Паэгле*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Т. М. Гейдур* и *С. И. Семиглазова*

ИБ № 33355

Сдано в набор 09.02.88. Подписано к печати 17.11.88.
М-42136. Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16.50.
Усл. кр.-от. 16.75. Уч.-изд. л. 21.35. Тираж 2800.
Тип. зак. № 117. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.